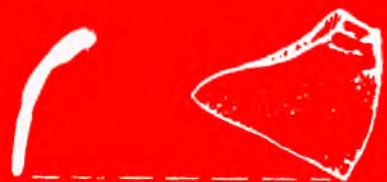

И.Л. МАЯК

РИМ ПЕРВЫХ ЦАРЕЙ

ГЕНЕЗИС
РИМСКОГО
ПОЛИСА

ТИПЫ НАХОДОК

КАРТА МИКЕНСКОГО
И ЭГЕЙСКОГО ИМПОРТА
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
ВТОРОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
ДО Н. Э.

1. Сан-Джовенале
2. Луни суль Миньоне
3. Монте Ровелло
4. Вивара
5. Искья
6. Панареа
7. Липари
8. Тапсос
9. Матренса
10. Панталика
11. Скольо дель Тонно
12. Порто Пероне
13. Торре Кастеллучча
14. Коппа Невигата

● керамика
★ бронза
■ железо | изделия

И.Л. Маяк

РИМ ПЕРВЫХ ЦАРЕЙ

ГЕНЕЗИС
РИМСКОГО
ПОЛИСА

Издательство
Московского
университета
1983

Печатается
по постановлению
Редакционно-
издательского совета
Московского
университета

Рецензенты
профессор
В. И. КУЗИЩИН
доктор
исторических наук
Г. А. КОШЕЛЕНКО

Маяк И. Л. Рим первых царей (Генезис римского полуса). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 272 с.

В монографии рассматривается происхождение Рима. Анализ сочинений античных авторов, новейших археологических и лингвистических данных позволил представить время, считавшееся ранее легендарным, как подлинную историю.

В книге воспроизводятся предания о происхождении Рима, о правлении первых царей — Ромула и Нумы, воссоздается облик римского поселения, рассматриваются социальные отношения, аграрные отношения, система управления, религиозные культы и жреческие коллегии, контакты первых римлян с народами Балканского полуострова и Малой Азии.

Для специалистов-историков и филологов, аспирантов и студентов, а также читателей, интересующихся античностью.

© Издательство
Московского
университета,
1983 г.

М 0504010000—029 28—83
077(02)—83

Данная работа посвящена исследованию Рима в начале царской эпохи. Она открывается вводной главой, включающей обзор научной литературы и использованных источников. Оба обзора написаны с таким расчетом, чтобы дать общее представление, потому что исследованию каждого из вопросов, которые служат содержанием последующих глав, предпосылается соответствующий очерк. В нем дается анализ состояния изученности темы, а также источников, непосредственно к ней относящихся. Именно поэтому в той части первой главы, которая посвящена научной литературе, мы старались сосредоточиться на главных направлениях в историографии проблемы, не стремясь рассмотреть все, даже полезные с точки зрения наших интересов труды, если они касались более частных вопросов. То же самое относится и к разбору источников. В первой главе мы стремились охарактеризовать в первую очередь источники по их видам и типам, отмечая главные черты и специфику в применении к работе над избранной проблемой.

В работе, естественно, часто упоминается Ромул, Ромулов Рим, ромулово время. У нас нет оснований считать Ромула вполне исторической личностью, реальным персонажем. Но мы опускаем, говоря о нем, эпитет «легендарный» не случайно. И дело не в том, что его пришлось бы повторять слишком часто, а в том, что в личность Ромула вкладывается определенный смысл. Не вдаваясь здесь в характер имени основателя Рима, чему посвящены специальные страницы настоящей работы, заметим лишь, что в нем слились воспоминания не об одном, а, вероятно, о нескольких людях, что его деяния явили собой некий итог их деятельности. Кроме того, разумеется, ему были приписаны действия последующих, в том числе вполне реальных царей, точные представления о которых за давностью стерлись. В Ромуле можно видеть символ определенных явлений, за его именем стоят действительные

исторические факты и процессы, события, связанные с целой плеядой живших в конце IX — начале VIII в. до н. э. вождей.

С именем Ромула все определеннее связывают сейчас хронологический аспект — начала римской истории именно раннего железного века. Это необходимо оговорить, поскольку хронологические рамки древнейшей истории Рима значительно расширились. Так называемая «римская вилланова» перестала считаться первым поселением на месте вечного города. В настоящее время с помощью археологии доказано обитание людей на притибрских холмах по крайней мере с середины II тыс. до н. э. Не считаться с этим обстоятельством нельзя. Но оно понуждает нас к уточнению терминологии. В многовековой истории Древнего Рима следует выделить древнейшую стадию, конечным рубежом которой является начало царской эпохи. II тысячелетие — это только еще истоки Рима. Сам Рим, персонифицированный в фигуре Ромула, начинается в эпоху раннего железного века; эта стадия обретает воплощение и в более реальной личности Нумы.

Время правления этих двух царей — важный рубеж и потому, что история здесь выходит за рамки лишь угадываемых направлений развития, т. е. становится подлинной историей, и потому, что в это время отчетливо обозначаются процессы, ведущие Рим от первобытности к архаическому государству. Именно на заре царской эпохи высвечиваются те явления, которые сопровождают процесс формирования Римского государства; именно в правление первых царей выявляются общественные формы, сопутствующие становлению Римского государства и проливающие свет на генезис римского полиса. Выяснение этих процессов и является целью настоящей работы.

§ 1
СОСТОЯНИЕ
ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Глава I

ЛИТЕРАТУРА
И ИСТОЧНИКИ

Древнейшему периоду римской истории посвящено немало работ. В изучении древнейшего Рима существует давняя традиция. Говоря о ней, невозможно не назвать имени Б. Г. Нибура¹, основоположника критического метода в истории. В соответствии с имевшимися тогда источниками Нибур основывался в изучении Рима на античной традиции, в которой видел достоверное зерно. Это было безусловным достижением историографии античной истории начала XIX в., выступлением против ограниченности рационалистического метода французской науки, нашедшего своего наиболее яркого и решительного представителя в лице Луи де Бюфора². По справедливому мнению Нибура, анналистическая традиция учитывала устное поэтическое творчество древних римлян. Правда, увлеченный такой идеей, Нибур излишне расширил его диапазон, домыслив существование в Риме героических песен, наподобие греческих. Такого величественного эпоса у римлян не обнаружено, однако в наличии родовых преданий вряд ли следует сомневаться³. И это обстоятельство предопределяет наше положительное отношение к представлению Нибура о многих персонажах, фигурирующих в античной традиции, как о реальных действующих лицах древнейшей римской истории. Тонкая интуиция исследователя, основанная на огромной эрудиции, позволила Нибуру считать историческими личностями Тарквиниев, что было впоследствии подтверждено археологически, а также Горациев и

¹ Niebuhr B. G. *Römische Geschichte*. Berlin, 1853.

² Историография античной истории. Под ред. В. И. Кузицина. М., 1980, с. 40; Немировский А. И. Историография античности. Воронеж, 1974, с. 8.

³ См.: Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. Спб., 1888, с. 55—56.

Куриациев, сага о которых была впоследствии истолкована как свидетельство реальных социальных феноменов примитивного Рима.

Вместе с тем Нибур использовал метод аналогий, с помощью которого сумел разглядеть в древнем римском обществе родовую организацию. И хотя ученый считал римские роды искусственно созданными, акцент в оценке его вклада в исследование Рима следует ставить не на этом его утверждении, а именно на признании им родового устройства как основы древнейшего общества на притибрских холмах. Этот вывод Нибура был принят Т. Моммзеном⁴, а затем отмечен Ф. Энгельсом⁵ и вошел в современную науку. Принципиальное значение придается ему в советской историографии. Основываясь на методе аналогий, Нибур высказал свое суждение и о царской власти в Риме. Он сравнивает римских царей с гомеровскими басилеями и считает их не монархами, самодержцами, а скорее должностными лицами. Нибуру принадлежит также тезис о первоначальной равнозначности понятий «римский народ» и «патриции», тоже получивший признание в советской науке. Меньшее влияние оказало на последующих историков важное наблюдение Нибура, касающееся этнического состава раннего Рима, в котором он видел не только италиков, т. е. латинов и сабинов, но и предшествующее им население — пеласгов, тирренов.

Начало отхода от этого представления было положено Т. Моммзеном, который решительно объявил римлян латинами с незначительным вкраплением сабинов. Однако значение трудов Моммзена в изучении раннего Рима, конечно, не в этом. Он дал в своей «Истории Рима» целостный очерк царского периода на фоне этнической и социальной истории ранней Италии в ее противоречии с греческой, в противоречии, обусловленном, по его мнению, духовным различием эллинов и италиков.

Но отсутствие археологической базы исследования, а также ограниченность буржуазного мировоззрения, проявившегося в «индогерманских» воззрениях и идеалистическом объяснении исторического процесса, не позволили этому гиганту буржуазной историографии верно трактовать социальную структуру и характер ранней римской общины, а также специально выделить начальный этап развития царского Рима.

Последующее изучение древнейшего Рима шло в русле критики античной традиции. Ближайшие ученики и последователи Нибура придерживались его принципа критицизма и дали блестящие образцы его применения. Труды античных авторов скрупулезно исследовались на протяжении всего XIX в. Анализировался каждый эпизод, каждая версия и даже фраза. Исключительно целеустремленно критиковался Ливий как автор наиболее целостной картины римского общества на длительном пути его развития, начиная с древнейших времен. В процессе изучения античной, прежде всего ливианской традиции, оттачивалось критическое перо. Особенное недоверие вызывали рассказы

⁴ См.: Моммзен Т. История Рима, т. I. М., 1936, с. 36.

⁵ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169.

о ранних ступенях развития Италии и Рима. В результате к началу XX в. усилиями историков вся царская эпоха была отнесена к разряду легендарной истории. Этот стереотип характеризует не только зарубежную, но и отечественную историографию. Следствием таких обстоятельств явилось определенное перемещение интереса ученых в области римской истории в сторону Республики, в том числе и ранней, в пределах которой пытались уловить элементы истинных фактов и событий.

Логическим завершением нарастания критики традиции в антиковедении был гиперкритицизм, нашедший наиболее яркое проявление в научном творчестве итальянского исследователя Этторе Пайса⁶. Разумеется, историческая наука не могла быть совсем обособленной от других сфер идеологической жизни. Поэтому и гиперкритику нельзя считать только результатом внутреннего развития исторической науки и специфических методов исследования. Гиперкритицизм, как нам представляется, явился отражением агностических воззрений, распространившихся в период перехода капитализма в монополистическую стадию, как бы их проекцией на область историографии.

Однако господство гиперкритических представлений в буржуазной науке не могло быть вечным. Отходу от них способствовало накопление положительных знаний. Конец XIX и начало XX в. были ознаменованы плодотворными раскопками на территории собственно Рима. Джакомо Бони обследовал римский Форум, Вальери — Палатин; Рим и его окрестности изучал Пинца. Благодаря этим раскопкам была выявлена культура раннего железного века на территории Рима. Богатый археологический материал не только пробуждал интерес к ранней стадии римской истории, но и заставлял соотносить материальные остатки древнейшей эпохи с рассказами о ней античных авторов. Так было поколеблено мнение об абсолютной легендарности античной традиции о раннем Риме. И сам Э. Пайс в своей «Критической истории Рима»⁷ занялся выяснением корней римских саг, показав увлекательный пример восстановления географических и этнографических реалий, считавшихся безнадежно утраченными для познания далеких эпох.

История формирования города привлекала внимание ученых со времени Нибура. Была выделена первая фаза, совпадавшая с поселком на Палатине, который в соответствии с традицией считался первоначальным ядром Рима, или Квадратным Римом (*Roma Quadrata*), ограниченным Ромуловым померием. Археологическое обследование территории Рима выдвинуло проблему римской топографии. Сведения древних о первичных поселениях на холмах Палатине и Квиринале получили материальное подтверждение. Однако в зоне первичного обитания благодаря раскопкам оказался и Эсквилин. Эсквилинские ранние памятники направили мысль ученых на отрицание традиции о приоритете Палатинского поселка перед другими и о его значении

⁶ Pais E. *Storia di Roma*, v. I. Torino, 1898; Хвостов В. М. Новый труд по критике римской традиции. М., 1902.

⁷ Pais E. *Storia critica di Roma durante i primi cinque secoli*. Roma, 1913—1920.

как объединительного центра. С работ Пинцы образование города стали видеть в синойкизме сосуществовавших разрозненных поселков на римских холмах.

Восстановление римской топографии в сопоставлении с известиями древних авторов о возникновении Рима как города выводили историческую науку на осмысление терминов, приложимых древними к характеристике раннего Рима. В работе Е. Корнеманна⁸ был поставлен вопрос о соотношении понятий «полис» и «урбс». По нашему мнению, он полностью не решен, поскольку еще требует специального рассмотрения содержание термина «полис» в применении к Риму. Вместе с тем Корнеманн фактически выдвинул проблему становления Рима как города, которому предшествовали паги (pagi) и бурги (oppida).

Таким образом, в первые десятилетия нашего века благодаря введению в научный оборот новых археологических материалов были расширены знания о ранней ступени истории Рима, т. е. Рима начала железного века, главным образом в отношении очертаний города, расположения его поселений и некрополей, а также материальной культуры, представленной в погребениях. Знакомство с обрядом погребений и погребальным инвентарем вместе с тем оживило интерес к этнической характеристике раннего Рима. Были высказаны соображения, что разница типов захоронений обуславливалась различной этнической принадлежностью погребенных (Ф. фон Дун⁹). Нужно отметить также, что в указанный период римские материалы рассматривались еще без необходимых сопоставлений с общелатинскими.

В период между мировыми войнами, особенно в 20-е и 30-е годы, по всему Апеннинскому полуострову проводились археологические изыскания. Это подготовило почву для рассмотрения собственно римских памятников материальной культуры не только в общелатинском, но и в общелатинском контексте. Значительное развитие в этот период этрускологии позволило окончательно выделить в пределах царского Рима этап этрусских правителей как личностей исторических. Продолжение раскопок на римском Форуме в районе храма Весты дало возможность пробить первую брешь в представлениях о доэтрусской фазе царского периода в Риме как полностью легендарной. Благодаря находкам А. Бартоли, которые, правда, были интерпретированы им уже позже, в 1961 г., создались реальные условия, чтобы позднее в ранг исторических личностей был возведен Нума Помпилий. Обзор итогов археологических работ этого времени в центре Рима был сделан Джузеппе Лульи¹⁰ в 1946 г.

Существенное значение имели и лингвистические исследования. В италийской, прежде всего латинской, лексике был обнаружен большой круг грамматических форм и имен собственных, особенно топонимов, принадлежащих доиталийскому населению, автохтонам Италии. В силу господствовавшей в Италии фашистской доктрины достижения лингвистики толковались расширительно и служили развитию теории

⁸ Kornemann E. Polis und Urbs. — Klio, 1905, Bd 5.

⁹ Duhn Fr. von. Italische Gräberkunde, T. I. Heidelberg, 1924.

¹⁰ Lugli G. Roma antica il centro monumentale. Roma, 1946.

автохтонизма, искажавшей реальную картину истории и прежде всего этнических и культурных процессов в древнейшей Италии. Наиболее видным выразителем автохтонизма был Дж. Серджи¹¹. Работа этого исследователя наряду с неоправданным преувеличением роли доиталийского этнолингвистического субстрата привлекла внимание к доиндоевропейскому населению Апеннинского полуострова, о котором после Нибура почти не писали. Лишь фундаментальный труд В. И. Модестова¹², не потерявший значение и до настоящего времени, составил контраст нараставшему в европейской науке потоку индогерманизма, буквально потопившему в межвоенное время всякие воспоминания о культурном значении доиндоевропейских элементов в древнейшей Италии.

Отражением противоречивого и трудного пути развития итальянской науки в области романистики, выдвигавшейся благодаря обладанию массой вновь найденных археологических и эпиграфических источников на передний план европейской буржуазной историографии, было творчество П. Дукати¹³. Его книга «Как возник Рим» с точки зрения интересующей нас проблемы представляет собой наиболее значительное явление буржуазной исторической науки. В ней не только преодолены крайности как автохтонизма, так и индогерманизма, но и осуществлен фактический отход от гиперкритического отношения к античной традиции. Особенно следует отметить исследовательскую манеру Дукати, состоявшую в «наложении» данных традиции на добытый археологический материал для определения последовательности этнокультурных напластований в доримской Италии. Эту методику мы считаем чрезвычайно плодотворной. В книге Дукати прослеживается социально-политическая и культурная история царского Рима, включая время первых царей. Несмотря на богатство ее содержания, она, однако, оставляет открытыми многие важнейшие вопросы, прежде всего социального строя древнейшего Рима.

В послевоенное время вышло много литературы, посвященной специально царскому периоду, в том числе проблеме происхождения Рима, зачастую даже под одинаковым или почти одинаковым названием — «происхождение» или «возникновение» Рима. Это закономерное явление, связанное в первую очередь с двумя обстоятельствами: 1) постоянным расширением количества источников, особенно в результате археологических раскопок и анализа лингвистических материалов; 2) переоценкой античной традиции, основанной на изучении новых данных этих источников.

В 1960 г. в Италии вышел сборник, посвященный столетию открытия культуры виллановы¹⁴. В его создании приняли участие ученые Италии, ФРГ и Швеции. В нем был подведен итог огромной археологической работе по изучению всей доримской Италии, в том числе и

¹¹ Sergi G. *Da Alba Longa a Roma*. Torino, 1934.

¹² См.: Модестов В. И. *Введение в римскую историю*, ч. I. Спб., 1902.

¹³ Ducati P. *Come nacque Roma*. Roma, 1939.

¹⁴ *Civiltà del ferro. Documenti e studi pubblicati per cura della Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna*, v. VI. Bologna, 1960.

Лация, неотделимой частью которого является Рим. Сборник проникнут идеей (особенно подчеркнутой в статьях Л. Лауренци и П. Лавиозы Замботти) об исключительной значимости периода раннего железа для истории всей Западной Европы и Италии. Однако развитие культуры на Апеннинском полуострове, по мысли авторов, тесно связано со Средиземноморьем и обязано вкладу различных этнических элементов, появление которых в Италии можно фиксировать достаточно точно с III тыс. до н. э. Между фазами террамарской и апеннинской культур бронзового века и виллановой была четко выделена в приморских районах, как на Адриатике, так и на Тирренском побережье Италии, культура протовиллановы, которую заметил еще Патрони. Она характеризуется кремациями, использованием биконических оссуариев, декорированных насечкой, квадратными бритвами, килевидными сосудами из глины импасто и связывается с притоком этнических волн с востока, т. е. из северо-балканского района. Датируется протовилланова 1200—1000 гг. до н. э., а вилланова в Этрурии, близкой Риму, — 1000—800 гг. до н. э. Это вносит уточнение в хронологию Рима эпохи раннего железа.

На основе изучения культур этого времени в разных районах и их связи был намечен путь разных этнических волн по Италии, что служило продвижению наших знаний и о римском этногенезе. В статье Р. Перони в этом сборнике обосновывается с помощью анализа нового материала погребений на римском Форуме, Палатине, Эсквiline и форуме Августа хронологический приоритет ряда могил с кремациями перед могилами с ингумациями на Форуме. Ученые считают последние принадлежащими сабинам.

Решающее значение имели результаты раскопок, проводившихся на территории Рима главой шведской школы археологов-античников Э. Гьёрстадом на римском Форуме и Бычьем рынке и итальянскими археологами (Кареттони, Пульизи, Торелли и др.) на Палатине, которые продолжают и по сей день под руководством П. Романелли. Публикации находок начались уже с 50-х годов. Их материалы влияли на отношение к сообщениям античных авторов о царском периоде, а также вызвали к жизни проблему датировки селений на территории Рима.

Углубившиеся лингвистические исследования действовали в том же направлении. Эти тенденции явственно проступили в творчестве Роберто Парибени¹⁵; первый том его «Истории Рима» посвящен царскому периоду, который излагается с существенными замечаниями о достоверности римской традиции.

Одним из первых, кто ясно выразил новый источниковедческий принцип, был М. Паллотино¹⁶, ныне крупнейший авторитет в области древнейшей истории Рима, этрускологии и итальянской археологии. В своей статье «Первоначальный Рим» он объявил, что археологические находки подтверждают правильность сообщений традиции об

¹⁵ Paribeni R. Storia di Roma, v. I. Le origini e il periodo regio. Bologna, 1954.

¹⁶ Pallotino M. La prima Roma.—SR, 1957, N 3, p. 256—268.

архаическом Риме как для периода этрусского господства, так и для более раннего времени. Рождение Рима, по его мнению, шло в русле прогресса, общего для всего Тирренского побережья Италии в VIII—VII вв. до н. э., состоявшего в синойклизме разрозненных деревень в единый организм, аналогичный греческим полисам, созданным греками-колонистами. Блеск урбанизации был достигнут Римом при этрусках. Но латинский характер языка римлян, согласно Паллотино, доказывает ложность современных теорий, приписывающих этрускам первое урбанистическое образование на притибрских холмах. Эта небольшая статья имеет принципиальное значение. Она открыла целую серию работ как ее автора, так и других историков, рассматривавших происхождение Рима под углом зрения складывания городского центра как выражения «вышей цивилизации» и появления «исторических наций». Паллотино вместе с тем разграничил понятия «урбанизация» и «цивилизация», что получило развитие в его последующих работах.

Основываясь на вновь открытых источниках, критически используя, но не отвергая традицию, строит свои исследования П. Де Франчиши¹⁷. В докладе на X Международном конгрессе исторических наук (1955) он выдвигает проблему социальной и политической характеристики архаической римской общины, которую он развивает особенно тщательно в монографии «Первоначала Рима»¹⁸.

В 50-х годах на том же источниковедческом принципе, исходя из материалистического понимания истории, развертывает свою научную деятельность Ф. Де Мартино, видный деятель Социалистической партии Италии. Кумуляция его взглядов на ранний Рим содержится в I томе его четырехтомного труда «История римской конституции»¹⁹. В нем рассматривается не только система римского права или государственных учреждений, но и их генезис в условиях существования и развития гентильной организации и образования государства.

Ссылаясь на положения, выдвинутые Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Ф. Де Мартино отрицает патриархальную теорию и рассматривает историю складывания римской государственности в связи с социально-экономической структурой Рима. Он обращает внимание на характер территориальных единиц у италиков, отмечая разницу между *pagus* и *oppida*, с одной стороны, а также *oppida*, *urbs*, *polis* — с другой. Подчеркивая, что государство является продуктом исторического развития, ученый считает, что возникавшие объединения с центром в латинских *oppida* не знали государства, как и первоначальное объединение *gentes* на территории Рима не было общиной государственного характера, и их селение не было еще *civitas*.

Эволюция Рима к установлению государственных начал произошла, по мнению ученого, под влиянием этрусков. Пути исторического

¹⁷ De Francisci P. La comunità sociale e politica romana primitiva.— In: Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, v. II. Firenze, 1955, p. 61—166.

¹⁸ De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959.

¹⁹ De Martino F. Storia della costituzione romana, v. I. Napoli, 1958, p. 34—74.

развития римлян и италиков, таким образом, разошлись. Этруски создали *civitas*, которую Де Мартино идентифицирует практически с полисом. *Civitas* победила партикуляризм гентильных групп. Италики же оказались лишь на уровне *pagus* и *tribus*, поскольку природные и исторические условия, в которых они находились, не дали экономических возможностей для образования у них полиса. Де Мартино делает принципиально важное замечание, что государство в Риме, сложившееся в эпоху этрусской монархии, было ознаменовано созданием города со стенами и храмами и объединением *gentes* в гражданскую общину. Иными словами, Де Мартино отметил разницу между городом как огороженным местом и как государством. Вместе с тем раннее Римское государство он назвал гражданской общиной. Очевидно, что он понимал под общиной разные организмы как догосударственного, так и государственного характера.

В работах Де Франчиши и Де Мартино по сути дела был четко поставлен вопрос о формировании Рима не как города, а как общины.

Преодоление гиперкритического отношения к античной традиции получило освещение в двух работах, как бы подводящих итоги этой тенденции в новейшей историографии. В 1963 г. вышел из печати «Предварительный доклад о происхождении Рима» А. Момильяно²⁰, заявившего, что на основе сопоставления данных разных источников можно говорить о том, что литературная традиция при всей ее сомнительности может служить нашим гидом в познании раннего Рима. Сообщения древних, по его мнению, могут верно осветить «конституционное, политическое и территориальное развитие Рима от основания *urbs* до конца монархии».

Детально рассматривая археологические данные, Р. Блок в книге «Тит Ливий и первые века Рима»²¹ (1965) уделил специальное внимание ливийской традиции. Блок подчеркивает, что сообщение Ливия о Ромуловом поселении на Палатине получает новое подтверждение в археологическом обследовании Гермала, результаты которого опубликованы С. Пульизи, П. Романелли и другими в 1951 г. В северо-западном углу Палатина в туфовом грунте были обнаружены углубления, соответствующие основаниям стоявших здесь некогда хижин, форма их повторяется в погребальных урнах VIII в. до н. э. самого Рима, района Альбанских гор и Южной Этрурии. Эти хижины, по словам Блока, «подводят основание под легенду о Ромуле, точнее говоря, фундируют легенду об основании Рима в указанное время». Из сообщений традиции следует, что превращение Рима в город в собственном смысле этого слова произошло при этрусских царях, т. е. в VI в. до н. э. Р. Блок находит новое доказательство верности этой датировки в материалах раскопок, осуществленных Гьёрстадом в середине 50-х годов. Именно к началу VI в. до н. э. относится процесс исчезновения хижин на месте будущего Форума, который тогда же впервые замощивается.

²⁰ Momigliano A. An interim Report of the Origins of Rome.—JRS, 1963, v. LIII, pars I, II, p. 95—121.

²¹ Bloch R. *Tite Live et les premiers siècles de Rome*. Paris, 1965.

Ливийская традиция, согласно Блоку, содержит сведения, позволяющие полагать, что первоначальный Рим состоял из разнородных по своей этнической принадлежности поселков и что его древнейшими жителями были латины и сабины. Достоверность этого сообщения составляет предмет давнего спора. Отталкиваясь от разнохарактерности погребальных обрядов могил Форума, а также от вывода Гьёрстада о возникновении Рима путем слияния отдельных поселков, а не посредством расширения единого ядра (что доказывал еще Пинца), Р. Блок высказывает мнение о достоверности упомянутых сообщений Ливия. Из рассказа Ливия следует, что с утверждением этрусской династии Рим превратился в процветающий, богатый город. Археологическое изучение Рима выявило остатки массивной городской стены, мощеная Форума, следы храма Юпитера на Капитолии. Р. Блок правомерно расценивает эти археологические данные как подкрепление ливийской традиции.

Характерной чертой в изучении древнейшего Рима в 50-е и особенно 60-е годы явилось внимание к хронологическому аспекту проблемы. В значительной мере это стимулировалось интерпретацией Э. Гьёрстадом данных, добытых при раскопках на римском Форуме, а также опубликованных им материалов из коллекции Нардони, которые составили уже несколько томов²². Их истолкование изложено в нескольких работах Гьёрстада, особенно значительными из которых являются книга «Легенды и факты древней Римской истории»²³ и статья «Внутриполитическая и военная организация в раннеримское время»²⁴ во II томе многотомного издания «Подъем и закат Римского мира» (1972), посвященного И. Фогту.

Гьёрстад выделяет две основные фазы в истории архаического Рима: первая соответствует поселениям энеолитического и бронзового века, вторая — раннего железного века. Обе фазы определяются как догородская эпоха. Последняя фаза, по его мнению, начинается между 1000—800 гг. до н. э. и делится на четыре периода: I. 800—750; II. 750—700; III. 700—625; IV. 625—575. Эта периодизация основывается Гьёрстадом на стратиграфических исследованиях преимущественно в районе *equus Domitiani* на Форуме, где им обнаружено 29 слоев, из которых слои 20—22 он отнес к царскому времени, а 23—29 — к примитивным поселениям, более ранним, чем царский Рим.

В начале железного века, по Гьёрстаду, появляются деревни на высотах Палатина, Эсквилина, Квиринала и, может быть, Целия, с погребениями в долинах. I и II периоды — это время изолированных поселков. В III период селение Палатина распространилось на более возвышенную, прилегающую к нему часть Форума, продолжая хоронить здесь только маленьких детей. В IV период происходит синойклизм селений деревенского типа. Только за пределами этого периода, т. е.

²² Gjerstad E. Early Rome, v. I—IV. Lund, 1953, 1956, 1963, 1965.

²³ Gjerstad E. Legends and facts of Early Roman history. Lund, 1962.

²⁴ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organization in frühromischer Zeit.— ANRW, Bd I, T. 1, S. 136—188.

около 575 г. до н. э. хижины начинают заменяться домами на туфовом фундаменте. По мысли Гьёрстада, появление такой «развитой» архитектуры знаменует собой конец догородской эпохи и переход к урбанистической стадии, в свою очередь подразделенной на две фазы: А (575—525) и Б (525—450). Таким образом, Гьёрстад выступил с новой периодизацией, в основе которой лежало деление на «городскую» и «догородскую» эпохи в зависимости от характера строений хижинного типа или домов на фундаменте, сочтя началом городской эпохи лишь время с конца первой четверти VI в. до н. э.

В эту свою периодизацию он уложил затем историю царского времени, точно следуя античной традиции в изложении основных фактов, но полагая, что начало царского Рима должно соответствовать началу городской эпохи, т. е. 575 г. до н. э. При этом, отступая от сообщений античных авторов, он поместил всех первых царей от Ромула до Анка Марция включительно в фазу А городской эпохи, т. е. между 575—525 гг. до н. э., резервируя для этрусков оставшееся время, т. е. период 525—450/449 гг., и передвигая тем самым и переход к Республике примерно на 60 лет позднее. Практически построение Гьёрстада явилось подкреплением с помощью своеобразного понимания археологических свидетельств взглядов шведского ученого Ханеля, высказанных последним в работе «Эпонимная должность» (1942).

Работы Гьёрстада были оценены двойственно. С одной стороны, реальные археологические данные сразу стали использоваться в мировой науке, но его теория в силу явной нелогичности и смещенности хронологических определений вызвала бурю возражений. В полемике с Гьёрстадом был использован огромный археологический материал Италии, заальпийской Европы и Восточного Средиземноморья для уточнения датировки конца эпохи бронзы и начала железа в разных частях Апеннинского полуострова. В этой связи должны быть упомянуты усилия западногерманского профессора Х. Мюллер-Карпе и итальянского ученого М. Паллотино.

В статье «Об абсолютной хронологии эпохи поздней бронзы» (1960)²⁵ Х. Мюллер-Карпе показал определяющее значение двух фактов для установления абсолютной хронологии конца эпохи бронзы и начала железного века в Италии, а именно: (1) позднемикенской цивилизации (фазы IIIA—C, XIV—XII вв.), точно датируемой ее отношением с Египтом, и (2) ранней цивилизации железного века в Сицилии и Южной Италии, хронологически уточненной на основе греческих колоний. Центральное, важнейшее с точки зрения датировки место среди этих колоний занимают Кумы, основанные в VIII в. до н. э., причем до греческих колонистов там уже было местное население, оставившее след в могильнике IX в. до н. э. На базе сопоставлений куманских бронз и керамики в доэллинических и эллинических могилах с аналогичными типами в ареале Рима (Форум и Эсквилин) и Альбанских гор Мюллер-Карпе считает возможным датировать ранний железный век в латинских центрах уже X и IX вв. до н. э. по крайней мере.

²⁵ Müller-Karpe H. Sulla cronologia assoluta della tarda età del Bronzo.— In: *Civiltà del ferro*. Bologna, 1960, p. 445—460.

Что касается Южной Этрурии от Аллюмьере до Тарквиний, то там есть соответствия протогеометрической фазе Аттики, римско-альбанским материалам, а также куманским. Это позволяет Мюллер-Карпе отнести культуру раннежелезного века в южных этрусских городах также по меньшей мере к X—VIII вв. до н. э. Вместе с тем ученый устанавливает соответствие италийского материала с гальштадтским Южной Европы. В частности, гальштадтская фаза А1 параллельна началу протовиллановианских некрополей Италии. И это дает возможность датировать раннюю протовилланову XII в. до н. э., а через нее и ранний железный век в районе Рима — Альбанских гор.

Эти хронологические определения Мюллер-Карпе, подвергшиеся проверке по радиоуглеродному методу, столь важные для датирования царской эпохи в Риме, получили поддержку со стороны Паллотино в его статье «О хронологии конца бронзового и хронологии железного века в Италии»²⁶. Он полностью согласился с принципом выделения надежных опорных пунктов для датировки (Микенский III A2c период и начало великой греческой колонизации), но высказался против детализирования периодизации развития Италии времени конца бронзового и начала железного века ввиду того, что Италия еще недостаточно обследована. Вместе с тем Паллотино поставил вопрос о необходимости осмыслить накопившиеся археологические данные по доримской Италии и их хронологию в связи с преданиями о легендарных героях, в том числе эпонимах, прибывших в Италию из Балканского мира. Надо отметить, что это несомненно имеет значение и для изучения доромулова Рима, поскольку направляет внимание на непосредственно предшествующий ему период.

Полемика с Гьёрстадом сослужила полезную службу делу изучения архаического Рима. Уточнились позиции ряда ведущих историков не только в отношении хронологии царского времени. Это относится и к Х. Мюллер-Карпе. В двух своих фундаментальных трудах — «О начале Рима»²⁷ и особенно «К становлению Рима»²⁸ — он настойчиво проводит идею о том, что происхождение Рима нельзя рассматривать как «возникновение», а надо понимать как становление, т. е. как исторический процесс, в котором формирование города и эволюция хозяйственной, политической и культурной жизни являются органическим продолжением тенденций, присущих раннежелезному веку Средней Италии. Со свойственным вниманием к хронологии он отметил, что поселение на Палатине, которое можно проследить по погребениям на Форуме близ арки Августа, является самым ранним и принадлежит X в. до н. э. Этим утверждением Мюллер-Карпе отверг выводы Гьёрстада как об одновременности появления поселков раннего железного века на Палатине, Эсквилине и Квиринале, так и о принадлежности

²⁶ Pallotino M. Sulla cronologia dell'età del bronzo finale e dell'età del ferro in Italia. — SE, 1960, v. 28, p. 11—47.

²⁷ Müller-Karpe H. Von Anfang Roms. Heidelberg, 1959.

²⁸ Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung Roms. Heidelberg, 1962.

их только к VIII в. до н. э. Оценивая труды Мюллер-Карпе с точки зрения интересующей нас проблемы, нужно сказать, что его концепция «становления» города вышла за пределы вопроса об образовании поселения городского типа и оказалась направленной в сторону комплексного изучения Рима как экономического и культурного феномена.

Подверглись атаке и выводы Гьёрстада по конкретным вопросам, в частности, оценка им фрагмента аттического краснолакового сосуда строгого стиля как доказательство того, что Сервий Туллий правил в V в. до н. э., откуда следовало более позднее, чем принято в науке, правление первых доэтрусских царей. Указывалось в этой связи, что место находки представляет собой земельную насыпь, которая произвольно отнесена Гьёрстадом к несохранившейся части Сервиевых укреплений. Одним из первых обратил на это внимание А. фон Геркан в работе «К вопросу о ранней истории Рима»²⁹. М. Паллотино откликнулся на работу Гьёрстада «Легенды и факты ранней истории Рима» статьей «Факты и легенды (современные) древнейшей истории Рима»³⁰. В ней, ссылаясь на раскопки Кареттони на Палатине и на следы обитания людей на Бычьем форуме (в районе современной церкви Сан Омобоно) в эпоху бронзы, он высказался против идеи шведского ученого о первоначальном заселении только высот на холмах; не согласился он и с тезисом Гьёрстада о том, что культурное объединение и распространение жилищ в районе Форума относится к VII в. до н. э. Материалы, которые тот относит к III периоду по своей классификации, по мнению Паллотино, из-за соответствия материалам развитой виллановы приморской Этрурии, в свою очередь связанным с ранней колониальной фазой Питекуссы, должны быть отнесены во вторую половину VIII в. до н. э. Это — важное обстоятельство, поскольку влечет за собой и более раннюю датировку первой, начальной стадии урбанизации Форума. Но если даже принять дату Гьёрстада (VII в.) для образования объединенного городского поселения и расширения его границ, то невозможно такую ситуацию объяснить «догородским» периодом. Начало этрусского Рима он спутал с началом Рима царского. Ошибка Гьёрстада, согласно Паллотино, состоит в том, что он узко понимает урбанизацию лишь как появление строений на каменном фундаменте, мощения площади и камерных могил.

Отметим, что возражения Паллотино по частным вопросам имели отнюдь не частное значение, потому что выводили его на проблему понимания урбанизации Рима как «органического формирования полиса». Свою концепцию истории Рима начала царской эпохи Паллотино подтвердил в 1972 г. в работе «Происхождение Рима»³¹. Там вновь отмечено, что с последних десятилетий VII в. до н. э. (т. е. еще до этрусского господства) Палатин, Форум и Эсквилин и, вероятно,

²⁹ Gerkan A. von. Zur Frühgeschichte Roms.— RhM, 1957, Bd 100, N 1, S. 82—97.

³⁰ Pallotino M. Fatti e leggende (moderne) sulla più antica storia di Roma. — SE, 1963, v. 31, p. 3—37; см. также: Mazzarino S. Il pensiero storico classico, v. I. Bari, 1966, p. 192.

³¹ Pallotino M. Le origini di Roma: considerazioni critiche sulle scoperte e sulle discussioni più recente. — ANRW, Bd I, T. I, p. 22—47.

Colles с Капитолием были связаны между собой, что направляло их развитие в сторону полиса. К сожалению, точного определения этого понятия Паллотино не дает.

Для современной зарубежной историографии римской истории характерно активное применение языковых материалов и результатов лингвистических исследований к изучению древнейшего Рима. Особенное значение имеют работы итальянских ученых Ф. Рибеццо³², Дж. Девото³³ и Э. Перуцци³⁴. Исследователи устанавливают наличие различных италийских компонентов в языке первоначального Рима, что, с одной стороны, подтверждает сообщения античной традиции о росте его народонаселения, а с другой уточняет наши представления об этом процессе. Вместе с тем благодаря усилиям лингвистов значительно продвигается вперед решение проблемы ранней римской культуры, в том числе культурных влияний на Рим. Эта проблема смыкается по сути дела с проблемой римской метрополии.

Критика античной традиции, накопление языковых и археологических материалов и особенно успехи в области этрускологии привели к тому, что некоторые исследователи, оставляя в стороне сообщения античных авторов об основании Рима выходцами из латинского центра Альбы Лонги, стали считать Рим едва ли не этрусским городом уже при Нуме (Ф. Рибеццо), либо сабинской колонией (А. Бернарди³⁵ и Э. Перуцци³⁶). Таким образом, в последнее время языковые данные привлекаются итальянскими учеными не для обоснования теории автохтонизма в его различных аспектах, а служат основанием для постановки и разрешения широкого спектра вопросов истории древнейшего Рима.

Попытку рассмотреть с марксистских позиций историю архаического Рима являет собой работа известного историка из ГДР Р. Гюнтера³⁷. Переход от родового строя к рабовладельческому поставлен им в связь с имущественной дифференциацией, классовым расслоением и возникновением государственного аппарата. Развитие этих процессов датируется временем между IX и V вв. до н. э. Но о наличии государства в Риме, по мнению Гюнтера, можно говорить лишь с конца VII — начала VI в. до н. э. Древнейшее Римское государство, по мысли Гюнтера, трансформировалось: в начале VI в. оно базировалось на системе курий, а с конца VI — начала V в. до IV—III вв. — на центуриях. Обе стадии принадлежат государству переходного пери-

³² Ribezzo F. Numa Pompilio e la riforma etrusca della religione primitiva di Roma.— *Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei*, 1951, v. V, f. 11—12, p. 553—573.

³³ Devoto G. *Gli antichi itatici*. Firenze, 1951; *Idem*. *Le origini tripartite di Roma*.— *Athenaeum*, N. S. 31, 1953, v. 41, p. 335—343.

³⁴ Peruzzi E. *Aspetti culturali del Lazio primitivo*. Firenze, 1978; *Idem*. *Mycenaean in early Latium*. Roma, 1980.

³⁵ Bernardi A. *Periodo sabino e periodo etrusco nella monarchia romana*.— *RSI*, 1954, f. 1, p. 5—20.

³⁶ Peruzzi E. *Origini di Roma*, v. I. Bologna, 1970.

³⁷ См.: Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме.— *ВДИ*, 1959, № 1, с. 52—83.

да, который не может быть еще назван рабовладельческим. Предложенное Гюнтером конкретное изучение социально-экономических предпосылок возникновения государства, а также идея эволюции государства в раннем Риме, высказанная им, представляются плодотворными. Однако начало царской эпохи в работе Гюнтера фактически осталось за бортом его исследования.

В отечественной дореволюционной и в советской исторической науке изучение проблемы раннего Рима тоже зависело от состояния источниковой базы и оценки ее достоверности. Так же, как и в зарубежной науке, интерес к древнейшему Риму постепенно нарастал, хотя вплоть до послевоенного времени царский период освещался только в общих работах.

Советских ученых отличает принципиально иной, чем в зарубежной историографии, подход к изучению данных источников. Исходя из марксистских представлений о поступательном ходе исторического процесса, об общественно-экономических формациях, советские историки обратили внимание на формационную принадлежность царского Рима.

Еще в книге С. А. Жебелева «Древний Рим» (1920) история Италии в целом признавалась достоверной только со времени великой греческой колонизации, и не отвергались исторические зерна преданий о царской эпохе в Риме. В ней допускалась историчность всех царей, кроме Ромула-эпонима и Тарквиния Сүперба, который расценивался как дубликация Тарквиния Приска.

Во II части «Истории античного общества», написанной в 1936 г. С. И. Ковалевым, было уделено внимание проблеме населения доримской Италии. Решалась она с позиций теории Н. Я. Марра о стадийности языкового развития и отрицания роли миграций. Стадии неолита (III тыс. до н. э.) соответствовала, по мысли С. И. Ковалева, эпоха матриархата, представленная лигуро-сикулами. Во II тыс. был осуществлен переход к эпохе бронзы и вместе с тем — к патриархату. Это было этруской этнолингвистической стадией. Начало I тыс. означало зарю железного века и одновременно усиление социальной дифференциации, выделение знати. В этот период в одних местах Италии этруской состояние стабилизируется, появляются собственно этруски, а в других из него выделяются индоевропейские элементы: италики, галлы. Не принимая исходных позиций и выводов С. И. Ковалева в части этнической истории, считаем нужным отметить его попытку наметить процесс социальных изменений в древнейшей Италии. Царскую эпоху С. И. Ковалев расценил как время позднеродового строя. В соответствии с тезисом Нибура, патриции и *populus* тогда в понимании С. И. Ковалева совпадали. Таким образом, в советской науке была определена формационная принадлежность царского Рима.

В I части «Очерков по истории древнего Рима» В. С. Сергеева (1938) древнейший Рим рассматривается как один из городов Лация. Признавая скудность и зачастую ненадежность античных преданий, автор отмечает значение в этих условиях археологических, лингвистических и антропологических данных и считает возможным воспроиз-

вести социальный облик и тенденции социально-экономического развития царского Рима. По его мнению, Рим царей — это родовое общество, но при Тарквиниях там сформировалось государство и произошло превращение *orridum* в *urbis*. Так в советской историографии было высказано положение о процессе развития общества в пределах царской эпохи.

Это положение нашло свое дальнейшее развитие в книгах С. И. Ковалева (1948) и Н. А. Машкина (1947, 1950, 1956), однако конкретизировалось оно ими по-разному. У С. И. Ковалева Римская община царской эпохи признавалась патрицианской и определялась как «примитивный город-государство с типичными чертами «военной демократии». Если учесть, что тех понимался ученым, скорее, как племенной вождь, то социальное содержание царской эпохи оказывается достаточно неопределенным, поскольку государство с племенным вождем во главе являет собой соединение несоединимого. Н. А. Машкин дал точное определение. Он назвал царскую эпоху переходной от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Опираясь на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», он подчеркивал, что применительно к царскому времени термин «тех» должен пониматься как племенной вождь, а царская эпоха вообще — как период военной демократии, но не на всем ее протяжении. Эта стадия закончилась реформой Сервия Туллия, завершившей переход Рима к государству. Представление о царском времени как о периоде военной демократии утвердилось в нашей науке, как показывает нам пример книги Ю. И. Семенова «Как возникло человечество» (1966).

В послевоенные годы в советской историографии античного Рима стали появляться работы, специально посвященные раннему Риму. В работе «История римского народа в античную эпоху. Часть I. Древнейший период. Возникновение классового общества и государства в Риме» (Ученые записки МГПИ, т. 48. М., 1947) В. Н. Дьяков считает общество, представленное палеолитической, неолитической, халколитической культурами, а также эпохи бронзы и раннего железа Италии «доисторическим». Переходом к историческому времени он называет культуру виллановы. Античная традиция о возникновении Рима оценивается В. Н. Дьяковым в духе гиперкритики, не содержащей исторического зерна, за исключением воспоминания о былом преобладании в Лации Альба Лонги, что подтверждается раскопками. Рим на протяжении первых двух-трех веков правления царей, по мнению В. Н. Дьякова, прошел ступени матриархата, а во время существования объединенных поселений на холмах и патриархата. Исконный *populus* определяется им как неустойчивое объединение замкнутых, самостоятельных родов — *gentes*, бывших примитивными, по преимуществу пастушескими общинами-коммунами, как родовые общины, характеризующиеся родовой собственностью на землю и коллективным использованием пастбищ. Избытки скота, оружие, домашние вещи составляли частную собственность, а полевые участки под зерновые подвергались периодическим переделам.

С ростом производства и усилением частной собственности выделялись экономически сильные «старшие» роды, а внутри родов — родовая аристократия, патриции. Остальные члены родов противостояли им как зависимые клиенты. Вообще римско-италийское общество первой половины I тыс. до н. э., по мнению В. Н. Дьякова, было неким промежуточным состоянием «между тем, что описывает Гомер, и тем, что изображают Гесиод и Солон», с тенденцией плебеев к превращению в подобие спартанских илотов: римско-латинская система управления сравнима с древнегреческой военной демократией. Она носит общественно-распределительный, догосударственный характер. Начиная с VII в. до н. э. с усовершенствованием техники железа наступает переход к земледельческому хозяйству, а громоздкий род постепенно заменяется в хозяйстве подвижной индивидуальной семьей. Конец царской эпохи в Риме, согласно В. Н. Дьякову, был временем полного разложения родового строя. Мы видим, что в работе В. Н. Дьякова царская эпоха оценивалась с точки зрения ее формационной принадлежности. Но римское общество того времени оставалось, по мысли автора, в пределах родового строя, хотя на последнем этапе и подвергшегося полному разложению.

В 1958 г. появилась статья Л. А. Ельницкого о древнейшей римской государственности и культуре³⁸. Автор исходит из признания значительных успехов в изучении археологических и лингвистических материалов, достигнутых мировой наукой, открывающих новые возможности для объективной оценки письменной традиции о древнейшем Риме. На этой основе он усматривает достоверность представлений о Септимонтии. Возражая против взглядов Омо на Септимонтий как на лигу, подобную лигам латинских и этрусских городов, Л. А. Ельницкий видит в нем объединение трех первоначальных триб «возможно не только по территориально-общинному, но и по этническому принципу». Сопоставляя данные традиции о первых четырех царях с материалом богатой эсквилинской могилы VII в. до н. э., наполненной этрусским вооружением, автор пытается реконструировать социальные отношения этого периода. Он считает, что это было время распада родов и усиления влияния царей и их дружин и борьбы земледельческой родовой знати с торгово-ремесленными элементами, поддерживаемыми царями. В статье прослеживается проникновение этрусков и их культуры в Лаций не позднее чем с начала VII в. до н. э. Признавая огромное влияние этрусков на Рим в области материальной культуры, Л. А. Ельницкий вместе с тем подчеркивает, что в отношении «государственности Римская община содержала в зародыше организацию такой силы и устойчивости, о которой децентрализованные этруски, культурно и этнически разношерстные, не могли и мечтать». Характеризуя социальное развитие Рима при этрусских царях, исследователь отмечает рост рабства в его патриархальных формах. Это явствует особенно из участия рабов в культах Ларов и празднестве

³⁸ См.: Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственности.— ВДИ, 1958, № 3, с. 142—156.

Сатурналий. Как видно, Л. А. Ельницкий характеризовал социально-экономическое развитие раннего Рима как интенсивное и, можно сказать, стремительное в социально-экономическом отношении с ранним зарождением государственности.

В своей книге «История раннего Рима и Италии»³⁹ с подзаголовком «Возникновение классового общества и государства» А. И. Немировский привлекает обширный круг научной литературы, широко использует новый археологический материал. Формирование Римского государства он рассматривает в общеталийском контексте, по возможности прослеживая процессы социального и культурного развития в Лации у фалисков, сикулов, осков, умбров, у жителей Пицена, у этрусков и италийских греков, а также у кельтов в начале железного века. Он разделяет точку зрения на патрициев как на первоначальное население Рима, входившее в родовую организацию и комплектовавшее из своей среды сенат. Члены сената были *patres*, которые позднее противопоставлялись сенаторам непатрицианского происхождения, называвшимся *conscripti* и *adlecti*. Вслед за Н. А. Машкиным и другими советскими учеными, А. И. Немировский говорит о римской *familia* как о продукте распада рода. Но первоначальная *familia* не была еще моногамной семьей, а относилась к типу домашней, или семейной, общины.

А. И. Немировский полагает, что разложение родо-племенного строя происходило в период возникновения Рима. Чтобы лучше представить этот процесс, он привлекает материал о первоначальных формах поселения в Италии, начиная с террамар, — *oppida* инганов, сикульских кастелей, до этрусских городов-государств, — и останавливается на характере этрусской, греческой и ранней римской колонизации. Превращение Рима в государственное образование рассматривается в книге в связи с теми экономическими сдвигами VI — первой половины V в. до н. э., которые сделали невозможным существование первобытных отношений, а затем и преобладание родовой аристократии в Риме.

Отметим, что в содержательном труде А. И. Немировского использованы применительно к древнейшим селениям на территории Италии термины: город-государство, полис, *oppidum*, *castellum*, *urbs*, *civitas*, «города типа полис». Как правило, они применяются автором для характеристики разных типов городского поселения и только слово *civitas* наполняется не вполне определенным, но более широким содержанием. Видимо, *civitas* понимается А. И. Немировским как примитивное государство. Во второй части своего труда⁴⁰ проблему возникновения классового общества и государства А. И. Немировский рассматривает в ином аспекте. Он ставит перед собой цель изучить идеологическое оправдание социальных порядков, складывавшихся в период разложения первобытных отношений, проследить роль рели-

³⁹ См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. (См. особенно с. 134—163).

⁴⁰ См.: Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964. (См. с. 30—48, 52, 118—119, 130).

гии, дававшей идеологическое обоснование утверждению частнособственнических отношений, господству рабовладельческой аристократии и рабства. А. И. Немировский выясняет эволюцию римской религии в ее зависимости от общественной трансформации. Так в культах Пенатов, Манов и Ларов, Юноны Люцины и Di Nixi выявляются черты родового общества; смена культа матери культом отца отражена в выделении Вейовиса. Далее прослеживаются отголоски тотемистической ступени развития религии, стадия индивидуализации богов из первоначального их множества, переход от родового деления общества к территориальному в изменении характера numina: Pales>Palatium, Quirinus>Quirinalis. Боги родовых коллективов превращались в представителей территориальных единиц, затем верующий обращался к божеству уже не от имени коллектива, а от собственного имени. Изменялся и культ, наряду с сельскими праздниками появлялись их городские варианты. С ростом социальной иерархии выдвигались культы, представленные усилившимися социальными слоями. Те же социально-экономические сдвиги сказывались и на организации культа. Постепенно коллегии жрецов, объединенных по родо-племенному принципу, заменялись коллегиями, входившими в состав государственного аппарата.

Среди трудов советских историков, касающихся важнейших вопросов истории раннего Рима, должна быть названа книга Л. А. Ельницкого⁴¹. Царская эпоха не составляет основной части этого труда. Но предмет исследования Л. А. Ельницкого настолько важен, что не учесть проделанную им работу невозможно. Автор монографии с доверием относится к традиционной хронологии и связанным с ней социально-историческим фактам, отмечая вместе с тем сложность нарративных и эпиграфических источников, которые, однако, отражают подчас некоторую социальную неопределенность в повседневной жизни. Поэтому он в своем исследовании вынужден прибегать к аналогиям. Автор говорит о появлении рабства в Италии задолго до возникновения государства, в конце эпохи бронзы, т. е. на рубеже II и I тыс. до н. э. Это патриархальное рабство сопоставимо, по его мнению, с первоначальной клиентелой. Вместе с тем значительная часть плебса была генетически связана с клиентами. Эти формы зависимости первоначально сосуществуют и трудно разграничимы.

Проследивая зарождение рабовладельческой эксплуатации, Л. А. Ельницкий касается и проблемы возникновения Рима — города и Рима — государства. Эти исторические явления он считает разновременными. Город как укрепленный пункт и как центр ремесла и торговли появился в VIII—VII вв., государство же образовалось в VI в. до н. э. Отсюда выявляется представление автора о разном содержании упомянутых терминов. Полагая, что город зарождался из объединения латинян и сабеллов под этрусским давлением, Л. А. Ельницкий говорит о «небольших латино-сабелльских общинах, распола-

⁴¹ См.: Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964. (См. особенно с. 21—24, 31, 126).

гавшихся на римских холмах». Однако соотношения между категориями — община, город и государство — он не устанавливает.

Специально происхождению Рима посвящена монография Ф. М. Нечая⁴². Он учитывает результаты новых раскопок в Риме, но основой своего исследования делает античную традицию, безоговорочно доверяя ей. Возникновение Рима Ф. М. Нечай рассматривает в общеантичном контексте: город вырос в результате синойкизма родовых поселков на холмах с осевшими по соседству пришельцами из латинских родов. Господство родовой собственности он относит к воспетому поэтами веку Сатурна, который сменился веком Юпитера, временем зарождения частной собственности, что совпадает с реальностью VIII в., т. е. правлением легендарного Ромула. Весь царский период рассматривается в книге как время первобытнообщинного строя в период его разложения. Особое внимание уделяется в этой связи аграрным отношениям. На основе данных античных авторов об урожайности и нормах потребления хлеба на душу Ф. М. Нечай утверждает, что 2-югерный надел не был достаточен для прокормления семьи, поэтому он не может считаться нормальным плебейским полевым участком. 2 югера были, видимо, либо усадебной землей, либо составляли лишь часть нормального надела, имевшего площадь не менее 20—28 югеров. За время, прошедшее от Нумы до Сервия Туллия, часть римлян разорилась, так что владевшие 2-югерами были зачислены в VI класс. С VIII по VI вв. идет процесс не только имущественной, но и социальной дифференциации, трансформации родовой знати в сословие патрициев и образования римского народа.

В советской научной литературе ясно обнаруживается не только стремление определить характер общества царского Рима, но и проследить тенденцию его развития, несмотря на вариации в его конкретном проявлении. Показательна в этом отношении книга С. Л. Утченко «Цицерон и его время»⁴³; ее 1-я глава «Становление Римской державы» представляет краткий очерк, впитавший в себя достижения современной науки. В ней указано на изменение характера и сущности царской власти, а вместе с тем и общества в доэтруссский и этруссский периоды.

В современной советской историографии сложилось представление о Риме как о полисе⁴⁴. Однако в этот термин вкладывается разный смысл. Порой его употребляют в значении «город», т. е. огороженное, защищенное стенами место. Такое словоупотребление встречается, в частности, у Ю. В. Андреева⁴⁵.

⁴² См.: Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972. (См. с. 3, 9, 44—49).

⁴³ См.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972.

⁴⁴ См.: Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954, с. 7; Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1952, с. 10—11; Он же. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 6; Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства. — В кн.: Античный полис. Л., 1979, с. 8.

⁴⁵ См.: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 30.

Термин «город» достаточно сложен. В недавнее время на него обратил внимание Г. А. Кошеленко⁴⁶. Он справедливо отметил, что на греческой почве (а мы добавили бы, что и на римской!) возникновение полиса хронологически совпадает с возникновением классового общества и его порождения — города. Ядром определения последнего Г. А. Кошеленко считает противопоставление города как центра промышленной деятельности деревне, занятой сельскохозяйственным производством. Однако такая существенная характеристика города свидетельствует, по мысли Г. А. Кошеленко, о полной его противоположности полису, поскольку экономика полиса зиждется на сельском хозяйстве и в полисе нет противоречия между городом и деревней. Согласно Г. А. Кошеленко, полис — не город. Исследователь справедливо подчеркивает, что полис и город являются разными таксономическими единицами: если город — общен историческая категория, то полис — конкретно-историческая.

Соглашаясь с этим положением, нам кажется нужным обратить внимание на другой аспект отношения полис — город, а именно на наличие черт сходства между ними, которые могут затемнить на первый взгляд различие этих категорий. Но предварительно мы обратимся к еще одному понятию, широко употребляемому в исторической литературе о древнем мире, — к общине, без уяснения которого трудно говорить о полисе.

Термин «община» многозначен. Как известно, первоначально существовали гентильные общины, но в результате развития производительных сил они уступили место территориальным, сельским или соседским общинам. В конечном счете те же причины, т. е. прогрессивное развитие производства, дальнейшее разделение труда, вызвали к жизни древние города, иной вид территориальной общины, или, по крайней мере, структуры с элементами общины⁴⁷. К. Маркс в связи с античной формой собственности определенно говорит, что она, как и восточная, имеет своей предпосылкой общину: «Эта вторая форма предполугает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников)»⁴⁸. Таким образом, как полис, так и город имеют черты территориальной общины, и оба встречаются на заре классового общества. Эти обстоятельства и служат уподоблению обоих, разных по сути, понятий.

Наиболее распространенным до последнего времени было понимание полиса как города-государства. Для этого есть некоторые основа-

⁴⁶ См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

⁴⁷ См.: Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 155; Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978, с. 63; Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н. э. (По материалам Ура).— В кн.: Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973, с. 30—64; Тирацян Г. А. К вопросу о городах Армении доэллинистического времени VI—IV вв. до н. э.— Там же, с. 98.

⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 465.

ния. Ведь большинство полисов имеет своим центром город, огороженное селение с храмом, дворцом и т. п., а классические примеры полисов с отсутствием поселений городского типа, прежде всего Спарта или Панопей, могут при беглом рассмотрении показаться необидительными. Спарту можно истолковать как исключение, лишь подтверждающее правило, а Панопей — как примитивное, не дошедшее еще до образования города поселение.

Обычно при определении полиса учитывается такой его признак, как наличие гражданского коллектива. Наиболее отчетливо это сначала было выражено О. В. Кудрявцевым⁴⁹, отметившим, что полис, которому идентична италийская *civitas*, был основной общественной единицей и политической формой античного мира, гражданской общиной землевладельцев и рабовладельцев в процессе формирования рабовладельческого общества, а затем С. Л. Утченко⁵⁰. И. М. Дьяконов признавал однотипность сельской и городской общин, а также древневосточной общины и античного полиса. И сельская и городская общины в его понимании — это «гражданская организация полноправных свободных и рабовладельцев»⁵¹. Последнее подтверждается материалами по Южной Аравии I тыс. до н. э., представленными в интересной статье А. Г. Лундина⁵². Отмечается исследователями и связь гражданского коллектива полиса с земельной собственностью. Для римских условий связь гражданских прав с земельной собственностью членов общины особенно подчеркнули С. Л. Утченко⁵³ и Е. М. Штаерман⁵⁴. Но это историки находят и на Древнем Востоке. Так И. Ш. Шифман⁵⁵ говорит, что в Сирии и Палестине конца II тыс. — первой половины и середины I тыс. до н. э. в городе существовал суверенный гражданский коллектив земельных собственников. Греко-македонские завоеватели застали на территории Сирии городскую организацию, тождественную греческой. По его мнению, полисный строй не только привносился туда греками, но и складывался независимо от греческого влияния. Таким образом, и в древневосточных городах-государствах, и в античных полисах ученые обнаружили институт гражданства.

Надо также сказать, что есть сходство между полисом и соседской, сельской общиной древности.

Проблема общины стоит в течение последних двадцати лет в центре внимания востоковедов и античников. Попытка определить общину

⁴⁹ См.: Кудрявцев О. В. Эллинические провинции..., с. 7.

⁵⁰ См.: Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 6; Он же. Политические учения древнего Рима. М., 1977, с. 20, 230—240; Андреев Ю. В. Античный полис..., с. 8.

⁵¹ Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей. — ВДИ, 1963, № 1.

⁵² См.: Лундин А. Г. Город и государство в Южной Аравии I тыс. до н. э. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля, с. 162—177.

⁵³ См.: Утченко С. Л. Кризис..., с. 9.

⁵⁴ См.: Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития, с. 66, 77.

⁵⁵ См.: Шифман И. Ш. Город и торговля в Сирии эллинистического и римского времени. — В кн.: Древний Восток. Города и торговля, с. 199, 200.

содержится в докладе Е. С. Голубцовой, В. И. Кузицина, Е. М. Штаерман⁵⁶ на XIV конгрессе исторических наук (1975). В нем выделены типы родовой и территориальной общины. Соотношение общины и полиса представлено в трех вариантах: (1) полис (небольшой!) — это городская община, особый тип общины; (2) — полис — это гражданская община или античный город; (3) полис не является территориальной общиной.

Е. М. Штаерман⁵⁷ дала наиболее емкую характеристику сельской общины, подчеркнув верховное право коллектива общинников на свою территорию, существование органов управления этим коллективом и осознание им своей общности. А. И. Павловская⁵⁸ возражает против этих критериев, в частности, потому что они не противоречат и определению полиса. Как раз данное обстоятельство представляет для нас особый интерес, поскольку выявляет характер полиса как территориальной гражданской общины. Вместе с тем Е. М. Штаерман отмечает специфику сельских общин в римско-италийских условиях, в отличие от древневосточных, которая состоит в том, что в римском мире они не были промежуточным звеном между своими сочленами и государством, равноправными гражданами которого были сельчане, крестьяне.

Как можно заметить, сходство между соседской общиной в древности и полисом идет и по линии самоуправления, и по линии принадлежности к гражданству в широком смысле слова, т. е. полного или ограниченного, но всегда выражающего принадлежность к данному именно государству. Однако этим дело не ограничивается. Важнейшим элементом любых общин, кровнородственных или их наследниц в условиях раннеклассового общества, т. е. территориальных во всех вариантах, является наличие коллективного землевладения. Но именно в нем и коренятся, на наш взгляд, их различия. Отношение того или иного коллектива к земле как к основному средству производства имеет первостепенное значение для определения характера коллектива, потому что в формах этого отношения, или собственности, получают выражение производственные отношения людей, стало быть классовая структура.

Детальный анализ существующих точек зрения и некий итог изучения древней общины содержатся в монографии А. И. Павловской⁵⁹. В результате рассмотрения исследований сельских общин на Переднем Востоке, в Индии и Китае, а также в античности А. И. Павловская отметила многообразие общинных структур древности в зависимости от разных элементов, составляющих общину, и связей между

⁵⁶ Golubtsova E. S., Kusishin V. I., Shtaerman E. M. Types of Community in the Ancient World.— In: International Congress of Historical Sciences. San Francisco, 1975, p. 3—4.

⁵⁷ См.: Штаерман Е. М. Еще раз к вопросу о римской сельской общине.— ВДИ, 1978, № 2, с. 92, 20; Она же. Древний Рим. Проблемы экономического развития, с. 18.

⁵⁸ См.: Павловская А. И. Египетская хора в IV в. М., 1979, с. 149.

⁵⁹ См.: Павловская А. И. Указ. соч., с. 156—158.

ними. При всем их различии основное направление в развитии форм землевладения состоит в движении от коллективного к частному. Земельные владения общинников в калейдоскопе вариантов общин характеризуются двумя постоянными чертами: наличием надела с более или менее прочными правами собственности и долей в коллективном владении неподеленными землями (лесами, выгонами), ирригационными сооружениями и другим коллективным имуществом общины. Внутреннему развитию общины, по мнению А. И. Павловской, присущи постепенное упрочение прав собственности на надел при ослаблении прав общины на поделенные земли. Она обращает внимание на появление у общинников частных владений вне общины и придает особое значение устойчивому сохранению альменды и комплекса социально-экономических прав, обусловленных принадлежностью к общине, считая этот момент столь же существенным, что и формы землевладения.

Итак, рассматривая полис как особый тип территориальной общины, как гражданскую общину, мы присоединяемся к Г. А. Кошеленко⁶⁰ в признании неудовлетворительности понимания полиса как города, а к Ю. В. Андрееву⁶¹ — в отрицании идентичности полиса и города-государства. Однако в представлениях об отношении полиса и города-государства эти исследователи стоят на разных позициях.

Исходя из противоположности города и полиса, которая, правда, доходит до своего логического завершения и разрешения по прошествии длительного времени, Г. А. Кошеленко считает неправомерным определение полиса как города-государства. Ю. В. Андреев видит в городе-государстве универсальную историческую категорию, а в полисе — ее частный случай, ее разновидность, обусловленную специфическими историко-географическими условиями греко-италийского региона. Иными словами, у Г. А. Кошеленко полис и город-государство — явления разных рядов, а у Ю. В. Андреева — одного ряда. Это последнее представление является следствием того, что Ю. В. Андреев устанавливает генетическую связь между такими феноменами, как древневосточный город-государство, с одной стороны, и предшествовавшие им самоуправляющиеся территориальные или территориально-племенные общины, имеющие своим политическим и религиозным центром поселение городского типа, — с другой. Вместе с тем территориально-племенные общины в позднем варианте Ю. В. Андреев называет городскими. Возникают они, согласно Ю. В. Андрееву, путем синойкизма или насильственного подчинения мелких или первичных, т. е. сельских общин, более крупными. Так, фактически ученый выстраивает ряд общин: территориальные сельские, соседские общины — их объединение в территориально-племенную, потом городскую общину — город-государство (восточного типа или полис в зависимости от конкретно-исторических условий).

Нам кажется, что генетические связи здесь установлены верно, что все эти элементы имеют черты территориальной общины, но все

⁶⁰ См.: Кошеленко Г. А. Греческий полис..., с. 17.

⁶¹ См.: Андреев Ю. В. Античный полис..., с. 8—9.

же прямого полного ряда они не составляют. В связи с этим заметим, что территориально-племенная община, предшественница государства, не обязательно, даже в позднем варианте, становится городской. Ее дальнейшее развитие идет в направлении к государству, но не непременно везде приводит к городу-государству. Здесь пути эволюции расходятся, единый ряд эволюции кончается. К тому же в одном случае (на Востоке) основной социальной единицей остается сельская община, обеспечивающая вхождение в гражданский коллектив, в другом (античность) она сохраняется только как производственный коллектив сельского населения, не обуславливающий принадлежность к гражданству, как это правильно отметила Е. М. Штаерман. Но главное различие состоит в том известном факте, что сельская община в античных условиях качественно отлична от восточной. При всем внешнем сходстве этих общин (наличие коллективной собственности на землю, коллективный труд в определенных пределах на благо общины, самоуправление, взаимопомощь, круговая порука и т. п.) их судьбы различны. И дело не в том, как порой считают, что сельские общины в античных, по крайней мере италийских условиях, нестойки, легко распадаются. Как показали исследования В. И. Кузицина и Е. М. Штаерман, они прочно сохраняются как форма общежития именно в условиях мелких крестьянских хозяйств. Диалектика их развития в том именно и заключается, что, постоянно подвергаясь разложению, они с необходимостью вновь возникают. Причины этих явлений вскрыты К. Марксом⁶², определившим разницу восточной и античной форм собственности. В классическом варианте член восточной сельской общины — лишь владелец надельной земли, находящейся в собственности всей общины, а член античной — ее собственник, притом, что коллективная земля общины сосуществует с ней и обуславливает ее. Главное состоит в том, что кроме коллективных земель общин в античных условиях существует общегосударственный фонд земель, в использовании которого в равной степени могут принимать участие все граждане независимо от принадлежности к сельской общине. И если на Востоке сельская община обеспечивает человеку права гражданства и право на пользование землей, то в античном мире все гарантии для человека исходят от иного рода общины, не владельцев, а собственников своего участка и одновременно коллективных собственников *ager publicus*. Поэтому нам кажется возможным назвать полис античной территориального характера и одновременно гражданской общиной, основанной на античной форме земельной собственности.

Определяя полис как территориальную общину с античной формой земельной собственности, мы подчеркиваем ее классовое содержание. Самый термин «община» указывает на генетические связи полиса с первобытным обществом, ее территориальный характер — на отход от родового общества, ее гражданская суть — на государственную стадию, античная форма собственности — на конкретный вариант со-

⁶² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 21; т. 46, ч. I, с. 461—487.

циально-экономической структуры и государственности, на его историческую обусловленность.

Анализ полновесной организации, обеспечивавшей гарантии прав земельных собственников коллективу граждан, блестяще проведен С. Л. Утченко. Он подчеркнул, в частности, такой вид гарантии, как охрана замкнутости гражданства, в которой выражалась основная классовая государственная функция полиса⁶³. Мы полностью солидаризируемся с этим утверждением. Поэтому трудно согласиться с уточнением, которое С. Л. Утченко внес в определение полиса как первой в истории человечества гражданской общины: «Гражданская община, превращающаяся в ходе своего развития в государство», что и приводит, по его мнению, к кризису полиса. Такая ремарка выводит полис за рамки классового общества и государства. Хотелось бы заметить, что гражданство мы понимаем как элемент государственного бытия и, таким образом, считаем полис социально-экономическим и политическим образованием и видом античного государства.

Именно в античной форме собственности в конечном счете и коренится отличие полиса от древневосточных социально-политических, государственных образований, которые принято называть городами-государствами. Это положение следует подчеркнуть. Проследившая генезис римского полиса, нельзя обойти вниманием генезис античной формы собственности, в том числе образования *ager publicus*.

Отмечая характерные черты и успехи историографии в изучении раннеримской истории, заметим, однако, что переход Рима от родового общества к классовому представлен даже в специальных трудах лишь в самых общих чертах.

Становление классовых обществ и образование государств — важное звено в истории древнего мира. Понять этот процесс в Риме без сравнений и аналогий с другими древними обществами трудно. В нашей историографии наряду с установлением общих закономерностей в развитии этих явлений говорится и о специфике их в разных странах и в разные периоды. Так, рассматривая переход к классовому обществу в античном мире сравнительно со странами древнего Востока, обычно обращают внимание на то, что родовую общину во втором случае сменяет сельская территориальная община, составляющая основную социальную единицу на Востоке, а в первом — полис. Это противопоставление содержится и у В. С. Сергеева⁶⁴, и у О. В. Кудрявцева⁶⁵, и в сборнике «Древняя Греция»⁶⁶. При сопоставлении Восток — античность в указанных работах имеется в виду античное Средизем-

⁶³ См.: Утченко С. Л. Кризис..., с. 9.

⁶⁴ См.: Сергеев В. С. История древней Греции. Изд. 2-е. М., 1948, с. 140; Изд. 3-е, М., 1963, с. 124.

⁶⁵ См.: Кудрявцев О. В. Эллинические провинции Балканского полуострова во II в. н. э., с. 6—7; Он же. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории. М., 1957, с. 260—272.

⁶⁶ Древняя Греция. М., 1956, с. 3.

номорье в целом, преимущественно же Древняя Греция. Специально, но тоже бегло, об Италии и Лации упоминает лишь О. В. Кудрявцев⁶⁷, а о Риме С. Л. Утченко⁶⁸ и Ф. М. Нечай⁶⁹.

Благодаря обогащению науки новыми данными об Эгеиде III—II тысячелетий до н. э. с 50-х годов советские ученые стали рассматривать дифференцированно вопрос о переходе народов Средиземноморья от родового общества к классовому обществу. Во «Всемирной истории»⁷⁰ уже отмечено, что сельская община, сменившая кровнородственную, выступает в двух формах: восточной и античной, причем античности свойственно раннее разложение сельской общины⁷¹. Мельком упомянута сельская община гомеровской эпохи в учебном пособии К. М. Колобовой и Л. М. Глускиной⁷². В общей форме за недостатком источников говорится о переходе от родовой общины к сельской (т. е. соседской) в Греции позднееэладского периода в книге Т. В. Блаватской⁷³. Об общине как исконной форме объединения сельского населения Греции предполисного периода глухо сказано во 2-м издании учебника по истории Древней Греции для университетов⁷⁴.

О формировании римского полиса тоже говорится мельком. С. Л. Утченко⁷⁵ отметил разницу в путях развития полиса римского и греческого, а точнее римского и афинского, указав на «близость» между Римом и Спартой и подчеркивая, что для формирования государства в Риме не исключается «путь, связанный с применением внешнего и внутреннего насилия». Е. М. Штаерман высказала соображение о том, что разложение первобытнообщинного строя, предшествующего античности, «шло обычным путем». В качестве хозяйственных и социальных единиц Е. М. Штаерман вслед за С. Л. Утченко называет родо-племенные и территориальные общины. Последние «в незапамятные времена были объединены в города»⁷⁶. Но какой характер носили эти территориальные общины и как города соотносились с полисами, она не уточнила.

В последнее время Е. М. Штаерман указывает на наличие в Риме пагов кровнородственного и территориального характера⁷⁷. Возможности развития сельских общин в полисы касаются Е. С. Голубцова,

⁶⁷ См.: Кудрявцев О. В. Исследования..., с. 274, 277, 282.

⁶⁸ См.: Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1952, с. 9—11.

⁶⁹ См.: Нечай Ф. М. Указ. соч., с. 7—8.

⁷⁰ Всемирная история, т. I, 1955, с. 11—12.

⁷¹ Всемирная история, т. II, 1956, с. 660.

⁷² См.: Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории древней Греции. Л., 1958, с. 53.

⁷³ См.: Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1968, с. 106.

⁷⁴ История древней Греции. Изд. 2-е. Под ред. В. И. Авдиева, А. Г. Бокшанина, Н. Н. Пикуса. М., 1972, с. 87—90.

⁷⁵ См.: Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба..., с. 10.

⁷⁶ Штаерман Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 651.

⁷⁷ См.: Штаерман Е. М. Древний Рим..., с. 21.

И. С. Свенцицкая и А. Г. Периханян⁷⁸. Однако объектом их внимания является позднеэллинистическое и императорское время. Напротив, в выступлении на дискуссии по проблемам родовой и сельской общины К. М. Колобова подчеркивала, что при переходе к классовому обществу сельская община как промежуточная стадия могла и не существовать⁷⁹. Более определенно эта точка зрения выражена у Ф. М. Нечая, считающего, что римский синойкизм объединил родовые поселки⁸⁰. Итак, проблемы генетических связей полиса затрагиваются в самом общем виде. Специально, как мы видели, этот вопрос фактически никак не исследован, в том числе в отношении Рима.

Для уточнения наших представлений о процессе формирования Римского государства важно выяснить, как перешел Рим к полисной организации. Иными словами, выросла ли полис из разлагающихся родовых общин непосредственно или через стадию сельской общины.

Выяснение процесса образования римского полиса требует специального рассмотрения социальной структуры, аграрных отношений в древнейшем Риме, а также системы управления Римом в период его синойкизма. Более четкому представлению об этом времени должно способствовать уяснение этнической ситуации, поскольку полисогенез был одновременно и началом римского этногенеза.

§ 2

ИСТОЧНИКИ

Особенность письменной традиции о раннем Риме заключается в том, что она поздняя. Именно это обстоятельство породило в науке недоверие к сообщениям античных авторов, потому-то источниковедческие проблемы занимали и занимают столь важное место в историографии древнейшего Рима.

Однако в настоящее время арсенал наших источников значительно пополнился за счет археологических открытий. С этого типа памятников мы и начнем наш обзор источников, выделяя среди них основные и определяя их главное значение для изучения проблемы в целом, поскольку при исследовании отдельных вопросов нам каждый раз придется специально говорить об источниках.

Древнейшие памятники на территории Рима обнаружены в районе Бычьего форума у современной церкви Сан Омобона, на Палатине, Форуме, Эсквилине, Квиринале и форуме Августа.

Самые древние находки принадлежат ареалу Бычьего форума у подножия Капитолийского холма. Из-за многочисленных перестроек разновременные культурные слои перемешались здесь еще в царскую

⁷⁸ См.: Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—II вв. Независимая сельская община. М., 1966, с. 148—181; Периханян А. Г. Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э.—III в. н. э.). М., 1959, с. 45—47; Свенцицкая И. С. Сельская община Малой Азии I—III вв. н. э.—ВДИ, 1961, № 3, с. 52.

⁷⁹ ВДИ, 1963, № 1, с. 187.

⁸⁰ См.: Нечай Ф. М. Указ. соч., с. 7.

эпоху. Вперемешку оказались материальные следы XIII—VI вв. до н. э.⁸¹ Они представлены фрагментами керамики апеннинского и субапеннинского типов, а также осколками изящной, безусловно греческой посуды позднемикенского периода. Куски сосудов апеннинского типа обнаружены также на кромке холмов — Квиринала и Эсквилина. Эти, казалось бы, незначительные остатки материальной культуры весьма существенны, потому что осязаемо подтверждают античную традицию о доромуловском заселении места, где возник Рим, и притом о присутствии там различных этнических элементов. Благодаря этим находкам теперь иначе, по нашему мнению, выглядит и роль Капитолия в начале царской эпохи, особенно если учесть, что он был частью Квиринала и лишь в более позднее время в силу сознательной и целенаправленной деятельности человека оказался отделенным от последнего⁸². Кроме фрагментов посуды на Бычьем форуме были обнаружены также костные остатки. Прежде всего, это — единственная в ареале Сан Омобонно находка останков человека, принадлежащего, вероятно, как и все прочее, некрополю капитолийского населения. Обнаружено много костей животных млекопитающих, птиц, рыб, рептилий и моллюсков. Среди них нам представляется особенно существенным наличие наряду с костями оленей и быков, костей волов, овец, коз, свиней, ослов, лошадей и собак, т. е. домашних животных. Это позволяет более ясно представить не только фауну этого места, но и хозяйственную жизнь жителей.

Значительно более обильны археологические следы перехода от эпохи бронзового века к железу и особенно начала раннежелезного века⁸³. Они концентрируются главным образом уже за пределами Бычьего форума. Это тоже преимущественно материалы из погребений, а на Палатине и (более поздние) на Форуме — следы поселений.

Некрополи обширны. Они тянутся на Форуме от арки Августа к храму Антонина и Фаустины, по Эсквилину, Палатину и форуму Августа под склоном Квиринала. Инвентарь погребений позволил современным исследователям, не принявшим хронологии истории раннего Рима, предложенной Гьёрстадом, подразделить эпоху раннего железа на рассматриваемой территории на пять последовательных фаз (Мюллер-Карпе) или на три фазы (Перони). Пять фаз более дробной классификации выглядят так: I. Могилы только с кремациями в долине Форума, на форуме Августа и на Палатине, соответствующие протовиллановианским погребениям в Монта делла Тольфа и наиболее

⁸¹ Iorppolo G. I reperti ossei animali nell'area archeologica di S. Omobono (1962—1964).— In: Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia, v. XLIV, 1971—1972. Vaticano, 1972, p. 17; Pallotino M. Le origini di Roma..., p. 25.

⁸² Binder J. Die Plebs. Leipzig, 1909.

⁸³ Boni G. Notizie degli scavi di Antichità della Accademia Nazionale dei Lincei, 1904—1906; Duhn F. Italice Gräberkunde, t. II. Heidelberg, 1924; Gjerstad E. Early Rome, v. I, II. Lund, 1953, 1956; Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung Roms. Heidelberg, 1962; Pallotino M. Le origini di Roma..., p. 22—47; Idem. Fatti e leggende (moderne) sulla più antica storia di Roma.— SE, 1963, v. 31, p. 37.

ранним — в Альбанских горах. II. Кремации и ингумации в долине Форума, на форуме Августа и на Эсквиллине, обнаруживающие соответствия вилланове Вей и Тарквиний. III. Преобладание ингумаций в долине Форума, на Квиринале и, в конце фазы, на Эсквиллине с соответствием развитой вилланове или периоду виллановы II Южной Этрурии (конец III фазы Мюллер-Карпе соответствует началу III фазы Перони). IV. Ингумации, в подавляющем числе детские погребения в долине Форума, на Велии, Эсквиллине, Квиринале. Они имеют в инвентаре параллели с ориентализирующей стадией развития в Этрурии и Лации, представленной могилами Пренесте и недавно открытой Кастаньоли могилкой в Лавинии. На Эсквиллине в инвентаре появляется оружие, однако рим-

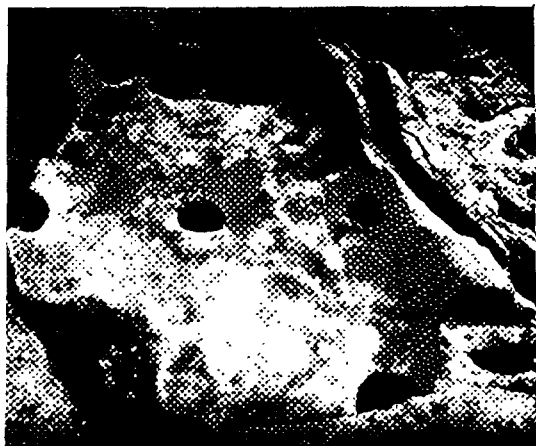

Рис 1.
Следы хижины VIII в до н. э.
на Палатине

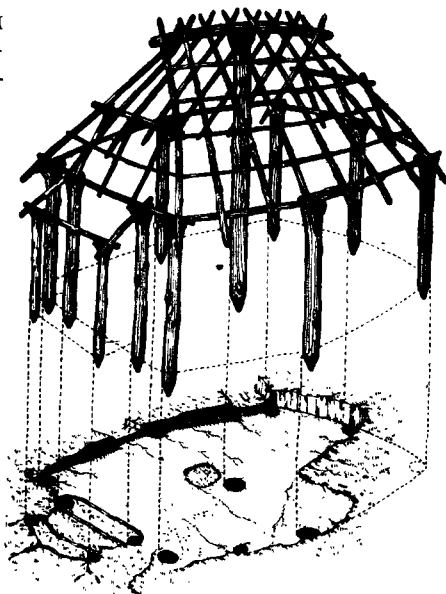

Рис 2.
Реконструкция палатинской
хижины (по кн.: Peruzzi E. *Museaeanas
in early Latium*. Roma, 1980)

ский материал скромнее, могилы беднее. V. Могилы с ингумациями на Эсквиллине и Палатине, имеющие некоторое соответствие с материалами Южной Этрурии, относящимися к последним десятилетиям VII—началу VI в. до н. э.

По замечанию Паллотино, археологическая документация римской жизни, составляет скелет наших знаний о примитивном Риме⁸⁴.

Топография следов обитания человека на территории Рима начала железного века характеризуется еще соотношением некрополей и селений. Древнейшие могилы (I фаза) локализуются на Палатине и Форуме: погребения II—V фаз — в центральной части Форума вдоль *via Sacra*; следы селений II—V фаз — в западной части Палатина и на

⁸⁴ Pallotino M. *Le origini di Roma...*, p. 26.

Форуме, особенно в прилегающих к Палатину и Капитолию местах.

Абсолютная хронология этих последовательных фаз развития материальной культуры в настоящее время, в общем, устоялась, хотя у разных ученых она несколько варьируется. Во всяком случае, итальянская школа исследователей (М. Паллотино и Р. Перони, Дж. Кареттони), категорически и очень аргументировано отмежевываясь от Гьёрстада, исходит из датировок, предложенных Мюллер-Карпе. Таким образом, материалы I фазы датируются IX в. до н. э.; II — укладываются в рамки конца IX — начала VIII в. до н. э.; III — падают на вторую половину VIII в. до н. э.; IV — на VII в. до н. э.; V — на конец VII — начало VI в. до н. э.⁸⁵ У Перони начало III фазы падает на рубеж VIII—VII вв. до н. э.

Находки состоят преимущественно из керамических и бронзовых изделий, главным образом оссуариев (в могилах с кремациями), подлинной посуды и ее маленьких, очевидно вотивных копий, а также фибул⁸⁶. Древнейшие предметы, соответствующие I фазе, найденные на Форуме близ арки Августа, храма Антонина и Фаустины, храма Божественного Юлия, на Палатине близ дворца Ливии и на форуме Августа — это низкие килевидные чаши и кувшины с бифокальными ручками, урны-хижины, аналогичные альбанским, сосуды с выпуклым и сетчатым орнаментом, а также змеевидные фибулы и так называемые *calefatti*, т. е. жаровни.

Несколько «моложе» могильный инвентарь с Форума у храма Антонина и Фаустины, на Квиринале и Эсквилине (примерно II фаза по Мюллер-Карпе). Он представлен более глубокими чашами с бифокальными ручками, сосудами типа округлых кринок с двумя ручками у самой горловины. Оба типа сосудов украшены рифлениями и, порой, меандром. Появляются сосуды, украшенные протуберанцами. Наряду с ними встречаются биконические сосуды и фибулы с простой дужкой, а также веретенца и украшения — костяные подвески, янтарные бусины. Здесь также много общего с находками в Альбанских горах.

Еще позднее материал III фазы из эсквилинских погребений и детских погребений Форума. Он сопровождается преимущественно трупоположения. И здесь встречаются бифокальные ручки, но сосуды становятся выше, изящнее, их тулова опоясываются орнаментом. Некоторые сосуды, сделанные на гончарном круге, украшены поперечными полосками, в то время как внутренность их остается без раскраски. Фибулы — пивочного типа. Появляется оружие.

Для более поздних предметов (IV фаза) характерно появление еще большего количества изящной керамики за счет удлинения шейки сосуда и небольшой ножки-донышка. Их находят в ингумационных погребениях Форума, Эсквилина, Велии, Квиринала и восточного скло-

⁸⁵ Pallotino M. Le origini di Roma..., p. 31; Peroni R. Per una nuova cronologia del sepolceto arcaico del Foro. — BPI, 1954/55, v. 64, p. 466—468, 486; Som-mella Mura A. Roma. Campidoglio ed Esquilino.— SE, 1979, v. 47, p. 427.

⁸⁶ Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung..., tab. 44.

на Капитолия. Материалы III и начала IV фаз имеют параллели в Лации, в ранних могильниках Кастель ди Дечима и в Фикане⁸⁷.

Говоря о погребениях Форума, нельзя принимать во внимание только типичный инвентарь. Необходимо отметить еще чередование там могил с трупосожжениями и трупоположениями. У храма Антонина и Фаустины их скопилось очень много. Причем они разновременны. Анализ инвентаря, а также положение погребений, когда одна могила находит на другую, показывают все же, что кремации, как правило, древнее. Это находит, по нашему мнению, подтверждение в письменном источнике. Так, Фест (*Sepulchrum*), определяя «погребение» со ссылкой на Элия Галла, говорит, что оно является «местом, в котором погребен мертвый, которое древние называли *bustum*». Поскольку *bustum* в своем первом значении — это место сожжения, погребальный костер, а потом уж — могила, могильный курган, определение Феста можно истолковать как доказательство того, что у римлян (прежде всего латинян) кремация древнее, чем ингумация, либо как свидетельство того, что люди, практикующие ингумацию, стали римлянами позднее, чем крематоры. Так, в указанном секторе некрополя Форума среди семи могил, относящихся к самой ранней фазе, лишь одна содержит ингумацию. Из 18, принадлежащих II фазе, ингумаций уже 8, далее трупоположения преобладают. Эти наблюдения сделал еще Бони, затем их подтвердил Мюллер-Карпе⁸⁸. Это важное обстоятельство, оно соответственно позволяет истолковать аналогичные погребения и на холмах и соотнести их с этнической неоднородностью римского населения. Мюллер-Карпе ставит под сомнение такую возможность. Но его сомнение не кажется убедительным. Ведь раскинувшиеся рядом разноплеменные поселки, находящиеся на одинаковой ступени развития, могли обладать культурной общностью.

Важно принять во внимание еще факты, отмеченные Р. Перони⁸⁹. Древнейшее кладбище Форума продвигалось в направлении с запада на восток, что служит указанием на расширение поселения Палатина и на объединение его с противолежащим Эсквилином. Об объединении с иным этническим элементом должно свидетельствовать появление там ингумаций в противоположность Альбанским горам, где аналогичная римской материальная культура сопутствует только кремациям, потому что ингумаций в этот ранний период там вообще нет. Наконец, прекращение захоронений взрослых на Форуме в III фазе наряду с появлением квиринальского некрополя с трупоположениями может говорить в пользу занятия этого холма сабинянами и последующего объединения латинян Ромула с сабинянами Тита Тация.

⁸⁷ Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung., S. 20, 25, 27; Peroni R. Per una nuova cronologia del sepolcreto arcaico del Foro.— BPI, 1954/55, v. 64, p. 460, 484; Zevi F., Bedini A. La necropoli arcaica di Castel di Decima. — SE, 1973, v. 41, p. 27—44; Bartolini G., Hansen F., Zevi F. Scavi e scoperte.— SE, 1977, v. 45, p. 433.

⁸⁸ Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung..., S. 37, 39, 75; Peroni R. Per una nuova cronologia..., p. 468; Momigliano A. An interim Report..., p. 101.

⁸⁹ Peroni R. Per una nuova cronologia..., p. 469, 485, 487.

В сердце современного Рима сохранились не только некрополи, свидетельствующие о поселениях, но и осязаемые следы самих поселений⁹⁰. Наиболее древние находятся на Палатинском холме в западной его части в районе высоты Гермала у Scala Casi (лестница Кака). Район обследовался в начале XX в. Д. Вальери, а затем П. Романелли и другими археологами. В туфовом грунте видны углубления, соответствующие основаниям стоявших там домов или хижин, крыша которых поддерживалась возвышавшимся в центре хижины столбом. Площадь их основания равна 4,9×6,3 м. Их внешний вид восстанавливается по урнам-хижинам, известным не только в Риме, но и в районах Альбанских гор и Южной Этрурии. Датируются палатинские хижины VIII в. до н. э. Аналогичные следы хижин усматриваются и на Форуме. Их датируют более поздним временем (VII в. до н. э.).

Важное открытие было сделано на Форуме в ареале храма Весты⁹¹. Он обследовался с 1882 г. Ланчани, в начале нашего столетия — Дж. Бони, а в 1930 г. — А. Бартоли. Здесь были обнаружены рядом с руинами храма, посвященного особо почитаемой богине, два колодца. Их назначение можно определить с большей или меньшей долей вероятности. Один из колодцев относился к республиканскому времени, а другой — к глубокой древности. Рядом с древнейшим — куски туфа, видимо закрывавшие его. Сам колодец внутри не облицован, диаметр его 90 см. В колодце много предметов со следами огня. Но это не результат обжига, а скорее загорания. Среди предметов, обнаруженных в колодце, в том числе сосудов и чаш с бифокальными ручками, были остатки большого доляя, аналогичного тому, что нашел некогда Бони в одном из погребений Форума (он сохранял следы веревки вокруг горловины, значит служил для черпания воды). По-видимому, долий из ареала Весты использовался с той же целью. А. Бартоли высказывает предположение, что в колодец бросали вещи, воспламенившиеся во время пожара, либо загоревшиеся от удара молнии. Поскольку материалы из архаического колодца аналогичны точно датированному инвентарю с кладбища на Форуме, их следует отнести по крайней мере к VII — началу VI в. до н. э. Если учесть, что в колодец бросали горящие предметы не один раз, то нижний слой безусловно принадлежит времени Нумы, построившему, по традиции, общий храм Весты. Как нам представляется, следует присоединиться к мнению, что в колодце тушили вещи, загоревшиеся именно от молнии. Ведь Нуме приписывается закон, по которому убитый молнией лишается обычного обряда похорон. Подобно этому и пораженные молнией предметы не должны были смешиваться с обычными поломанными и испорченными вещами, а выбрасываться в какое-то определенное место. Такое толкование, нам кажется, может подкрепить высказанное Бартоли положение о том, что указанные материалы подтверждают

⁹⁰ Lugli G. *Roma antica...*, p. 207—208; Bartoli A. *I pozzi dell'area sacra di Vesta*.— *Monum. Antichi della Accad. Naz. dei Lincei*, 1961, v. 45, p. 1—12.

⁹¹ Romanelli P. *Problemi archeologici e storici di Roma primordia*.— *BPI*, 1954/55, v. 64, p. 258—259; De Francisci P. *Primordia...*, p. 113; Momigliano A. *An interim Report...*, p. 102; Bartoli A. *I pozzi...*, p. 10.

достоверность традиции о деятельности второго царя прежде всего в сакральной области.

Среди находок подле колодцев у храма Весты найден кусок штукатурки с ясными отпечатками деревянной оплетки. Из этого делается заключение, что первоначально храм Весты, рядом с которым находится колодец, был построен на манер хижины.

Значение рассмотренных памятников материальной культуры очень велико. С их помощью восстанавливается планировка мест обитания древнейшего населения Рима, а также облик жилых строений и важнейшего святилища. Они дают возможность представить элементы хозяйства, быта и идеологических представлений жителей будущего Рима.

Не менее существенно и то, что археологические источники смогли реабилитировать античную традицию о раннем Риме в ее главных чертах.

Помимо собственно римских археологических данных важны и археологические памятники близлежащих областей — Лация и Этрурии, вводящие римские материалы в общеиталийский контекст. Наиболее значительные открытия последних лет в Лации принадлежат Ф. Кастаньоли⁹². В селении Пратика ди Маре на месте древнего Лавиния была обнаружена керамика, восходящая к XII в. до н. э. Это сразу углубило историю Лавиния по сравнению с нашими недавними представлениями на несколько веков. Там была найдена линия 13 алтарей в составе сакрального комплекса, относящегося к VI в. до н. э. Однако входящее в него сооружение, как показывают найденные осколки керамики, было построено на месте более древнего. Отсюда следует, что место это издавна, а не только с VI в. было священным. Находится оно на расстоянии немногим более 4 км от Лавиния, что почти совпадает с данными Дионисия в рассказе об основании Лавиния Энеем. Эти находки позволяют более обоснованно судить о степени достоверности античной традиции о предыстории Рима.

Большое количество керамики разных типов импасто, от самых грубых до буккери обнаружено во многих центрах Лация. Установление параллелей между латинскими керамическими изделиями, римскими и этрусскими, принадлежащее Герану Гьёрову⁹³, позволяет представить общие черты развития материальной культуры этих мест. Правда, от его датировки приходится все же отказаться, поскольку он в хронологии следует Гьёрстаду. Но с хронологической коррекцией его материалы несомненно полезны.

При всей безусловной значимости и красноречивости археологических материалов на их основе нельзя составить сколько-нибудь связанного представления об истории древнейшего Рима. Поэтому письменные памятники остаются незаменимым видом источников. Они состоят

⁹² Castagnoli F. I luoghi connessi con l'arrivo di Enea nel Lazio.— Acl, 1966, v. XIX, f. 2. Цитировано по обзору Ильинской Л. С.— ВДИ, 1973, № 1.

⁹³ Gierow G. The Iron Age Culture of Latium. Classification and analysis. Lund, 1966.

из произведений античных авторов разных жанров, а также юридических документов. К сожалению, для рассматриваемого времени полностью отсутствует местный эпиграфический материал. Остались лишь незначительные фрагменты гимна Арвалских братьев в надписи не ранее III в. до н. э. Язык ее архаичен. Надпись удостоверяет само существование древнейшей доромулова времени коллегии, проливая свет на хозяйственную жизнь и верования обитателей будущего Рима. Для аналогий с Римом может быть использован умбрийский эпиграфический памятник — Игувинские таблицы, известный по поздней копии, но отражающий очень архаические формы социальной жизни. Остальные письменные свидетельства много моложе начала царского времени.

Следы очень древних аграрных отношений видны в сенатском постановлении о Монтанском паге, в поздней (II в. до н. э.) надписи, известной как таблица из Польчеверы, или Решение арбитров Минуциев. Помогает понять эти отношения и еще более поздняя (I в. н. э.) надпись на Велейской таблице. Оба последних памятника касаются также этнической истории древнейшего Рима.

Другая отличительная черта письменных источников состоит в том, что среди них почти нет документальных памятников, кроме восстановленных законов XII таблиц. Но все это отнюдь не значит, что письменная традиция недостойна доверия и должна быть отброшена. Напротив, комплексное рассмотрение всех видов источников позволяет считать сочинения античных писателей в целом заслуживающими доверия, что не исключает, разумеется, необходимости критического подхода к их сообщениям.

Обратимся прежде всего к документальному памятнику — законам XII таблиц. Вопросу об их историчности посвящена большая литература⁹⁴, хотя специальных работ сравнительно немного. В настоящее время законы признаны подлинными свидетельствами V в. до н. э. и первой записью обычного права в Риме⁹⁵. Возможное посольство в Грецию, а точнее, к грекам, потому что оно, скорее, было отправлено в Великую Грецию, чем в Балканскую, не могло затронуть местной, римской основы законодательства и, вероятно, сказалось лишь на оформлении его, т. е. на приведении законов в некоторую систему. Но об этом можно только догадываться, так как современное построение сборника — результат работы ученых нового времени, собравших из сочинений римских юристов и писателей эти законы буквально по кусочкам. Представляется принципиально важным наблюдение Фюсте-

⁹⁴ См.: Моммзен Т. История Рима, т. I. М., 1936, с. 267—268; Idem. St.—R., Bd I—III. Lpz., 1871—1877; Voigt M. Die XII Tafeln, Bd I—II. Lpz., 1883; Täubler E. Untersuchungen zur Geschichte des Decemvirat und der Zwölf-tafeln. Berlin, 1921; Никольский Б. В. Система и текст XII таблиц. Спб., 1897; Козлов А. И. Законы XII таблиц. Автореферат канд. дис. Минск, 1950.

⁹⁵ Täubler E. Untersuchungen..., S. 62; Berger K. Tabulae duodecim.—RE, Hb. 8, S. 1914; Покровский И. А. История римского права. Спб., 1913, с. 113; Дьяков В. Н. История римского народа..., с. 113; Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима, ч. I. М., 1938, с. 56; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 73; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1950, с. 128.

ля де Куланжа⁹⁶ о том, что сходство законов XII таблиц с солоновым законодательством объясняется сходством социального переворота и условий, в которых он произошел. Следует присоединиться и к мнению В. М. Хвостова, считавшего, что законы воспроизводят «национальное право» римлян, и Б. В. Никольского, отметившего отсутствие этимологических заимствований в законах XII таблиц, отражавших именно римские институты и римский быт⁹⁷.

В пользу того, что законы XII таблиц, несмотря на их принадлежность эпохе Ранней республики, могут быть использованы для воспроизведения явлений царского периода, свидетельствует их чрезвычайно архаический язык. Однако царское время и начало царского времени — далеко не одно и то же, в том числе и по языку. Как будет показано ниже, язык римлян времени Ромула и Нумы — архаический латинский язык. Тем не менее тексты XII таблиц ближе к эпохе первых царей, чем любое произведение римской анналистики. Но главное все-таки состоит в том, что они удержали ряд очень древних норм, возникших в недрах первобытности.

Действительно, сам судебный процесс, как отмечалось учеными, носит весьма архаический характер. В том числе явку на суд ответчика должен обеспечить сам истец (I, 1—3; III, 2), равно как и явку свидетелей — заинтересованные стороны (II, 3), а также наказание за неоплаченный долг — сам кредитор (III, 3). Из глубины первобытности идет и такое установление, как убийство младенца, родившегося уродцем (IV, 1). Такое разрешение при соблюдении определенных условий приписывается Дионисием (II, 15) Ромулу. Сами эти условия (наличие 5 свидетелей), оговоренные Дионисием, тоже перекликаются с нормой, известной по законам XII таблиц, поскольку в них упоминаются *mancipium* (VI, 1), *mancipatio* (VI, 5a), совершавшиеся всегда в присутствии 5 свидетелей. Есть в законах и следы талиона (VIII, 2). Даже в статьях, утверждавших новые порядки, защиту частной собственности, слышится голос далекой эпохи, веры в злую магию (VIII, 8a и 8б). О глубокой древности говорит статья, утверждавшая решение народа (очевидно народного собрания) в качестве обязательного, т. е. закона (XII, 5). Все это позволяет использовать законы XII таблиц как источник для времени первых царей.

Отголоски древнейших установлений, коренившихся в глубинах царской эпохи, содержатся и в поздних юридических памятниках. Важные сведения о римских *gentes* и *familiae*, о когнатских и агнатских связях встречаются в Институциях Гая и в более поздних сборниках, в том числе в «*Corpus iuris civilis*», в Институциях Юстиниана и Дигестах, которые включают в себя титул, посвященный происхождению права и всех магистратур (Dig., 1, 2, 2). Этот очерк принадлежит юристу Помпонию, который начинает краткое изложение истории римского

⁹⁶ Фюстель де Куланж. Гражданская община древнего мира. Спб., 1906, с. 361.

⁹⁷ См.: Хвостов В. М. История римского права. М., 1919, с. 76; Никольский Б. В. Указ. соч., с. 30.

права с Ромула. Это важно не только потому, что у Помпония содержится конкретный материал, но и потому, что очерк свидетельствует об официальном признании древнейшей традиции и зримо показывает, как в течение веков не угасала память об ушедших в далекое прошлое событиях.

Нарративные источники очень разнообразны. Мы уже видели, что современные исследователи отказались от гиперкритического отношения к ним. Степень их значимости, по нашему мнению, не всегда определяется их сравнительной древностью и жанром. В массе сохранившихся античных свидетельств о древнейшем периоде следует все же выделить главное, вобравшее в себя утраченные первоисточники и оказавшее наибольшее влияние на последующую античную письменную традицию. Это — сочинения Цицерона, Варрона, Дионисия Галикарнасского, Тита Ливия и Плутарха, а также эрудитов — Феста, Павла Диакона и комментатора Сервия.

Марк Туллий Цицерон был высокообразованным человеком, правоведом и знатоком отечественной истории. Блестки его эрудиции разбросаны по всем его произведениям. В его трактате «Об ораторе» (II, 15, 62—63) содержится важное замечание о принципах работы историка: недопущение лжи, пристрастия и злобы. С. Л. Утченко⁹⁸ справедливо замечает, что Цицерон едва ли придерживался этих правил, особенно когда дело касалось современных ему событий. Но, излагая древнейшую историю, он, видимо, ближе стоял к истине. Он порой относился критически к рассказам о Ромуле и Нуме. Он знает своих предшественников и очень ценит Катона (г. р., II; I, 1—3). Главное значение для настоящей темы имеет трактат Цицерона «De re publica». Цицерон излагает в нем свою идею об идеальном государстве, которое должно сочетать в себе преимущества царской власти, правления первых людей и нечто вроде контроля над делами со стороны масс (I, 45, 69). К царской власти он относится очень положительно, отмечая, правда, неустойчивость этой формы, возможность ее вырождения в тиранию. Но благоприятное впечатление вызывает у него именно период первых царей. Традиция об их правлении передана Цицероном достаточно подробно.

С. Л. Утченко⁹⁹ обратил внимание на неточность перевода термина *res publica* как государства. Цицерон в рассмотрение истории Римского государства включил и Ромулов Рим. Таким образом, в понимании автора трактата Рим — уже государственное образование. Но это — вопрос интерпретации им материала, что же касается известий о событиях далекого прошлого, то тут Цицерон не дает повода для нареканий. Он говорит ту правду, которую знает. И к тому же как прекрасный знаток права он объясняет, как функционировали древнейшие римские институты управления, помогая понять, как они возникли. Воздействие Цицерона на последующую римскую (и не только собственно римскую) письменную традицию, в том числе и на историо-

⁹⁸ См.: Утченко С. Л. Политические учения..., с. 107.

⁹⁹ См.: там же, с. 84.

графию, огромно. Сообщенные им сведения представляют собой нижний пласт сохранившейся в связном виде античной традиции.

Столь же существенное значение имеет и наследие Варрона. К сожалению, из многих сочинений этого плодovitого ученого дошли до нас лишь трактат «О земледелии» и более или менее полно трактат «О латинском языке». Первый из них дает небольшой, но важный материал по экономике и аграрным отношениям, второй — массу сведений по социальной, политической, религиозной истории, по топографии древнейшего Рима, истории его языка. Варрон широко пользуется этимологическим методом. Ряд его этимологий наивен, многое не может быть принято в расчет. Но его огромная эрудиция, тонкое знание латинского и греческого языков позволяют историку извлечь из массы приводимых им вариантов объяснений происхождения слов — политических и социальных терминов, имен божеств и названий местностей — очень ценные сведения.

Варрон, как и Цицерон, хорошо знаком с италийским материалом, не только с анналистикой, но и с местными, как римскими, так и сабинскими обычаями, преданиями, верованиями. Ему свойствен сабинский патриотизм, который обуславливает появление в трактате многих деталей, проясняющих происхождение ряда древнейших римских институтов как сабинских. Но это побуждает исследователя к осторожности в обращении с данными Варрона.

Связное изложение всей древнейшей истории Рима содержится в труде Дионисия Галикарнасского, поселившегося в Риме в конце I в. до н. э. в условиях укрепления принципата Августа. И это отразилось на освещении раннего Рима греческим ритором¹⁰⁰. История первых царей, основателей римского величия, выдержана едва ли не в апологетических тонах. При этом Дионисий стремится подчеркнуть близость и даже родство италийских народов с греками. Однако наряду с такой настораживающей тенденциозностью сочинение Дионисия отличается обширной источниковой базой. Он знаком с римской традицией и особенно хорошо знает греческих историков, сицилийцев, весьма осведомленных в древнейшей италийской истории. Поэтому сведения о заселении Италии индоевропейцами, которые Дионисий передает, имеют безусловную ценность. Заслуживают доверия и многие сообщения о социальном строе и религии древнейших римлян. Он, видимо, располагал местными очень древними преданиями. Важно отметить, что Дионисию известны царские установления, причем по какому-то очень древнему тексту.

Подробно изложено начало царского периода у Тита Ливия. В его рассказе много совпадений с Дионисием, что объясняется использованием одних и тех же первоисточников, включая анналистику и Цицерона. Но есть между ними и отличия, обусловленные направлением их интересов. Ливия особенно интересуется политической историей, а его изложение социальных и этнических процессов более кратко. Вплоть

¹⁰⁰ Gabba E. Studi su Dionigi da Alicarnasso. — Athenaeum, 1960, v. 38, N 3—4, p. 175—225.

до середины XX в. мировая источниковедческая критика прилагала немало усилий, чтобы дезавуировать Ливия как историка и изобразить его лишь как риторика. За Ливием, с легкой руки Ипполита Тэна¹⁰¹, закрепилась этикетка отличного рассказчика, и за его сочинением признавались лишь художественные достоинства. Достоверность его сообщений о раннем Риме расценивалась как более чем сомнительная¹⁰². Благодаря достижениям в области смежных с историей наук можно, перефразируя известное выражение Мищенко, касающееся Геродота, сказать, что был произведен не в меру строгий суд над Ливием. Археология свидетельствует о достоверности передаваемых Ливием версий¹⁰³. Для эпохи Ранней республики и конца царского времени были выявлены кельтские и этрусские версии его традиции, была отмечена антиэтрусская тенденция в ряде его пассажей¹⁰⁴. Но есть основания говорить о знакомстве Ливия (может быть через посредство Варрона или непосредственно) с этрусской историографией I в. до н. э. в ее латинском оформлении. Интересно отметить, что А. И. Немировский¹⁰⁵, негативно относящийся к Ливию как историку, заметил, что тот заимствовал сведения о знаменьях и чудесах из жреческих книг. Но это как раз говорит в пользу Ливия, так как удостоверяет использование им понтификальных анналов, что придает его сообщениям большую надежность.

Кроме Дионисия Галикарнасского и Ливия о древнейшей истории Рима писали, конечно, и другие античные историки. Но их значение не идет в сравнение с первыми. Это зависит от разных обстоятельств: от степени сохранности трудов, как это имеет место в случае с Дионом Кассием, или от меньшего интереса к тому периоду, как у Саллюстия, Веллея Патеркула, Аппиана и Тацита; от меньшего интереса к истории собственно Рима, как у Диодора или Помпея Трога; от специфики жанра, как у Флора или Аврелия Виктора, писавших бревиарии. К тому же всем им свойственна зависимость от наших главных авторов. И все же каждый из них, не создавая подробной картины и не давая полного связного изложения, либо добавляет, порой даже существенные детали и новые версии, либо подтверждает данные традиции, либо указывает на ее неслучайный характер. Важно также, что в разных произведениях античной исторической литературы освещаются различные стороны римской жизни. Все это делает ее использование совершенно необходимым.

Кое-какие данные, касающиеся древнейших римских обычаев и религии, можно извлечь и из сочинений христианских писателей: Блаженного Августина, Арнобия, Павла Орозия, настроенных антиязыче-

¹⁰¹ См.: Тэн И. Тит Ливий. Критическое исследование. М., 1900.

¹⁰² Soltau W. Die Anfänge der römischen Geschichtschreibung. Lpz., 1909; Радциг Н. И. Начало римской летописи.— Учен. зап. Моск. ун-та, 1904, вып. 22, с. 3—8; Мартынов Г. О начале римской летописи. М., 1904, с. 1—2.

¹⁰³ Walsh P. Livy. His historical aims and methods. Cambr., 1961, p. 276.

¹⁰⁴ Bloch R. Tite Live et les premiers siècles de Rome. Paris, 1965; Franzego C. M. The life and times of Tarquin the Etruscan. Lond., 1960.

¹⁰⁵ См.: Немировский А. И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979, с. 196.

ски и, значит, антиримски, но передающих зачастую важные факты. Плутарх говорит о начале царской эпохи главным образом в биографиях Ромула и Нумы. Он использует труды своих вышеназванных предшественников, а сверх того, не сохранившиеся сочинения греческих авторов. Подобно Дионисию, он стремится подчеркнуть то общее, что есть в культуре римлян и греков и вместе с тем прибегает порой к объяснению латинских терминов с помощью греческих слов со сходным звучанием, что приводит его к неправильным утверждениям. Но, используя этот прием, он проявляет себя как автор, пытающийся самостоятельно осмыслить материал, которым он располагает, а не как компилятор. Впрочем, простое компилирование у древних авторов с точки зрения источниковедения несет в себе, как нам кажется, больше положительных черт, чем отрицательных, поскольку в более или менее чистом виде доносит до нас сведения из утраченных сочинений. Для Плутарха характерно приведение нескольких известных ему версий, что свидетельствует о его незаурядной эрудиции. Особенно хорошо он знает греческих писателей, в том числе и Диокла с Пепаретоса (R., III), а также Проматиона, автора «Истории Италии».

Многие из древних установлений, сохранявшихся в консервативном римском обществе или упоминавшихся в литературе, перестали быть понятными уже в начале эпохи Принципата. Это вызвало к жизни сочинения справочного и комментаторского характера. При вошедшей в правление Августа моде на древность, вносящую свою лепту в идеологическую опору его Принципата, появился словарь Веррия Флакка «De significatione verborum». Его текст не дошел до наших дней. Но извлечение из него, сделанное в III в. н. э. грамматиком Фестом, в значительной мере сохранилось, а то, что было утеряно, к счастью, оказалось в сокращенном, но близком к оригиналу виде, переписанном в VIII в. н. э. Павлом Диаконом. Такого рода словари время от времени составлялись на протяжении эпохи Империи и раннего средневековья. Материал был расположен в них в алфавитном порядке, пояснения порой давались со ссылками на источники помимо Веррия Флакка. Последнее особенно характерно для произведения, представляющего собой нечто среднее между таким словарем и комментарием, принадлежащим перу Нония Марцелла (III в.), — «Compendiosa doctrina per litteras». Этот ряд трудов завершается вышедшим в VII в. сочинением «Об этимологиях» севильского епископа Исидора. Исидор несомненно знаком с поздними извлечениями из словаря Веррия Флакка, но он пользуется и другими античными авторами, в том числе Цицероном, чьи утверждения передает почти дословно.

Разрозненные, но зачастую очень важные сведения о разных сторонах жизни возникающего Рима находятся в произведениях эрудитов: Плиния Старшего, Валерия Максима, Авла Геллия, Макробия.

Среди комментаторов особое место принадлежит учителю грамматики и ритору Сервию Гонорату (IV в.), давшему обширный комментарий к сочинениям Вергилия, прежде всего к его «Энеиде», с привлечением данных из произведений многих авторов, чьи сочинения не сохранились.

Античная традиция о происхождении Рима нашла поэтическое выражение. Образы Ромула, Нумы, их деяния, обычаи и установления далеких и почитаемых предков были с течением времени канонизированы и стали достоянием художественного творчества. Особым вниманием поэтов пользовалась троянская легенда. Она была воспета в эпоху Августа талантливым Вергилием. В «Энеиде» отразилась официальная идеология времен первого императора с его претензией на исконную древность рода, эпохальность и предопределенность его деяний. В настоящее время этот памятник августова века нельзя рассматривать без учета тех реальных корней и воспоминаний о действительных событиях, которые до середины текущего столетия еще считались плодом заимствования из греческих поэтических источников.

Об устойчивости традиции о происхождении Рима свидетельствует творчество поэтов и риторов. Среди множества пространных ее пересказов и ярких картинок, изображающих в стихах отдельные эпизоды, имеется одно замечательное по художественности исполнения и богатству содержания произведение, основанное на материалах антикварного характера, восходящих к Варрону и Веррию Флакку¹⁰⁶. Оно принадлежит прославленному опальному поэту Овидию, литературная деятельность которого признана блестящей, но легковесной¹⁰⁷. Это — «Фасты». В них описывается религиозный календарь, происхождение праздников и объясняются сакральные обычаи. То обстоятельство, что в поэме говорится о делах религии и культа, обеспечивает ей в значительной мере достоверность. Ведь римляне строго и скрупулезно соблюдали все сакральные нормы, хранившиеся религиозными коллегиями, возникшими в незапамятные времена. Эти коллегии с глубочайшей древности вели свою документацию и в устной и в письменной форме, никогда не утраченную полностью ни в каких перипетиях римской истории.

На это обстоятельство было обращено внимание еще В. И. Модестовым¹⁰⁸, а в наши дни согласие с мнением Модестова выразил Э. Перуцци¹⁰⁹. Овидиевы «Фасты» освещают религиозные и социальные явления не только времени первых царей, но и доромуловой эпохи.

Важное значение в качестве источника по рассматриваемому периоду имеет язык римлян. Языковые данные проясняют этногенетические процессы, культурные и экономические связи Рима, уточняют временную последовательность некоторых событий, могут служить подтверждением сообщений античных авторов.

О характере местности, где возник Рим, дает представление топонимика. Достаточно упомянуть названия холмов Виминала, Фагуталя и участка на Авентине—Лорета. Указание на значение куриий и одновременно на раннюю ступень синойкизма содержится в названиях Древних и Новых куриий.

¹⁰⁶ История римской литературы, т. I. М., 1959, с. 445.

¹⁰⁷ См.: Тронский И. М. История римской литературы. М., 1951, с. 422.

¹⁰⁸ См.: Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888, с. 22—23.

¹⁰⁹ Peruzzi E. Origini di Roma, v. I. Bologna, 1973, p. 164—165.

Имена персонажей древней истории — Нумы и ряда альбанских царей и эпонимных героев, как Сикел, — помогают понять проблему италийского населения.

Лингвистические исследования значительно продвинули наши знания о глубочайшей древности римской истории. Благодаря трудам Э. Перуцци были выявлены разновременные заимствования в латинском языке из греческого микенской эпохи и периода Великой греческой колонизации. Было доказано балканское происхождение некоторых исконных римских религиозных празднеств и жреческих коллегий.

В результате наблюдений Дж. Девото над различными вариантами слов одного корня и значения в латинском языке было установлено появление в составе римлян при доэтрусских царях массы переселенцев из Южного Лация и из его северных районов.

Источников по истории древнейшего Рима, таким образом, действительно много. Вместе с тем каждый тип их, взятый в отдельности, не может служить достаточной базой для обоснованных суждений. Только комплексное использование материалов позволяет говорить о столь отдаленном времени как о достоверной истории, по крайней мере в ее главных чертах, и притом с известной долей полноты.

ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО РИМА

Ученые уже касались вопроса о населении Италии и Рима в древнейшее время. Однако степень изученности рассматриваемой нами проблемы и специфика интереса к ней со стороны исследователей побуждают нас к проверке и уточнению полученных наукой выводов.

Какими же выводами располагает в настоящее время историческая наука? Остановимся на более значительных работах. Уже на основе античной традиции ученые пришли к важному заключению об этнической неоднородности царского Рима. Это подчеркнул еще Г. Б. Нибур¹, подробно остановившийся на исходных рубежах римской этнической истории. Ядро Рима Нибур видел в Палатине, а первыми его поселенцами он называет сикулов, или тирренов. Но тиррены у Нибура отличаются от этрусков, это — пеласги. Они и дали Риму его имя — Рома, которое не принадлежит латинскому языку. На соседнем холме обитали сабины, основавшие там свой город, который ученый условно назвал *Quirium*. На других высотах жили аборигины, а на Целии — альбанцы, т. е. латины.

В соответствии с исходным источниковедческим принципом — искать в легендарном материале следы исторической реальности — Нибур не отмечает возможности троянской колонизации Италии, хотя и считает троянскую войну мифом. В этом он следует греческой традиции о троянских поселениях на западе. Но троянское сказание, по его мнению, пришло в Рим не через греческую литературу, а имеет местное происхождение, поскольку троянцы у него — это пеласги-тиррены. Картина древнейшего населения Рима, созданная Нибуром, была в XIX в. наиболее подробной. Он первым собрал материал греко-римской традиции и настолько глубоко изучил его, что ему удалось высказать предположения, справедливость которых была подтвержде-

¹ Niebuhr G. B. *Römische Geschichte*, 5 Aufl. Berlin, 1863, S. 25—26, 162—169, 212, 215.

на наукой через сотню лет, как это имело место в случае с троянской легендой. Нибур поверил сообщению античных авторов о наличии в Риме трех патрицианских триб Рамнов, Тициев и Луцеров. Но в ромулово время среди них нет еще этрусков, потому что Луцеры, как потом и Тарквиний Приск, — это латины. Далее римское население росло преимущественно за счет латинов. Таким образом, по Нибуру, хотя дальнейшая история царского Рима развивается преимущественно в рамках латино-сабинской общины, на первых порах большую роль играют пеласги, основной субстрат всего итальянского населения. Правда, следует иметь в виду неопределенность этнонима «пеласги», в число которых входят и сикулы, и тиррены.

После Г. Б. Нибура вплоть до Т. Моммзена вопрос о римском населении рассматривался кратко, преимущественно в связи с проблемой патрициев и плебеев. Именно так обстоит дело в работе Д. Л. Крюкова «Мысли о первоначальном развитии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении» («Пропилеи», 1854, т. IV), вышедшей ранее под псевдонимом Пеллегрини на немецком языке². Как и Нибур, он проводит идею смешанного этнического характера первоначальных римлян, причем обоих сословий, так что патриции у него — латины с незначительной примесью сабинов, а плебс — латины с сильной примесью этрусков (с. 3—4).

Т. Моммзен в I томе «Истории Рима»³ (М., 1936) уделяет место населению Италии. Но он исходит из устаревшего теперь положения об отсутствии памятников первобытности на Апеннинском полуострове, предполагает, что до прихода «индогерманцев» в Италии бродил охотничий народ «чуждой расы». В исторически же обозримое время Италия — место действия индогерманцев, италиков, родных братьев греков. В Риме Моммзен, признавая синойкизм трех общин, назвал древнейшими поселенцами Рамнов, которые были латинами. Латинами же он считал и Луцеров, а в Тициях видел сабинов.

В труде Цоллера «Лаций и Рим»⁴ туземное население римской территории охарактеризовано как латинское. Его превратили в плебс сабинские завоеватели, ставшие патрициями. К аналогичным выводам пришел и Фольквардсен⁵, считавший Рим сабинской колонией в Лации и, стало быть, видевший в латинах и сабинах древнейшие компоненты римского населения.

Иную этническую картину рисует Куно в «Предыстории Рима»⁶. Он подчеркивает роль этрусков в ранней римской истории настолько, что представляет себе Рим в качестве колонии этрусков на латинской земле, откуда следует, что древнейшим населением Рима были, прежде всего, латины, а затем этруски.

² Pellegrino. Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patrizier und Plebeier. Lpz., 1842.

³ Первое издание: Mommsen Th. Römische Geschichte, T. I. Breslau, 1854.

⁴ Zöllner M. Lazium und Rom. Lpz., 1878.

⁵ Volquardsen C. D. Die ältesten römischen Tribus.— RhM, 1878, v. 33.

⁶ Cuno J. G. Vorgeschichte Roms, T. I. [S. 1.], 1878.

В. И. Модестов⁷ считал Рим латинской колонией на Тибре, хотя полагал, что сабинское поселение на Квиринале предшествовало Ромулову на Палатине.

Как видно, в центре внимания названных ученых, как и их последователей и оппонентов (среди которых — Ю. Биндер, давший полную сводку мнений о патрициях и плебейх, в том числе с точки зрения этнической⁸, а позднее — Ф. Рибеццо⁹, А. Бернарди¹⁰, Ж. Пусэ¹¹ и др.), все же был Рим Ромула, который не может, как теперь известно, считаться первоначальным поселением.

С конца XIX в. положение меняется. К исследованию древней истории все более активно подключаются археологи, антропологи, лингвисты. С расширением источниковой базы расширяются и исследуемые территории. На первый план выходит Италия. Значение этих шумидей для воссоздания римской истории подчеркнул В. И. Модестов¹², давший великолепный обзор современного ему состояния науки, высоко оцененный и широко использованный Ю. Биндером¹³ и А. И. Немировским¹⁴.

Конец XIX в. знаменует собой рубеж в изучении населения Древней Италии. Оно становится предметом интереса в связи с рассмотрением «доисторических» культур. Напомним, что открытие террамар и виллановы сказалось на истории древнейшего Лация и Рима.

В носителях культуры бронзы Пигорини и Гельбиг¹⁵ признали продвинувшихся к югу террамарцев, которые, согласно В. И. Модестову¹⁶, представляли собой первую волну италиков, прибывших из-за Альп. Данный народ, по Пигорини, вероятно именно в Лации перешел на стадию железного века, получившего классическое выражение в вилланове, против чего возражал Модестов, относивший эту культуру к новой заальпийской волне италиков¹⁷. Эти исследования привлекли внимание историков к проблеме населения. Показательна в этом смысле работа И. В. Негушила¹⁸, который подчеркивал наличие доиндоевропейского субстрата в Италии.

Много было сделано учеными и в области исследования населения Италии каменного века. Наряду с изучением жилищ человека эпохи

⁷ См.: Модестов В. И. Образование римской расы и условия римского величия.— ЖМНП, 1896, № 5, отд. 2, с. 1—27.

⁸ Binder J. Die Plebs. Lpz., 1909.

⁹ Ribezzo F. Numa Pompilio e la riforma etrusca della religione primitiva di Roma.— In: Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei, 1951, v. V, f. 11—12, p. 533—573.

¹⁰ Bernardi A. Periodo sabino e periodo etrusco nella monarchia Romana.— RSI, 1954, f. 1, p. 5—20.

¹¹ Poucet J. Recherches sur la legende sabine des origines de Rome. Louvain, 1967; Idem. Les sabins aux origines de Rome. — ANRW, Bd I, T. 1, S. 48—135.

¹² См.: Модестов В. И. Введение в римскую историю, ч. I. Спб., 1902, с. 67.

¹³ Binder J. Op. cit., S. 303—309, 312, 319, 320, 324, 328.

¹⁴ См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 52—54.

¹⁵ Helbig W. Die Italiker in Poebene. Lpz., 1879.

¹⁶ См.: Модестов В. И. Введение..., с. 146, 150.

¹⁷ Там же, с. 154—155.

¹⁸ См.: Негушил И. В. Обзор римской истории. Харьков, 1912, с. 4—9.

неолита, представленных пещерами и основаниями примитивных жилищ, были изучены и скелеты их обитателей. Краниологические исследования выявили распространение по Апеннинскому полуострову и прилегающим островам, на территории современных Франции и Испании, а также Северной Африки неких долихоцефалов, которых итальянский антрополог Дж. Серджи назвал средиземноморской расой, имевшей родиной Восточную Африку¹⁹. Сопоставляя этот феномен с сообщениями античной традиции, ученые сделали вывод об идентичности средиземноморцев с лигурами в указанных районах Европы. Параллельно шло изучение лигуров по лингвистическим, преимущественно топонимическим данным. Немецкий ученый Мюлленхоф и французский Д'Арба де Жубенвиль склонялись к признанию индоевропейского характера лигурийского языка, что было подвергнуто сомнению уже В. И. Модестовым²⁰. Позднее стали отходить от понимания языка лигуров как индоевропейского. В частности, его сближали с этрусским²¹. В настоящее время независимо от связей лигурийского и этрусского языка представление о лигурах как о неиндоевропейцах преобладает и лигуры рассматриваются как предшественники индоевропейцев в Италии²². В преодолении взгляда на лигуров как на индоевропейцев особую роль сыграла книга Дж. Серджи «От Альбы Лонги до Рима»²³. В ней на основе антропологических показаний говорится о принадлежности лигуров и близких к ним сикулов к средиземноморской расе. Опираясь на приведенную Дионисием версию о том, что аборигены были колонистами лигийцев, Серджи фактически отождествляет эти племена. Используя накопленный лингвистический материал и исходя из признания огромного количества существующих в латинском языке неиндоевропейских, лигуро-сикульских суффиксов (-sco, -la, -lla, -lli, -ia, -lla, -nia, -a, -sa, -essa, -pa, -ma, -fa, -ta, -sta, -i), он показывает широчайшее распространение лигуро-сикулов по всей Италии, включая Рим. Он полагает, что Рим — лигуро-сикульское слово. Серджи решает проблему древнейшего населения в духе модного в Италии 30-х годов нашего века автохтонизма, совершенно сводя на нет значение италиков, в частности латинов в ранней истории Рима. И латины, и позднее умбры и самниты, по его убеждению, — все в основе своей лигуро-сикулы с незначительным и ничего не значащим вкраплением арийских имми-

¹⁹ Об этом см.: Модестов В. И. Введение..., с. 69—73.

²⁰ См.: Модестов В. И. Введение..., с. 78—80.

²¹ SE, 1929, v. III, p. 65—66; Magi F. Etr. tular.— Ibid., p. 67—72.

²² Laurenzi L. La civiltà villanoviana e la civiltà del ferro dell'Italia Settentrionale e dell'Europa centrale.— In: Civiltà del ferro. Bologna, 1960, p. 7, 28; Palolotino M. Le origini storiche dei popoli italici.— In: Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, v. II. Firenze, 1955, p. 10, 30; Bottiglioni G. Relazioni di sostrato liguro nei dialetti italici.— In: Civiltà del ferro. Bologna, 1960, p. 407—419; Paribeni R. Storia di Roma, v. I. Bologna, 1954, p. 28; Pisani V. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. Torino, 1953; Krahe H. Die Indogermanisierung Griechenlands und Italiens. Heidelberg, 1949, S. 34—37.

²³ Sergi G. Da Alba Longa a Roma. Torino, 1934. (См. с. 5, 6, 27, 31).

грантов. Эти представления долго давали себя знать среди итальянских ученых и особенно настойчиво утверждались Дж. Патрони²⁴.

При всех преувеличениях Серджи нельзя все же не отметить ряд его интересных наблюдений, в частности касающихся лигурийского происхождения римской метрополии Альбы Лонги. Он отмечает, что название «Альба», чрезвычайно часто встречающееся во всех местах обитания лигуров, не имеет ничего общего с латинским словом «белая». В связи с этим Серджи упоминает, что первоначальное название Тибра было «Альбула», а обычным его эпитетом у поэтов — «flavus» по красновато-бурому и вовсе не белесому цвету реки. Вместе с тем топоним Альба зарегистрирован в горных местностях, а Страбон заявляет, что Альпы ранее назывались 'Αλβία. Отсюда вытекает, что Альба Лонга получила свое название не от латинян, они лишь добавили вторую часть.

Следует отметить, что сам заголовок книги Серджи весьма симптоматичен, поскольку акцентирует внимание читателя на доромуловом Риме. А указание на то, что римляне восприняли принадлежащий более раннему населению топоним Альба, может служить, по нашему мнению, дополнительным аргументом в пользу того, что древнейшим элементом римских поселенцев были лигуро-сикулы. И это тем более вероятно, что не является изолированным фактом в истории итальянских городов: подобное имело место и в Мантуе²⁵.

Все достижения науки по данному вопросу собраны в книге П. Дукати²⁶. Он дал в ней эскиз картины последовательного напластования этнических единиц, начиная с эпохи каменного века.

Археологическое наступление на Италию продолжалось из года в год, особенно усилившись после второй мировой войны. Новые археологические материалы заставляли ученых пересматривать положения, касавшиеся этногенеза Италии, выдвигать новые проблемы в изучении этногенетического процесса. Отражение этой фазы в развитии науки нашло место и в обобщающих трудах М. Паллотино²⁷, особенно в его докладе на X Международном конгрессе исторических наук «Происхождение итальянских народов»²⁸. Богатство археологических материалов, характеризующих районы обитания известных традиции народов, Паллотино сопоставляет с лингвистической картой Италии середины I тыс. до н. э. и делает важные выводы: напластование индоевропейских языков на неиндоевропейские происходило постепенно в продолжение длительного времени, начиная с эпохи «доисторической» до римского завоевания, процесс индоевропеизации шел через Адриатику в направлении с востока на запад, начавшись на юге Италии, вероятно, не в виде двух больших волн италиков, разделенных несколькими

²⁴ Patroni G. La preistoria. Milano, 1951.

²⁵ Altheim F. Der Ursprung der Etrusker. Baden-Baden, 1950, S. 11—13.

²⁶ Ducati P. Come nacque Roma. Roma, 1939.

²⁷ Pallotino M. Etruscologia. Milano, 1955, p. 22—54.

²⁸ Pallotino M. Le origini storiche dei popoli italici — In: Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche, v. II. Firenze, 1955, p. 43—46.

веками, а путем колонизаций и внедрения разных италийских ветвей одновременно. Вместе с тем возможны были и спорадические индоевропейские включения в Италию с севера, т. е. из дунайско-балканских областей в паданскую долину. Это положение противоречит старой теории Пигорини — Модестова, но согласуется с данными классической традиции о заселении Апеннинского полуострова италами, певкетами, моргетами, хонами, авзонами и другими племенами.

Паллотино обращает особое внимание на версию, которая восходит к Антиоху Сиракузскому, представляющую италов, моргетов, энотров, даже сикулов, как единый народ. Взаимосвязь этих элементов выражена в легендах через появления эпонимов одного народа в качестве царя другого (Итал — царь энотров, Сикул — авзонов и т. д.). Важно, что М. Паллотино, подытожив работу многих ученых, подчеркнул наличие разных этнических пластов у омбриков, или умбров, и сикулов. Названные этнонимы принадлежат доиндоевропейскому населению, частично покоренному и ассимилированному, частично вытесненному индоевропейцами, италиками и неиталиками. Ведь словарь упомянутых индоевропейских языков изобилует неиндоевропейскими словами, особенно в области технической терминологии, а античная традиция в этом смысле двояко характеризует и умбров, и сикулов. Для нас важно, что в науке, вслед за Дионисием, признано различие между сикулами-автохтонами и индоевропеизированными сикулами, носителями языка, входившего в сикуло-латино-фалисскую группу, захватившими Восточную Сицилию. Так обитание лигуро-сикулов в древнейшем Лации, включая будущий Рим, получило новое убедительное подтверждение.

Уже в 50-е годы прозвучал отказ от бытовавшего в науке мнения²⁹ о том, что предания об Эвандре и Геркулесе, т. е. о греках, пребывавших на месте возникающего Рима, обязаны своим появлением и распространением моде на греческую культуру, с которой Рим вплотную соприкоснулся в III—II вв. до н. э., и со стремлением греков связать прошлое могущественного Рима со своим прошлым. Паллотино не исключал, что первая доколониальная иммиграция греков в Италию — возможно исторический факт. Античные писатели характеризовали ее как аркадскую. Но в свете поздней микенской торговой экспансии точнее назвать ее ахейской. Особенно примечательны, по мнению Паллотино, некоторые связи между латинским языком и аркадо-эолийским диалектом микенской эпохи.

Для изучения проблемы населения важную роль сыграли работы, посвященные троянской легенде, исследованию ее корней. Наиболее характерными с точки зрения постановки вопроса или наиболее значительными в выводах нам представляются труды Дж. Кардинали, А. Альфельди и Ф. Бёмера.

С течением времени было совершенно забыто замечание Г. Б. Нибура, что троянская легенда сложилась на местной почве, а не пришла

²⁹ См.: Жебелев С. А. Древний Рим, ч. I. Пг., 1922, с. 57; Cardinali G. *Le origini di Roma*. Roma, 1949.

в Рим через греческую литературу³⁰. Кардинали³¹ не сомневался в легендарности сложившегося в эпоху Августа рассказа о прибытии Энея в Италию. Но Альфельди в книге «Троянские предки римлян»³² привел археологические доказательства, что эта легенда возникла до распространения греческого влияния в Риме III—II вв. до н. э. Ф. Бёмер посвятил ей книгу «Рим и Троя»³³. Возражая Ж. Берару, считавшему сказания о скитаниях Энея отражением пеласгического движения на запад, и Ж. Перре, видевшего в них римское творчество III в. до н. э., Бёмер показал ранние, связанные с Этрурией корни саги. Он обратил внимание на находку Джильоли в Вейях статуэтки Энея, несущего отца Анхиза, которая не может быть датирована позднее начала V в. до н. э., на хранящийся в Парижской национальной библиотеке скарабей VI в. до н. э. с изображением Энея с Анхизом, держащим круглую цисту, на греческие вазы с аналогичным изображением, датированные 530—500 гг. до н. э., обнаруженные в этрусских городах собственно Этрурии, Кампании и Северной Италии. Топографические и лингвистические данные, по мнению Бёмера, также ведут исследователя в направлении Этрурии. Так, название местечка Троя в Южном Лациум, как и в Северной Италии, — доиндогерманское, т. е. доиндоевропейское, а значит, восходит ко времени ранее VI в. до н. э. Принесение сказания об Энее из Малой Азии в Италию может быть объяснено отношениями этрусков с фокейцами в VII—VI вв., их знакомством, их контактами, пусть и недружественными. Окончательно сага сложилась к VI в. в районе нижнего Тибра в условиях этрусско-латинской культурной общности.

Далее в книге исследуется традиция о пенатах, спасенных Энеем и перенесенных из Трои в Италию. Отталкиваясь от сообщения Варрона о том, что римляне до этрусков не имели антропоморфных изображений богов, что признано особенностью «индогерманцев», Бёмер трактует мелкую пластику ранних альбанских погребений как принадлежность или влияние доиндоевропейского, средиземноморского населения Лация. Влияние этого искусства он прослеживает и в погребениях Виминала и Порта Пероне, что он истолковывает как связь Альбы с Римом. Основной вывод Бёмера касается римской религии. Он видит в ней «три души», символически соединившиеся в сердцевине римских верований, т. е. в *penus Vestae*; это средиземноморские пенаты в круглом средиземноморского типа здании «индогерманской» богини Весты, не получившей здесь изображений в соответствии со своим индоевропейским происхождением. Отсюда проистекают выводы Бёмера относительно сложного этнического состава изначального Рима — средиземноморцев и индоевропейцев.

Значение рассмотренного этапа в изучении проблемы древнейшего населения Италии состоит не только в установлении важных фактов,

³⁰ Niebuhr G. B. *Römische Geschichte*, S. 107—108.

³¹ Cardinali G. *Le origini di Roma*, p. 8—9.

³² Alföldi A. *Die troianischen Urahnen der Römer*. Bäle, 1951.

³³ Bömer F. *Rom und Troia. Untersuchungen zur Frühgeschichte Roms*. Baden-Baden, 1957, S. 13—38, 68—83, 114—117.

но и в переходе к принципиально новой по сравнению с началом XX в. оценке античной традиции.

Античные писатели, как известно, донесли до нас сведения о том, что Рим возник как неоднородный в этническом отношении организм, состоявший из латинов, сабинов и этрусков. Таким он выглядит и в царскую эпоху. Известно также, что вырос Рим не на пустом, а ранее заселенном месте.

Древнейшие сведения о населении Италии восходят к гомеровскому эпосу. В «Одиссее» упоминается Сикания (XXIV, 307), сикелы (XX, 383) и сикельская рабыня в доме отца Одиссея (XXIV, 388—390). Эпонимный герой латинов, царь Латин фигурирует в «Теогонии» Гесиода (1013). Вообще интерес к Италии в греческой литературе развился особенно у западных греков (Стесихор, Тимей, Ликофрон), но он был и у Гелланика Митиленского, Фукидида, Аристотеля, трагиков. Однако их сведения по интересующему нас вопросу сохранились лишь в незначительных фрагментах в передаче поздних авторов. То же относится и к наиболее древним италийским авторам, т. е. ранним анналистам, поэтам Невию и Эннию.

Сколько-нибудь полное изложение истории древнейшего доромулова Рима, точнее, той территории, на которой потом вырос Рим, принадлежит уже писателям, жившим (за исключением Катона) в эпоху Поздней республики. Будь то римляне, греки или жители других покоренных Римом стран, их сочинения входят уже в состав римской литературы в широком смысле слова.

Произведения античных авторов, откуда мы черпаем сообщения по интересующему нас вопросу, относятся к разным жанрам. Они написаны либо на латинском, либо на греческом языке и представляют собой разные версии античной традиции: римскую, в узком значении этого слова, и греческую. Каждая из них, в свою очередь, имеет варианты.

Интерес к своему прошлому наряду с политическими потребностями вызвал у римлян к жизни антикварную литературу. Среди представителей этого направления первое место принадлежит Варрону.

М. Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.) — автор, значение сочинений которого для ранней римской истории трудно переоценить. Это разносторонний, широко образованный ученый. Ни в одном из хорошо сохранившихся его трактатов («О сельском хозяйстве», «О латинском языке») нет специального раздела, касающегося римского этногенеза. Однако его стремлению объяснить термины и названия, его историческому подходу к явлениям культуры в широком смысле слова мы обязаны множеством замечаний, поясняющих картину этнического развития в глубочайшей древности. Рассуждая о приоритете сельской жизни перед городской, Варрон замечает, что первым городом в Римской области был Рим, основанный царем Ромулом (Rg, III, 2—3). Однако на месте будущего Рима жили разные поселенцы. На Палатине — пришедшие из Палантия с аркадянином Эвандром (II, V, 21), откуда, согласно одной из версий, произошло название холма (II, V, 53). Были здесь и другие греки, знатные арвивяне, сопровождавшие Гер-

кулеса, воспоминание о которых якобы осталось в названии Аргеев (II, V, 45; VII, 44). Передает он и предание о троянцах Энея, об основании им Лавиния, а его потомками — Альбы (II, V, 144; Rg, II, 4, 18). Упоминает он и об аборигинах, которые пришли на римскую землю из реатинской земли, называемой Палатием. Это наименование и было, по второй версии, перенесено на римский холм (II, V, 53). В его труде говорится и о царе Латине в связи с еще одной версией происхождения названия Палатина — по жене царя Латина — Паланте (II, V, 53). Но отношение Латина к аборигинам остается неопределенным. Ясно только, что аборигины населяли первоначально Сабинскую область, т. е. жили недалеко от Рима, как, впрочем, и пеласги (тг, III, 1, 6). Эти сведения несомненно заслуживают особого доверия. Ведь Варрон был родом из Реате и, конечно, должен был интересоваться и знать свои древности и местную традицию. Ссылаясь на Энния, Варрон рассказывает, что первоначально Капитолий назывался Сатурнием или горой Сатурна. Вступая в противоречие с упомянутым утверждением, что Рим был первым городом, он говорит, что существовал город (opridum) Сатурния (II, V, 42). Но Сатурн у него — бог, причем Сатурн и Опс в Лации — главные боги (II, V, 57): во имя божества Сатурна во время Сатурналий и зажигаются восковые факелы. Этимология имени связана с satus (II, V, 64). Но учреждение его культа в Риме, как это нередко бывает у сабинина Варрона, «отдает сабинизмом»³⁴. Таким образом, и об отношении Сатурна к аборигинам на основе текстов Варрона судить не приходится.

Присутствие латинов в древнейшем Лации как бы само собой разумеется. Специально оно фиксируется Варроном один только раз для Альбы (Тиберин назван царем латинов — II, V, 30) и два раза — для Лация вообще. Первый раз он определяет как богов латинов Фавна и Фавну (II, V, 36), а второй — констатируя нелатинскую этимологию названия Тибра и относя ее к имени вейтского царька Тебра. Варрон приводит и другую этимологию, связывающую название реки с Тиберином. Но это название он считает поздним, т. е. древнее латинское название реки было Альбула (II, 29—30). Варрон безусловно ошибается, считая слово Альбула латинским (см. выше). Но важно, что он помещает латинян в Лации и, стало быть, в Риме до смерти утонувшего в реке Тиберина, т. е. считает их современными веренице ранних альбанских царей. Мельком, устанавливая этимологию слова «Ierus», он упоминает сикулов, происходящих из Рима (II, V, 101). О влиянии сикулов на латинский язык, в представлении Варрона, следует судить по его замечанию о том, что слово *catinus* может происходить от соответствующего сикульского слова (II, V, 120). Итак, у Варрона складывается следующая картина древнейшего населения Рима: сикулы, греки (аркадяне и аргиевляне), аборигины (близкие сабинам), троянцы и латины.

Ко II, а может быть III в. н. э. относится деятельность Секста Помпея Феста, продолжавшего в литературе линию антикваров. Он

³⁴ См.: Сергеевко М. Е. Комментарий.— В кн.: Варрон. Сельское хозяйство. М.—Л., 1963, с. 191.

составил извлечение из труда М. Веррия Флакка, написавшего по приказанию Августа на основе сочинения Варрона труд «О значении слов». Таким образом, Фест в конечном счете базируется на сообщениях более ранних писателей. Среди важных слов, требовавших уже в I в. до н. э. объяснений, встречается *aborigines* — «aborигины», которые определяются как древнейшее племя Италии, получившее название в связи с тем, что люди, блуждая (*errantes*), достигли земли, которая теперь является римской. Объясняет он и «*Prisci Latini*» как население, которое существовало на притибрских холмах до основания Рима. К сожалению, сочинение Феста дошло до нас с большими лакунами, частично восполняемыми сокращенным вариантом этого произведения, выполненным Павлом Диаконом (VIII в. н. э.). В словарях Феста и Павла Диакона содержатся краткие сведения об отдельных племенах, населявших Италию, в том числе Лаций, об этнической принадлежности римских *gentes*. Известия, сообщаемые эрудитами, в значительной степени восходят к Варрону. Но Веррий Флакк, а за ним и другие, пользовались и сочинениями анналистов.

Во второй половине III в. н. э. ученым-грамматиком Г. Юлием Солином было написано сочинение «Достопримечательности» («*Collectanea rerum memorabilium*»). В соответствии с тогдашним направлением в развитии римской историографии оно представляет собой сокращение труда Плиния Старшего и других авторов и содержит рассказы о природе, сведения географического и иногда исторического характера. В частности, ссылаясь на Катона, Солин говорит, что Тибур основан аркадянином Катиллом, начальником флота Эвандра, который, по свидетельству Секстия, был из числа аргивской молодежи. Катилл приходился сыном Амфиараю. После смерти отца под Фивами, Катилл был послан дедом Оклеем на поиск нового места поселения в порядке *ver sacrum*. Он достиг Италии, где у него родились три сына — эпонимные герои — Тибурт, Кор и Катил (*Solin*, II, 7—8). Рассказывает Солин и об аркадянах в Риме, где они заселили Палатий, которым долго владели, но, отправившись в Реате, оставили Палатий аборигинам. Таким образом, у Солина, пользовавшегося летописными источниками, в качестве древнейших поселенцев Рима фигурируют аркадяне и какие-то аборигины. С точностью определить, кто из них был здесь первым, трудно. Но приоритет в основании города на Палатине аркадянами вытекает из текста Солина несомненно (*Solin*, I, 14).

В VII в. н. э. в связи с интересом к Риму, в том числе к римскому праву, Исидором Севильским было написано сочинение этимологического характера. В нем содержится замечание, относящееся к нашей теме. Выясняя значение термина «латины», Исидор упоминает о латинах «*ante Romam conditam*», откуда следует их наличие в Лации в доумуловое время.

Особое и важнейшее значение имеют произведения античной исторической литературы. Наиболее ранним из историков, сохранившим сведения о римской этнической истории, является Саллюстий. В кратком экскурсе в историю формирования Римского государства, содержащемся в «Заговоре Катилины», Г. Саллюстий Крисп (86—36 гг.

до н. э.) утверждает: «Город Рим, насколько я узнал, основали и владели им сначала троянцы, которые бежали вместе с вождем Энеем, и с ним абorigины, племя дикое, без законов, без власти и своевольное» (Соп. Cat., 6, 1). Далее Саллюстий сообщает, что эти разнородные и по происхождению, и по языку, и по культуре элементы удивительно легко и быстро сжились и объединились в едином полисе (civitas — Соп. Cat., 6, 2). Словом, у него выражена традиционная римская версия начала римского этногенеза и отмечен мирный характер этого процесса.

Ранней историей Рима интересовался и Диодор Сицилийский (ок. 90—21 гг. до н. э.), правда, внимание его направлено преимущественно на эпоху Ранней римской республики. Сведения, сообщаемые им по проблеме населения древнейшего периода, отрывочны и односторонни. Несомненную ценность имеют его сообщения о передвижении по Италии сикелов.

Весьма полно античная традиция представлена Дионисием Галикарнасским (с 30 г. до н. э. в Риме), который основывается преимущественно на сообщениях греческих авторов, по большей части утраченных, но учитывает и данные анналистов, в том числе наиболее авторитетного римского писателя Катона Старшего. Из пространного рассказа Дионисия выясняется, что первоначально территория Рима, как и всего Лация, была занята варварами-сикелиотами (I, 19; 16; 17), которые в другом месте названы владельцами Сатурнинской земли (I, 19). Затем она была захвачена пришедшими с гор абorigинами (I, 9), к которым потом присоединились пеласги и другие эллины (I, 9; 17). Эта смесь народов получила впоследствии название латинов по имени правившего там царя Латина (I, 9).

За 60 лет до Троянской войны прибыл из Паллантия в страну абorigинов аркадянин Эвандр, которому правивший там Фавн добровольно дал землю (I, 31). Эвандр основал на месте будущего Рима первый город, который был назван либо по метрополии, либо по внуку Эвандра — Паллантием (I, 32). Через несколько лет на пути из Испании в Грецию здесь оказывается Геракл. Часть спутников его, т. е. пелопоннесцы, фенеаты, эпеи из Элиды, а также пленные троянцы, поселяются на Сатурнийском холме (Капитолии — I, 34). После победы над Каком Геракл-Геркулес получает почести и устраивает ответные угощения для соседей, в том числе лигив (I, 40).

Через два поколения после ухода Геракла из Италии у побережья Лация, недалеко от Лаврента, высидились бежавшие с Энеем троянцы (I, 45), которые основывают Лавиний, а спустя 30 лет после того — Альбу Лонгу и многие другие латинские города (I, 45; 56). Потомки же альбанских царей закладывают Рим.

Резюмируя, Дионисий (I, 60; 89; II, 1—2) перечисляет народы, от которых пошел римский народ: 1) абorigины, выгнавшие сикелов, бывшие древними эллинами из Пелопоннеса, переселившимися из Аркадии с Энотром; 2) выселившиеся из Фессалии пеласги; 3) жители Паллантия, основанного Эвандром; 4) воевавшие вместе с Гераклом пелопоннесцы, эпеи и фенеаты с частью троянцев; 5) троянцы, спасшие-

ся с Энеем из Илиона, Дардана и других городов (I, 60), причем троянский народ по большей части — эллинский из Пелопоннеса (I, 61). Обращает на себя внимание тот факт, что греческий ритор Дионисий у истоков римской истории помещает прежде всего пелопоннесских греков, а среди них в первую очередь аркадян, особенно если учесть, что и аборигины, а следовательно и латины, а также троянцы у него в значительной части тоже эллины. Первоначальным же населением, по Дионисию, являются сикелы, и поблизости от них — лигии.

Менее подробно говорит о древнейшем доримском населении Лация и будущей территории *urbs* Тит Ливий (59 — до 17 г. н. э.). Лаврентская область Лация принадлежала, согласно ему, аборигинам (I, 1, 5; 2, 1). После падения Трои приехал сюда с троянцами Эней. В результате объединения аборигинов с троянцами (I, 1, 9—10) этот смешанный народ был назван Энеем латинами (I, 2, 4). Во главе с Энеем ими был основан Лавиний (I, 1, 11), а через 30 лет после него — Альба Лонга (I, 3, 3—4) и затем Рим и другие города (I, 5, 1—2). Однако до основания Рима близнецами на месте будущего города уже существовало поселение Паллантий, где жил аркадянин Эвандр (I, 5, 2; 7, 4; 7, 8). Здесь же пребывал одно время по дороге домой Геркулес, убивший Герiona (I, 7, 4). Таким образом, интересующий нас ареал первоначально был населен никак не охарактеризованными Ливием аборигинами, названными затем латинами, троянцами и пелопоннесскими греками. Но у Ливия они не доминируют, акцент делается скорее на троянцах. Показательно в этом смысле замечание о том, что готовившаяся при Тулле Гостилии обемии сторонами, т. е. римлянами и альбанцами, война была похожа на междоусобную (*civile*), потому что и римляне, и альбанцы были троянскими потомками (I, 23, 1). Традиция Ливия, как и Дионисия, легла затем в основу сочинения Диона Кассия (I, 3—4).

Николай Дамасский (64 г. до н. э. — 2-е десятилетие н. э.), образованный историк, современник Августа, в 7-й книге своей «Истории» писал и о древнейшем Риме. Но в дошедшей до нас отрывках сохранился рассказ, начиная только с того времени, когда Фаустул решил открыть Нумитору тайну рождения близнецов, т. е. с альбанского периода римской древности, и кончая войной с сабинянами после похищения девушек. В нем он следует римской традиции, даже ссылается на Фабия, вероятно Пиктора (*Hist.*, VII). Можно поэтому думать, что в несохранившемся тексте «Истории» излагалась традиционная версия о троянцах — основателях города. Это предположение находит подтверждение в другом сочинении Николая («Жизнь Цезаря»), посвященном императору Августу. Там сказано, что об Юлии

Рис. 3.
Статуэтка с изображением
Энея и Анхиза

Цезаре в народе «говорили, что он хочет учредить, свою столицу в Иллионе по причине древнего родства с дарданцами» (Ехс. De insidiis., XX, 68).

В своей всемирной истории галльский уроженец Помпей Трог, также современник Августа, человек начитанный в области греческой и римской литературы, уделяет внимание именно истории древнейшего Рима. Судя по извлечению, сделанному в эпоху Антонинов Юстином, в 43-й книге сочинения Трга говорится об аборигинах и их царях — Сатурне, Пике, Фавне и внуке последнего — Латине, который оказывается сыном Геркулеса (43, 1, 9), и о приходе из аркадского города Паллантея в Италию Эвандра. Правивший здесь Фавн выделил ему и прибывшим с ним людям поля и гору, которую Эвандр назвал Паллацием (Iust., 43, 1, 6). Затем повествуется о прибытии Энея (43, 1, 10), строительстве Лавиния, а также об Аскании, построившем Лонгу Альбу (43, 1, 13). В общем, Юстин и Трог передают версию об автохтонном аборигинском населении Рима и о мирном проникновении греков, в том числе заселении аркадскими греками Палатина.

У эпитоматора Л. Аннея Флора (1-я пол. II в. н. э.) римская история изложена кратко. Флора особенно интересовала история войн, которые вели римляне. Тем более важны те его сведения, которые войн не касались. Жанр эпитомы обязывает к отбору фактов. У Флора он не выглядит случайным. Применительно к древнейшему периоду эпитоматор базируется на устоявшейся традиции. Говоря об открытии азиля Ромулом, Флор, в противоречии с общепринятой последовательностью событий, отметил разноплеменность тех, кто воспользовался этим убежищем, — латины, этруски и даже заморские пришельцы — фригийцы, прибывшие с Энеем, и аркадцы Эвандра. «Так из различных элементов он, Ромул, составил единое тело и создал самый римский народ» (I, 1, 9). Наряду с традиционными латинами, греками и троянцами здесь анахронистически упоминаются и этруски.

Корнелий Тацит (55—120 гг. н. э.) неоднократно обращается к истокам римской истории. Он отмечает гетерогенность древнейшего Рима, говоря, что мудрый Ромул включил в государство бывших врагов, принадлежавших ко многим народностям (App., XI, 24: *pleros populos*). Дважды для более раннего времени им упоминаются греки-аркадяне, Эвандр и Геркулес, однажды он называет аборигинов, которые научились письменности у аркадянина Эвандра (App., XI, 14). В рассказе, посвященном времени Нерона, Тацит сообщает и о приписываемых Нерону пожарах в столице, в огне которых погибли многие древние святилища, в том числе «большой жертвенник и храм, посвященный аркадянином Эвандром Геркулесу в его присутствии» (App., XV, 41). Из этого явствует, что Тацит в признании греческого элемента в древнейшем Риме исходит из глубоко укоренившейся в сознании его современников литературной традиции, материализованной в официальном памятнике. О троянском происхождении римлян он говорит в разной связи постоянно. Илион Тацит называет «памятником нашего происхождения» (App., II, 54). Да и сами жители Иллиона, согласно ему, верят в исконное свое родство с предками римлян и видят в нем осно-

вание для получения привилегий своему городу от императоров. Заявляя, что «Троя — мать Рима», что «римский народ происходит из Трои», они претендуют на постройку храма Тиберию (App., IV, 55), ходатайствуют о снятии с них всех повинностей, что было поддержано юным Нероном (App., IV, 55; XII, 58). Официально признано, по Тациту, происхождение рода Юлиев от троянца Энея и сабинское происхождение родоначальников римлян (App., IV, 9; 43; XII, 58; XVI, 27). Описывая пышные похороны Друза, Тацит перечисляет целую вереницу изображений предков. Среди них «можно было увидеть Энея, к которому восходит род Юлиев, а за ними — сабинских родоначальников, Атта Клавса и других Клавдиев» (App., IV, 9). О родоначальнике Юлиев Энее говорил в подготовленной для него речи Нерон, поддерживая упомянутую просьбу илионян об освобождении от повинностей (App., XII, 58). Тиберий в качестве прямого потомка основателя храма (т. е. Энея) позаботился о храме Венеры на горе Эрик в Сицилии (App., IV, 43). Наконец, памятником родства римлян не только с богиней, но и с Энеем был храм Венеры-Родительницы на форуме Юлия (App., XVI, 27).

Надо отметить, что Тацит был трезво мыслящим ученым, не чуждым критических оценок исторических данных. Характерно его замечание об аргументах, высказанных в речи молодого Нерона в пользу жителей Илиона. Их родство с римлянами, по его мнению, недалеко отстоит от баснословных сказаний только по своей древности, но по сути дела противопоставлено басням (App., XII, 58: *fabulis*).

Резюмируя, можно сказать, что Тацит в гетерогенном Риме видит аркадских греков, троянцев и каких-то малокультурных аборигенов, т. е. передает утвердившееся в Риме представление об основных элементах его древнейшего населения.

Кратко касается истории древнейшего Рима в «*βασιλική*» (1-й книге своей «Римской истории») Аппиан (середина II в. н. э.). Он сообщает, что первым римским царем — основателем города был Ромул (Rom., I, 2), но начинается история Рима с Энея, сына Анхиза, бежавшего из-под Трои после ее падения. В Италии троянцы Энея обосновались близ Лаврента, т. е. в Лации, населенном аборигинами, которыми правил Фавн. Дочерью его была Лавиния, в честь которой Эней, получивший ее в жены, назвал основанный им город. Альбу же основал сын Энея от троянки Креусы, Эврилеон, переименованный в Аскания. Его далекими потомками были Ром и Ромул, в конечном счете ведущие род от троянца Энея (Rom., I, 1). При написании этого пассажа Аппиан, видимо, пользовался теми же первоисточниками, что и Плутарх, во всяком случае греческими. В пользу этого говорит имя Рома, брата Ромула, в латинской традиции оно, по меньшей мере начиная с Гн. Невия³⁵, всегда — Рем. Асканий первоначально также носит греческое имя. Здесь можно даже констатировать прямую зависимость от Дио-

³⁵ См.: Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. Спб., 1888, с. 80.

нися Галикарнасского (I, 65). Таким образом, в качестве древнейших поселенцев, у Аппиана фигурируют аборигины и троянцы.

Специально происхождению римского народа посвящено сочинение, приписываемое Аврелию Виктору (IV в. н. э.), — «*Origo gentis Romanae*». Это — человек начитанный, знакомый с творчеством множества ранних римских историков, начиная с Фабия Пиктора и кончая Титом Ливием, поэтов Энния и Вергилия, а также с анналами понтификов. Он дает огромное количество ссылок и приводит разноречивые сведения. Но именно этим и интересно произведение Аврелия Виктора, потому что он собрал много различных, порой противоречивых версий. Из его рассказа явствует, что Италия с незапамятных времен была населена какими-то древними людьми, отличавшимися простотой нравов (I, 2). В их среде проникли пришельцы, Янус и Сатурн. Эти мифические персонажи автор, условно Аврелий Виктор, рационалистически осмыслил как чужаков, принятых по обыкновению неосведомленными простачками за божественных посланцев или за изгнанников (I, 1—4). Янус у него — сын афинской царевны Креусы, дочери Эрехтея, и Аполлона, значит, греческого происхождения. Янус заложил поселение, названное по нему Яникулом (II, 1; 4). Далее, основываясь на «Энеиде» Вергилия, Аврелий Виктор передает, что прибывший вскоре Сатурн был мирно принят примитивными туземцами. Невдалеке от Яникула он воздвиг крепость Сатурнию (III, 1). Судя по имени и по тому, что Сатурн назвал страну Лацием от латинского слова (*latere* — быть скрытым), Сатурн не был греком, хотя и происходил с Олимпа, во всяком случае он знал латинский язык. Это явно римская версия. В рассказе Аврелия Виктора встречаются в другом варианте предания об аборигинах. Это жители разных стран, спасшиеся от потопа. В Италию они попали в правление царя Пика (IV, 1—4). При Фавне, царствовавшем после Пика, появился там аркадянин Эвандр, сын Меркурия и Карменты, или Никостраты (V, 1—2). Получив землю, Эвандр обосновался на горе, которую в честь Паллента наименовал Паллантеем, позднее Палатием (V, 3). Вскоре здесь оказались другие греки, пришедшие с Геркулесом (VI; VII). Следующими поселенцами Лация в правление Латина были троянцы, первые прибывшие с Антенором, следующие — с Энеем (I, 5; III, 7).

Эней был современником Латина, сына Фавна. Аврелий Виктор говорит, что Эней явился в Лаций через 60 лет после Эвандра (V, 1). Сын Энея здесь — Асканий, прозванный Юлом (IX, 3). Передавая и смешивая различные версии, Аврелий Виктор (XIV, 2; 4) упоминает, что Асканий (он же Эврилеон) получил от латинян сначала прозвище Иова (или Иоба), потому что происходил от Юпитера, откуда затем произошло его прозвище Юл. Эти сведения Аврелий почерпнул из греческих первоисточников (возможно через Дионисия или Аппиана) у Катона Старшего и у Гая Юлия Цезаря, деда диктатора (XV, 4). В отличие от канонической версии Лавиния у Аврелия Виктора (IX, 5) — уроженка о. Делос, дочь Ания, жреца Аполлона. Сведения эти встречаются и у Дионисия Галикарнасского (I, 59), но восходят к Александру Эфесскому, автору «Марсийской войны» (серед. I в.

до н. э.), Лутацию Дафнису (нач. I в. до н. э.) и названному выше Г. Юлию Цезарю (II в. до н. э.). Эней основал город Лавиний, названный либо в честь его жены Лавинии, либо в честь омовения («se lavit») в соленых озерах, которые он нашел в Лаврентской земле (XII, 4). Последняя этимология предложена поэтом Домицием, современником Вергилия. В главе XIII Аврелий Виктор передает каноническое предание, где Лавиния — дочь Латина, а Латин — царь аборигинов, которые являются латинами (XIII, 1; 7; XIV, 1; 5). Асканий основал Альбу Лонгу, а Ромул, потомок альбанских царей, — Рим (XVII—XXIII).

Таким образом, у Аврелия Виктора этническая картина на территории будущего Рима выглядит очень пестрой: неопределенные первобытные туземцы, греки Эвандра и Геркулеса, троянцы Антенора и Энея, аборигины-латины. Определяются аборигины по-разному. Первый вариант — это люди из разных стран, спасшиеся от потопа на вершинах гор, или вообще блуждающие люди, откуда якобы и происходит их название: ὄρη — по-гречески — гора, errare — по-латински — блуждать. От объединения этих слов через «Aberrigines» и произошли аборигины (IV, 1; 2). Искусственность этой этимологии выдает как ее позднее возникновение, так и несостоятельность, но она может содержать и намек на неместное происхождение латинов. Из других источников Аврелий Виктор почерпнул недвусмысленное представление об идентичности аборигинов с латинами. Такая характеристика даже преобладает, если учесть генеалогию Латина, сына Фавна, внука Пика, италийских мифических эпонимов. Важно отметить, что в названном сочинении они не являются первыми поселенцами Лация, во всяком случае, они никак не отождествлены с «древними людьми», которыми правил Янус.

О троянской крови древних римлян упоминается и в другом сочинении, приписываемом Аврелию Виктору («Эпитомы из описаний жизни и нравов римских императоров»), где утверждается, что Октавиан, через род Юлиев, принадлежал к потомкам Энея. Принимая во внимание содержание термина «аборигины», древнейшее население при-тибрских холмов левобережья составилось из смешения каких-то автохтонов, пелопоннесских греков, латинов и троянцев.

Данные о древнейшем населении Лация, включая Рим, находимы и у географа Страбона (65 г. до н. э. — 25 г. н. э.). В период основания города поблизости обитали аборигины (V, 3, 2; 4). В правление царя Латина в Лаврент прибыл Эней с отцом Анхизом и сыном Асканием. Латин и Эней заключили союз против соседних рутулов. После победы над ними Латин основал Лавиний, а после гибели Латина Эней стал именовать своих союзников, потерявших царя, латинами. Асканий основал Альбу, где утвердились царями его потомки. Этот рассказ Страбон считает достоверным, но передает, ссылаясь при этом на Целия Антипатра, и другое сказание, оговаривая его сказочный характер. Это — предание о том, что Рим был аркадской колонией, основанной Эвандром, оказавшим гостеприимство Гераклу. По пророчеству Никостраты, которая в этой версии фигурирует как мать Эвандра, он посвятил Гераклу священный участок и установил жертв-

воприношения по греческому образцу (V, 3, 3). К родству римлян с греками Страбон возвращается и в связи с сообщением о пиратстве находившихся под властью Рима анциатов и этрусков. Об этом родстве напомнил пленным пиратам Деметрий Полиоркет (V, 3, 5).

В сообщении Страбона — снова неясные аборигины, переименованные в латинов, троянцы и греки. Интересно, что об аборигинах и Энее говорится без комментариев, а о греках — с указанием греческих источников, эллинистического времени, которым верит анналист Целий Антипатр, но Страбон не доверяет.

Не меньшее значение, чем исторические труды, в качестве источника имеют произведения Плутарха (46—126 гг.). В биографии Ромула он касается вопроса о происхождении названия города Рима. В связи с этим Плутарх упоминает живших там пеласгов, покоривших чуть ли не весь свет, и в память о мощи своего оружия давших городу имя «Ρώμη» (Plut., R., I). Упоминает он и о знатной троянке, предложившей беглецам из Илиона сжечь подле устья Тибра свои корабли, после чего троянцы обосновались близ Паллантия, а место своего нового поселения в честь этой женщины, Ромы, назвали ее именем (Plut., R., I). Эти данные почерпнуты, вероятно, из греческих источников — от Демагора, Агатилла, Дамастия Сигейца и др. (Dionys., I, 72). По другой версии, Рома была дочерью Итала и Левкарии либо дочерью Телефа, сына Геракла. Она была женой то ли Энея, то ли Аскания (Plut., R., II). Плутарх приводит также различные мнения об основателях Рима: Романе, сыне Одиссея и Кирки; Роме, сыне Эматтона; Ромисе, латинском тиране, наконец о Ромуле (Plut., R., II). При этом Ромула считали сыном разных родителей: Энея и Декситея, дочери Форбанта, причем у Ромула был брат Ром; троянки Ромы, ставшей женой Латина (сына Телемаха), приходившейся дочерью той, которая призвала своих соотечественников сжечь корабли, как это значится у Каллиаса (Dionys., I, 72). Считали Ромула и сыном Эмилиа, дочери Лавинии, и Энея, а точнее, Ареса (Plut., R., II). По другому рассказу, Ромул оказывался сыном служанки альбанской царевны, дочери царя Тархетия, и фаллического божества. Последнюю версию, исходящую от Проматтона, написавшего «Историю Италии», Плутарх, впрочем, считает баснословной. Наиболее правдоподобным Плутарх называет сообщение о происхождении Ромула от потомков троянца Энея, правивших в Альбе, исходящее от грека Диокла с Пепаретоса и принятое Фабием Пиктором (Plut., R., III). Мельком упоминаются у Плутарха аркадяне с Эвандром, которые положили начало Луперкалиям (соответствующим греческим Ликеям) и Карменталиям, названным по супруге Эвандра Никострате, прозванной Карментой (Plut., R., XXI).

Из приведенного видно, что Плутарх на территории будущего Рима находит пеласгов, троянцев, греков и латинов, поскольку Никострата получила прозвище, образованное от слов латинского языка.

Тема пребывания троянцев в Италии звучит у Плутарха и в биографии Камилла, где говорится об Энее, доставившем Палладий, который хранится в храме Весты (Cam., 20), и в «Моралиях». Там сооб-

щается о троянском происхождении римлян и о прибытии морем в Италию Эвандра и Энея. В этом же произведении Плутарх упоминает о десятине в честь Геркулеса, которую связывает либо с принятием им в Риме в жертву десятой части Герионова стада, либо с освобождением римлян от уплаты десятинной доли этрускам, либо с чревоугодием героя. Оставляя в стороне встречу Геракла с этрусками как явный анахронизм, отметим убеждение Плутарха в присутствии греков в незапамятные времена в Лации, даже в Риме, а также о родстве римлян с троянцами. Что же касается упоминания об этрусках, то, во-первых, здесь имеются в виду жители той области, которую впоследствии называли Этрурией, во-вторых, относится оно не непосредственно к Риму.

О твердой убежденности римлян в своем троянском происхождении и об официальном признании этого Римским государством можно узнать из биографии Клавдия, написанной Г. Светонием Транквиллом (ок. 70—150 гг. н. э.). В ней сказано, что император Клавдий навеки освободил от податей жителей Илиона как родоначальников римского народа. При этом Клавдий сослался на официальный документ, старинное письмо от имени сената и народа к царю Селевку, в котором ему предлагаются дружба и союз за освобождение от поборов илионян, бывших римскими соплеменниками (Claud., 25, 3). Указанное сообщение из уст Светония, которому был доступен государственный архив, заслуживает полного доверия.

Сведения о древнейшем населении Рима содержатся и в единственном дошедшем до нас произведении Гая Плиния Секунда, или Плиния Старшего (23—79 гг. н. э.) — «Естественной истории». Хорошо известно, что автор этот был плодovit, обладал широким кругом интересов и соответственно познаний. «Естественная история» была последним трудом ученого, как бы подводящим итог его научной деятельности, свидетельствующим об его незаурядной эрудиции.

Третья книга его сочинения посвящена географическим данным. В ней рассматривается Италия, в частности Лаций, и говорится об его городах и колониях: «Внутри страны — колонии: ... Альба Лонга ... коранцы, происходящие от троянца Дардана, илионцы — лавинаты» (Plin., NH, III, 9, 11). Упоминает Плиний и о населении страны, подчеркивая его разнообразие: «Колонисты часто менялись, то одни, то другие в разные времена владели Лацием — аборигины, пеласги, аркадяне, сикулы, аврунки, ритулы» (Plin., NH, III, 9, 4). Если иметь в виду, что сикулы и аврунки — италики, близкие их латино-фалисской ветви, под аборигинами, возможно, Плиний понимал не латиноз, а какой-то другой народ. Можно сказать, что древнейшее население Лация у Плиния — это пеласги, аркадские греки, сикулы, италики и, вероятно, неиталики-аборигины. Его сообщение в 34-й книге об искусстве древнейших италийских ваятелей уточняет этническую картину самого Рима. Там сказано, что с помощью их искусства Геркулес был почтен Эвандром на Бычьем рынке (Plin., NH, XXXIV, 167, 1). Дополнительный штрих дан в замечании ученого о том, что римский Палаций, или Палатин, происходит от аркадского Палантея (Plin., NH, IV,

X(VI), 1). Отсюда следует, что Плиний твердо верил в присутствие греков в древнейшую эпоху вечного города.

Труд Павсания (II в. н. э.), как известно, посвящен Греции. Но в своем «Описании Эллады» Павсаний касается и других стран, если их история или культура в какой-то степени связана с греками. Этот неутомимый путешественник и ученый сообщает интересные сведения о древних поселенцах Италии, в том числе и Лация. В частности, он упоминает Ипполита, сына Тесея, ставшего царем латинского города Ариции (II, 27; 4). Источником его осведомленности является прежде всего греческая традиция, воплощенная зачастую в памятниках, которые он видел и описал. Рассказывая об Аркадии, Павсаний говорит, что в тамошнем городе Паллантии есть храм и мраморные статуи, одна — Палланта, другая Эвандра (VIII, 44, 5), а в Аргосе «стоит медная статуя Энея» (II, 21, 2). Статуя Энея на полукруглом пьедестале находится и в Олимпии (V, 22, 2). Следовательно, Павсаний, как и другие греки, верил в подлинность названных персонажей и связанных с ними событий. При этом он пытается рационалистически подойти к традиции. Не ставя, например, под сомнение пребывание Одиссея в Италии, Павсаний замечает, что герой не смог бы достичь италийского берега живым, если бы потерял свой корабль в бурном Мессенском проливе (V, 26, 1; VI, 6, 2). От Павсания мы узнаем и об основании Эвандром города на берегу Тибра, названного по аркадской метрополии Паллантием. По этой причине впоследствии римский император Антонин даровал паллантейцам привилегии (VIII, 43, 2). Названная деталь служит дополнительным указанием, что и римляне считали присутствие греков в стародавние времена в Риме истиной. Неоднократно и как о безусловном факте говорит Павсаний и о троянских предках римлян, которые пришли в Италию с Энеем (II, 23, 5; III, 22, 11; X, 17, 4). Упомянув о Пирровой войне, он сообщает, что Пирр мыслил себя потомком Ахилла, идущим воевать против выходцев из Трои (I, 12, 2). Обращает на себя внимание, что проникновение и троянцев, и греков на римскую территорию изображено как вполне мирное. Павсаний подчеркнул это в словах: «С римлянами же, насколько мы знаем, не вступал в войну никто из эллинов, ведь у Диомеда и бывших с ним аргивян, как говорят, не было еще никакого столкновения с Энеем» (I, 11, 7). Последняя фраза позволяет заключить, что римляне для Павсания — это троянцы, мирно сосуществующие с ранее осевшими на Палатине греками. Говорит Павсаний и о сикелах как о населении Италии, переселившемся в Сицилию, как впрочем, и сиканы (V, 25, 3).

Очень обильные и важные сведения представлены у римских поэтов. Большой материал о древнейшем населении всей Италии, в том числе Лация и Рима, собран в «Энеиде» П. Вергилия Марона (70—19 гг. до н. э.). Произведение это, как хорошо известно, представляет собой прославление Древнего Рима и современной поэту эпохи принципата Августа. Эпическая поэма — не только художественный шедевр Вергилия; в ней изложена и официальная трактовка происхождения Рима. В «Энеиде» аккумулярованы воедино все признанные тог-

дашней политикой и наукой данные. Лаций, подобно всей Италии, в соответствии с устоявшейся традицией, представлен как земля Сатурна (VI, 793—794; VII, 49; 180), затем Пика (VII, 48; 171; 188), Фавна (VII, 47; 81—82; 254) и, наконец, Латина (passim). Самые древние поселения на площади Рима — это «города» Яна и Сатурна на Яникульском и Палатинском холмах (VI, 809—810; VII, 368).

С точки зрения этнической население никак не определено, но обрисовано в мифологическом духе — фавны с нимфами, а «также племя людей, рожденных из крепкого дуба», живущее охотой, не знающее законов (VIII, 314—315). Из состояния дикости их вывел Сатурн, давший стране название Лация (VIII, 319—323). Золотой сатурнов век сменился худшим, с войнами и жаждой к наживе. С этим временем совпало нашествие новых племен — авзонов и сиканов (VII, 795; VIII, 325—328). Сиканы, или сицилийцы, в «Энеиде» обычно — жители Сицилии (I, 34, 549; V, 702; VII, 289). Но в одном месте текста поэмы они явно поселенцы Лация. В уста царя Латина Вергилий вкладывает обращение к латинам с призывом прекратить войну с Энеем и уступить троянцам часть территории, а именно землю от Тибра на запад «до пределов Сиканских», которой пользуются и аврунки, и рутулы (XI, 316—322). При миниатюрности царства легендарного Латина его личные владения не могли простираться до Сицилии. Видимо, здесь Вергилий имел в виду каких-то родственных сицилийцам или даже тождественных им жителей Лация, скорее всего сикулов, давших позднее название острову Сицилия. Кстати, сикулов-сиканов комментатор Вергилия Сервий называет населением будущего Рима до основания города (Serv., Aen., VII, 795). С приходом новых племен, замечает Вергилий, страна меняла свои названия (VIII, 329). И ее, и поселенцев Вергилий называет областью то латинов (V, 568; VII, 151; 202; 716; VIII, 55; 602; XI, 108; 230; XII, 223), то лаврентов (VI, 891; VII, 63; 171; 662; XI, 137; 240; 280), то авзонов (VII, 198; XI, 252; 296; XII, 834), или аврунков (XI, 318), то обобщенно — италов (VIII, 624). Этому родственному между собой населению противопоставляются пеласги, «те, что первые встарь захватили область латинов» (VIII, 600—602). По мнению Вергилия, пеласги — это греки (I, 624; II, 106; 152; VI, 503; IX, 154). Вообще, раннее пребывание греков в Лации, более того, в самом Риме, вытекает из многих сообщений Вергилия. Грекам приписывается основание или обживание ряда латинских городов. Так, с аргиянами, братьями Тибуртом, Корантом и Катиллом, связан Тибур (VII, 670—673), с Ипполитом, ставшим Вирбием, — Арицийская роща (VII, 762—770), с Акрисием — Ардея (VII, 408—410). Много строк поэмы посвящено поселению в Риме Эвандра с сыном Паллантом и другими аркадянами (VIII, 51—56; 158; 159—169; 99—104; 359—361; 507; 585—590; X, 780; XI, 26; 27; 30—58; 184; 281; 551; XII, 948). Упоминаются и греки, пришедшие с Геркулесом. Здесь у Геркулеса и жрицы Реи родился сын Авенций, именем которого и назван Авентинский холм (VII, 655—662). Геркулесу принадлежит честь избавления области от разбойника Кака (VIII, 259—267).

Из «Энеиды» следует, что отношения у латинов с аркадскими и аргосскими греками — самые дружественные. Упоминаются в «Энеиде» и лигуры (X, 185; 186; XI, 701), но они, участвуя в делах Лация, не принадлежат к его населению.

Доминирующее место в «Энеиде» занимают троянцы. Наиболее характерный эпитет Энея, кроме «благочестивого», «благочестного», — «родитель», «прародитель», «романской отрасли корень» (XI, 166). Предназначение Энея, определенное самим Юпитером, состоит в том, чтобы «правил Италией он, от крови Тевкра высокий род произвел и всему законы пожаловал миру» (IV, 231; 232). Не только Юлии, к которым принадлежит Август, но и другие, известные во времена Вергилия римские роды, — троянского происхождения: Сергии — от Сергеста (V, 121), Клуенции — от Клоанта (V, 123). Однако сами троянцы — сложного происхождения. Их начало относится к мифической древности. С ними через Анхиза породнилась Венера. А ведут свой род троянцы, как и подобает прародителям римлян, от самого Юпитера (VII, 219—221). Латин при первой встрече с Энеем вспоминает древнее предание о том, что «из мест этих вышел, Дардан когда-то проник в Идейские Фригии грады, также в Фрейкийский Сам, что теперь Самофракией прозван. Оный, отправясь туда из Тирренских Корита краев...» (VII, 205—209). В ответ ему Илионей подтвердил: «Родом Дардан отсюда» (VII, 240).

Если свести воедино все данные «Энеиды», можно сказать, что к рубежу нашей эры в Риме утвердилось мнение о многослойности римского населения в древности — о смешении древних людей Януса и Сатурна, пеласгов, греков, сикулов-сиканов, латинов и троянцев с явным преобладанием латинского элемента.

О том, насколько тема троянского происхождения Рима и присутствия греков на месте этого города приобрела к I в. до н. э. хрестоматийный характер, можно судить и по римским поэтам, помимо Вергилия. Весьма показательна в этом смысле «Секулярная песнь» Кв. Горация Флакка (65—8 гг. до н. э.), написанная по случаю секулярных игр 17 г. до н. э., которые решил отпраздновать Август. Но и не следовавшие в своем творчестве за Невием и Эннием и не ставившие, подобно Вергилию, задачу воспеть римское прошлое как пролог величественной действительности поэты касаются сюжетов и персонажей далекой римской древности в их каноническом виде.

Тибулл (60—19 гг. до н. э.) в 5-й элегии II книги пишет о предсказанных Риму судьбах — об Энее, спасшем отца и ларов из рокового Илиона (19—22), о борьбе его с Турном и победе троянцев (45—48), об основании Лавиния и Альбы (49—50).

Проперций (50—16 гг. до н. э.) в 1-й элегии IV книги вспоминает, что еще до Энея на Палатине скромно жил изгнанник Эвандр (1—4). В 9-й элегии той же книги он говорит о победителе Герiona, Геркулесе, пригнавшем к Палатинским холмам отбитое у чудовища стадо, которое он пустил на выпас на Велабр (1—5), о похищении скота Какком и наказании разбойника Геркулесом (9—18), об установлении жертвенника, посвященного этому герою (66—70).

Троянское происхождение римлян воспето и П. Овидием Назоном (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.). В «Метаморфозах» фигурируют Сатурн, Фавн и Пик, правившие народом Италии (XIV, 320, 449). Латины и пришелец, троянец Эней, мирно объединяются (XIV, 448, 449). Упоминается там Эвандр, предшественник Энея (XIV, 456). Кроме Эвандра, поблизости обосновались и другие греки. В Арицийской земле скрывался преданный отцом и мачехой Ипполит, превращенный божественной волей в дважды рожденного Вирбия (XV, 543—545). Рим прославляется как «дарданейский» (XV, 431), род Юлиев, особенно Цезарь и Август, которым воздается неумеренная хвала, — как потомки Венеры и «дарданца Иула» (XV, 765). Отбывшему в Италию Энею пишет рукою Овидия письмо Дидона (Heroides, VII). Положение Овидия в императорском Риме, как и вся идеологическая атмосфера, в которой он жил, обусловило передачу поэтом официальных версий как о троянском происхождении Рима, так и о греческих поселенцах в Лации в отдаленные времена римской истории.

Если обратиться к поэзии эпохи Принципата, то в ней снова звучат как непреложные истины упоминания о «фригийских пенатах Юла» и об Энее, независимо от того, кто именно говорит о них — М. Анней Лукан (39—65 гг. н. э.) или сатирик Децим Юний Ювенал (60—140 гг. н. э.).

Для художественной литературы поздней поры характерно повторение общепринятой, сложившейся к началу эпохи Империи концепции о зарождении Рима. В «Бдении в честь Венеры» поэт Клавдий Клавдиан (2-я пол. IV в. — 404 г. н. э.) поет о «троянских внуках в Лации», о «лаврептской девушке», данной Венерой в жены своему сыну, т. е. Энею.

Сюжеты и образы древнейших периодов истории античности часто по разным поводам, в том числе и для учебных целей, использовались риторам и грамматиками. Это было непререкаемым условием и аттестацией тогдашней учености. Их высказывания, касающиеся населения Рима в древности, основаны порой на трудах их близких предшественников, а порой на изучении дошедшей и не дошедшей до нас древнейшей литературы.

Отрывочные, но важные сведения можно почерпнуть у Валерия Максима (I в. н. э.) в его сборнике «О замечательных деяниях и изречениях», а также у Авла Геллия (II в. н. э.) в компилятивном сочинении «Аттические ночи».

Грамматик и ритор, родом из Африки, Г. Марий Викторин (IV в. н. э.) передает, что, по мнению одних, Эвандр, а других, — Геркулес принес от пеласгов в Италию письменность. Из этого сообщения явствует убежденность в присутствии греков в древнейшее время в Италии.

Ритор Фемистий (317—388) в панегирике императору Констанцию пользуется для восхваления императора и новой столицы привычными образами и примерами из римской старины. Лстыиво называя противника Констанция, Магненция, варваром, Фемистий говорит, что благодетельная судьба спасла от него династию, укрепив ее в Лации, кото-

рый назван «очагом потомков Энея». Здесь троянские предки римлян мыслятся как само собой разумеющиеся (Them., III).

Сервий Мавр Гонорат, ритор и грамматик конца IV в., в комментариях к «Энеиде» Вергилия сообщает, что Эвандр, убивший по наущению своей матери Никостраты отца, вынужден был уехать в Италию. Там он, по свидетельству Варрона, после изгнания аборигинов, занял место, где теперь находится Рим, и основал на Палатине скромный город (Aep., VIII, 51). Таким образом, Сервий фиксирует каноническую римскую версию об аборигинах и аркадских греках. Но слова «pulsis Aboriginibus» позволяют думать о вынужденном уходе аборигинов с прибытием Эвандра.

Много различных сведений о древностях римского народа содержится у Макробия (конец IV — начало V в.). В сочинении «Сатурналии» Макробий выступает как философ-неоплатоник, лингвист, литературовед, историк религии и этнограф. В отличие от большинства античных авторов, скупое и глухо ссылающихся на свои первоисточники, Макробий щедро указывает на имена и сочинения своих предшественников. Среди них — Сервий Гонорат, Серен Саммоник, Варрон, Цицерон, Нигидий Фигул, Веррий Флакк, Луцилий. Многократно цитируются законы XII таблиц, «Начала» Катона и особенно поэты Энний и Вергилий. Из греческих авторов чаще всего упоминаются Гомер, Клеант, Эврипид, какой-то Александр, Аристотель.

В связи с вопросом об этническом составе древнейшего Лация и Рима Макробий обращается преимущественно к римским авторам. Много раз, особенно в третьей книге «Сатурналий», прославляется осведомленность Вергилия в священнодействиях, вообще выявляется пиетет Макробия перед поэтом. Рассматривая его творчество, Макробий упоминает Эвандра (Sat., III, 7). Древнейшими поселенцами Италии он считает пеласгов (Sat., I, 5), которые, согласно оракулу, после длительных скитаний причалили к Лацию и, увидев предсказанное чудо — остров, возникший на Кутилейском озере, решили обосноваться на этом месте. Судя по названию озера, это не Лаций, а сабинская земля, правда, недалеко от Рима. Макробий пишет: «Vartatisque Sicihensibus incolis occupavere regionem». Из этого следует, что тут до пеласгов обитали «сицилийские жители», вероятно сикелиоты, или сикулы (Sat., I, 7). Пеласги жили там до появления Геркулеса (Sat., I, 8). О пребывании же Геркулеса со спутниками, надо думать, греками, Макробий говорит несколько раз (Sat., I, 7; 8, 11; 12; III, 6). Опираясь на авторитет Нигидия, Макробий упоминает Энея, прибывшего в Италию с троянцами (Sat., I, 4, 5 и т. д.). Современных Энею жителей Лация, ссылаясь на Катона, он называет латинами (Sat., III, 5). Всем же этим народам предшествуют по всей Италии, включая Рим и Лаций, согласно Макробию, какие-то туземцы (indigenae) времени Януса и Сатурна (Sat., I, 6). Из разрозненных данных вырисовывается следующая картина: в незапамятные времена Лаций населяли «туземцы», среди них, или после них, жили сикулы, затем пришли пеласги, потом греки Эвандра и Геркулеса, латины и троянцы.

К позднейшей античности (V—VI вв. н. э.) относится опубликованный лишь в 1964 г. В. Шпейером³⁶ рукописный текст, содержащий эпитому книги о Трое, принадлежавшей Диктису Критскому, в переводе на латинский язык. Он включает также дополнение под названием «О происхождении троянцев», представляющее собой генеалогию троянских царей, начиная с Дардана. Этот материал может быть использован для сопоставления с ранней античной традицией об альбанских царях.

Рассмотрев сочинения перечисленных авторов, можно сказать, что наиболее подробно традиция о древнейшем населении Рима и примыкающего к нему района Лация представлена у Дионисия Галикарнасского, Плиния Старшего и Макробия. Эти авторы использовали наибольшее количество источников, как латинских, так и греческих, собрали все основные варианты преданий, поэтому и этнических названий у них больше всего. Несколько меньше их у Варрона, Вергилия, Ливия, Страбона, Плутарха и Аврелия Виктора. Однако набор этнонимов в основном совпадает только у Дионисия Галикарнасского и Плиния, что может свидетельствовать как о знакомстве Плиния с трудами Дионисия, так и об общих их первоисточниках.

У рассмотренных нами авторов названы следующие племена и народности: аборигины, латины, греки, троянцы, пеласги, сикулы, лигии — лигуры и какие-то неясные примитивные туземцы. В трудах Дионисия, Плиния и Макробия прослеживается важный факт: все они у истоков римской истории непременно называют только латинов, греков и троянцев. У большинства фигурируют аборигины. Сикулы встречаются лишь у Дионисия и у латиноязычных авторов (Варрона, Вергилия, Плиния, Макробия), откуда можно сделать вывод о местном, италийском источке сообщения о них, сверх сведений, содержащихся у Гелланика с Лесбоса (*Dionys.*, I, 22), а пеласги — у Дионисия, Плиния, Плутарха и Макробия, т. е. у хорошо знакомых с сообщениями греческих писателей, поэтому можно думать о греческих истоках сведений о пеласагах, прежде всего о сочинениях Мирсила и Гелланика (*Dionys.*, I, 23; 28).

В первую очередь требуется уточнить по традиционным данным хронологическую последовательность этнических напластований на территории Рима. Согласно Дионисию Галикарнасскому (I, 9), первыми поселенцами здесь, как и во многих других местах Италии (*Dionys.*, I, 16; 17; 20; 21; 73; *Plin.*, NH, III, 10, 1; *Aul. Gell.*, N. Att., I, 10, 1; *Serv. Aen.*, I, 9), были сикулы (сикелоты), которых он называет автохтонами (II, 1). Дионисий (I, 73) воспроизводит рассказ сицилийского историка Антиоха Сиракузского: в отдаленной древности, когда состарился легендарный царь Итал, в Южной Италии стал править Моргет. К нему прибыл беглец из Рима по имени Сикел. Дионисий полагает, что у Антиоха Сиракузского речь шла о каком-то другом древнем Риме, существовавшем еще до Троянской войны. Но сиракузянин мог под Римом подразумевать не определенный, расположенный в далекой местности город, а место, где потом возник и существовал современ-

³⁶ *RhM*, 1964, Bd 107, F. I, S. 76—92.

ный ему Рим. Пребывание там и бегство эпонимного героя можно истолковать как указание на обитание там и изгнание оттуда сикелов (сикулов). Аналогичные представления свойственны и Вергилию (Aen., XI, 317), который равнозначно употребляет этнонимы сикулов и сиканов. Его комментатор Сервий, поясняя 795-й стих VII книги, говорит: «Где теперь находится Рим, там были сиканы». На это же указывает Плиний Старший (NH, III, 9, 4) и Макробий (Sat., I, 7). Об обитании лигуров и сикулов в Септимонтии сказано у Феста (sacrani).

Отметим кстати, что Авл Геллий и Сервий подобно Вергилию не разграничивают сикелов-сикулов и сиканов. Дионисий же их различает, сообщая о переселении сикелов за три поколения до Троянской войны на ближайший остров (т. е. в Сицилию), которым владели сиканы (I, 22). Павсаний (V, 25, 3) тоже говорит о переселении из Италии сикулов и сиканов. Тем интереснее еще раз приведенное Дионисием имя некоего Сикела. Под его предводительством за 80 лет до Троянской войны переместились из Италии в Сицилию под натиском омбриков и пеласгов не сикелы, а лигии (I, 22). Сообщение это заслуживает внимания, поскольку восходит к Филисту Сиракузскому, осведомленному в сицилийских делах. Сикел — эпонимный герой, поэтому связь его с лигиями безусловно указывает на связь с ними и сикелов (сикулов). Это подтверждается также рассказом Дионисия о том, что Геракл, победивший разбойника Кака, в благодарность за полученные почести одарил правителей на большой территории лигиев (Dionys., I, 40). Ведь, по легенде, разбойник бесчинствовал именно в Лации и жил в пределах будущего Рима. Лигии, подобно сикелам, тоже занимали многие местности Италии (Dionys., I, 10; 41; 42). У Вергилия (Aen., X, 185; XI, 701) лигуры (=лигии) и их герой-эпоним фигурируют в качестве ближайших соседей Латина и рутулов. Приведенные данные позволяют говорить если не о тождестве, то о близости сикулов и лигуров в античной традиции, подтвержденной затем и другими источниками³⁷.

В качестве следующего слоя древние писатели называют аборигинов, которые частично истребили и изгнали из всего Лация, в том числе притибрского, сикелов (Dionys., I, 9; 16). О древности заселения ими этих мест свидетельствуют Помпей Трог, называя их первыми обитателями Италии и считая именно их царем Сатурна (Just., 43, 1, 3), и Варрон, который приводит одно из объяснений названия Палатинского холма по Палатию, что в Реатинской земле, т. е. на родине аборигинов (II, V, 53). Саллюстий, Тит Ливий, Аппиан и Страбон считают их в числе основателей города (Sall., Con. Cat., 6, 1—2; Liv., I, 2; App., Rom., I, 1; Strabo, V, 3, 2). К глубочайшей мифической древности относит аборигинов Авл Геллий: его выражения «Faunorum et Aboriginum saecula» (N. Att., V, 21, 7), «ius Faunorum et Aboriginum» (N. Att., XVI, 10, 7) являются символами незапамятных времен и установлений. Среди древнейших поселенцев Лация называет их в ряду с сикулами Плиний Старший (NH, III, 9, 4). О том, что до Эвандра на

³⁷ Sergi G. Da Alba Longa a Roma. Torino, 1934, p. 5, 6, 23, 28, 129, 155, 157.

Палатине жили аборигины, упоминают Юстин (43, 1, 2), Тацит (Апп., XI, 14), Солин (I, 14) и Сервий (Аеп., VIII, 51). Об их поселении в Риме до прихода Энея сообщает и Аврелий Виктор (Ог., III, 7). Фест называет их древнейшим племенем Италии.

Термин «аборигины» уже в древности имел несколько толкований. Дионисий говорит, что одни считают их автохтонами, по-гречески аборигинов можно было бы назвать родоначальниками и прародителями (γενεάρχαις ἢ πρωτόγονοις — I, 10). Иными словами, толкование это идет от перевода термина. Другие выводят их название от скитальческого образа жизни и связанного с этим по значению глагола «еггаге» (Dionys., I, 10; Fest., Romam appellatam; Aug. Vict., Ог., IV, 2). Третьи видят происхождение названия «аборигины» в их связи с горами (ὄρη — Dionys., I, 13; Aug., Vict., Ог., IV, 1). Этническая характеристика аборигинов выглядит весьма пестрой. Дионисий Галикарнасский со ссылкой на Катона и Семпрония (I, 13) акцентирует их первоначальную греческую принадлежность, полагая, что они выселились из Пелопоннеса вместе с Энотром, даже уточняя адрес исхода — Аркадия (Dionys., I, 11, 13; 60; 89). Как уже упоминалось, Варрон связывает их с сабинами (II, V, 53). Отзвук связи аборигинов с сабинским городом Котилой слышится в оракуле, цитированном у Макробия (Sat., I, 7). Аврелий Виктор приводит версию об их разноплеменном характере (Ог., IV, 1). Перечисляя этимологию слова «аборигины», Дионисий Галикарнасский замечает, что все писатели, которые производят его от блужданий и образа жизни этого племени, дают повод думать, что аборигины «не отличаются от тех, кого древние называют лелегами» (I, 10). В качестве же не заслуживающей внимания версии он приводит мнение, будто аборигины — «колонисты лигиев, граничащих с умбрами» (I, 10). Таким образом, лелегов, видимо, путали с лигиями. Во фрагменте, принадлежащем Сауфею и сохранинном Сервием (Аеп., I, 6 — Peter, S. 217), древнейшими поселенцами Лация называются каски, т. е. попросту «древние» люди, которых позднее стали именовать аборигинами.

Наиболее же настойчиво звучит в традиции мотив идентификации аборигинов и латинов. То, что со времени правления или смерти царя Латина аборигины стали называться латинами, вытекает из сообщений Дионисия (I, 9, 65), Ливия (I, 2), Страбона (V, 3, 2), Аврелия Виктора (Ог., XIV, 1). У Вергилия в «Энеиде» вообще нет аборигинов, а царь Латин представляет латинов. Фест (oscillantes) донес предание о том, что царь Латин после смерти стал Юпитером Лациарием. В пользу тождества аборигинов и латинов свидетельствует и то, что легендарные цари-родственники охарактеризованы по-разному. Фавн — обычно царь аборигинов, но у Варрона он — латинское божество (II, VII, 36), и Латин правит то над аборигинами, то над латинами. В свете идентификации аборигинов с латинами интересно толкование Фестом (повторенное Павлом Диаконом) слова «sacran»: «Это те, кто изгнал лигуров и сикулов из Септимонтия». Надо принять во внимание связь «sacran» с *ver sacrum*. А *ver sacrum*, согласно Фесту, практикуют италики. Значит, италики, в том числе латины, изгоняли

лигуров, близких, если не идентичных, сикулам. Но поскольку за сикулами-лигурами следовал этнический слой аборигинов, можно думать, что аборигины — это италики, в пределах Лация — именно латины, а не сабины, о присутствии которых говорится отдельно. От аборигинов отличаются другие автохтоны, какие-то «древние люди», совершенно чуждые культуре, современники Януса и Сатурна, с которыми мы встречаемся у Аврелия Виктора (Ог., I, 2) и у Макробия (Sat., I, 6). Напомним, что П. Дукати «заселял» царство Сатурна последовательно гримальдийцами, кроманьонцами, а также средиземноморцами — лигурами, сикулами³⁸. Их соотношение с аборигинами и другими племенами можно будет определить только при сопоставлении данных традиции с данными других категорий источников.

После аборигинов в интересующем нас ареале оказываются пеласги. Дионисий говорит, что именно аборигины, владевшие тогда сикульскими землями, повинувшись оракулу, выделяют пеласгам землю (I, 19, 20). Вместе с аборигинами пеласги заселяют захваченные сикульские города (I, 20) и основывают новые.

Вслед за аборигинами в ряду древних колонистов Лация стоят пеласги и у Плиния Старшего (NH, III, 9, 4). Для точности следует заметить, что порядок перечисления племен Плинием в хронологической последовательности не выдержан. Но древность пребывания пеласгов в Лации в его сообщениях несомненна. У Макробия (Sat., I, 7) также указано, что в Риме и близ него сикелы и аборигины предшествовали пеласгам.

После пеласгов античная традиция называет греков, принесенных туда разными волнами переселений. Самый богатый материал мы находим у Дионисия Галикарнасского. До Троянской войны из аркадского Паллантия прибывает Эвандр и поселяется на холме, названном впоследствии Палатинским (I, 31). Дионисий подчеркивает, что так рассказывают «сами римляне». Кроме того, он говорит, что у Капитолия можно видеть жертвенник Карменте, в одном из вариантов предания (Lyd., mens., I, 9) — матери Эвандра, а у Авентина — Эвандру (I, 32). Аркадяне, сообщает писатель, «второе эллинское племя, пришедшее в Италию после пеласгов, имело общее с аборигинами поселение, основанное в самом укрепленном месте Рима» (I, 33; II, 1; 2). А «немного лет спустя после аркадцев в Италию» прибывает Геракл, подчинивший Иберию, и с ним — пелопоннесцы. Они обосновываются на Капитолийском холме (I, 34; II, 1; 2). Память о Геракле сохранилась потом в Риме в приписываемом ему обряде аргеев (Dionys., I, 41; Varro, II, V, 45) и в учрежденном в его честь культе, отправление которого сначала находилось в руках Потитиев и Пинариев (Dionys., I, 41; Val. Max., I, 1, 17; Fest. Potitum). В рассказе Дионисия есть любопытная деталь. Он пытается рационалистически объяснить задержку Геракла в Италии и популярность его тем, что герой помогал Эвандру с его аркадцами и Фавну с аборигинами в их борьбе против варва-

³⁸ Ducati P. Come nacque Roma. Roma, 1939.

ров — лигиев (I, 41; 42). Примечательна и сравнительная точность относительной хронологии; прибытие Эвандра за 60 лет до Троянской войны, вскоре — появление Геракла, через 55 лет после его ухода исполняется 35-й год правления Латина, сына Фавна (I, 44). Все это наталкивает на мысль о прочно укоренившемся в сознании греков и римлян воспоминании о каких-то далеких, уже представлявшихся мифическими, но реальных событиях. Кроме подробного рассказа Дионисия в античной традиции есть много упоминаний об отдельных событиях и деталях, относящихся к этой истории. Сага об Эвандре содержится у Варрона (II, V, 53). Последовательно «латинизирующий» историю древнейшего Рима Вергилий называет «град Эвандра» (Aen., XI, 184) и аркадцев, участвующих в событиях борьбы Латина с Турном (Aen., XI, 271; 281; 551). Комментируя его, Сервий (Aen., VIII, 51), опираясь на авторитет Варрона, говорит, что Эвандр, «изгнав аборигинов, занял те места, где сейчас находится Рим». Ливий, описывая Луперкалии, признает их аркадское происхождение. Он относит их введение к Эвандру, прибывшему из аркадского Палантия и поселившемуся на римском холме, получившем имя по его родному городу (I, 5, 1—2). Кроме того, он дает основание говорить о предании, по которому Лаций посетил Одиссей, поскольку называет Октавия Мамилия Тускуланца его потомком (I, 49, 8—9). Возможно, это отголосок очень древней, восходящей к Гесиоду версии, «породнившей» Латина с Одиссеем на основе смутных воспоминаний о посещениях ахейскими греками Лация.

Связь Палатина с Эвандром устанавливает и Помпей Трог (Iust., 43, 1, 6). Он тоже «роднит» Латина с Геркулесом (Iust., 43, 1, 9). Антиримская настроенность Помпея Трога, а также его эрудиция позволяют думать, что истоки его представлений лежат в сочинениях греков. Об одновременном присутствии Эвандра и Геркулеса на берегу Тибра рассказывает Овидий (Fast., VI, 505—506; 519—524). О том, что Палатин был освящен аркадянином Эвандром, говорит Валерий Максим в той части своего труда, которая посвящена древним установлениям — «De institutis antiquis» (Val. Max., II, 2, 9). Осуждая устами Фаворина увлечение архаизмом речи, Авл Геллий иронически замечает, что такая речь подобна беседе с матерью Эвандра (N. Att., I, 10, 2). Тот же мотив содержится в «Сатурналиях» Макробия (I, 5). Солин прямо заявляет, что никто не сомневается в том, что Палатин назван по аркадцам, которые первыми создали там город (I, 14). О введении в Италии культа греческого Пана под именем Инуя сообщает комментатор Вергилия Проб (Georg., I, 16).

Макробий не упоминает Эвандра, но рассказывает о Геркулесе и об оставшихся на Сатурнинском холме (Капитолии) его спутниках (Sat., I, 7), а также о греческом обычае, введенном после пеласгов и Геркулеса, совершать священнодействия с непокрытой головой (Sat., I, 8, 2). Он же говорит, что некоторые возводят отказ от человеческих жертвоприношений к Геркулесу (I, 11). Фест объясняет название римских Argea Iosa тем, что там были похоронены какие-то знатные мужи из аргиев.

Особое мнение имел Страбон. Он сомневается в том, что Рим был аркадской колонией, основанной Эвандром, и что Эвандр установил культ Геракла, сохранившийся до его, Страбона, времени в Риме, считая ответственной за эти версии римскую историографию в лице Луция Целия Антипатра (V, 3, 3).

Естественно, уже ко времени после Троянской войны все античные авторы относят прибытие в Лаций троянцев Энея. Дионисий Галикарнасский относит их появление к 35-му году правления Латина (I, 45). Проследившая весь путь Энея от гибнущей Трои до Лаврентского берега, писатель мобилизует множество данных, исходящих от многих греческих авторов: Софокла (драма «Лаокоон»), Менекрата Ксантия (I, 48), Кефалона, Гергития, Гегесиппа, писавшего о Паллене, Ариарайта, написавшего «Аркадику», аркадского поэта Агатилла и других, им не названных (I, 49). Пользуется он и местными преданиями: о забивших около Лаврента источниках он «узнал от местных людей» (παρὰ τῶν ἐγχωρίων -- I, 55). Ссылается Дионисий как на верное свидетельство и на существующие в его время медные сосуды, будто бы оставленные Энеем в Додоне в дар за полученный ответ оракула (I, 51), и на известные речения Сибиллы, и на пифийских оракулов (I, 49). Наряду с приведенной в «Римской археологии» фантастической генеалогией Энея, в числе прародителей которого были и Атлас, и Зевс (I, 62), там со свойственным Дионисию рационализмом на основе подсчета времени, необходимого троянцам для совершения всех дел и преодоления пути в Италию, доказывается, что Лавиний был основан через год после исхода из Трои (I, 63). Столь же скрупулезно датирует Дионисий и генеалогию альбанских царей и основание Рима (I, 70). И хотя сам Дионисий, как уже было отмечено, всех, кроме сикулов и лигий, в конечном счете определяет как греков, их троянская волна все же является у него последней волной переселенцев (I, 1, 4—5; 5, 1—2). Примерно та же последовательность этнических наслоений у Варрона (II, V, 144; II, V, 53), а также в «Энеиде» Вергилия, у Помпея Трога (Iust., 43, 1, 10—11), у Тацита (Ann., XI, 14), у Диона Кассия (I, 4, 4). И только у Флора с его небрежным отношением к хронологии (по определению А. И. Немировского) фригийцы с Энеем и греки с Эвандром появляются в Риме через Ромулов азий (I, 1, 9).

Итак, в традиции четко вырисовывается такая последовательность этнических стратов: сикелы и лигии, аборигины, пеласги, греки Эвандра и Геркулеса, троянцы Энея, а на ранних ступенях истории Италии и Лация — какие-то примитивные автохтоны, современники легендарных Януса и Сагурна.

Насколько же данные традиции подтверждаются материалами других источников, добытыми в последнее двадцатилетие, и какие проблемы этнической истории древнейшего Рима требуют дальнейших исследований? Ответ на эти вопросы связан в первую очередь с прогрессом археологического обследования Италии, в частности тосканолациальной зоны, обнаруживающей черты общности, начиная с эпохи неолита вплоть до начального периода железного века³⁹. В связи

с этим отметим принципиально важные наблюдения исследовательницы Лавиозы Замботти⁴⁰. Утверждая новый, антипигорианский подход к оценке археологических культур, она отказалась от привычного тезиса о нераздельности культуры и этноса, ее представляющего. Она показала, что носителями того или иного вида первобытной культуры

Рис. 4.
 Монета III в. до н. э. с изображением двуликого Януса,
 с оборотной стороны — нос корабля

были разные племена, которые смешивались между собой. Особая гетерогенность отличала в эпоху раннего железа Тоскану и Лаций, где кульминировались волны бесконечных миграций. По мнению Лавиозы Замботти, именно отсюда, как из эпицентра, виллановская культура «иррадиировала» и к югу, и на северо-восток к Болонье. Наиболее динамичным этническим элементом раннего периода железного века она считает близких латинам венетов, также достигших Лация. В античной традиции они упоминаются Плинием Старшим в числе 30 союзных народов, под именем «venetulani» (Plin., NH, III, 5, 68—70). Венеты, как и латины, практиковали кремацию. Что же касается труположений в деревянных ящиках, то они, по мнению исследовательницы, принадлежат пришедшим сюда несколько позднее иллирийцам — яподам. Лавиоза Замботти прослеживает путь иллирийцев из Лация в другие области Италии. Нам представляется, что схема их движения подтверждает сообщение Феста, сохраненное Павлом Диаконом, возводящим племя пелигнов к иллирийцам (Paul., Paeligni). Отличительным признаком иллирийской материальной культуры считается спиральный орнамент⁴¹. По-видимому, спираль представляет

³⁹ Östenberg C. E. Luni sul Mignone. Problemi della preistoria d'Italia. Lund, 1967, p. 204—207.

⁴⁰ Laviosa Zambotti P. Le origini della civiltà di Villanova secondo le più recenti interpretazioni. — In: Civiltà del ferro. Bologna, 1960, p. 73—98.

⁴¹ Sundwall J. Die Fibeln der Villanova-Nekropolon S. Vitale-Savena in Bologna. — In: Civiltà del ferro. Bologna, 1960, p. 612.

собой схематическое изображение змеи или угря. Согласно античной традиции, эпонимный герой иллирийцев, Иллирий, был связан со змеей. В Веронских схолиях к Вергилию (Aen., I, 248) рассказывается, что Иллирий, сын Гармонии и Кадма, был оставлен отцом близ р. Иллирик. Ребенка обвила собой змея, придав ему силу, позволившую Иллирию впоследствии покорить всю область, названную затем его именем. Сын героя Энхелей выступает в образе змеи или считается правителем угрей — энхелейцев (Apol., III, 5, 48; Paus., IX, 4, 1; Arr., III., 2). Угря и змею можно квалифицировать как тотемных животных иллирийцев. Видимо, глухим эхом прибывания иллирийцев в Лации могут служить культ змеи в священной роще, посвященной Юноне Ланувийской, а также появление змея в культе Фавны Боны Деи. Оба культа связаны с представлением о воздействии на производительную силу природы⁴². Это указывает на их глубочайшую древность.

Вообще, по наблюдению Лавиозы Замботти, характерные черты виллановы — биконические урны — связаны с предками венетов и ведут свое происхождение из дунайско-балканского ареала⁴³. Предки латинов, венетов и иллирийцев, засвидетельствованные в Лации начала эпохи железа, т. е. протолатины и протовенеты, внедрялись в тоскано-лациальную зону в эпоху развитой бронзы. Там они застали более примитивное и редкое население, жившее в условиях энеолитической культуры. Эти первобытные племена Лавиоза Замботти называет палеоиндоевропейцами балканского происхождения, или тирренами. Де Франчиши, принимая этот тезис, считает тирренов носителями азиатического языка⁴⁴. На правобережье Тибра в их ереду, уже значительно разбавленную латинами и венетами, позднее влились более развитые восточные иммигранты, что, согласно Лавиозе Замботти, в конечном счете привело к образованию исторических этрусков.

Таким образом, результаты современных археологических исследований позволяют говорить об обитании в районе Тосканы и Южного Лация, т. е. именно там, где находится Рим, в период энеолита, бронзового и начала железного века тирренов, по-разному интерпретируемых, но единодушно считающихся выходцами из балкано-дунайских областей, а затем — венетов, латинов и иллирийцев.

Особое значение имеет для нас установление факта заселения собственно римской территории в эпоху энеолита и бронзового века. В конце 1950-х годов при раскопках под руководством А. М. Колини, при участии С. Пульзи и Эйнара Гьёрстада на форуме Боарнум в районе храма Фортуны и Матер Матуты была найдена керамика апеннинского типа, относящаяся к бронзовому веку⁴⁵. Э. Гьёрстад

⁴² De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959, p. 235, 236.

⁴³ Op. cit., p. 117; Laurenzi L. *La civiltà villanoviana e la civiltà del ferro dell'Italia Settentrionale e dell'Europa Centrale*.— In: *Civiltà del ferro*. Bologna, 1960, p. 10, 18.

⁴⁴ De Francisci P. *Primordia civitatis*, p. 51, 52.

⁴⁵ Gjerstad E. *Legends and facts of early Roman history*. Lund, 1961, p. 6—8; Müller-Karpe H. *Zur Stadtwerdung Roms*. Heidelberg, 1962, S. 78; Moscati S. *Archeologia mediterranea*. Mil., 1966, p. 226; Squarciapino M. F. *Rassegna*.— SR, 1969, N 2, p. 135; Ioppolo G. *I reperti ossei animali nell'area ar-*

сопоставил эти материалы с наличием на Палатинском холме пещер, в частности Луперкала, а также с традиционными обрядами, вошедшими в религиозную практику римлян, и выдвинул тезис о существовании здесь древнейших поселений, относящихся к 1600—1500 гг. до н. э. Гьёрстад опубликовал также результаты находок Леона Нардони во время строительных работ в районе Кастро Преторио на Эсквiline, которые оказались еще древнее палатинских, так как восходили к эпохе халколита. Следы энеолитического и бронзового века, по мнению Гьёрстада, составили археологическое соответствие традиции о сикулах и изгнавших их аборигинах. Необходимо обратить внимание на столь высокую датировку, которая утверждается не склонным к «длинной» хронологии Гьёрстадом. Чрезвычайно важно, что среди осколков апеннинской посуды близ Сан Омобони найдены черепки более изящных сосудов, восходящих к позднемикенскому времени.

Весьма существенным представляется также изучение прибрежной полосы Лация. Раскопки середины 60-х годов в Пратика ди Маре на месте древнего Лавиния, проведенные Ф. Кастаньоли⁴⁶, благодаря открытой там керамике XII—XI вв. до н. э. показали несостоятельность мнения о позднем заселении этого места. Можно говорить теперь о поселении конца бронзового века. Судя по домам и алтарям, город с развитой архитектурой существовал здесь уже в VI в. до н. э. К IV в. до н. э. относится примечательный памятник — героон — находящийся к юго-востоку от вытянувшихся в линию алтарей. Найденная ранее в районе Лавиния надпись IV в. до н. э. с посвящением лару Энея⁴⁷ навела ученых на мысль об отнесении героона к Энею. Внутри каменной ограды кургана видны целла и пронаос героона, на полу которых найдены вазочки и фрагменты кратеров IV в. до н. э., что служит основой для датировки этого сооружения. Правда, тут же имеется и поздняя, III в. н. э., могила, и более древние вещи, так как героон покрывает богатую могилу VII в. до н. э.⁴⁸ Последнее обстоятельство опускает вниз датировку существования города. П. Соммелла поднял вопрос о том, почему культ Энея получил в Лавинии развитие именно в IV в. По его мнению, это было связано с политикой укрепления положения Рима среди латинских городов путем подчеркивания генетических уз с Энеем. Ведь латинские *sacra principia* после 338 г. до н. э. были идентифицированы в Риме с культом пенатов, доставленных Энеем в Лавиний (с. 73). П. Соммелла подчеркнул также значение лавинийского кургана для дискуссии о происхождении легенды об Энее. Он высказал остроумное соображение о том, что

cheologica di S. Omobono (1962—1964). — In: *Rendiconti della Pontif. Accad. Rom. di Archeol.*, 1972, v. 44, p. 3—5, 17; Romanelli P. *Certezze e ipotesi sulle origini di Roma.* — SR, 1965, N 2, p. 157.

⁴⁶ Castagnoli F. I luoghi connessi con l'arrivo di Enea nel Lazio. — *Acl*, 1967, N 19, f. 2.

⁴⁷ A. R. *Cronache e commenti.* — *Rivista di Filologia e di Istruzione classica*, N. S. 38, 1960, f. 1, p. 98.

⁴⁸ Sommella P. Heroon di Enea a Lavinium. *Recenti scavi a Pratica di Mare.* — In: *Rendiconti della Pontif. Accad. Rom. di Archeol.*, v. 44, Vaticano, 1972, p. 47, 59.

первоначально в лавинийской зоне существовал культ местного родоначальника, безличного божества, индигета, подобно тому, как это было в других местах. С этим культом и была связана богатая подкурганная могила VII в. до н. э. В IV в. курган был реконструирован. Там возник героон Энея, образ которого был слит с отцом-индигетом. Таким образом, лавинийские находки выделили новую фазу формирования саги об Энее и вместе с тем показали, что в ней сохранились воспоминания об основании поселения на месте Лавиния, восходящего к концу бронзового века, а также о возможной высадке чужеземцев в устье Нумика, идентифицированного с рекой Фоссо.

Мысль Соммеллы о слиянии Энея с индигетом представляется очень плодотворной. Можно думать даже не о позднем слиянии двух культов, а о том, что издревле Эней считался лавинийским индигетом. Анонимный комментатор Вергилия (Georg., I, 498) говорит, что индигеты стоят во главе (praesunt) отдельных государств и становятся богами из людей (ex hominibus facti). Учитывая последнее, можно полагать, что лавинийцы почитали не безличное, безымянное божество, а конкретного обожествленного основателя города, Энея. Это подтверждается и Веронскими схолиями к Вергилию (Aen., I, 259), где говорится, что Асканий посвятил храм Энею Индигету. Сказанное позволяет продвинуть сагу об Энее дальше в глубь веков. Надо, кстати, заметить, что и без применения в исследовании данных археологии С. Мадзарино⁴⁹ высказался в пользу «углубления» во времени традиции об Энее. По его мнению, главная роль в ее создании принадлежит Дамасту из Сигея в Троаде, из школы которого вышел Гелланик Лесбосский. Дамаст был в курсе западных, в том числе италийских дел, поскольку был близок Диотиму, боровшемуся с варварами-сикулами в Сицилии в середине V в. до н. э., а как уроженец Троады знал историю Трои. Именно от него, как полагает Мадзарино, и пошла версия, рассматривающая Рим как новую Трою. Это соображение Мадзарино кажется нам существенным.

Для решения интересующей нас проблемы важны не только достижения в археологическом изучении собственно Италии. Необходимо учесть и результаты археологического освоения Эгейды. Весьма интересны наблюдения П. Де Франчиши над аналогами древнеримского фетиша — шита анциле. Подобные двудольные шиты встречаются на хеттских изображениях Тешуба, на кносской печати, на микенском и пилосском украшениях, на микенском ритоне. Это привело Де Франчиши к мысли о средиземноморских корнях столь почитаемой в Риме реликвии, о давних связях Италии с Эгейским культурным кругом⁵⁰.

Изучение микенской торговой экспансии привело ученых к обследованию Италии и ближайших к ней островов. Большой материал собран в книге В. Тейлур «Микенская керамика в Италии и прилежащих районах»⁵¹, а также у Бианкофьоре «Микенская цивилизация

⁴⁹ Mazzarino S. Il pensiero storico classico, v. I. Bari, 1966, p. 203—205.

⁵⁰ De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959, p. 466.

⁵¹ Taylour W. Micenaean pottery in Italy and adjacent areas. [S. I.], 1958, p. 4—5, 180—186.

в Южной Италии»⁵². Находки микенской керамики доказали интенсивность контактов между греческим миром и Южной Италией, Сицилией, Липарскими островами и Искьей, причем основные находки, особенно в Сицилии, богаты и бронзой. Самые ранние вещи обнаружены в Сицилии и на Эолийских островах. Они восходят к концу среднеэлладского (СЭ) периода, т. е. к первой половине XVI в. до н. э. Активность проникновения микенцев на запад может быть объяснена тем, что Восточное Средиземноморье было им в ту пору недоступно, так как находилось в сфере влияния Крита. Расцвет микенской торговли и с Востоком и с Западом падает на позднеэлладское время, именно на микенский IIIA период (по Фурмарку), т. е. около 1400 г. до н. э. Много фрагментов микенской керамики найдено и в собственно Италии, в районе Тарента, в Scoglio del Tonno. Этот район, судя по находкам, был местом непрерывных контактов с эгейской цивилизацией вплоть до Великой греческой колонизации. Возможно, именно через Тарент шел торговый обмен между Северной Италией и Эгеидой. Об этом свидетельствуют находки позднемикенского кинжала с ребристым лезвием в палафите Пескьере⁵³ и литевой формы топора террамарского типа в Микенах, а также фрагментов микенских сосудов в Сан Козимо, лежащем между Тарентом и Брукидизием, возможной остановкой на пути с Балкан через Адриатику к Таренту, посредническому пункту в торговле. Одной из станций на морской дороге мог быть и Гаргано, где была обнаружена смычкообразная фибула. Эти бронзовые фибулы имели хождение по Эгейскому миру между 1300 и 1200 гг. до н. э.⁵⁴ Микенские традиции на юго-востоке Италии оказались чрезвычайно стойкими и пережили микенскую эпоху. Вся Апулия была важной областью связей с раннегреческим миром еще в среднеэлладское время. Потом там моментами преобладало то родосское, то кипрское влияние, но в Скольо дель Тонно археологически засвидетельствовано микенское поселение.

Однако острова играли не меньшую роль. Интерес микенцев к Липарам может объясняться обилием там обсидиана, а к Искье — стремлением приблизиться через Кампанию к металлам Тосканы. Искья всегда была удобной остановкой в плаваниях к Центральной Италии. Найденная в Монте Салья чаша местного производства свидетельствует о греческом влиянии на декорровку уже в среднеэлладскую эпоху. Оно усилилось к началу микенского периода, особенно в Сицилии, а в формах ваз и в строительстве могил в Тапсосо. Таким образом, в науку прочно вошло положение о доколониальной фазе греческой экспансии в Италию⁵⁵.

60-е и 70-е годы внесли изменения в наши представления о микенской активности в Тирренском море. Искья перестала быть самым

⁵² Biancofiore F. La civiltà micenea nell'Italia Meridionale, v. I. Roma, 1963, p. 5, 24, 104.

⁵³ Laurenzi L. Op. cit., p. 8.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ D'Agostino B. Grecs et indigènes sur la côte Tyrrhénienne au VII siècle: la transmission des idéologies entre élites sociales.— Annales, 1977, N 1, p. 3—20.

северным пунктом находок микенской керамики в Италии. Благодаря раскопкам, начатым в 1950 г. Шведским институтом классических исследований совместно с Управлением древностей Южной Этрурии, был изучен городок Луни на реке Миньоне. Он находится примерно на одной трети пути из Тарквиний в Витербо. Археологи вскрыли здесь поселения как на акрополе, так и у подножия возвышенности (современное Тре Эричи) и некрополи, существовавшие в этих местах с неолитической эпохи до раннего железного века включительно. Наиболее существенным является то, что материалы апеннинской культуры (т. е. бронзового века) из Луни имеют неоспоримые точки соприкосновения с римским материалом, обнаруженным в районе Сан Омобон⁵⁶ в Риме, а также с другими селениями, например Пьян Султано, и находившимися к югу от Чивитавеккиа. Это подтвердило тезис о культурном единстве тоскано-лациальной зоны в этот период. Сравнительное изучение материальной культуры позволило К. Е. Остенбергу, работавшему в Луни, уточнить хронологию для Лация, Умбрии, Южной Тосканы периода бронзы:

Древнеапеннинская культура:	1600—1400	гг. до н. э.
Среднеапеннинская	» 1400—1000	»
Позднеапеннинская	» 1100—850—800	»

Это уточнение непосредственно касается и Рима.

Среди находок в Луни исключительное значение имеют пять фрагментов, принадлежащих разным глиняным сосудам, которые не относятся к апеннинскому кругу. Остенберг при консультации Фурмарка определил эти фрагменты как микенские. К сожалению, незначительные размеры и малочисленность фрагментов не дают возможности точно сказать, где именно была произведена посуда. По всей вероятности, в разных местах, так как глина, из которой она сделана не одна и та же. Лишь один фрагмент — безусловно греческий, за что говорит зеленоватая глина Арголиды. Остальные могли быть изготовлены в микенских стоянках Южной Италии. Черепки разновременны — микенских IIIA₂—IIIB—IIIC периодов, что соответствует среднеапеннинскому периоду тоскано-лациальной зоны. Их разновременность и отсутствие микенских следов между Луни и местами микенских находок на юге Италии, включая острова, могут свидетельствовать о спорадичности микенского импорта в этом районе, а также о вероятном пути его из Тарента или Искьи, либо через Искью вдоль побережья Лация до пункта, параллельного Луни, вероятно устья реки, например Миньонс.

Остенберг делает обоснованное предположение, что греческие сосуды были привезены на греческих кораблях, поскольку экономический потенциал апеннинской Италии не был достаточным для международной морской торговли. Небольшой греческий торговый корабль, обнаруженный подводными археологами у мыса Гелидония, датированный 1200 г. до н. э., дает представление о микенских судах, ходивших на запад.

⁵⁶ Östenberg C. E. Luni sul Mignone. Problemi della preistoria d'Italia. Lund, 1967, p. 206.

Сравнительно скромные достижения апеннинцев в области экономики поставили исследователей перед вопросом, что же могло заинтересовать микенских торговцев в Италии. Нам представляются небезосновательными соображения Остенберга: вряд ли это была медь при наличии более близкой и более легко добываемой на Крите, но возможно квасцы, залежи которых, как показывает топонимика (Аллюмьере), имелись в Тоскане. Кроме того, греки могли вывозить из Италии рабов. Остенберг осторожен в выводах. Он не считает возможным говорить о пяти фрагментах из Луни как о доказательстве греческой миграции в эту зону. Ученый возражает и против связывания лунийских находок с легендой об Энее на основе сопоставления этих осколков с материалами из района Сан Омобон, как это делает Дорн. Но он справедливо подчеркивает значение микенской торговой экспансии для культурного развития Апеннинского полуострова, хотя в полной мере греческое влияние сказалось в Центральной Италии позднее, уже в период железного века. Важно, однако, отметить, что следы микенского импорта обнаружены еще в Сан Джовенале, в Монте Ровелло, а также в Умбрии и Кампании⁵⁷.

В изучении древнего Средиземноморья продвинулись и лингвисты. Особенно оживилась эта работа в связи с открытием Чадвика и Вентриса, которые увидели несомненные свидетельства ранних связей Италии с Эгеидой в эгейском происхождении апулийских топонимов Otranto, Tarentum, Brundisium. В микенской лексике обнаружили итальянские слова, такие, как Me—ta—pa пилосских надписей, быть может связанные с Метапонтом, или breiijo — с βρέϊϊος.

Особое же значение следует признать за работами Э. Перуцци, поскольку он использовал успехи названных наук в изучении древней Италии для освещения истории языка и этнического характера древнейшего Рима.

Он посвящает специальную статью заимствованиям в латинском языке у микенских греков⁵⁸. В частности, он обращает внимание на то, что три латинских слова, вопреки правилу перехода греческих «β» и «λ» в латинские «b» и «p», обнаруживают соответствие: *burgus* ~ πυρρός (красный, рыжий), *buxus* ~ βύξος (букс, самшит), *carbassus* ~ κάρπασος (лен), т. е. *lvb*, и доказывает, что указанное явление может быть связано с заимствованием латинского и греческого из общего средиземноморского субстрата, а скорее, латинского из микенского. По крайней мере названные слова были уже известны в эпоху синхронную с микенской. Доказательство ведется с помощью лингвистических методов с углублением в историческую ситуацию жизни слов, что характерно для Э. Перуцци. Так, он указывает что данные три слова, обозначающие предметы импорта, несомненно являются «путешествующими словами». Такими же способами доказывалось происхождение *tubus* < στύλος (полый ствол) и т. д.

⁵⁷ Vagnetti L. Mycenaean imports in Central Italy.— In: Peruzzi E. Mycenaean in Early Latium. Roma, 1980, p. 151, 152, 159.

⁵⁸ Peruzzi E. Prestiti micenei in Latino.— Studi Urbinati, N. S. 13, 1973, Suppl. ling. 1, p. 7—60; Idem. Mycenaean in Early Latium.

Одна из работ Э. Перуцци носит примечательное название: «Микенцы на Палатине»⁵⁹. В античной традиции об Эвандре он, вслед за О. Группе, выделяет в обстоятельство, что истоки Рима самими римлянами связывались с Паллантием, ставшим уже незначительной деревенькой. В этой местности, по его мнению, должно лежать какое-то историческое зерно. Кажущаяся несообразность того, что «континентальные» аркадцы, не имеющие флота, прибыли морем в Лацию, Перуцци опровергает ссылкой на Гомера, у которого жители Аркадии отправились под Трою вместе с аргивянами на аргивских кораблях. Поскольку выселение Эвандра связывается традицией с голодом, можно видеть намек на *veg sacrum*, предпринятое вместе с аргосцами, пользуясь опять-таки флотом последних, поскольку, по словам Солина, командовал им Катилл из числа аргивской молодежи. Именно с миграциями этого периода, напоминает Перуцци, связывают источник наиболее древнее обозначение греков в латинском языке — *аргеи*. Аргивяне — более поздний вариант.

По справедливому замечанию исследователя, Эвандр должен был причалить в уже ранее известном ахейским грекам регионе, вероятно затронутом микенской торговлей непосредственно или опосредствованно. Подтверждение этому он находит во фрагментах микенской керамики, обнаруженной как в Луни суль Миньоне, датированных III в микенским периодом, т. е. 1300—1230 гг. до н. э., описанных Остенбергом, так и в Риме в районе Сан Омобонно. К этому можно добавить осколки позднемикенской керамики из Сан Джовенале и Монте Ровелло⁶⁰.

Само имя Эвандра, как доказывает Перуцци, микенское в обоих своих элементах. Действительно, у Аполлодора в числе, так сказать, побочных детей Приама назван Эвандр (III, 12, 5). В табличках линейного письма Б встречаются антропонимы, начинающиеся с «ев»: e—u—da—mo (Εὐδαμος); e—u—te—ne (Ευμένης). В микенских же табличках засвидетельствованы имена собственные на *avδpa*: ke—sa—da—ra (Κασσάνδρα); a—re—ka—sa—da—ra (Ἀλεξάνδρα). Нельзя не принять во внимание соображение Перуцци о том, что Палатинская колония Эвандра должна была просуществовать недолго. Причиной этого могло быть падение значения микенской торговли в конце II тыс. до н. э. либо переход греков в более перспективное место Лация, например Альбу Лонгу, среди населения которой Дионисий (II, 2, 2) называет пеласгов, аркадян, эпеев. Весьма убедительным доводом в пользу присутствия греков в Лации в доколониальное время является греческое происхождение некоторых латинских слов, связанное культурному влиянию колонистов. В числе этих слов *sarula* (культурный сосуд), *cassis* (каска, шлем), *cuspis* (острие, копье) и др. Слова эти немногочисленны. Частично это можно отнести за счет недостаточ-

⁵⁹ Peruzzi E. I micenei sul Palatino.—PP, 1974, f. 158—159, p. 309—349.

⁶⁰ Cristofani M. Rassegna di attività scientifiche.—SE, 1978, v. 46, p. 444; Vagnetti L. Mycenaean imports in Central Italy.—In: Peruzzi E. Mycenaean in Early Latium. Roma, 1980, p. 151—152.

ной нашей осведомленности в области микенского словаря. Но вероятно и другое: Лаций XIII века до новой эры был еще не способен воспринять и ассимилировать высокую микенскую цивилизацию. Необходимо, говоря о данной работе Перуцци, отметить также, что он делает весьма осторожный и вместе с тем перспективный вывод с точки зрения использования латинского языка в качестве исторического источника. Поскольку точно не известен диалект, на котором говорили в Лации в XIII в. до н. э., надо ограничиться констатацией того, что «s» перед консонантом исчезает в латинских словах, которые происходят от греческих, восходящих к микенской эпохе.

Свои наблюдения над микенской лексикой Перуцци применяет к изучению традиции о «культуртрегерстве» Эвандра. Этому посвящена его статья «Микенская агрокультура в Лации»⁶¹. Сообщению Аврелия Виктора о том, что Эвандр первым в Италии запряг волов для обработки земли (Ог., 5, 3), он находит подтверждение в многочисленных упоминаниях быков в микенских текстах линейного письма Б в виде идеограмм как быка вообще, так и с различием пола животных. В этих текстах встречаются и упряжки быков. На значение их в микенском сельском хозяйстве может указывать слово «zeugeus», обозначающее человека, приставленного к воловье упряжке.

Перуцци устанавливает греческое, именно микенского времени, происхождение некоторых латинских слов из сельскохозяйственного обихода. Отталкиваясь от того, что микенское слово «zeugos» имеет два значения — пара (упряжка) и мера площади, и от свидетельства Аврелия Виктора о том, что Эвандр получил от Фавна немалое количество земли для обработки, которую разделил между своими спутниками (Ог., 5, 3), он ставит проблему влияния аркадян на агрокультуру Лация XIII в. до н. э. По его мнению, указанный отрывок Аврелия Виктора позволяет думать, что аркадские греки ввели в Лацию пахотное хозяйство, чего не знали абorigины. Но в таком случае, в латинской сельскохозяйственной лексике было много грецизмов, чего сказать все же нельзя. Поэтому более вероятно, что вклад Эвандра состоял в развитии, в усовершенствовании местной аграрной техники. Отрицая сабинскую или итальянскую этимологию слова «Iupus», Перуцци объясняет лингвистически название Lurescales как Arcades Iupī, что является дополнительным аргументом в пользу достоверности рассказа об Эвандре, поскольку ему приписывается введение этих священных действий.

Работы Э. Перуцци показывают плодотворность лингвистических изысканий для уточнения римской истории, и воссоздание этнической картины древнейшего Рима на современном уровне невозможно без учета его работ.

Итак, нужно сказать, что новейшие археологические и лингвистические исследования подтверждают достоверность античной традиции о населении древнейшего Рима как в общих чертах, так и в некото-

⁶¹ Peruzzi E. Agricoltura micenea nel Lazio. — *Minos*, N. S. 14, 1975, f. 1—2, p. 164—187; *I d e m.* Mycenaean..., p. 49.

рых ее деталях, относимых ранее к области поэтической фантазии. Можно с полной уверенностью говорить о сикулах, ветви лигурийских племен, не только как об обитателях Италии вообще или южной ее части (*Fest., Maior Graecia*), но будущей римской территории в неолитическую эпоху. Их присутствие там удостоверяется также именами древнейших божеств римского пантеона. К ним относятся Палес и Лемуры, почти одноименные с рекой Лемурис (современная Леме), на что обратил внимание Ф. Рибеццо⁶².

Это были первобытные люди, строившие примитивные хижины, наподобие тех, что открыты в соответствующих слоях поблизости от Рима в Луни на р. Миньоне, или использовавшие для жилья естественные пещеры, каких немало было и на римских холмах. Археологические находки вполне соответствуют первобытному облику лигуро-сикулов, автохтонов греческой традиции, и особенно тех, кого латинские авторы называют современниками Януса и Сатурна, порой определяя их термином *indigenae* (*Aug. Vict. Or. III, 1; Macr., Sat., I, 6*). Вергилий и Макробий упоминают раздельно сикулов и примитивных уроженцев Лация. Дионисий (I, 19) приводит текст оракула, полученного пеласгами в Додоне, где говорится о «Сатурнской земле сикелов». Так что это, видимо, одно и то же первоначальное население, но на разных ступенях развития. Эти автохтоны, вопреки взгляду Ю. Биндера⁶³, определенно отличаются в традиции от аборигинов, фигурирующих именно под таким наименованием как у латинских, так и у греческих авторов. То обстоятельство, что они — родоначальники латинов, да еще сродни сабинам, указывает, по нашему мнению, на их принадлежность к италикам в широком лингвистическом смысле этого слова, появившимся в Италии в период бронзового века, к носителям апенинской культуры.

Поскольку современная наука доказала, что археологические культуры не обязательно были достоянием одного какого-нибудь народа, можно считать, что среди апенинцев на почве Лация могли быть одновременно и протолатины, и сабины, и сикулы. Во всяком случае, одно время италики и сикулы сосуществовали. Об этом свидетельствует наличие сикулов в ветви италоязычных народов. Очевидно, это была та часть италиков, которая в пределах Центральной Италии ассимилировала лигуро-сикулов, приняв их название. Затем италики-сикулы продвинулись к югу и переправились в Сицилию, дав острову свое имя, где им противостояли неиндоевропейцы сиканы. В эпоху римского господства и сикулы, и сиканы порой обозначали просто сицилийца, оба термина употреблялись однозначно.

Италики — пришельцы из Дунайского ареала. Быть может, глухим отголоском воспоминаний о давних миграциях является и одно из объяснений этнонима *Aborigines* — от скитаний, столь противоречащее

⁶² Ribezzo F. Numa Pompilio e la riforma etrusca della religione primitiva di Roma.— In: *Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei*, 1951, v. V, f. 11—12, p. 558.

⁶³ Binder J. *Die Plebs*. Lpz., 1909, S. 298.

основному смыслу объясняемого слова. По-видимому, это обросшее потом ложной ученостью представление идет от греческих писателей. Но римско-латинская патриотическая историография, по крайней мере с Катона (Serv., Aep., I, 6), стремилась утвердить за римлянами-латинами ореол исконных жителей, первых как в доблестях, так и в древности заселения Рима, его истинных создателей. Отсюда идентификация их с аборигинами. Придание слову «Aborigines», по сути синонимичному с *indigenae*, *indigetes*, особого, этнического значения, если только не говорить об искусственном образовании этого слова, обязательно определенной политической тенденции, последовательно проводимой Римским государством. Античные авторы говорили, что аборигины стали называться латинами, но фактически дело обстоит иначе — латинов стали называть аборигинами. Нам представляется неосновательным видеть в аборигинах иллирийцев, как это делает Ф. Лохнер-Хюттенбах⁶⁴ на базе их отождествления с *Βορείωνοι* у Ликофона. В последнем этнониме ученый выделяет иллирийский корень *βογα* (гора, скала) и ссылается на связь энотров с иллирийцами. Но Энотр — ахеец, согласно традиции (Dionys., I, 11), а не иллириец.

В свете новейших археологических и лингвистических данных следует отказаться от категорического отрицания пребывания греков в Лации в доколониальный период. В нашей науке до недавнего времени допускалось лишь «знакомство» греков даже с Южной Италией и Сицилией⁶⁵. Однако археологически засвидетельствованное микенское поселение в Скольо дель Тонно⁶⁶, а также следы эгейских поселенцев на ионийском и тирренском побережье Сицилии⁶⁷ с полной определенностью позволяют говорить о первом заселении этих мест ахейскими греками. Присутствие микенцев на юге полуострова и в Сицилии и микенские предметы в Луни делают вероятным и их пребывание в Лации, а осколки позднемикенских сосудов в районе Сан Омобонو подтверждают предположение К. Е. Остенберга о наличии микенской стоянки на побережье Лация. Местом этого опорного пункта микенских греков был Рим. В связи с этими данными проясняется и значение такого факта, как упоминание в гомеровском эпосе рабыни сиккульского происхождения. Можно думать, что появление ее в доме Лаэрта обязано контактам ахейцев не только с Сицилией, но и с Италией.

Краткий, но стойко укоренившийся в памяти древних рассказ о греках Эвандра и Геркулеса на притибрских холмах получил археологическое подтверждение. Наблюдения Э. Перуцци над греческими этимологиями латинских слов культурного, т. е. хозяйственного и религиозного обихода, восходящими к доалфавитному греческому языку, пока-

⁶⁴ Lochner-Hüttenbach F. Die Pelasger. Wien, 1960, S. 171, 172.

⁶⁵ См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1963, с. 185.

⁶⁶ Taylor W. Op. cit., p. 185; Biancofiore. Op. cit., p. 104; Vagnetti L. Op. cit., p. 160—161.

⁶⁷ См.: Ильинская Л. С. Проблемы греческой колонизации Сицилии в свете археологических исследований последних 25 лет.— ВДИ, 1976, № 2, с. 168; Vagnetti L. Op. cit., p. 158—159.

зали относительную стабильность и длительность пребывания микенцев в ареале будущего Рима. Все это позволяет нам высказаться в пользу попытки создания там ахейской апойкии, пополнявшейся за счет новых миграций, как о том свидетельствует сага о приходе Геркулеса и его борьбе с Каком. Разумеется, колония эта не была сильной и, видимо, с падением ахейской мощи в метрополии постепенно сошла на нет. Но все-таки это была скорее колония, а не место спорадических визитов. В пользу этого предположения, как нам кажется, может свидетельствовать толкование Фестом *Argæa Iosa* как места погребений знатных аргивян на территории Рима. Конечно, большого этногенетического значения для Рима микенцы не имели. Однако свой след в языке и религиозных установлениях оставили. Греческое присутствие на месте будущего Рима внесло свою лепту в сложный состав его первоначального населения.

Далеким от точного решения остается вопрос о пеласагах в Риме. Его трудность зависит прежде всего от неоднозначности определения этнической принадлежности пеласгов. Материалы и исследования, касающиеся пеласгов, тщательно собраны в упоминавшейся выше книге Ф. Лохнера-Хюттенбаха. Ученые видели в них то семитов, то выходцев из Индии, то предков поляков, то финнов, то вообще нереальный народ. Их язык определяется одними вслед за Кречмером как доиндоевропейский языковой субстрат Эгеиды, у нас такого мнения придерживается А. И. Немировский, а другими, начиная с В. И. Георгиева, как догреческий, но индоевропейский, относящийся к группе сатэм.

Античные авторы приписывают пеласагам широчайшее распространение по всей Эгеиде, а их сосуществование в Италии с аборигинами дает повод думать, что они появились там в эпоху бронзы, но, в соответствии с традицией, несколько позже, чем аборигины, т. е. латины, может быть уже в конце бронзового века. К сожалению, памятников материальной культуры пеласгов в Италии нет или, точнее, они еще не выделены из массы апеннинских остатков. Это связано, очевидно, с тем, что позднее пеласги исчезли с италийской арены и, нигде не образовав компактной группы, не оставили о себе следа в названии какой-нибудь области, подобно другим этническим элементам в Италии. Наиболее осведомленный в вопросе о пеласагах Лохнер-Хюттенбах категорически отделяет пеласгов от тирренов, полагая, что их смешивали из-за возможного обитания в Малой Азии. Он склоняется к тому, что пеласги были одним из иллирийских племен, и приводит много тому доказательств, особенно из области ономастики и топонимики. Так, известные по «Илиаде» Гомера или у Гелланика и Аполлодора пеласги носят имена Теутамос, Теутамнас, объяснимые из иллирийского языка, название Додоны — центра пеласгического культа Зевса — иллирийского происхождения, сам додонский оракул связан с культом дерева, поэтому носит иллирийский характер, наконец, иллирийцы встречаются в тех местах, где традицией прочно фиксированы пеласги.

И все же рассмотренная концепция не представляется нам вполне убедительной. Более прав, пожалуй, А. И. Немировский, следуя за Де Карой, в том, что в Италии называли пеласагами всех негреческих

выходцев с Балканского полуострова. Но, не останавливаясь на этом, А. И. Немировский тут же впадает в противоречие, причисляя к пеласгам япигов, поскольку, как и Х. Краз, считает пеласгов неиндоевропейцами, а япиги, как известно, иллирийского корня, а значит, индоевропейцы. Добавим, что все относящиеся к пеласгическому языку элементы теперь прочно признаются индоевропейскими⁶⁸. В свете этого наличие япигов среди пеласгов вполне допустимо. Но вряд ли следует идентифицировать пеласгов с иллирийцами. Поскольку пеласгический язык близок фракийскому⁶⁹, можно думать, что под пеласгами понимали прежде всего фракийцев. Таким образом, позволительно присоединиться к Де Каре, считавшему, что под пеласгами скрываются балканские эмигранты негреческого происхождения, прибывшие в Италию в период бронзового века. Неясность их портрета не может служить основанием для исключения пеласгического элемента из состава древнейшего римского населения.

Что же касается иллирийцев, то независимо от пеласгов они с конца II тыс. до н. э. обитали в Италии в ее центральных областях, в том числе и в Лации, наслоившись соответственно на оско-умбров и латинов⁷⁰. Здесь необходимо сделать оговорку относительно пребывания иллирийцев в латинских землях в начале железного века. До середины текущего столетия венетов считали иллирийцами, поэтому в упомянутых Плинием «Venetulani» видели доказательство наличия иллирийского населения в Лации. Теперь же венетский язык признан самостоятельным итальянским языком, близким латинскому⁷¹. Но иллирийские следы в рассматриваемом и прилежащих районах есть и помимо венетов. Их усматривают в этнониме авзонов⁷², в культах быка и волка⁷³ и в погребениях в деревянных ящиках, приписываемых яподам⁷⁴. Нам кажется, что отголоском иллирийского присутствия в Лации можно считать и имя одного из альбанских царей, деда Тиберина, Каписа, поскольку так же звали и отца Анхиза, деда Энея. Асканием звали одного из сыновей Приама, связанного родством с Энеем (Apoliod., III, 12, 5). Важно отметить, что иллирийские движения в направлении Лация и затем из него в Южную Италию относятся уже к железному веку, т. е. к концу II — началу I тыс. до н. э. С этими фактами следует сопоставить литературную традицию об Энее. Ф. Бёмер справедливо акцентировал иллирийскую принадлежность Энея. Он назы-

⁶⁸ См.: Кондратов А. М., Шеворошкин В. В. Когда молчат письма. М., 1970, с. 47—50; Гиндин Л. А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1958, с. 231; Alessi G. Un'Oasi linguistica preindoeuropea nella regione baltica? — SE, 1946—1947, v. 19, p. 166—167.

⁶⁹ См.: Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 231.

⁷⁰ Krahe H. Op. cit., p. 18; De Francisci. La comunità sociale e politica romana primitiva.— In: Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, v. II. Firenze, 1955, p. 180.

⁷¹ Lejeune M. Venetica.— Latomus, 1953, v. XII, f. 4, p. 385—386.

⁷² Altheim F. Op. cit., p. 18.

⁷³ Laviosa Zambotti P. Op. cit., p. 91.

⁷⁴ Ibid., p. 92—94.

вает героя иллирийцем с Балкан, где обитали айнеады (энеады), пока не переселились в Трою, или фрако-иллирийцем⁷⁵. Действительно, в XX песне Илиады дается генеалогия троянских царей. В эпоху поздней античности эта генеалогия была записана каким-то анонимом. Согласно этим данным Эней был из рода Дарданидов. Сервий (Aen., IV, 662) замечает, что Эней считался дарданом, а те — безусловно иллирийское племя. Известно, что дарданы мигрировали во II тыс.

Рис. 5.
Жертвоприношение Энея (фрагмент алтаря
эпохи Августа)

до н. э., дав название проливу и городу в Малой Азии. Дед Анхиза Ассарак носит иллирийское имя⁷⁶. Признавая идентичность материальной культуры фрако-иллирийского региона и Трои I, К. Шуххардт⁷⁷ относит переселение дарданов в Малую Азию к III тыс. до н. э., а Энея — к потомкам первой троянской династии, идущей от Дардана. Она, по его мнению, сменилась потом другой ветвью потомков Зевса, к которой принадлежали Приам и Гектор. Эти хронологические уточнения Шуххардта, углубляющие во времени пребывание дарданов в Троаде, не противоречат представлению об Энее как о символе фрако-иллирийского мира, а даже подтверждают его. То же самое отмечает в своей книге Э. Перуцци⁷⁸. Ученый подчеркнул, что традиция единодушно относит появление салиев в Италии к прибытию Энея, и привел убедительные данные в пользу того, что название салиев восходит к самофракийскому этнониму сайи. Напомним, что согласно Страбону (VII, 49), в Самофракии некогда обитали иллирийцы Иасион и Дардан, откуда последний и переселился в Малую Азию. О переселении Дардана из Самофракии в Трою говорится также в Веронских схолиях к Вергилию (Aen., II, 165).

Принимая во внимание выводы Ф. Бёмера относительно сопричастности фокейцев и этрусков к оформлению и перенесению легенды

⁷⁵ Bömer F. Op. cit., p. 77, 30.

⁷⁶ Lochner-Hüttenbach F. Op. cit., p. 154; Schuchhardt C. Wer hat Troia gegründet? — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl., 1940, N 10, S. 18.

⁷⁷ Schuchhardt C. Op. cit., S. 18.

⁷⁸ Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978, p. 53—55.

об Энее в Италию, поскольку первые были особенно хорошо осведомлены о малоазийских и вообще эгейских делах, а вторые — об италийских, тем более соседнего Лация, можно думать, что в канонических троянцах античной традиции содержится воспоминание о вполне реальных переселениях иллирийцев. Не противоречит, в общем, этому и соображение С. Мадзарино о том, что сага об Энее разлетелась по свету из Сигея благодаря Дамасту. Существенно то, что ее знали не только жившие в Италии этруски, но и греки Малой Азии — фокейцы и обитатели Троады, предкам которых было известно об иллирийских миграциях отсюда на запад. Можно думать, что патриотическая тенденция римской историографии, усугубленная вдохновением римских поэтов, довела эти воспоминания о перемещениях иллирийцев до прочной связи с Троей, наиболее значительным и известным благодаря Гомеру местом, связанным с фрако-иллирийским миром.

Как видно, и теперь еще картина древнейшего населения Рима носит эскизный характер, но некоторые детали уже вырисовываются в ней достаточно отчетливо. Уточнения, достигнутые в результате исследования, позволяют сказать, что этнический состав будущего Рима оказался действительно чрезвычайно сложным, подвижным и многослойным. Входящие в него элементы имели неодинаковое этногенетическое значение. Этническая динамика характерна и для несколько более поздней эпохи, открывающейся так называемым Ромуловым Римом. Но это время требует уже специального исследования.

ТРИБЫ
И КУРИИ

На всем протяжении долгой римской истории продолжали жить в более или менее модифицированном виде социальные организмы, возникшие в период первобытности: род, триба, курия, семья. Они настолько сохранились (и в повседневной жизни, и в юридическом языке), что мы зачастую встречаемся с ними в разного вида поздних источниках. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания ученых. Начиная с конца прошлого века и особенно в текущем столетии ставился вопрос о характере и об отношении названных общественных групп к государству, а также о соотношении одноименных социальных форм в догосударственную и государственную эпохи.

Интерес к этой проблематике постоянно прогрессировал вместе с числом посвященных ей работ, так что понадобилось сделать систематический обзор существующих точек зрения. Он был дан П. Де Франчиши¹ в докладе «Примитивная римская социальная и политическая община» на X Международном конгрессе исторических наук в 1955 г. Ученый верно заметил, что в середине XX в. в большинстве случаев отошли от патриархальной теории, господствовавшей в построениях Дж. Вико и Т. Моммзена. Много было сделано для понимания сущности рода. Однако механика взаимодействия между gens и familia разными исследователями понималась по-разному. Так Аранджо-Рюнтц уже в начале нашего века подчеркнул значение экономического фактора: переход от пастушества и экстенсивного земледелия к интенсивному усилил семью. Начиная с Е. Де Руджери, интерес многих исследователей был прикован к политическому аспекту рода и семьи. Среди них П. Де Франчиши справедливо выделил Бонфанте, который, как нам кажется, поставил проблему происхождения римской государственности в ее

¹ De Francisci P. La comunità sociale e politica romana primitiva.— In: Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, v. II. Firenze, 1955, p. 61—166.

отношении к догосударственным институтам. Он последовательно проводил в своих работах идею о том, что и род, и семья были изначально носителями политической организации, унаследованной затем государством. Своеобразно эта идея преломилась у Эд. Мейера. «Примарной» социальной единицей он считал орду, из распада которой образовались и gentes, и familiae, и в орде видел первоначальный «политический» организм.

Взгляды Бонфанте о «политическом» характере рода оказали влияние на последующую историографию — на Казера, Веструпа, Де Висшера, сопоставлявших власть *pater familias* с властью главы государства. Последователем Бонфанте Де Франчиши по праву называет и Фрецу, который видит в семье и роде политическую организацию, сравнимую со структурой *populi Latini*, где господствовали федеральные порядки. Также по аналогии с итальянской, точнее латинской, средой, изучает социальные структуры и образование города-государства в Риме Луццатто. Но Де Франчиши считает его противником Бонфанте, поскольку Луццатто намечает путь образования Рима от распыления некоего латинского «племенного государства», частью которого были паги, через стадию «городской концентрации» в пагальном центре, *oppidum*, который постепенно доходит до города-государства. В отличие от Бонфанте и его последователей, *familia* у Луццатто лишена политических функций.

Далее Де Франчиши выделяет направление, состоящее в определении «юридической» природы «догражданских групп». Представлено оно Парадизи (середина XX в.). Исследователь говорит о гетерогенности этих групп, а именно арио-европейцы в период их экспансии на Балканский и Апеннинский полуострова образовывали некие этнические единства, которые были одновременно и политическими единицами. Иммигрировавшая в Италию этническая общность включала в себя семьи, объединявшиеся более прочно лишь в военных целях.

На итальянской почве арио-европейцы нашли созданную до них туземным населением, средиземноморцами, организацию пагов, более прогрессивную, чем их арио-европейская этническая общность. В комбинации этих социальных групп паг становился центром политического развития, военной и социальной организацией, переходящей в «гражданское государство». Характеристика, данная Де Франчиши взглядам Парадизи, как вскрывающим «юридические» основы государственных больших и меньших общностей, представляется нам недостаточно точной. Правильнее было бы говорить об установлении Парадизи разницы их социально-экономической природы. Особенно же заслуживает

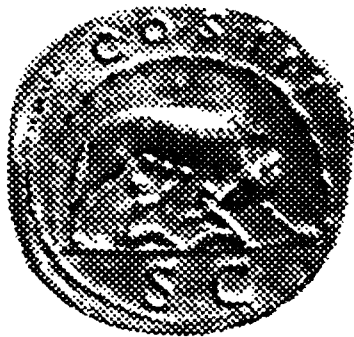

Рис. 6.
Волчица с Ромулом и Ремом
(монета республиканской эпохи).

внимания тезис Парадизи о переходе к государству через паг, который, впрочем, четко не охарактеризован.

Особо останавливается де Франчиши на оценке У. Коли семейных и гентильных групп и их отношений к государству: первые представляют собой только экономический организм, а вторые — политический. Синойкизм селений Палатина и других римских холмов приводит к образованию *urbs*, который в примитивной фазе соответствует не *civitas*, а *regnum* — первой политической форме в Риме.

Совершенно особняком ставит Де Франчиши концепцию Ф. Де Мартино, который отвергает мнение об орде как о носителе государственных порядков, представление об «этническом государстве» и возникновении Рима из раздробления единого «национального» государства и говорит о предшествовании гентильных устоев государственному образованию. Вместе с тем Де Франчиши относит Де Мартино к последователям «политической» теории. Вряд ли можно уложить концепцию Де Мартино в рамки этой теории. В отличие от всех упомянутых ученых, он стоит на позициях исторического материализма, рассматривает *gentes* и *familiae* с учетом всех аспектов этих социальных явлений как ячеек общества, обусловленных его социально-экономическим развитием. Именно поэтому Де Мартино высказывает принципиально значимый тезис о том, что *gens* исторической эпохи, т. е. эпохи классового общества и государства, является лишь рудиментом того, чем он был в догосударственное время².

Сам Де Франчиши, показав вклад своих старших и современных ему коллег в понимание первобытных общностей, обратился наряду с *gens* к другим кардинальным элементам социальной структуры древнейшего и Древнего Рима, в частности к соотношению *gens* и *familia*, *familia* и агнатской группы, а также к характеристике *gens* и курии. Он принял идущую от Кречмера этимологию *curia* от *convicia*. В противовес другим исследователям Де Франчиши не считает создание курии одновременным с созданием трех триб. По его мнению, если б курии и три трибы возникли в результате одновременной реформы, синхронно центурии целеров должны были бы набираться от 30 куриий, т. е. по одной декурии от каждой курии. Но центурии всадников всегда существовали как единый корпус, из людей, набранных по трибам, в то время как по куриям стала комплектоваться пехота. В связи с этим Де Франчиши выдвигает положение о наличии в древнейшую эпоху римской истории двух в разное время появившихся видов куриий. Первые, или древние, существовали до Палатинской общины, т. е. до Ромула, в качестве «гентильных консортерий». Позднее, около середины VII в. до н. э., когда в результате реформы были созданы три трибы, произошла трансформация куриий. Эти новые курии при этрусских царях были источником набора пехоты. В другом своем труде Де Франчиши поясняет эту трансформацию: новые курии стали искусственными подразделениями гентильных триб³. При этом оба вида

² De Martino F. Storia della costituzione romana, v. I. Napoli, 1958, p. 9.

³ De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959, p. 484—486.

курий являлись обозначением и социальных групп, и одновременно места их собраний. В доказательство древности института курий Де Франчиши ссылается на открытие археологом Кальцони на возвышенности Монте Четоне (в Центральной Италии) серии четырехугольных площадок, обрамленных ступеньками, которые датируются эпохой бронзы. Расположены они на юго-восточном склоне террасами. А. Минто истолковал эти площадки как места для собраний древнейших социальных единиц, обладавших сакральными функциями, вероятно с участием авгуров, на что указывает юго-восточная ориентация конструкций⁴. Говоря о создании 30 первых курий, Де Франчиши соотносит с ними и число 300 сенаторов, замечая, что всему греко-римскому миру свойственна тенденция параллельно с развитием общины фиксировать число членов в ее органах управления. Наблюдения Де Франчиши послужили импульсом для других исследователей. Стали привлекать внимание и курия, и числовые отношения социальных структур. Конечно, последнее направление не новость в историографии.

Каждое поколение ученых пытается осмыслить ставшие хрестоматийными сообщения традиции о трибах Тициев, Рамнов и Луцеров, а также о 30 куриях. Ещё в прошлом веке была отмечена троищность арханческого Рима, которая связывалась, с одной стороны, с «идеальными» числами, кратными трем, — трое ворот первоначального города, триада богов, 30 городов Латинской лиги —, а с другой — с этнической тройственностью раннего римского населения. Эти легендарные цифровые данные были подкреплены лингвистикой: латинские слова *tribus*, *tribuni* были соотнесены с *tris*, *tres*. С помощью лингвистики пытались доказать этническую разницу между трибами и в текущем столетии. Так, Девото⁵ в 1933 г., в отличие от Нибура, считавшего одну из триб тирренской, или принадлежащей доиндоевропейским пришельцам, выдвинул тезис о принадлежности Тициев к протосабинам, носителям слов со значением «красный» типа «*rufus*», Рамнов — к протолатинам, носителям слов типа «*rutilus*», Луцеров — к протоиталикам, носителям слов типа «*ruiber*». Г. Дюмезиль⁶ видел в членах римских триб представителей разных социально-профессиональных групп, свойственных индоевропейским народам. В соответствии с этой схемой он считал Тициев пастухами и ремесленниками, Рамнов — жрецами, а Луцеров — воинами, что, в общем, не находит никакой опоры в источниках.

Поскольку слово «триба», как известно, переводится словом «племя», в новейшее время к объяснению его был привлечен этнографический материал. Так, Ж. Н. Ламберт⁷ обнаружил параллели между архаическим Римом и ирландцами средневековья. Начиная с VI—VII вв. ирландцы делились на 184 *tricha set*. Термин этот переводится как «30 сотен» и эквивалентен термину *tuath* (род, племя). Эпос представ-

⁴ Minto A. *Curia*.— SE, 1946, v. 19.

⁵ Devoto G. *Le origini tripartite di Roma*.— *Athenaeum*, N. S. 31, 1953, v. 41.

⁶ Dumézil G. *Tuppiter, Mars, Quirinus*. Paris, 1941.

⁷ Lambert J. N. *Les origines de Rome à la lumière du droit comparé: Romulus*.— In: *Studi in onore di Pietro De Francisci*, v. I. Milano, 1956, p. 337—360.

ляет *tricha cet* как вооруженный отряд вождя или короля. «30 сотен» было идеальным числом, не всегда отражавшим действительное количество воинов. В соответствии с числом воинов была поделена и вся территория острова: на 184 *tricha cet*, или *tuath*, приходилось 184 дистрикта, которые также именовались *tricha cet*. Каждый дистрикт включал по 30 *bailes*, т. е. населенных пунктов. Значит, каждая сотня воинов, входивших в *tricha cet*, имела *baile*, т. е. свою территорию. В этом Ламберт видит аналогию к переданному Дионисием Галикарнасским (II, 7) установлению Ромула, по которому вся римская земля была поделена на 30 клеров между 30 фратриями, или куриями, поставлявшими контингенты в войско по сто человек от каждой из них. На этом сходство не кончается. В средневековых текстах ирландское *tuath*, или *tricha cet*, называется еще *santaredus*, что представляет собой латинизированную форму галльского слова *santref*, по-французски — *cent tref*, т. е. сотня *tref*, что означает фиксированный на земле род. Слово *tref* переводится и как воинское подразделение, и как соответствующая ему община и территориальная единица. Из анализа указанных терминов выявляется некое арифметическое равенство: 30 сотен = 100 *tref*. Отсюда следует, что кельтское войско состояло, как и в Риме, из 30 групп по 100 человек или из 100 групп по 30 человек. Подмеченное равенство позволяет Ламберту понять неясное утверждение Феста: «Центуриатные комиции в равной мере считались и куриатными, потому что римский народ был разделен на сотню турм». Поскольку турма была всадническим подразделением изначально из 30 человек, то сто боевых единиц по 30 человек (куриатные комиции) соответствуют 30 единицам по 100 человек (центуриатные комиции). Учитывая близкое, хотя и не идентичное значение латинского *tribus*, умбрского *trifo*, кельтского *tref* как общины, племени, принимая во внимание, что римляне, дорийцы, ирландцы приписывали себе троичное происхождение, Ламберт считает этимологию *tribus*, связанную с индоевропейским *tref* (три), совершенно обоснованной. Одновременно он предостерегает против понимания *tribus* как «трети» общины или народа, подчеркивая значение числа «три» в комплектовании римского войска.

В конечном счете все наблюдения Ламберта подтверждают представления о Ромуловом Риме как об обществе, организованном в 3 трибы и 30 курий, что составляет 3000 человек, как об обществе, в основе которого лежал альбанский род вполне исторического Ромула. Исследователь совершенно верно отметил, что социальная тройственность продиктована военными потребностями, так как базируется либо на трех элементах строя — центр и фланги, либо на возрастном подразделении войска.

Много внимания уделено числовым соотношениям социальных единиц первоначального Рима и в книге Роберта Пальмера «Архаическая община римлян»⁸. Пальмер предостерегает против увлечения сравнительным методом при исследовании древних институтов, хотя и сам

⁸ Palmer R. E. A. The archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970, p. 3, 5, 15—26 etc.

прибегает к аналогиям, и выдвигает на первый план источниковедческий аспект в изучении древнейшего Рима. Главным источником по трем трибам он называет Варрона, считая его ответственным за появление в традиции об истоках Рима чисел 3, 30, 300 и 3000 и самого города *Roma Quadrata*, созданных им по модели выведенных римских колоний, в том числе и современных Варрону.

Антиквар был хорошо знаком с практикой римской колонизации, сам участвовал в учреждении колоний, знал квадратный план их городов и сельской территории, а также обычную численность колонистов — 300 и 3000. Особое же значение, по мысли Пальмера, имело то обстоятельство, что ученый Варрон находился под влиянием греческой литературы — Пифагора, Аристотеля и Ликофрона. Первый из них, как известно, придавал основополагающее значение числу, второй занимался объяснением числовых отношений греческих социальных организмов, связывая их с разными временными циклами. Третьему принадлежит самое раннее упоминание о римской триаде. Таким образом, считает Пальмер, в основе нумерологии Варрона, унаследованной последующей античной историографией, лежит прежде всего греческая теоретическая и политическая мысль. Исторической реальностью Рима являлись только 30 курий, известные в республиканскую эпоху. Курии не были фратриями. Пальмер находится среди тех ученых, кто принял этимологию *curia* < *soviria*. Однако первоначальные курии не представляли собой воинских подразделений.

Анализируя словоупотребление *curia*, в частности у Плавта, у которого оно впервые встречается в сохранившейся до наших дней римской литературе, у Авла Геллия (XV, 57), который привел комментарий Лелия Феликса к сочинению Кв. Луция Сцеволы («*ex generibus hominum — comitia curiata*»), у Феста (*curia*... — *pars*), Пальмер соединяется к мнению, что курия — это община, что члены курии — это и есть квириты, т. е. римский народ. Продолжая линию Ю. Белоха и Аранджио-Рюитца, Пальмер говорит, что курии складывались постепенно. Местоположение Старых и Новых курий указывает на ранние ступени процесса их образования, начиная от семи палатинских и какого-то количества на Целии. Аргейские священнодействия говорят уже о наличии 27 курий в городе Сервия, состоящем из четырех регионов, включая Капитолий и Форум. Количество 30 курий достигается позднее, после того как ради укрепления своей власти цари передали авгуральные функции из рук предостателей курий в руки четырех государственных авгуров и не разрешили установить авгуральные палатки в черте города. Три же курии находились вне города. Именно эта историчность 30 курий, по мысли Пальмера, и отразилась в традиции о 30 городах Лация, 30 поросятах увиденной Энеем свиньи и т. п. Курии были первоначальными этническими, т. е. гетерогенными и невоенными объединениями, а три трибы — вторичными, не этническими и военными объединениями. Курии, исходя из материала о членах аргейских процессий, трактуются как общины, однако без расшифровки этого понятия. Впрочем, некоторые указания Пальмером даются: курии имели свои места для священнодействий, в том числе

для приготовления трапез. Однако этим их территориальные владения не ограничивались. Кроме того, Пальмер пытается воспроизвести названия некоторых курий. Из его рассуждений следует, что образование курий было длительным естественным процессом, причем вполне историческое и не выдуманное их число (30) обусловило появление в традиции числа трех триб. Следует отметить также, что происхождение этих социальных институтов датируется исследователем достаточно широкими рамками царского периода.

Вопрос о происхождении триб и курий рассматривался Э. Гьёрстадом⁹. По его мнению, курии носят «догородской» характер, что устанавливается по связи их с «догородскими», т. е. первобытными празднествами Форнакалии и Фордидии. Трибы же возникли в период основания города, иными словами, уже при Ромуле.

Та же тема числовых соотношений общественных групп древнего Рима затронута в небольшой, но весьма содержательной работе И. Хана «Плебеи и родовое общество» (Будапешт, 1975). В ней он касается проблемы распада родового строя, в частности известного тезиса К. Маркса о том, что племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды¹⁰. И. Хан исходит из того, что в родовом обществе при коллективной собственности на средства производства и общем труде разные роды могут оказываться в зависимости от качества земли и количества поголовья скота в различном имущественном положении. Аналогичные условия порой складывались и внутри родов. Однако пока эти различия в имущественном отношении и в отношении власти незначительны, а главное, нестабильны и самопроизвольны, общество не меняет своего характера. Когда же они становятся устойчивыми и сознательными, происходит качественное изменение всего общества. Опираясь на изучение истории античных народов, И. Хан справедливо называет основные критерии, позволяющие установить наличие развитой социальной дифференциации, — это терминологические и численные определения общественных групп. Последнее имеет особое значение там, где, по замечанию К. Маркса, земельные и пахотные угодья ограничены по своей площади. Применяя названные критерии к Риму, И. Хан указывает на традицию о трех трибах, 30 куриях и 300 родах в Риме как на действительно имевшую место фиксацию количества привилегированных групп архаического общества. Эта фиксация, по мнению И. Хана, представляет собой важный фактор превращения общества в классовое. Отвергая взгляд Пальмера и поддерживая Альфельди, исследователь подчеркивает, что римское общество уже на ранней стадии в результате сознательного и единовременного акта было поделено по принципу происхождения на 3 трибы и 30 курий. Поскольку слова *tribus*, *curia*, *gens* латинского происхождения, то возникновение соответствующих институтов относится к доэтрусской эпохе. Учитывая же, что названия триб и части курий

⁹ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit.— ANRW, Bd I, T. I, S. 148.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 465.

вероятно этрусские, можно считать, что акт упорядочения их числовых отношений и их наименования датируются временем этрусского господства в Риме. Итак, И. Хан с полным основанием рассматривает возникновение традиционной «троичной» римской социальной системы как долгий процесс складывания и возрастания числа составляющих ее единиц, завершившийся сознательным установлением их числового предела. По мнению исследователя, это было временем формирования города от первых поселений до создания под влиянием этрусков городской организации по этрусскому образцу, т. е. период с IX до конца VII вв. до н. э. Такая датировка относит оформление «троичности» римского общества уже к этрусской эпохе.

Таким образом, в последнее время снова было обращено внимание на проблему историчности римской структуры в начале царского периода и поднят вопрос о 3 трибах и 30 куриях как о принадлежности правления Ромула. Было сделано верное наблюдение над куриями: достижение числа 30 стало рассматриваться как процесс. Одновременно было высказано мнение о фиксации числа социальных единиц в процессе формирования города и оценено это явление как фактор, свидетельствующий о распаде родового строя и способствующий ему. Необходимо отметить, что разработка данных проблем велась на основе использования большого фактического материала. Наряду с этими важными выводами, обогатившими науку, остались еще не разрешенные спорные вопросы датировки указанных явлений и участия в них этрусков. Сложность их исследования в значительной мере зависит от состояния источниковой базы. Это, прежде всего, античная традиция. Часть авторов говорит о делении Ромулом народа на 3 трибы — Тициев, Рамнов и Луцеров — и на 30 курий, а именно: Цицерон (г.р. II, 8, 14), Дионисий (II, 7; 47), Проперций (IV, 1, 31), Овидий (Fast., III, 131—132), Персий (Sat., I, 20), Плутарх (R., XX), Дион Кассий (I, 518); Фест (Curia; sex Vestae sacerdotes), Павел Диакон (Luceres), Сервий (Aen., V, 560). То же самое говорится и в Дигестах (Dig., I, 2, 2, § 2), которые, таким образом, как бы увенчивают официальным признанием традицию, известную уже Эннию (Varro, II, V, 55). Варрон сообщает о делении на три части не народа, а земли, откуда уже получили названия и трибы (V, 55). Ливий же рассказывает, что Ромул поделил на 30 курий народ, а именем Тициев, Рамнов и Луцеров были названы набранные тогда же 3 центурии всадников (Liv., I, 13, 8; 36, 2; 43, 9). Эта же версия встречается и у Аврелия Виктора (vir. ill. I, 11) и у Флора (I, 115).

Суммируя эти данные и присоединив к ним сведения, сообщаемые Фестом (Novae sigiae), можно отметить, что относительно курий авторы высказываются единодушно: курии созданы Ромулом одновременно с Трициями, Рамнами и Луцерами (как бы они ни определялись), число курий — 30. Что же касается триб, то известия о них варьируются, как мы видели, в определении их сущности, а кроме того, и в названиях и в порядке их перечисления. Наиболее употребительными являются названия Titienses, Ramnes, Luceres. Однако у Варрона (II, V, 89), у Проперция (IV, 1, 31) и у Овидия (Fast., III, 131) упомянуты Tities,

а у Плутарха (R., XX) и Аврелия Виктора (vir. ill., I, 11) — Tatienses. Большой разницей представляет собой второе название. У Варрона (II, V, 55; 81; 89), Ливия (I, 36, 2), Проперция (IV, 1, 31), Овидия (Fast., III, 331) и Феста (Sex Vestae sacerdotes) фигурируют Ramnes. У Цицерона (г.р., II, 20, 36), Ливия (I, 13, 8), Аврелия Виктора (vir. ill., I, 11) — Ramnenses, а Сервий дает форму Ramnetes. Есть различия и в третьем названии. Преимущество остается за Луцерами — у Цицерона (г.р., II, 20, 46), Варрона (II, V, 55, 89), Проперция (IV, 1, 31), Овидия (Fast., III, 131); Персия (Sat., I, 20), Ливия (I, 13, 8; 36, 2), Феста (sex Vestae sacerdotes), Павла Диакона (Lucereses et Luceres), Сервия (Aen., V, 560). Вместе с тем у Плутарха (R., XX) и у Павла Диакона встречаем Lucere(n)ses.

Все же в целом традиция очень устойчивая, позволяющая верить правильности чаще всего встречающихся названий, а вместе с тем и в существование обозначаемых ими институтов. О том же свидетельствует и принцип их перечисления. Самым распространенным является порядок: Тиции, Рамны, Луцеры. Трижды у авторов перечисление начинается с Рамнов. Однажды у Варрона (II, V, 81) список закрывается Тициями, а на второе место выходят Луцеры. Видимо прав Пальмер¹¹, полагающий наиболее часто встречающийся вариант перечисления не официальным, а, скорее, более привычным, поскольку он идет от поэта Энния. Энний же, видимо, подчинил порядок перечисления требованиям поэтического размера. Гекзаметр, которым он писал, и мог продиктовать ставший потом обычным порядок. Официальным же был лишь порядок перечисления городских территориальных триб, округов¹².

Что же касается разных определений рассматриваемой здесь триады, то, думается, противоречий они по сути дела не содержат. Это заметили еще в античности. Авл Геллий (18, 7, 5) пишет: «Говорят... триба, а также декурии — и о месте, и о праве, и о людях». Одни и те же названия применены и к социальной единице, и к земле, и к коннице не случайно: *tribus* — племя не существует вне территории, и занимаемая им земля по нему и именуется. Поскольку командование войском в лице трибунов (Varro, II, V, 81) и само комплектование воинских подразделений, в частности кавалерии, связано с трехчленной родо-племенной организацией, ее состоящее из трех частей имя сохраняют и кавалеристы. Первичным значением, определяющим все остальные значения *tribus*, является племя. В советской историографии это сомнений не вызывает. В известных античных обществах обычно было либо три (дорийцы), либо четыре (ионийцы) племени.

Если говорить о курии, то она понимается в нашей литературе по-разному: как фратрия¹³, или как «союз мужей», или «союз вои-

¹¹ Palmer R. Op. cit., p. 6.

¹² Cic., leg. agr., II, 79.

¹³ См.: Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972, с. 89.

нов»¹⁴. Нам представляется, что фратрией курия в рассматриваемое время быть не могла. Как известно, фратрии были естественно сложившимся институтом в период материнского рода¹⁵. Однако эта стадия Ромуловым Римом была уже давно пройдена. Развитие скотоводства и использование металла утвердили в Риме отцовский род. Военно-организационная деятельность Ромула, обусловленная военными потребностями формирующейся общины, и значение курии в комплектовании воинских подразделений подтверждают правильность этимологии *curia* < *coivigia*. Вместе с тем надо подчеркнуть, что курии не оторваны от родо-племенной организации, а составляют ее органическую часть. В этом смысле их можно понимать не столько как рудименты, а скорее как подобие фратрии. Но генетически связанные с фратрией курии качественно от нее отличаются: фратрии охватывают всех членов входящих в них родов, курии — только мужчин. Вероятно, предшественниками римских курий были «мужские тайные союзы», описанные этнографами, наблюдавшими их в некоторых позднеродовых обществах¹⁶. Эти мужские союзы, или дома, представляли собой продукт и одновременно орудие распада материнского рода. Но и эта стадия для Рима начала царской эпохи была уже пройденной. Курии продолжали существовать и в рамках общества с патриархальными родами, подвергшимся разложению.

Деятельность курии достаточно многообразна. Ее можно довольно ясно представить себе. В источниках нет недостатка в упоминаниях о куриях. Древние дают этимологию слова от *cura* — забота, попечение (Vaggo, II, VI, 46; Non Macs., I, 57M). Павел Диакон (*curia*) передал нам Фестово определение курии: «Курия — это место, где вершились общественные дела. Калабрской курией называется такая, где занимаются только сакральными делами. Куриями называются также части народа, на которые его разделил Ромул, числом 30... так что каждый в своей курии совершал священнодействия и справлял празднества...» Дионисий (II, 7) определяет курию как греческую фратрию и лох, греческими буквами изображая ее латинское название (*κουρία*), так же, как и Плутарх (R., XX). И он говорит о них, как о местах собраний: это были помещения или участки с очагом, вокруг которых собирались на пиршества. В собраниях участвовали главы курии, курионы, вместе со жрецами (Dionys., II, 23). Вероятно, эти угощения можно рассматривать как видоизмененные общие трапезы членов курии или часть общекуриальных трапез.

В приведенных определениях говорится о куриях как об объединении людей, а также о месте (*locus*, *ἐστιατόριον*), где они собирались. Последнее можно понять двояко — как центр деятельности каждой курии в отдельности, так и их совокупности. Пальмер трактует упо-

¹⁴ См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 138—139.

¹⁵ См.: Першиц А. И., Монгайт А. А., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1968, с. 137—138.

¹⁶ См.: Першиц А. И., Монгайт А. А., Алексеев В. П. Указ. соч. с. 173—174.

мянутые Варроном (II, V, 45—54) аргейские святилища как сакральные участки курий, а также, подобно Т. Моммзену¹⁷, устанавливает названия девяти курий. Их списки совпадают в восьми случаях (Фауция, Форинсис, Рапта, Тиция, Велития, Велиенсис, Аккулея, Тифата), разнятся в одном — Пинария у Моммзена и Герсилия у Пальмера. Думается, что обе они с равным правом могут войти в список, потому что если называли курии по именам похищенных сабинянок, то вряд ли обошли бы почестью Герсилию, предназначенную в жены самому Ромулу, вместе с тем Пинарией, как об этом мы скажем подробнее ниже, принадлежавшие к древнейшим родам, могли дать название и курии. Заметим еще, что единственно совпадающим названием аргейского святилища и названия курии является Велиенсис. Но это совпадение очень существенно, так как подтверждает гипотезу о тождестве аргейских участков с соответствующими участками курий. Скажем точнее, отдельных курий. Однако курия в территориальном смысле означала и место, где собирались разные курии. Это вытекает не только из труда Павла Диакона, но и из текстов Варрона. Он говорит: «Курии двух родов, ведь это и (то место), где жрецы занимаются делами божественного порядка, и то, где сенат — человеческими, как курия Гостилия, потому что ее построил царь Гостилий» (II, V, 155). В другом разделе своего труда Варрон, связывая слово *curia* с глаголом *curare*, по сути дела повторяет ту же мысль (II, VI, 46). О том, что существовали у курии общие места для отправления священнодействий, свидетельствует наличие в Риме Калаброкской курии. Ее местоположение уточняют Варрон (II, VI, 27) и Макробий (*Sat.*, I, 15) — а именно на Капитолии. Это имеет значение в двух отношениях: 1) 27 аргейских святилищ, о которых рассказал Варрон, находились на Целии, Эсквилине, Квиринале и Палатине. Существование Калаброкской курии может служить указанием на то, что «недостающие» до 30 Ромуловых курий могли помещаться именно на Капитолии, который, как утверждает традиция, был включен в римскую территорию Ромулом и, как теперь известно, был заселен в VIII в. до н. э.¹⁸; 2) поскольку Калаброкская курия связывалась с созывом в календы народа сначала царем (*Maec.*, *Sat.*, I, 15; 10), а потом понтификами (*Maec.* *Sat.*, I, 15, 10; *Varro*, II, VI, 27) для объявления, на какой день данного месяца падут *nonae* и *ides*, введение чего приписывается Ромулу, вероятно, она была общим центром курий. На такое общее место собраний в сакральных целях указывает и Фест в толковании *Novae curiae*. Он сообщает, что Новые курии были сооружены на Фабрициевом перекрестке, потому что древние (*veteres*), построенные Ромулом, были малы. Однако 7 продолжали отправлять священнодействия на старом месте (*in veteribus curis*). Из них Фест называет Форинсис, Рапту, Велиенсис и Велитию в районе Палатина, Форума и Велии. Можно согласиться с Пальмером, что наличие этих Старых курий служит свидетельством того, что они были местом объединения общин Пала-

¹⁷ Mommsen Th. St.—R, Bd II, Abt. 1, S. 5, 94.

¹⁸ Rivista di epigrafia italiana. — SE, 1979, v. 47, p. 427.

тина в период палатинского синойкизма. Строительство же Новых курий, наряду с доказательством постепенного увеличения числа этих социальных единиц, говорит и о попытке создания Ромулом общего религиозного центра для всех курий.

Курии обладали общностью земли (о чем специально разговор пойдет дальше), а также общностью святынь и празднеств. Фест, объясняя *popularia sacra*, перечисляет среди других — Форнакалии. Судя по Овидиевым Фастам (II, 525—532), это был хоть и общий праздник, но справлялся он разными куриями в разные дни, означенные в специальных таблицах, вывешиваемых во времена жизни поэта на Форуме. Так же в куриях по отдельности и одновременно в храме Юпитера приносят в жертву 16 апреля стельных коров. Этот праздник по жертве именуется Фордициди (Ov. Fast., IV, 635—636). Трудно с точностью определить, приносилась ли уже на заре царской эпохи общая жертва Юпитеру, но заклание 30 коров по куриям несомненно относится к древнейшему периоду римской истории. Возглавляли эти священнодействия курионы (Varro, II, VI, 46). Они же стояли и во главе воинского подразделения курии. Дионисий называет их лохагами (II, 7). Один из них был главным. Именно он провозглашал дни Форнакалий (Ov., Fast., II, 527) и вообще управлял делами курий (Fest., *maximus curio*; Paul., *maximus curio*). В его ведение должны были входить и те 60 жрецов, которые были учреждены, по свидетельству Дионисия Галикарнасского (II, 21) со ссылкой на «Археологию» Варрона, Ромулом. Эти жрецы совершали общие обряды «по филам и фратриям», т. е. по трибам и куриям за «полис», а значит, осуществляли упомянутые Фестом *publica sacra* на благо римского народа. Эти жрецы комплектовались из пожилых, не моложе 50 лет, выдающихся внешностью и доблестью представителей фратрий-курий, по 2 человека от каждой. Их должность была пожизненной и освобождала их от воинской службы и каких бы то ни было других общественных обязанностей (Dionys., II, 22). В священнодействиях им помогали их жены, а сверх того каждая фратрия-курия выделяла в качестве помощников еще юношу и девушку. Таким образом, в курии была разветвленная система обслуживания культов. Наличие калатных и куриатных комиций свидетельствует о том, что курия была элементом социальной структуры. Да и осуществление при Ромуле сакральных функций, и то, что курия становится, как признают исследователи, основой набора войска, вовсе не превращают ее только в «религиозный союз» или только в воинскую единицу, а доказывают лишь ее структурообразующий характер в раннем римском обществе.

Уточнив наши представления о трех трибах и куриях, вернемся к спорному вопросу о времени их возникновения. Ф. М. Нечай¹⁹ полагает, что первое увеличение числа курий в Риме совпадает с первым римско-сабинским синойкизмом при Т. Тацни. Альбанцы, включенные в *civitas* после победы Туллы над Альбой Лонгой, сохранили в Риме свои курии, а стало быть, увеличили тем их число. Затем, после поко-

¹⁹ См.: Нечай Ф. М. Указ. соч., с. 88—91.

рения Анком Марцием Политория, Теллен и Фиканы, численность куриЙ возросла в соответствии с притоком латинских патрициев в римскую *civitas*. Из рассуждений Ф. М. Нечая можно понять таким образом, что количество куриЙ увеличивалось по крайней мере до конца VII в. до н. э.

Пальмер считает 30 римских куриЙ исторической реальностью. Он утверждает, что образовывались они постепенно. Курии, по его мнению, существовали уже до Ромула и числа 30 достигли в процессе длительного развития. Напомним, что, по нашему мнению, с этими положениями Пальмера нельзя не согласиться. Следует также признать важным то направление в его исследовании, которое он развивал вслед за Джервазио и Деграсси, а именно установление связи между аргейскими священнодействиями и куриями²⁰. Но конкретное рассмотрение этих связей не убеждает нас в правильности сделанных Пальмером замечаний. Опираясь на текст Варрона об Аргеях, Пальмер приходит к выводу, что ко времени 6-го царя в Риме было образовано 27 куриЙ. Поскольку Варрон помещает аргейские часовни в пределах Сервиева города, Пальмер относит появление последних трех куриЙ, находившихся вне *urbs*, к началу Республики. Однако этот тезис не кажется нам обоснованным. Ведь Варрон (II, V, 45) говорит, что «остальные места в *urbs* были некогда (*olim*), отдельными, а аргейские часовни расположены в 27 местах города». 24 места можно легко определить: 6 находятся в Субуранском округе (II, V, 45—48), 7 — в Эсквилинском (II, V, 49—50), 5 — в Коллинском (II, V, 51—52), 6 — в Палатинском (II, V, 53—54). По-видимому, основываясь на числе известных ему мест, Варрон (II, VII, 44) говорит и о 24 человеческих изображениях, сбрасывавшихся аргеями в реку. Судя по языку, первоисточник Варрона — ранний. Но, как верно заметил Пальмер, самый маршрут аргеев, а вероятно, и текст — не старше 241 г. до н. э., времени, когда был построен *Minervium*, служащий указанием для определения места четвертой часовни в Субуранском округе (*Vargo* II, V, 47). Из этого Пальмер, однако, не делает заключения, что в III в. до н. э. существовало лишь 27 часовен, а соответственно и куриЙ, что вполне правомерно. Не нужно, как кажется, придавать хронологического значения и тому факту, что Варрон, следуя за описанием аргейских ритуалов, имевшихся в его распоряжении, в качестве основных ориентиров называет Сервиевы регионы, или трибы. Это именно топографический, хорошо известный каждому римлянину ориентир, не позволяющий, однако, считать, что при Сервии было лишь 27 часовен и куриЙ. В самом деле, датируя их, Варрон применяет слово «*olim*». Но «*olim*» — достаточно неопределенно. Это — и «когда-то», «некогда», «встарь», «прежде» и «давно». И каждое значение применимо в данном контексте и к началу Республики, и к концу царского времени, и к его началу.

Пальмер обращает особое внимание на то, что 27 аргейских часовен, а соответственно и куриЙ, находились в пределах *urbs*. А между тем надо иметь в виду, что принадлежавшие куриям территории из-

²⁰ Palmer R. E. A. Op. cit., p. 84, 95, 140.

древле лежали и за пределами города. Уже в античности стерлась точность воспоминаний о принадлежности *ager Romulus* коллективам разных видов. Дионисий (IV, 15) в рассказе о трибальной реформе Сервия Туллия зафиксировал путаницу в представлениях Фабия Пиктора и Веннония о землях куриий и сельских триб. Но эта путаница могла возникнуть лишь потому, что земельные владения куриий существовали за границами города, т. е. защищенного укреплениями места, уже до Сервия. Словом, куриям принадлежали территории и в городе, и вне его (подробнее об этом — ниже), причем в значительно большем числе, чем три участка, не достающие для полного комплекта куриий и аргейских святилищ. Заметим, что Павел Диакон сообщил название Калатной курии (*Calata curia*), не определяя точно, в каком районе Рима она находилась. К Фесту, вернее к Веррию Флакку, восходит известие о Тифатской курии с объяснением: *Tifata — iliceta*, т. е. связанная с какой-то дубовой рощей курия. Может быть, и она не входила в Сервиев город, т. е. в огороженную территорию. Таким образом, остается неизвестным местонахождение лишь одного принадлежащего куриям помещения для сакральных нужд. Эти данные подтверждают предположение о том, что Варроном были упомянуты только те, относящиеся к куриям места, которые входили в состав четырех Сервиевых округов-триб. Ведь из контекста явствует, что Варрона в данном случае интересовала не характеристика куриий, а характеристика триб. Все это позволяет считать аргумент Пальмера, основанный на перечислении Варроном аргейских святилищ, не состоятельным. Важно также вспомнить, что у античных авторов помимо традиции о создании Ромулом 30 куриий есть еще косвенные указания на этот счет. Они содержатся в спорном для самих древних вопросе о происхождении куриальных названий. Плутарх (R., 14) сохранил версию о наименовании куриий по 30 похищенным сабинянкам, Варрон — по мужам-гегемонам и частично по пагам. Дионисий (II, 47), сохранивший этот вариант предания, сообщает, что «женщин в посольстве было не 30, а 527», подтверждая тем самым наличие 30 куриий уже при первом царе. Косвенным свидетельством является его рассказ об аграрном мероприятии Ромула, который, «разделив землю на 30 равных клеров, каждой фратрии дал клер» (II, 7).

Особенно важными в связи с интересующей нас темой являются данные о религиозных установлениях первых царей, составляющие наиболее надежную часть античной традиции. Отмечая заботу Ромула о делах культа, Дионисий (II, 21) со ссылкой на «Археологию» Варрона сообщает об учреждении царем 60 жрецов, совершавших обряды на благо всей общины по филам и фратриям. Эти жрецы выбирались по 2 человека от каждой курии, откуда вытекает, что куриий было 30. Дионисий Галикарнасский (II, 64), подробно осветивший деятельность Нумы, говорит, что второй царь «отдал один вид священнодействий 30 курионам (*τοῖς τριάκοντα κοῦριόσι*), которые, — как он пишет, — приносят общие жертвы за фратрии (*ἄλλερ τῶν φρατρῶν*)». Любопытно, что в данном пассаже религиозные предстоятели фратрий названы без перевода на греческий латинским словом «курионы», откуда еще раз

следует понимание греческим ритором Фратрии и курии как идентичных институтов.

Специально останавливается Дионисий на культе Весты. Он отмечает, что Ромул «не устанавливал общего святилища Весты и не назначал ей жрицами дев, но в каждой из 30 Фратрий учредил очаг, у которого приносили жертвы Фратрии, сделал жрецами их предводителей курий» (χοῦριῶν ἱερόνας — II, 65). Нума же, по словам Дионисия (II, 66), не отменил собственных очагов Фратрий, но установил один общий между Капитолием и Палатином. Это сообщение Дионисия получило археологическое подтверждение²¹, что придало большую достоверность всей переданной им традиции о культе Весты. Эхом этой традиции можно считать объяснение Фестом понятия *curia*, в котором упоминается о делении Ромулом не только народа на 30 частей, но и об установлении для каждой части своей святыни. Показателен и праздник Фордицидий, относящийся к циклу праздников плодородия, несомненно очень древнего происхождения. Поскольку часть коров приносится в жертву в храме Юпитера, а 30 коров — в куриях, можно думать, что Фордицидии возникли до римского синойклизма. Число жертвенных животных подтверждает соответствующую численность курий в момент их объединения (Varro, II, VI, 15; Ov. Fast., IV, 635—636).

Весьма существенное значение имеют данные, касающиеся первых римских побед над соседями. Рассказывая о совместной войне Ромула и Тация против Камерии, Дионисий (II, 50) говорит, что «после победы цари разрешили поселиться в Риме 4000 камеритов, которых они распределили по Фратриям» (ταῖς φράτριάς ἐπέπερισαν). Поскольку галикарнасец употребляет глагол ἐπέπεριξω, т. е. сложный с предлогом ἐπί, а не просто μερίξω (делить, разделять), можно думать, что распределение новых римлян производилось по имеющимся в Риме «Фратриям», а не по созданным заново из переселенных камеритов. Точно так же, согласно Дионисию (II, 55, 70), поступил Ромул и после триумфа над Вейями. Пожелавших принять римское гражданство вейитов он распределил по Фратриям («...πολίτας ποιησάμενος ταῖς φράτριάς ἐπίδιεϊλε»). Если учесть, что Дионисий переводит слово курия словом Фратрия, становится ясным, что римское население увеличивалось, пополняя уже сложившиеся курии новыми людьми. Аналогичное явление засвидетельствовано и этнографами²². Умолчание авторов о создании новых курий, конечно, само по себе серьезным аргументом быть не может, но вместе с приведенными здесь данными становится красноречивым, тем более, что упоминаний о росте численности римского населения предостаточно (Liv., I, 30; Dionys, II, 16; Plut. R., 20). Весь рассмотренный здесь материал свидетельствует против предложенной Пальмером поздней датировки фиксации числа 30 курий. Вместе с тем

²¹ Bartoli A. I pozzi dell'area sacra di Vesta.— In: Monumenti antichi della Accademia Nazionale dei Lincei, v. 45. Roma, 1961, p. 2, 8, 11—14, 16—19.

²² См.: Бутинков Н. А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев.— В кн.: Ранние земледельцы. Л., 1980, с. 116—118.

он служит подтверждением традиции о том, что 30 курий были реально уже в эпоху Ромула, а вернее Ромула-Тация, т. е. VIII в. до н. э.

Если же обратиться к вопросу о времени возникновения 3 триб — Тициев, Рамнов и Луцеров, то в современной науке и он решается по-разному. До сих пор дают себя знать концепции А. Пиганьоля об их образовании на протяжении правления царей от Ромула до этрусков и Л. Парети о создании их Сервием Туллием. П. Де Франчиши²³ отмечает, что существование *gentes* предшествовало институту *tribus*. В создании последних ученый видит элемент искусственности, точнее — сознательный акт, который можно отнести ко времени до середины VII в. до н. э., когда образовались их подразделения, курии. Иными словами, согласно Де Франчиши, создание триб и курий одновременно.

Пальмер, как было сказано, считает вообще число трех триб производным от 30 реальных курий и относит их появление полным числом уже чуть ли не к республиканской эпохе. Институт триб кажется ему совершенно неясным, развитие его — неизвестным. Полагая, что три трибы свойственны только Риму, он даже не ищет им аналогий, хотя они были в античности, а именно в Спарте. Э. Гьёрстад²⁴ признает достоверность трех триб в Риме уже при Ромуле. Но если ввести Ромула в рамки хронологических представлений шведского ученого, то окажется, что датировка трех триб падает на VI в. до н. э. И. Хан²⁵ высказал мнение о появлении триб, как и родов и курий, в доэтрусское время, но количественное их упорядочивание, как и наименование, датировал рубежом или временем этрусского господства, т. е. концом VII в. до н. э. Ф. М. Нечай²⁶ принимает традицию о наличии в Риме трех триб уже при Ромуле. А. И. Немировский датировкой трех триб не занимался.

Все построения, отрицающие одновременное упорядочение и числовую фиксацию римских триб в Ромулово время, не заключают в себе сколько-нибудь серьезных обоснований, кроме того, что наименования триб носят явно этрусский характер. Иначе говоря, можно констатировать, что убедительных данных, способных опровергнуть традицию о наличии 30 курий и трех триб уже при первом царе, нет. Вместе с тем общим остается в историографии признание названий всех триб и части курий как этрусских, и этот факт вряд ли можно опровергнуть. Варрон, которому нельзя отказать в пытливости и эрудиции, говоря о Тициях, Рамнах и Луцерах (II, V, 55), определенно заявляет, что все эти слова этрусские, ссылаясь при этом на авторитет этрусского драматурга Вольфия. Только с объяснением названных противоречивых фактов можно решить вопрос о времени фиксации числовых отно-

²³ De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959, p. 484; Palmer. *Op. cit.*, p. 24.

²⁴ Gjerstad E. *Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit*.— ANRW, Bd I, T. 1, p. 148, 171.

²⁵ Хан И. Плебей и родовое общество.— In: *Studia Historica*, v. 94. Budapest, 1975, p. 17.

²⁶ Нечай Ф. М. Указ. соч., с. 88.

шений триб и курий. В оценке значения этого вопроса мы полностью присоединяемся к И. Хану, считая такую фиксацию показателем уровня социального развития, признаком попытки консервации родового строя и вместе с тем его разложения. Элементы этого процесса особенно отчетливо проявляются в истории аграрных отношений при первых царях, на чем мы специально остановимся далее. Косвенным указанием на то, что Рим отошел от первобытной примитивности, может служить степень воздействия греческого влияния на Лаций, в том числе на Рим VIII в. до н. э. Оно выявляется в раскопках²⁷ и на базе лингвистических материалов. Э. Перуцци²⁸ доказал возможность знакомства римлян в тот период не только с греческим вооружением, но и с письменностью. Приобщение римлян к указанным культурным достижениям, с одной стороны, не могло быть осуществлено в период первобытной примитивности, а с другой — не могло не продвинуть их по пути социального прогресса.

Если мы принимаем утверждение в Риме троичной схемы общества в VIII в., то как согласовать это с безусловным этрускизмом названий ее составных частей? Здесь приходится иметь в виду две возможности: либо этруски уже имели большой вес в Ромуловом Риме, либо этрусские названия падают на период этрусской династии, т. е. на значительно более позднее время, не ранее правления Тарквиния Приска.

Античные авторы дали в распоряжение историка материал, говорящий о присутствии этрусков в раннем Риме. Как уже упоминалось, Ромулу приписывается захват земли за Тибром и принятие вейентов в состав римских курий (Dionys., II, 55). Существует и легенда об этрусском союзнике Ромула, который именуется либо Лукомоном (Cic., r. p. II, 8, 14; Prop., IV, 1, 29; Pers., Sat. I, 20; Paul., Lucomedi), либо Целием Вибенном (Varro, II, V, 46; Fest., Caelius mons; Dionys., II, 36). Порой в сочинениях античных авторов говорится о Лукумоне как о добровольно переселившемся в Рим и осевшем на Квиринале (Dionys., II, 37) и о тиррене Целии, поселившемся на холме Целии (Dionys., II, 36). О строительстве города, начавшемся после гибели Рема с помощью приглашенных Ромулом этрусков, говорит Плутарх (R., XI); о заимствовании первым царем царских инсигний из Этрурии — Ливий (1, 8, 3). О принадлежности к этрускам Лукумона известно также от Проперция (IV, I, 31), а каких-то Лукумонов — от Сервия (Aen, V, 560).

Э. Гьёрстад истолковывает как этрусское влияние на Рим эскивлинское погребение № 94 с богатой боевой колесницей²⁹. Правда, погребение это отнесено им ко 2-й догородской фазе, которую он датирует 700—625 гг. до н. э., значит, самое раннее к рубежу VIII, или к VII в. до н. э., так что эпохе Ромула она может и не принадлежать. Но и допущение того, что указанная могила принадлежит времени первого царя, т. е. признание этрусского влияния на Рим

²⁷ Quilici Gigli S. Gabii.— SE, 1973, v. 41, p. 510.

²⁸ Peruzzi E. Origini di Roma, v. II. Bologna, 1973; Idem. Mycenaean in Early Latium. Roma, 1980.

²⁹ Gjerstad E. Op. cit., p. 144.

в VIII в. до н. э., не доказывает наличия этрусков в составе римского населения. К тому же приведенным данным в традиции противостоят другие. Тацит (Апп., IV, 65), как прочие авторы, связывает название Целийского холма тоже с этрусском Целием Вибенной, но получившим это место не от Ромула, а от Тарквиния Приска, и таким образом относит появление этого этруска в Риме к VII—VI вв. до н. э. Видимо, правильнее считать, что предоставил этрускам холм Сервий Туллий, вместе с которым они сражались против Тарквиния, как это вытекает из известной надписи и серии изображений, сохранившихся в так называемой могиле Франсуа в Вульчи, а также из речи Клавдия о предоставлении прав гражданства галлам в 48 г. н. э. Среди этрусков, изображенных на фресках могилы Франсуа, представлен не только Целий, но и Авл Вибенна, видимо его брат. Историчность этих персонажей удостоверяется надписью с речью императора Клавдия о предоставлении римского гражданства знатным галлам и находкой вазы VI в. до н. э. с именем Авла Вибенны³⁰. Если сопоставить версию Тацита, который не очень точно передал перипетии истории наименования Целия, но безусловно отнес его ко времени после Ромула, с результатами изысканий древнейшего этрусколога — римского императора Клавдия, а главное, с обильным археологическим материалом, подтверждающим распространение этрусской культуры в Риме не ранее чем с конца VII в. до н. э.³¹, то придется признать версию Варрона — Дионисия — Феста неубедительной. Вероятно, в рассказе Варрона (II, V, 46) слились воедино разновременные явления и события. Во-первых, это факт обитания на Целии доромулова населения, т. е. лигуро-сикулов, пеласгов, а может быть, и аборигинов, или древних латинов. Во-вторых, это вполне реальное расселение этрусков на том же холме и в долине по другую сторону Форума, получившей название Тусской улицы, в период правления этрусской династии в Риме. Учитывая все изложенное, можно высказаться в пользу того, что холм Целий получил свое имя не при Ромуле, а позднее, вероятно только в VI в. до н. э. Принадлежность Целия этрускам в VIII в. до н. э. становится еще более сомнительной, если принять во внимание все версии о происхождении названия Луцеров. Кроме идущего от Энния переданного Варроном (II, V, 55) объяснения *Luceres* ... а *Lucimone*, которое затем было повторено Перснем (*Sat.*, I, 20) и Фестом (*Lucimedi*), имеются и другие объяснения. Тот же Фест в передаче Павла Диакона (*Lucereses*) связывает Луцеров не с Лукумоном, а с Луцером, царем Ардеи, помогавшим Ромулу против Тация. Ардея — город ругулов. Что это за народ, сказать трудно. Ливий (I, 3) и Вергилий в VII книге Энеиды рисуют их царя Турна не этрусском, а союзником этруска Мезенция, свергнутого царя Цэре. Дионисий (I, 64) повторяет сообщение Вергилия (*Аен.*, XII, 29, 54—58) о родстве Турна с Амадой, женой Латина. Он же включает город ардеатов в число древнейших

³⁰ *Fontes Iuris Romani Antiqui*, ed. 7. Lipsiae, 1908, p. 196, l. 16—24; Pallotino M. *Fatti e leggende (moderne) sulla più antica storia di Roma.*— SE, 1963, v. 31, p. 22.

³¹ Bloch R. *Les origines de Rome.* Paris, 1971, p. 61.

городов Латинского союза (V, 61). Катон Цензор упоминает ардеатов-рутулов среди членов Арицийской лиги латинских городов (Prisc., IV; FHR, 52, 32). Материальная культура Ардеи³² в части керамики и бронзовых изделий эпохи раннего железного века не отличается от основной массы городов Лация, в том числе и Рима. Что же касается этнонима рутулов, то следует принять во внимание, что слово «rutuli» заключает в себе суффикс «-uli» лигуро-сикульского происхождения. Возможно, немногие ингумации среди преобладающей массы кремаций в Лации в зоне Лаврент-Ардея указывают на наличие там лигуро-сикульского элемента³³. Приведенные данные не позволяют все же сколько-нибудь рельефно выделить этнические черты рутулов этого времени. Вероятно, по аналогии с Римом, можно предположить, что и рутулы включали в себя много этнических элементов, напластовавшихся на автохтонное лигуро-сикульское население, — пеласгов аборигинов, затем осков, — так что в конце концов превратились в элемент южных латинов. Э. Перуцци³⁴ доказал на основе лингвистики, что население южного прибрежного Лация участвовало в передаче культурных достижений кампанских греков во внутренние области Лация, в том числе в Рим, а также в Этрурию. Но, видимо, этим связь прибрежных городов, топографически близких Ардее, с Этрурией и ограничивалась. Таким образом, сообщение Павла Диакона о Луцере, царе ардеатов, не подкрепляет представления о Луцерах как об этрусках. Добавим к этому замечание Ливия (I, 13, 8), воспроизведенное позднее Сервием (Aen, V, 560), о том, что название и происхождение Луцеров не ясно. Приведем, наконец, мнение Плутарха (R., XX), согласно которому Луцеры названы по роде (Iucus), в которой укрывались многие прибегавшие к устроенному Ромулом убежищу, т. е. связаны своим именем с латинским словом. Таким образом, ни традиция, ни археология не дают оснований считать Целий эпохи Ромула и трибу Луцеров, зафиксированную им как элемент римской социальной структуры, принадлежащими этрускам.

Однако требуют еще оговорки имена царей — Ромул и Нума. После фундаментальной работы В. Шульце³⁵ в науке утвердилось мнение об этрусском характере этих имен. Как известно, имя Ромула связывается с встречающимся в Этрурии именем Рума и трибой Ромилия, находившейся на правом берегу Тибра в той области, которая была известна античным авторам как Этрурия. Эта связь получила позднее подтверждение в надписи VI в. до н. э. из Орвието, изданной М. Биццари³⁶, где фигурирует имя в родительном падеже — «gumel-pas», откуда восстанавливается именительный падеж — gumel, соответствующий форме Romulus³⁷. Исследуя имя легендарного основа-

³² Gierow G. The Iron Age Culture of Latium, v. I. Lund, 1966, p. 373, 382; Gigli L. Ardea.— SE, 1973, v. 41, p. 509.

³³ Ducati P. Come nacque Roma. Roma, 1939, p. 59.

³⁴ Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978, p. 148—149.

³⁵ Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berl., 1904.

³⁶ SE, 1966, v. 34, p. 108, 109.

³⁷ Peruzzi E. Origini di Roma, v. I. Bologna, 1970, p. 25.

теля Рима, Э. Перуцци³⁸ замечает, что лингвистически отношение имени и названия города может объясняться лишь формулой *Roma* > *Romulus*, а не наоборот. Это совпадает с комментарием Филаргирия (*Iun. Philarg., Aep. Buc. I, 8, 18*), согласно которому Рим существовал до Ромула, который по нему и был наименован. Значит, не город получил название по основателю, а, напротив, Ромул — по Риму. Что же касается *tribus Romilia*, то, согласно античным свидетельствам, ее наименование связано либо непосредственно с Римом, потому что она находится *sub Roma*, как полагает Варрон (*II, V, 56*), либо именно с Ромулом, так как, по словам Феста (*Romilia tribus*), расположена на той земле, которую Ромул отобрал у вейентов (*Romulus* > *Romilius, Romilia*). Итак, есть два объяснения: 1) Ромул получил имя от города *Roma* либо 2) от этрусского имени или топонима. В последнем случае этрускизм имени первого царя можно объяснить его затибрскими военными успехами, а не этрусским происхождением и наличием этрусского населения в Риме. Первое же толкование может быть подтверждено результатами лингвистических штудий Перуцци, показавшими, что *Romulus* — это когномен. По мнению ученого³⁹, небиномический характер имени основателя города выдает его несабинскую принадлежность и может служить указателем сохранения свойственной альбанцам практики имен.

Надо учесть еще одно обстоятельство. В названном труде Перуцци обращено внимание на то, что мест под названием «Рим» (*Roma*) в Италии, подобно тому, как это было с Троей, имелось несколько. Действительно, еще до основания *urbs* на Тибре Ромулом, согласно Дионисию (*I, 73*) и Диону Кассию (*I, 4, 15*), существовало два или даже три Рима в области, принадлежавшей древним латинам, или аборигинам. Эти известия античных писателей ученый приводит в качестве одного из аргументов в пользу того, что *Romulus* является дериватом *Roma*, а не наоборот. Не оспаривая этого вывода, заметим, со своей стороны, что в упомянутом пассаже Дионисия (*I, 73*) со ссылкой на Антиоха Сиракузского говорится, что один из Римов был основан до Троянской войны, когда легендарного царя Итала сменил Моргет. Вот к нему-то и прибыл из того архидревнего Рима эпонимный герой Сикел. Современность этого первого Рима Италу и Сикелу относит его существование в глубь II тыс. до н. э., чем ставит под сомнение этрусскую принадлежность самого названия Рим и вместе с тем позволяет выдвинуть предположение о его лигуро-сикульском характере. Но если даже пренебречь выказанными здесь соображениями и признать в Риме, а стало быть и в Ромуле, этрусские наименования, их можно расценить как проявление этрусского влияния, распространившегося в Лациуме и в Риме позже, в период этрусской династии. В своем стремлении обосновать историческими примерами этрусское господство в Риме этрусские цари могли придать этрусский облик легендарному основателю города совершенно сознательно. Эта тради-

³⁸ *Ibid.*, p. 18.

³⁹ *Ibid.*, p. 34.

ция, как видно по рассказам Ливия, Дионисия, Плутарха и Диона Кассия, в Риме укрепилась. И чем дальше отодвигался по времени от римских писателей образ Ромула, тем больше приписывалось ему деяний и установлений, известных римлянам с незапамятной древности. Так Ромул стал «создателем» патрициев и плебеев, отношений патрициата и клиентелы, считавшихся этрусскими, правил основания городов, а также триумфов, знаков царской власти и многого другого по этрусскому образцу. Вероятно, не последнее место среди авторов таких версий занимали этрусские ученые, знатоки истории. Имя одного из них известно — Тарутий. По свидетельству Плутарха (R., XII), он был математиком и философом, другом Варрона. Этрусск Тарутий, будучи специалистом по гороскопам и астрологом, по инициативе Варрона вычислил год основания Рима и даже не только день рождения, но и время зачатия Ромула. Уже знаменитому херонейцу эти подробности показались необычайными, однако в Риме они были приняты, и год основания города остался в истории как эра Варрона, которой мы до сих пор пользуемся. Это известие Плутарха демонстрирует, как обростала дополнительными деталями уже сложившаяся ко времени Варрона биография Ромула, и бросает свет на процесс ее складывания за счет прибавления все новых и новых домыслов, добавлявших в нее этрусский колорит.

Но остается еще Нума, носивший распространенное по Этрурии имя. Облик этого царя с его приверженностью к религии тоже отдает этрускизмом. Религиозные установления второго царя специально исследованы Ф. Рибеццо⁴⁰. По его мнению, большая их часть восходит к этрусской дисциплине, из чего он и делает вывод о проникновении этрусков в Рим в VII в. до н. э. Надо сказать, что ряд доводов Рибеццо убедителен. Прежде всего, это касается введения культа Термина и закона о погребении убитых молнией, имевшего, видимо, источником этрусские *libri fulgurales*. Но порой исследователь, если и не ставит знака равенства между этрусскими и средиземноморскими или лигурийскими источниками нововведения Нумы, то уж безусловно сближает их. В частности, Рибеццо считает имя и организацию культа Весты, строительство храма которой приписывается Нуме, этрусскими. Влияние этрусского он видит и в слове «pontifex», где лишь вторая часть выглядит латинской. Названия многих празднеств, в том числе *Volturnalia*, посвященные явно этрусскому божеству, определяются им как средиземноморские. Интересно, что в оформлении такого исконного римского культа, как культ Весты, видит средиземноморские корни и Ф. Бёмер⁴¹, отнюдь не идентифицируя этрусков со средиземноморцами и отмечая «индогерманский», как он выражается, характер самой богини. По-видимому, в сакральных установлениях второго царя можно рассмотреть следы как этрусского, так и средиземноморского, а также и иллирийского влияния, о чем говорилось выше.

⁴⁰ Ribezzo F. Numa Pompilio e la riforma etrusca della religione primitiva di Roma.— *Ia*: Rendiconti della Accademia Nazionale dei Lincei, 1951, v. 5, f. 11—12, p. 553—573.

⁴¹ B ö m e r F. Rom und Troia. Baden-Baden, 1951, S. 117.

Однако обратимся к имени Нумы. Уже в глубокой древности известны его производные.

Отметим прежде всего, что с именем Нума связано имя Нумерий, потому что в нем уже прослеживается явление ротацизма. Некто Нумерий, живший в Остии, известен как друг Мария (Plut., *Mar.*, XXXV). Другой, Квинт Нумерий Руф, бывший народным трибуном 57 г. до н. э., остался в истории как противник Цицерона (*pro Sest.*, XXXVIII, 82). Еще один римлянин в звании претора, присутствовавший при похоронах императора Августа, звался Нумерием Аттиком (*Suet.*, *Aug.*, 100, 4). Все названные Нумерии жили в Лации в I в. до н. э. или в I в. н. э. Однако это имя встречается и в других областях Италии и в более раннее время. В борьбе против Ганнибала, согласно Ливию (XXII, 24, 11—12), Фабию Максиму помогал Децим Нумерий, самнит родом из Бовиана.

Первоначально в Риме Нумерий был преноменом. Этот преномен, по Фесту (*Numerius*) и Анониму (*de praenom.*, 6), появился в патрицианской семье Фабиев впервые после того, как единственный из них, оставшийся в живых после разгрома при Кремере, женился на богатой наследнице из Малевента, дочери некоего Нумерия. Согласно договоренности перворожденный сын Фабия и самнитянки должен был получить имя деда по матери. Это относит римского Нумерия к V в. до н. э. Возьмем на заметку, что имя Нумерий было распространено как в районе, подпадавшем под власть этрусков (Лаций), так и в не занимавшемся этрусками районе (Самний), причем оба они некогда были заселены лигуро-сикулами.

Нельзя не заметить также, что в Лации в глубочайшей древности знали, кроме Нумерия, другие ономастиконы с корнем Num, а именно — реку Нумик, идентифицируемую с современной Фоссо, в которой, по преданию, утонул Эней (*Liv.*, I, 2; *Verg.*, *Aen.*, VII, 150, 242, 797; *Aug. Vict.*, *Or.* I, 14, 2; 4), и Нумитора, деда близнецов Ромула и Рема, свергнутого братом альбанского царя. Река *Numicus* имеет дотроянское название, значит, не связанное с этрусками. *Numitor* принадлежит к племени потомков Энея, имена которых, как мы видели, носят следы разных этнических элементов, населявших Лаций в начале железного века. Достаточно вспомнить Ассарака, деда Анхиза, или Каписа, его отца, с их иллирийскими именами, или дочь Нумитора, Рею Сильвию. Имя Реи встречается, как известно, в древнейшем слое греческой мифологии. Рея относится к старшему поколению богов. Ее деятельность в мифах часто локализуется на Крите (*Paus.*, V, 7, 4; *Apollod.*, I, 1, 6), либо во Фригии (*Apollod.*, III, 5, 1) и Трое (*Apollod.*, III, 12, 6). Она пользовалась почитанием среди фракийцев (*Apollod.*, *Er.*, VI, 16). Рея — не только мать олимпийских богов, а вообще богиня-мать (*Apollod.*, *Er.*, VI, 16), что также attestует ее древность в греческом пантеоне и близость к Эгейскому Криту. Одноименный с ней персонаж древнейшей римской истории, мать Ромула и Рема, носит латинский когномен — Сильвия. Но имя дочери Нумитора, Реи, роднит альбанских царей с балкано-малоазийским миром, с пеласгами, фрако-фригийцами или фрако-иллирийцами, а также и с более

древним эгейским доиндоевропейским населением Средиземноморья, италийской частью которого были лигуро-сикулы.

Если принять во внимание все сказанное, этрусская принадлежность имени Нумы становится более чем сомнительной. Главным аргументом В. Шульце для определения этнической характеристики носителей того или иного имени была его распространенность в той или иной области Италии, которая к середине I тыс. до н. э. получила название по господствующему в ней населению. Однако этническая история италийских областей уходит далеко в глубь веков и более или менее удовлетворительно прослеживается вплоть до III тыс. до н. э. В связи с этим даже занятую этрусками с VIII в. до н. э. Этрурию нельзя представлять себе населенной только ими, равно как и считать этрусков «чистым» гомогенным этносом, даже полагая, что они действительно переселились в «готовом», так сказать, виде в Италию. И тем более трудно представить себе, что переселившийся откуда-то и захвативший чужую территорию народ не включил в свою среду, хотя бы частично, своих предшественников, чью землю он занял.

За аналогиями в античном мире далеко ходить не приходится. Вспомним дорическую Спарту, принявшую в свою общину группу ахейцев. Подобным же образом обстояло дело в Аттике с пеласгами, а в италийских Велле, а также Пизанском округе, как будет показано ниже, — с лигурами. Допуская же возможность складывания этрусского этноса на почве Италии, тоже необходимо считаться с наличием там лигуро-сикульского субстрата, который мог внести свой вклад в список имен в Этрурии. И поскольку имена того же корня, что и имя Нумы, а также производные от него зафиксированы источниками в разных местах Апеннинского полуострова, в том числе и не принадлежавших этрускам, но когда-то заселенных лигурами, можно полагать, что Нума не является доказательством раннего сколько-нибудь заметного присутствия и влияния этрусков в Риме, а, скорее, напоминает о более древнем пласте племен, о доиндоевропейских лигуро-сикулах, ставших со временем частью как этрусков, так и римлян. Все это не исключает, разумеется, возможности проникновения отдельных лиц или семей в Рим VIII в. до н. э. из Этрурии. В традиции, как мы видим, упоминается о принятии Ромулом в гражданство пожелавших того вейентов (Dionys., II, 55). Однако относительно большой группы в городе Ромула с явным преобладанием италийского, т. е. сабинского и особенно латинского, элемента они составлять не могли.

Незначительное вкрапление этрусков в римское общество рассматриваемой эпохи не препятствует тем не менее признанию их ономастического вклада в римский обиход. Следует подчеркнуть, что наименования трех триб были крупницами того мощного культурного влияния этрусков на Рим, которое неопровержимо доказано для более позднего времени, по меньшей мере с конца VII в. Можно высказать предположение, что этрусски не назвали, а лишь этрускизировали существовавшие до них названия триб, которые затерялись в глубинах веков. Вспомним, что античная история знает примеры не только наименований, но и переименований в политических целях аналогичных рим-

ским трибам социальных организмов. Как известно, Клисфен Сикионский (начало VI в. до н. э.), утверждая в борьбе с родовой знатью начала государственности, переименовал 3 дорийские филы в «ослятников», «свинятников» и «поросятников». Столь непрезентабельные названия объективно способствовали падению значимости родовых фил и служили орудием в политической кампании, проводимой Клисфеном. Этруссские же цари в Риме, налагая этруссские имена на исконные римские трибы, тоже могли с помощью этого приема достигать своих политических целей, утверждать таким путем свое господство. Это было тем более необходимо, что этруски никогда не составляли в Риме многочисленного населения. Этруссские же названия триб должны были создавать иллюзию многочисленности и исконности этруссских поселенцев в римском полисе.

Весь изученный материал подводит нас к выводу о том, что троичная схема римского общества в полном ее объеме — 3 трибы, 30 куриЙ и 300 родов — сложилась довольно поздно, вероятно, к концу царской эпохи. В начале же этой эпохи было 3 трибы и 30 куриЙ. Новые же роды включались в уже имевшиеся трибы и куриИ. Хочется отметить, что вне связи с вопросом о численности римского населения к аналогичному выводу приходит Ж. Ньюа Ламберт⁴². Используя аналогию раннего Рима с Ирландией средних веков, он делает важные замечания о так сказать «военной направленности» ромулова общества. Она выражалась, в частности, в том, что римляне завоевывали земли и делили их между солдатами-победителями, а также и в том, что «политически объединенный народ идентифицировался с народом, организованным в военном отношении». Иначе говоря, новые этнографические параллели подкрепили представление об обществе VIII в. до н. э. в Риме как об обществе с чертами военной демократии. А в таком обществе военные потребности оказывают воздействие на все стороны жизни, в том числе и на саму его структуру.

Что касается чисел, кратных трем, то зависимость между 3 и 30 может быть и обратной тому, что предложил Р. Пальмер. Вполне допустимо и даже более вероятно первоначальное существование трех триб, т. е. племен, в основе которых лежали *gentes*, в неизвестном нам числе. В соответствии с этим реальным числом триб и было ограничено при Ромуле, т. е. в период римско-сабинского синойклизма, число куриЙ, поскольку пехота комплектовалась по куриЯм, а кавалерия — по трибам в точном для всей римской древности соотношении 10:1.

Источники содержат немало данных, характеризующих военные потребности Ромулова Рима, в связи с которыми и стоит система социальных единиц, а также их соотношение. Достоверность сведений античных авторов о войске Ромула может удостоверить и традицию о 3 трибах и 30 куриЯх. Обильный материал на этот счет можно найти у Дионисия Галикарнасского, который называет курию лохом (II, 7), т. е. воинским подразделением. Дионисий же (II, 13; 29) сообщает

⁴² Lambert J. N. Op. cit., p. 342.

о создании Ромулом лейб-гвардии целеров из 300 знатных юношей. Целеры — это мобильный отряд, действовавший в зависимости от обстоятельств то в пешем, то в конном строю (II, 13). Целеры упоминаются еще раз (II, 64) в связи с распределением Нумы священнодействий между курионами, фламинами и предводителями целеров до того, как он упразднил этот институт.

В другом месте Дионисий (II, 16) говорит о первом населении и первом войске Ромула как о 3000 пеших и о 300 лучших всадниках. Варрон (II, V, 91) сообщает о комплектовании кавалерии от 3 триб. Ливий (I, 13, 8, 43, 9) рассказывает о создании Ромулом 3 центурий всадников, связанных с тремя трибами. Почти дословный пересказ Ливия находится у Аврелия Виктора (vir. ill. I, 11). В другом же месте Ливий (I, 15, 8) упоминает о создании отряда из 300 телохранителей — целеров. Овидий в «Фастах» (III, 130) говорит о разделенной на десятки коннице Ромула, а Флор (I, 1, 15) — о юношестве, разделенном на трибы, обязанном конно и оружно быть в боевой готовности на случай войны. Плутарх (R., 20) приводит сведения о 6000 пехотинцев и 600 всадниках в Риме, составляющих легион, в силу удвоения населения при объединении римлян с сабинами. В биографии Нумы у Плутарха (N., VII) сказано, что второй царь распустил отряд из 300 целеров, телохранителей Ромула. Ко времени Ромула относит целеров и Фест, на нем основывает свои пояснения Павел Диакон: «Целерами древние называли тех, кого ныне мы называем всадниками, по Целеру, убийце Рема, который вначале был предпочтен среди них Ромулом, и которые первоначально выбирались по 10 от каждой курии, так что всего их было 300».

Из приведенного здесь материала вытекает следующее: 1) в отношении с тремя трибами стоят 3000, а затем 6000 пехотинцев, т. е. вначале по 1000, а потом по 2000 от трибы, а также 3, а потом 6 центурий всадников; 2) в зависимости от 3 триб или от 30 курий — 300 всадников, т. е. по 10 от каждой курии, которых ввел Ромул в качестве целеров; 3) целеры — либо вообще всадники эпохи Ромула, либо его гвардия из всадников, в целом — 300 человек.

Предпримем в первую очередь попытку выяснить, могло ли в то время римское войско состоять из пехоты и конницы. Материалы раскопок свидетельствуют о наличии домашней лошади в Центральной Италии уже с конца бронзового века⁴³. Военная история множества древних народов показывает, что использованию кавалерии предшествовало использование боевых колесниц. Но в начале I тыс. до н. э. в Евразии появляется вооруженный всадник, а отряды колесниц сменяются конницей⁴⁴. Распространяется ли это положение на Рим?

В традиции войны начала царской эпохи ведутся пехотой. Но есть указания и на действия конницы как со стороны римлян, так и их противников. Об этом свидетельствует знаменитый эпизод с Меттием Кур-

⁴³ Azzaroli A. Su alcuni resti di cavalli protostorici dell'Italia centrale.— SE, 1979, v. 47, p. 231—236.

⁴⁴ См.: Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977, с. 61.

цием, ринувшимся вперед на своем коне, не замечая лежащего впереди болота (Liv, I, 12, 7; 9; 13, 15; Plut., R., 18), а также борьба Ромула против фиденатов (Liv, 14, 7; 9) и антематов (Dionys., II, 33). О значении конницы говорят и Консуалии, согласно Дионисию (II, 31) и Страбону (V, 3, 2) введенные, а по Ливию (I, 9, 7) подготовленные Ромулом, во время которых совершается бег запряженных и незапряженных коней. Эти состязания объясняются тем, что Конс идентифицировался с Нептуном-Посейдоном-Конником (Liv, I, 9, 7; Dionys., II, 31; Plut., R., 14). Именно в день Консуалий и произошло, согласно легенде, похищение сабинянок. Все же основной боевой и численно доминирующей силой была пехота. Преобладание пехоты в римском войске, как известно, оставалось и на всем протяжении Республики и Империи.

Для решения поставленного нами вопроса необходимо учесть выводы, к которым пришли ученые, специально занимавшиеся войском раннего Рима. Э. Гьёрстад⁴⁵ сделал ряд существенных наблюдений. Отвергая возможность существования при Ромуле кавалерии, на что указывали в свое время Э. Мейер и Г. Дельбрюк, он утверждает, что в I фазе догородской эпохи, которую он датирует 800—700 гг. до н. э., войско в Риме было пешим, кавалерии не было. Появилась же она в VI в. до н. э., к которому А. Альфельди относит усиление этрусского влияния, а Гьёрстад — основание города, т. е. начало царского времени. Что касается боевых колесниц, то и они появляются не ранее границы I и II догородских фаз, т. е. 700 г. до н. э. Важнейшими аргументами Гьёрстада явились эсквилинское погребение с колесницей, датируемое им, как упоминалось, II догородской фазой (700—625 гг. до н. э.), в котором он видит этрусское влияние на Рим; празднества Октябрьского коня и Эквирии, а также организация воинственных жрецов — салиев, возникшие опять-таки, по его мнению, в догородскую эпоху.

Попытаемся проанализировать эти факты. Конечно, погребение Эсквилина принадлежит вождю, богатому человеку, а именно богатые люди в первую очередь втягиваются в сферу культурных заимствований, как это убедительно показано в статье Д'Агостино Бруно в отношении греко-этрuscoй общности конца VIII—середины VII вв. до н. э. на Тирренском побережье от Ветулонии до Понтеканьяно⁴⁶. Поэтому мысль Гьёрстада об этрусском влиянии на Рим, а также его замечание о том, что войнственный фриз храма VI в. до н. э., на котором изображены боевые колесницы, всадники и пехотинцы, сопоставленный с указанным погребением, отражают не только этрусскую, но и римскую реальность, тоже заслуживает внимания. Однако остается проблема хронологии. Принадлежали ли эти воинские подразделения интересующей нас эпохе?

В празднествах Октябрьского коня, как известно, участвуют биги, т. е. колесницы, запряженные двумя конями. Что же касается других

⁴⁵ Gjerstad E. Op. cit., p. 152, 159.

⁴⁶ D'Agostino B. Grecs et indigènes sur la côte tyrrhénienne au VII siècle: La transmission des idéologies entre élites sociales. — Annales, 1977, N 1, p. 17.

состязаний — Эквирий, то и они, по крайней мере частично, могут подтвердить последнее высказанное Гьёрстадом положение. В самом деле, в «Фастах» Овидия упомянуты февральские и мартовские празднества. 28 февраля («месяц проходит второй, от него лишь две ночи осталось») вызывает у поэта образ скачущего на колеснице, погоняющего коней Марса, откуда получил название праздник (Ov., Fast., II, 857—859). Мартовские же скачки выглядят у Овидия (Fast., III, 520—523) менее определенно. В них фигурируют только кони, без упоминания о колеснице. Столь же неопределенно, т. е. как какие-то конные ристания, определяются Эквирии Варроном (II, VI, 63). Заметим, кстати, что в обоих случаях скачки связаны с Марсом. Они или «возглавляются» богом, или происходят в посвященном ему месяце либо месте — на Марсовом поле или на Целии, в той его части, которая называется *Martialis campus*. В последнем случае, когда Марсово поле залито разливом Тибра (*Paul., Martialis campus*). Все это окрашивает Эквирии в цвет воинственности, делает скачки военно-спортивными состязаниями, отражающими структуру римского войска. Из приведенных данных традиции, таким образом, можно выявить использование в раннем Риме как колесниц, так и коней без упряжи в военных целях.

Связь Эквирий с Марсом относит их к числу военно-ритуальных игр, к кругу магических представлений, восходящих к первобытности. К тому же само имя Марса, объявленного в глубочайшей древности отцом близнецов, содержит намек на то, что Эквирии не моложе начала царского времени, Ромула. Что же касается празднества Октябрьского коня, то его хронологическое значение особенно велико. На его датировку проливает свет обычай, описанный Фестом (*October equus*). Правая лошадь биги победителя приносилась в жертву Марсу. При этом голову коня отрубали, и за нее происходила борьба между «командами», участвовавшими в ристаниях. Любопытно, что состязание происходило между *Sacraivienses* и *Suburanenses*, т. е. между жителями Священной дороги и Субуры. Священная дорога, как известно, проходит по Форуму. Относительно Субуры более подробно будет речь впереди. Это могла быть низина под Эсквилинским холмом, но под субуранцами можно понимать и поселенцев Целия. В данном случае это не существенно, однако важно то, что соревнующиеся представляют собой разные общины. Значит, празднество несомненно восходит ко времени до Ромулова синойкизма, и его происхождение следует отнести как минимум к VIII в. до н. э.

Нужно согласиться с тем, что организация и экипировка салиев указывают на значение пехоты в войске догородского периода, особенно в его начале. Характеризуя воинскую структуру Рима VIII—VII вв. до н. э. как состоящую из примитивной пехоты, Гьёрстад вместе с тем принимает традицию об истории города при первом царе, не возражает против наличия в Риме конницы наряду с пехотой и колесницами. Это противоречие обусловлено всей концепцией Гьёрстада, который «основанием» города считает мощение Форума и строительство зданий на каменном фундаменте. Понимая эти строительные новшества VI в. до н. э. как начало царской эпохи, Гьёрстад тем самым

помещает и Ромула в начало VI в. до н. э. и практически приписывает ему деяния царей этрусской династии. Если же «переместить» Ромула в его хронологические рамки, а не в предложенные Гьёрстадом, т. е. в VIII в. до н. э., то рассматриваемый здесь материал античной традиции, которым оперирует ученый, помогает представить римское войско как в основе своей пешее, с наличием колесниц и конницы, при том, что колесницей пользовался, вероятно, царь. Именно такой образ римской армии возникает при чтении пассажа Дионисия (II, 33), повествующего о взятии Ромулом города Антемны. Царь-победитель въехал в него на квадриге, а за ним следовало остальное римское войско из пеших и конных.

На основе археологического материала восстанавливается ученым вооружение догородской эпохи: это — *hasta* (копье) и *scutum* (щит), а также, по-видимому, островерхий шлем. Ко II догородской фазе (700—625 гг. до н. э.) Гьёрстад относит усовершенствование воинской экипировки за счет мечей и кинжалов, а также панциря в виде рубахи с металлическими нагрудными пластинками, что подтверждается археологическим материалом. В колеснице царя, круглом щите и шлеме отражается, по его мнению, этрусское влияние. Последнему утверждению можно противопоставить соображения Э. Перуцци⁴⁷. Мобилизуя лингвистические данные, он доказывает греческие истоки римского вооружения ромулова времени. Он исходит из традиции, показывающей Габии городом, находящимся в сфере греческого культурного влияния. Близнецы Ромул и Рем, обучаясь в Габиях, восприняли там греческую грамоту и элементы греческого военного дела, в том числе защитную экипировку — круглый щит, называвшийся аргосским, и панцирь. Само слово *scutum* происходит от *σκιτον*, как *lorica* от ионического *θώραξ* в аккумулятиве. Круглый аргосского типа щит был в ходу в Риме до объединения с сабинами, которые принесли с собой продолговатый щит. Впоследствии в Риме при этрусках вновь использовался круглый щит *clipeus*, который был введен вместе с гоплитской тактикой. Представляется особенно существенным замечание Перуцци о том, что греческое вооружение ромуловой эпохи оказалось достопамятным, потому что оно было новым. Исследование Перуцци уточняет, детализирует картину, рисуемую состоянием военного дела в царском Риме. Если в римском войске дважды появляются круглые щиты, то все встает на свои места: *Ἀργολικὴ ἢ ἄσπις* и *clipeus/clipeus* отражают разные эпохи в истории защитного вооружения: первый щит — время до середины VIII в. до н. э. включительно, второй — этрусское время не позднее Сервия Туллия. Это может быть правление Тарквиния Приска или непосредственно предшествующий ему, но уже открытый этрусским влиянием период. В это время вполне укладывается эсквилинское погребение № 94 с колесницей, которое Гьёрстад как раз и датирует II фазой догородской эпохи (700—625 гг. до н. э.).

Необходимо упомянуть еще об одной современной работе, которой пользовался Гьёрстад. Она имеет принципиальное значение для изу-

⁴⁷ Peruzzi E. *Origini di Roma*, p. 12—15, 66—70; *Idem*. *Mycenaens...*, p. XII.

чения интересующего нас вопроса, хотя, по справедливому замечанию Л. Ельницкого⁴⁸, в ней уделено предыстории Римской общины минимальное внимание. Это — I том «Истории римской конституции» Ф. Де Мартино. Ученый в самой общей форме высказывает мнение о том, что римское войско на протяжении «гентильной монархии» было выражением единства рода, полисное же войско базировалось на тяжело вооруженной пехоте, гоплитах. Вслед за Гельбигом и Ф. Альтгеймом⁴⁹ Де Мартино считает, что между этими системами лежала промежуточная эпоха тяжеловооруженных всадников. Они были распространены по всему Лацию и Южной Этрурии. В Риме их тип представлен целерами, конными гоплитами, сражавшимися и в пешем строю. Целеры комплектуются по трибам, откуда явствует их связь с гентильной средой. Отметим акцент Де Мартино на том, что целеры — это не всадники раннего Рима, а особый гоплитско-конный отряд. Их комплектование связано не с куриями, а с гентильными трибами. Это, по мысли Де Мартино, относит их к героической эпохе, т. е. аттестует их древность. Заметим, однако, что понятие «древности» достаточно неопределенно. Оно вполне включает в себя всю царскую эпоху. И нет никаких оснований отрицать, что целеры существовали не беспрерывно на всем ее протяжении. Ведь Нуме приписывается их роспуск. Но можно предполагать, что они были и в начале эпохи царей, и в период этрусской династии. Надо, конечно, учитывать, что во втором случае характер этого института мог с течением времени измениться. При этрусках целеры выступали как тяжеловооруженная кавалерия. С точки зрения вооружения при Ромуле они, вероятно, не отличались от прочих пеших воинов и всадников, т. е. не были еще конными гоплитами, потому что полного гоплитского вооружения в то время вообще в Риме не существовало, о чем свидетельствует отсутствие гоплитских доспехов в ранних погребениях. Но по своему назначению они выделялись из всаднической массы как личная охрана Ромула. Они, видимо, не входили в число сначала 300, а затем 600 всадников, потому что упразднение отряда целеров, предпринятое Нумой, не отразилось на соотношении между пехотой и всадниками, равном 10:1.

Учитывая весь приведенный материал источников, а также их интерпретацию в работах, специально касающихся начала царского периода, следует признать, что римское войско второй половины VIII в. до н. э. могло иметь на вооружении колесницы, но состояло преимущественно из пехоты и конницы. В смысле вооружения оно представляло собой шаг вперед по сравнению с предыдущим временем, не столько в части *tela*, т. е. наступательного оружия, каким было прежде всего копье, сколько в части появившихся *agma*, т. е. оборонительного оружия. Однако ромулово войско не было еще тяжеловооруженным. Его усовершенствование происходило под влиянием греческой культуры, иррадировавшей в VIII в. до н. э., преимущественно через Кам-

⁴⁸ См.: Ельницкий Л. А. Новый фундаментальный труд по истории древнеримских государственных учреждений.— ВДИ, 1963, № 3, с. 164.

⁴⁹ Altheim F. Epochen der römischen Geschichte, Bd I. Frankfurt am Main, 1934, S. 142; De Martino F. Op. cit., p. 99—101.

панию, что убедительно доказано Перуцци⁵⁰. Во всяком случае, нельзя отбросить тот факт, что в Лакко Амено был найден осколок греческой вазы с изображением воинов с круглыми щитами, датируемый второй половиной VIII в. до н. э. Эта находка позволяет Перуцци доверять традиции в том, что уже при первом царе римляне могли перенять у греков их вооружение. В этом же плане могут быть истолкованы и археологические данные, добытые раскопками Гьёрстада, в первую очередь находка остатков панциря в виде матерчатой или кожаной рубахи с нагрудными металлическими пластинками и круглого щита. Вспомним, что он считает эту находку этрускизмом и датирует II фазой догородской эпохи, т. е. 700—625 гг. до н. э., или самое раннее рубежом VIII в. до н. э. Однако надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, наличие упомянутой выше греко-этрусской койны, т. е. культурной общности, охватывавшей тирренское побережье от южной Кампании до южной Этрурии, которое вносит корректив в построение шведского ученого. Эсквилинское погребение № 94 можно истолковать как свидетельство не столько этрусских, сколько греко-этрусских влияний, если даже полностью довериться датировке Гьёрстада. Во-вторых, напомним уже высказывавшееся мнение о том, что вообще датирующий материал Гьёрстада, а именно протокоринфская и геометрическая, как привозная, так и местная керамика, а также буккеры, не дают абсолютно точных хронологических указаний, почему Л. А. Ельницкий⁵¹ справедливо относит древнейшие погребения Форум и склонов Эсквилина либо к VIII, либо даже к концу IX в. до н. э. Принимая это во внимание, позволительно думать, что эсквилинская могила с колесницей может отражать реальность не только VII, а и конца VIII в. до н. э., т. е. ромулово время.

Итак, по-видимому, Ромул ввел в войско новое, более совершенное вооружение по греческому образцу. Но новации в военном деле на этом, вероятно, не кончились. Помимо пехоты и конницы он создал новое подразделение — целеров, игравшее роль его гвардии, и упорядочил комплектование воинских частей, введя определенное соотношение между пехотой и кавалерией. Поскольку войско набиралось от гентильных триб и связанных с родовой организацией курий, Ромул должен был, создавая воинские единицы, учитывать количественный состав социальных единиц, иными словами, соблюдать их определенное соответствие, их кратность. Войско Ромула строилось по принципу кратности трем. Это еще раз подтверждает наши соображения о том, что трибы и курии достигли чисел 3 и 30 именно в эпоху легендарного Ромула.

⁵⁰ Peruzzi E. *Origini di Roma*, tab. 16.

⁵¹ См.: Ельницкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственно-сти.— ВДИ, 1958, № 3, с. 144, прим. 5.

Глава IV

РОД
И СЕМЬЯ

В науке давно сложилось мнение о родовой структуре раннего Рима. Со времен Нибура идет линия признания приоритета рода перед семьей. Ей противостоит все еще живущая, хотя и теряющая позиции, патриархальная теория. Представители обеих линий в историографии, даже те историки, которые считали или считают род вторичным образованием, сделали немало для восстановления черт, характеризующих римский gens. Все это позволило уже в XIX в. Ф. Энгельсу с учетом достижений современной ему этнографии описать устройство римского рода¹. Материал из сочинений античных авторов, в том числе приводимый Энгельсом, в большинстве случаев относится к республиканской эпохе. Ведь и взаимное право наследования родичей и общее у них место для погребения и даже порой общее владение землей, а также общее имя, обязанность членов рода помогать друг другу и право принимать в род чужаков сохранились и в период, далеко отстоящий по времени от правления первых царей в Риме.

В текущем столетии ученые не перестают обращаться к характеристике gens. Современных историков снова привлек вопрос об управлении родом. В противовес мнению Т. Моммзена² о том, что во главе рода не стоял руководитель, ученые обоснованно говорят о наличии *princeps* (скорее, чем *pater*) *gentis*³. Внимательно рассмотрены, особенно Де Франчиши⁴, частности различных родов к культам и происхождение римских *gentes*. Ф. Де Мар-

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 21, с. 120—129.

² Mommsen Th. St.—R, Bd III, S. 9, 18.

³ De Martino F. Storia della costituzione romana, v. I. Napoli, 1958; De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959, p. 181.

⁴ De Francisci P. Primordia..., p. 170, 171, 182—183.

тино⁵ заострил внимание на существовании коллективной собственности рода и на появлении наряду с ней частной собственности на землю. Таким образом, можно сказать, что изучение римского *gens* в целом продвинулось далеко вперед. Вместе с тем для более точного воспроизведения социальной структуры при первых царях следует специально остановиться на роде того именно времени.

Пережиточное сохранение родовых институтов в классовом обществе, чему немало хорошо известных примеров, дает надежные основания считать, что они тем более действовали в начале царской эпохи. В традиции о роде имеются сверх того сведения общего характера, безотносительно ко времени. Наиболее общие и поздние, как бы подводящие черту под представлениями о роде у древних, указания мы находим у Исидора Гиспальского в его «Двадцати книгах этимологии». В первом определении (IX, 2, 1) сказано: «Род — это много людей, происходящих от одного родоначальника; получил название от генераций фамилий, т. е. от *gignendo*...». Здесь подчеркнута кровная связь членов рода. Вместе с тем тут выявляется и структура *gens*: это поколения фамилий. Ни на какое ограничение генераций нет и намека. В определении Исидора вырисовывается, так сказать, вертикаль рода, у Феста (*gens Aelia*) и Павла Диакона (*gens Aemilia*) — горизонтальный его срез: *gens* состоит из многих фамилий. Исидор — автор очень поздний, живший в VII в. н. э. Но он эрудирован и объясняет своим современникам ставшее непонятным, пользуясь не только интерпретациями своих предшественников, но и знакомыми, порой живыми в его время терминами. Второе определение Исидора может быть извлечено из понимания им термина *gentiles*. По его словам (XV, 2), «существует три рода сообществ: семейные, городские, гентильные». Здесь очень чувствуется зависимость от Цицерона, который в трактате «Об обязанностях» (I, 17, 53) тоже говорит о сообществах, союзах, в том числе родственных и семейных. Но, можно думать, пояснения Исидора сделаны с учетом того, что читателю раннесредневековой Испании вполне ясно, что такое гентильная общность.

Существуют еще два важных определения «*gentiles*». Одно дает Варрон (II, VIII, 4): «Потомки Эмилия будут Эмилиями и сородичами». Второе — Цицерон (*top.*, 6, 28): «Это те, кто называются одним и тем же именем (*nomine*). Но этого недостаточно. Это те, кто происходят от местных (*ingenui*) жителей. Но и этого недостаточно. Те, чьи предки никогда не были рабами. Не хватает даже этого. Те, кто не лишены гражданских прав. Этого, пожалуй, достаточно». Цицерон дает, таким образом, исчерпывающее определение. Оно должно было явиться результатом большой юридической практики установления действительной принадлежности человека к *gens*, а через нее и к полноправному гражданству. Для предшествующего Цицерону и весьма далекого от него времени, т. е. до формирования *civitas*, более существенным было рождение от местных родителей и особенно общность имени. Это последнее и отразилось во втором определении Феста, вос-

⁵ De Martino F. Storia..., v. I, p. 18—21.

ходящем к Цинцию Алименту: «Мои gentiles — это те, кто называются моим именем». Именно поэтому латинские авторы (Liv., I, 24, 1; 30, 2; Fešt., Mamilogum familia; Paul., Mamilia turris; Caeculus; Aureliam familiam; Macr., Sat., I, 16; Tac., Ann., XI, 24), перечисляя Юлиев, Квинтилиев, Мамилиев и проч. в качестве действующих лиц начала царского времени, не применяют к ним определяющего слова «gens», как и греческие (Dionys., III, 29; VI, 69), которые порой сопровождают *potina* словом *oikos*, хотя имеют в виду гентильную принадлежность. Вслед за античными авторами соответствие *potep* и *gens* было принято современными учеными. Однако известно, что позднее, за пределами царской эпохи, слово «gens», на что обратил особое внимание М. О. Косвен⁶, обозначало не только род, но и племя. В первом, более раннем и общепринятом значении оно встречается применительно к германцам у Цезаря (BG, VI, 22). Во втором, наряду с *civitas* и *patio*, — у Тацита. Дионисий, тоже называя *potina*, либо не сопровождает их никаким термином (I, 40), либо определяет как *yevoç* (III, 13; V, 18) или как *oikos* (III, 29). Обозначение одним и тем же термином разных родственных групп широко известно и у других народов. М. О. Косвен говорит, что порой термин, означающий патронимию, одновременно обозначает либо большую семью, т. е. меньший, чем патронимия родственный коллектив, либо, напротив, более широкий, т. е. род.

Такими многозначными словами являются восточнославянские «печище», «дворище» и общеславянские «род», «племя». У хорватов и черногорцев слово «братство» применяется как к патронимии, так и к семейной общине⁷.

Принимая во внимание все сказанное, в тех случаях, когда Ливий (I, 30, 2) или Тацит (Ann., XI, 24) говорят о Туллиях, Сервилиях, Горациях и т. д., равно как Дионисий (III, 29) о домах (*oikos*) Юлиев, Сервилиев, Горациев и т. д., переселившихся из Альбы в Рим, приходится иметь в виду, что под названными *potina* могли скрываться, помимо родов, также и части их, т. е. патронимии и отдельные большие патриархальные семьи, которые принимались в римскую родоплеменную организацию в качестве родовых коллективов, т. е. *gentes* в собственном смысле слова. Столь же общую, но несомненно распространяющуюся на Ромулов Рим черту рода называет Авл Геллий (15, 27), говоря, что в куриатных комициях голосуют члены родов.

Важная функция рода, состоящая в распоряжении имуществом его членов со стороны родичей, вытекает из законов XII таблиц. А ведь этот памятник отражает весьма архаические отношения, уходящие далеко в глубь веков. Интересно, что в них оговорены два случая. В первом (V, 5) предусмотрено наследование имущества родичами тогда, когда умерший не оставил ни прямого наследника, ни завещания и нет агнатов. Во втором (V, 7a) предписано распоряжение со стороны агнатов или сородичей имуществом сумасшедшего. Отметим, что последнее

⁶ См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 101, 126, 128.

⁷ См.: Косвен М. О. Указ. соч., с. 148, 149.

установление упомянуто Цицероном (г.р. III, 33, 45) в качестве очень разумного, акцент поставлен на том, что безумный не в состоянии управлять делами. Конечно, уже в законах XII таблиц на первом месте стоят агнаты, что выдвигает вперед права семьи перед родом. В этом проглядывает развитие частнособственнических отношений и вместе с тем эволюция gens к середине V в. до н. э. Но интересно, что даже Цицерон считает естественной роль сородичей и никак не ставит ее под сомнение.

Безусловно, оба установления проецируются в самую глубокую древность. Однако важно отметить, что в традиции содержится материал, непосредственно касающийся интересующей нас эпохи. Прежде всего он освещает религиозные функции рода. Дионисий (II, 21) ставит в заслугу Ромулу, что он учредил 60 жрецов, помимо тех, кто совершает обряды от имени рода (*δουγενεῖας ἱεροσίνων*). Касаясь организации царем культа, галикарнасец (II, 65) склоняется к мнению тех своих предшественников, которые считают, что не Ромул, а Нума учредил первое общее святилище Весты, что именно второй основатель Рима отделил священнодействия общие и государственные (*ἱερά... κοινά... καὶ πολιτικά*) от собственных и родовых (*ἴδια καὶ συγγενικά*). Это разделение священнодействий в латинских терминах передано Фестом: «Общественные (*publica*) священнодействия — это те, которые совершаются на общественный счет и которые совершаются за горы, за паги, за курии, за часовни; а собственные (*privata*) — те, что совершают за отдельных людей, за фамилии, за роды (*pro gentibus*)». Свидетельством жизнестойкости родовых *sacra* служат упоминаемые Цицероном ежегодные жертвоприношения от имени рода, осуществлявшиеся и в его время в храме Дианы на Целикуле (*har. resp.*, XV, 32).

Упоминается у античных авторов род как действующий организм при Ромуле и в связи с пояснением о том, что такое патронат (*Dionys.*, II, 10), и в связи с законами царя о семье и браке. В частности, говорится, что согрешившую жену судит муж вместе с родичами (*συγγενεῖς* — *Dionys.*, II, 25).

Имеются в традиции сведения, касающиеся рода у сабинян, современных Ромулу. Дионисий (II, 35) упоминает женщин из родов антемнатов и ценинцев, Ливий (I, II, 4) — родителей и близких или родных людей для дев, похищенных из Антемы и Крустумерии. У Ливия употреблены слова *parentes* и *propinqui partarum*. Видимо, *parentes* — это родители и вообще семья. Об этом можно судить, исходя из того, что Дионисий в названном выше месте (II, 35), описывая те же события, что и Ливий, вкладывает в уста Ромула речь, обращенную к похищенным, в которой фигурируют их отцы и братья, иными словами, члены их фамилий. В таком случае, *propinqui* у Ливия должны пониматься как родичи, т. е. синоним *gentiles*.

В рассказе об объединении сабинян Тация с римлянами Ромула у Дионисия (II, 46) сообщается, что вместе с Тацием остались в Риме три самых знатных мужа со своими гетайрами, пелатами и родичами (*συγγενεῖς*).

Важные сведения получаем мы из легенды о гибели Тита Тация. Они содержатся у Дионисия, у Ливия и у Плутарха, а также у Страбона. Первые три автора приводят версии о виновности Тация перед лавинатами (или лаврентинцами), за что он и был ими убит. Страбон же (V, 3, 2) говорит об изменническом убийстве соправителя Ромула, никак этого не аргументируя. Зато признающие его виновность сообщают интересные подробности. По Дионисию (II, 51), вина Тация состояла в том, что его гетайры напали на лавинатов, ограбили их, а часть пришедших им на помощь убили. С решением Ромула выдать лавинатам обидчиков Таций не согласился, защищая интересы своих гетайров. Ромул обвинил Тация в несправедливости, укорял его в пристрастности, потому что среди нападавших был его родич (συγγενής). Передавая несколькими строками ниже один из вариантов рассказа об обстоятельствах убийства Тация жителями Лавиния, Дионисий (II, 52) говорит, что царь был закидан камнями «после того, как родственники погибших двинулись на него» (τὸν προσήκόντων... ὀργισάντων). У Плутарха (R., 23) обидчики лаврентинцев (лавинатов) названы «домочадцами», или родными, и «родичами» (οἰκεῖοι τινες καὶ συγγενεῖς), а потребовавшие удовлетворения и не получившие его жители Лавиния — родными (οἰκεῖοι) убитых. Ливий (II, 14, 1) называет людей, несправедливо действовавших против лаврентинцев, родственниками Тация (proinqui). Таким образом, обе стороны — и римляне сабинского происхождения и близкие римлянам лавинаты — действуют родственными группами, защищая интересы членов своих родов, вплоть до кровной мести, закономерность которой, согласно Плутарху (R., 23) и Дионисию (II, 52), признавал и Ромул.

Для определения значения рода важно выяснить его место в аграрных отношениях. Трудно говорить конкретным образом о родовом землевладении применительно к началу царского периода, потому что прямых свидетельств в традиции нет, но косвенные данные все-таки имеются. В первую очередь это ономастический материал. Из хорошо известных названий римских курий, пагов и триб выявляется часть, в основе которой лежат гентильные имена, на что в свое время обратил внимание Т. Моммзен, а затем К. У. Веструп. Можно не сомневаться в том, что имя рода передавалось социально-территориальной единице, в которой располагались его земельные владения. Разумеется, это не значит, что вся земля трибы или курии принадлежала только одному роду. Вероятно, триба или курия получала наименование по наиболее выдающемуся, а для Сервиевых ранних триб, возможно, по наиболее древнему роду.

Среди имен курий это — Фауция, Тиция, Аккулейя, Пинария, Герсилия; пагов — Лемониев; ранних Сервиевых триб — Эмилия, Камиллия, Клавдия, Корнелия, Фабия, Галерия, Горация, Лемония, Менения, Папирия, Поллия, Пупиния, Ромилия, Сергия, Велтиния, Ветурия. Как будет показано в дальнейшем, ряд имен относится к древнейшему слою римского населения, представляет персонажи как раз начала царского периода. Это, как минимум, — Пинарии, Фабии, Ветурии, Горации, Эмилии, может быть, Клавдии. Конечно, это не значит, что все осталь-

ные gentes вошли в состав римских гентильных триб Тициев, Рамнов и Луцеров лишь к концу царской эпохи. Можно думать, что многие из них стали римскими при Ромуле и Нуме. Но и тот возможный факт, что значительная часть упомянутых родов была включена в число римских уже при других царях, не подрывает тезиса о родовом землевладении в самом начале римской истории.

На вопросе о родовой земельной собственности специально останавливался К. У. Веструп⁸. По его мнению, в древнейшем Риме имела общая земля всей общины, или, как он говорит, государства, т. е. народа. Но он обращает внимание на то, что по законам XII таблиц имущество умершего без наследников из числа ближайших агнатов передавалось его родичам, а не государству, откуда и следует гентильная собственность на все имущество, в том числе и на землю.

Надо сказать, что в пользу родовой земельной собственности говорит и тот материал, который свидетельствует о куриальном землевладении. На нем мы остановимся подробнее ниже в связи с вопросом об аграрных условиях древнейшего Рима. Здесь же подчеркнем, что земельные отношения курии развивались на гентильной основе. Напомним, наконец, ставший хрестоматийным факт наделения землей рода Клавдиев при переходе его в Рим (Liv., II, 16; Dionys., V, 40; Plut., Popl., 21; Suet, Tib., I, 1), а также владения Валериев на Велии (Cic., har. resp., 8, 16).

Итак, gentes были живым действующим организмом в Риме второй половины VIII в. до н. э. Но сколько же все-таки их было? Можно ли говорить о 300 родах уже при Ромуле, как это утверждается традицией? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует, учитывая принятое нами выше исследование, повторить, что фиксация числа триб и курий произошла одновременно при Ромуле или Ромуле — Тации, хотя донесенные до нас традицией наименования триб были делом этрусских властителей. И самый факт численного определения социальных групп служит указанием на уровень социального развития Рима в VIII в. до н. э.

Определяя характер римского gens, надо иметь в виду, что в современной науке существуют различные представления об институте рода. Часть ученых высказалась в пользу того, что в материнском роде, свойственном раннему родовому обществу, производственные отношения в основном совпадали с отношениями между кровными родственниками. Иными словами, род в то время был общиной, социально-экономическим организмом, для которого характерны общеродовая собственность на основные средства производства, коллективный труд и потребление, а также абсолютное полноправие всех членов. В отличие от материнского, отцовский род, по мнению исследователей, перестает быть основной социально-экономической ячейкой общества, каковой становится большая патриархальная семья, называемая также семейной, или домовою, общиной. Ввиду развития производительных сил производственные отношения не совпадают в нем с кровнородственны-

⁸ Westrup C. W. Introduction to early Roman law..., v. II. [S. 1.], 1934, p. 56.

ми. Род уже не община, он превращается в экзогамный коллектив кровных родственников, в основном регулирующий брачные отношения⁹. Другие исследователи считают, что род ни в раннем, ни в позднем первобытном обществе не был общиной, так как мужья и жены происходили из разных родов, а представлял собой кровнородственные экзогамные коллективы с брачно-регулирующими функциями¹⁰. Производственные отношения в первобытности никогда не совпадали с родовыми. По мнению Н. А. Бутинова, не род, а община, которая состояла из семей, была основной социально-экономической ячейкой в то время. Кроме отсутствия производственных функций в патриархальном роде, в качестве аргумента присоединяют еще то обстоятельство, что отцовский род состоял, в силу экзогамии, не только из кровных родственников, но и пришлых людей, т. е. жен. Вообще состав его не был полностью стабильным. Костяк состоял из мужчин, а женский состав постоянно менялся за счет приходящих жен и уходящих замуж дочерей¹¹. Таким образом, одни видят в роде социально-экономический феномен, а другие — только социальный. Исходя из первого понимания, делается вывод, что на определенном этапе развития первобытного общества род и община составляли единство, а из второго — что это разные общественные единицы с различными функциями.

Необходимо отметить, что как бы ни определялся род, первобытность обычно характеризуется коллективизмом, общинными формами жизнедеятельности. Однако община, как известно, присуща и классовым общественно-экономическим формациям как универсальное явление. Община в последнее десятилетие вновь привлекла к себе внимание многих этнографов и историков, античников и медиевистов. Самое общее определение ей дает Л. Б. Алаев¹²: это характерный для докапиталистических социально-экономических формаций естественно возникший коллектив непосредственных сельскохозяйственных производителей, в собственности или во владении которого находятся средства производства. Детализируя данный тезис, Л. Б. Алаев определяет родовую (кровнородственную) общину как основную производственную ячейку, коллективно ведущую хозяйство на своей территории и совместно потребляющую или распределяющую полученные продукты. Н. А. Бутинов¹³ намечил этапы развития общины на протяжении исто-

⁹ См.: Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ.— ПИДО, кн. 1. М., 1968, с. 33; Файнберг Л. А. Род — СИЭ, т. XI, 1969, с. 103; Файнберг Л. А. Возникновение и развитие родовой структуры.— В кн.: Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975, с. 72; Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— ПИДО, кн. 1, с. 270; Маретин Ю. В. Основные типы общины в Индонезии.— ПИДО, кн. 1, с. 329; Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967, с. 6; Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты).— ПИДО, кн. 1, с. 109.

¹⁰ Дискуссия по проблеме родовой и сельской общины на Древнем Востоке.— ВДИ, 1963, № 1, с. 191—192; Бутинов Н. А. Указ. соч., с. 94, 108, 110; Файнберг Л. А. Возникновение..., с. 75; Бахта В. М. Указ. соч., с. 272.

¹¹ См.: Бутинов Н. А. Указ. соч., с. 110—111, 142—143; Крюков М. В. Указ. соч., с. 151.

¹² См.: Алаев Л. Б. Община.— СИЭ, т. X, 1967, с. 418—419.

¹³ См.: Бутинов Н. А. Указ. соч., с. 120—154.

рии первобытного и раннеклассового строя: кровная община, соответствующая хозяйству присваивающего типа в эпоху верхнего палеолита и мезолита; родовая с присущим ей производством пищи в эпоху неолита; гетерогенная, состоящая из домовых общин при наличии ремесла и обмена, что соответствует позднему неолиту и веку металла; сельская община при развитии товарного хозяйства и торговли в классовом обществе. Н. А. Бутинов, как видно, связывает развитие общины с развитием производства.

Наиболее удачно, с учетом основных признаков в различные периоды истории, охарактеризовала общину Е. М. Штаерман¹⁴. Она определила общину как коллектив, обладающий верховной собственностью на занимаемую территорию с верховным распоряжением земель, а также самоуправлением, общностью культа и взаимопомощью. Совместного ведения хозяйства как обязательного элемента здесь нет. И это правильно, так как важнее учесть коллективный труд в разных видах и пропорциях, без которого немислима взаимопомощь. Таким образом, под общиной докапиталистических формаций понимается прежде всего производственный коллектив, при том, что некоторые исследователи отметили наличие коллективной собственности или, по крайней мере, владения на землю в качестве важнейшего элемента общины. Как мы уже отмечали ранее¹⁵, этот элемент является не единственным определяющим признаком общины, но особо значимым, постоянным, поскольку присущ общинам разных исторических эпох¹⁶ на Древнем Востоке, в Греции, Риме, Византии, у салических франков. Очень существенным представляется нам такое участие членов общины в общей работе, что подчеркнул Д. А. Ольдерогге¹⁷, не сводя общие трудовые усилия к производительному труду.

Имея в виду важнейшее значение указанных критериев для определения общины докапиталистических формаций, попытаемся с их помощью определить римский *gens* начала царской эпохи. Как мы видели, ему присуща коллективная родовая собственность на землю, не только на неподеленную, но и находящуюся в пользовании фамилий. Как явствует из законов XII таблиц (V, 5—7а), *gens* владел каким-то общим имуществом. Следует полагать, что *gens* мог самостоятельно своими силами вести войны, если аналогичное положение зафиксировано для более позднего времени, т. е. для V в. до н. э., когда общество вышло за пределы родового строя и род перестал быть основной структурной единицей. Классическим, принятым историками доказательством самостоятельно проводившихся родом военных предприятий является война Фабиев против этрусков, закончившаяся, согласно традиции, гибелью всех мужчин этого *gens* в битве при Кремере, за

¹⁴ См.: Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978, с. 18—19.

¹⁵ Гл. I, см. также: Маяк И. Л. Проблема генезиса Римского полиса.— ВДИ, 1976, № 4, с. 46—48; Штаерман Е. М. Указ. соч., с. 15—19.

¹⁶ См.: Павловская А. И. Египетская хора в IV в. н. э. М., 1979, табл. с. 210, 214, 216, 218, 220, 224, 226, 230, 232, 233, 235, 238, 240.

¹⁷ ВДИ, 1963, № 1, с. 192.

исключением одного только мальчика (Dionys. IX, 18; 19; Liv. II, 49; 50; Plut. Cam., 19; Sil. It., VI, 637; Fest., *scelerata porta*; Paul. *scelerata porta*). Gentes обладали общим предком и именем и общностью культа, а также самоуправлением. Все это, и в первую голову наличие родовой собственности на землю и общего ратного труда, дает основание полагать, что римский gens начала царской эпохи был общиной, хотя первичной производственной ячейки он не составлял. Ею была большая отцовская семья, община низшего порядка. Gentes собственно и были совокупностью фамилий, но не простой их арифметической суммой. Единство большесемейных, домовых общин сплачивалось не только общностью происхождения, имени и культа, но и верховной собственностью на основное средство производства.

Что касается второго аргумента, который выдвигается для отрицания принадлежности рода к общинным организмам, т. е. непостоянного состава рода в части его женской половины, или фактической его гетерогенности, то и она присуща римскому gens. Однако римляне, как это явствует из позднейших правовых норм, преодолевали это положение тем, что «чужие» элементы, т. е. жены, фактически усыновлялись семьей мужа. Жена занимала там место *filiae loco*. Она подвергалась, как все женщины фамилии ее мужа, опеке со стороны агнатов (законы XII таблиц, V, 2). Переходя в мужнину семью, женщина осуществляла *detestatio sacrorum* в связи с *genitis euptio*¹⁸.

Аналогичными римскому gens начала царской эпохи признаками обладают и первобытные соседские общины с той разницей, что в них входят семьи, не только родственные между собой, но и чужие, живущие на одной и той же территории¹⁹. Гетерогенность соседских общин и отсутствие хозяйственной общности между семьями в таких случаях не препятствуют этнографам, считающим патриархальный род лишь надстроечным явлением, называть территориальные соседские объединения общиной. И это, на наш взгляд, вполне справедливо, потому что гомогенность не обязательна для общины, а гетерогенность не уничтожает ее. Община в докапиталистических формациях развивается, меняется, она не статична. Из простой производственной ячейки кровных родственников в раннем родовом обществе она, пройдя по большей части стадию гетерогенной патриархальной родовой, уступает место соседской сельской, которая вырастает в раннеклассовом строе в одних случаях в гаранта гражданского статуса для ее членов (на Древнем Востоке), а в других — остается общиной низшего порядка, сосуществующей с другими видами общин (т. е. родом и *familia*), общиной, связывающей воедино своих членов коллективными формами землевладения, некоторыми формами общего труда и взаимопомощи, а главное — общностью территории (в античности). Она, т. е. соседская сельская община античности, не становится условием членства в общине высшего порядка, в гражданской общине, или полисе. Здесь нет иерар-

¹⁸ De Martino F. Storia della costituzione romana, v. I, p. 9; Franciosi G. Clan gentilizio e strutture monogamiche, v. I. Napoli, 1975, p. 105.

¹⁹ Первобытное общество. М., 1975, с. 99—100, 104—107.

хий одностипных общин. Сельская община и гражданская в условиях античности разнохарактерны, они сосуществуют, имея различные функции и значение. В этих условиях *gens* теряет черты социально-экономического организма.

Прогресс производительных сил усложняет всю общественную структуру. В том числе в качестве производственных единиц в известных пределах функционируют сельские общины и завоевывающие все большее место частные хозяйства, с сельской общиной непосредственно не связанные. Однако гентильные связи полностью никогда не утрачиваются и продолжают играть роль в наследственном праве и делах культа. Внешним их выражением является *popen*. Понятие *gentiles* обнаруживает тенденцию к сближению с *agnati* по линии отца. Но, как мы проследили по Дигестам, полного совпадения этих социальных групп никогда не наступает. Положение *agnati*, а не *gens* в Римском государстве примерно соответствует тому, которое описано М. В. Крюковым²⁰ в китайском обществе чжоуской эпохи.

Принадлежность к *gentes* долгое время являлась условием и гарантией полноправности гражданства, но постепенно уступила в этом смысле место римской *familia*. Римским гражданином в республиканское время мог быть человек, обладающий тремя главными состояниями: *status libertatis, civitatis, familia*²¹, но уже не *gentis*. Эта формула отразила результат длительной эволюции римского общества от родового строя к гражданской общине, полису, или *civitas*.

Что же касается числа родов и времени их фиксации, то это требует специального рассмотрения данных традиции. Из известного сообщения Ливия (II, 1, 10) следует, что в начале Республики первый римский консул Л. Юний Брут пополнил (*explevit*) до 300 число сенаторов, убавившееся из-за их истребления Тарквинием Гордым (*caedibus... primogibus*). О пополнении сената до 300 членов консулом Валерием после изгнания царей говорится и у Феста (*qui patres, qui conscripti*). И поскольку число сенаторов, представителей родовых коллективов, принято считать соответствующим количеству родов, в историографии признано, что в конце царской эпохи было 300 родов. Однако в начале этой эпохи положение могло быть иным. Свидетельств этому у античных авторов достаточно. Обращает на себя внимание прежде всего то, что Дионисий (II, 7), рассказывая о социальной политике Ромула, говорит только, что он поделил всю массу римского народа на 3 части, т. е. трибы, и на 30 их подразделов, т. е. курий. О числе родов наш источник ничего не сказал. О нем можно догадываться, взяв за основу сведения о количестве сенаторов, соответствующем количеству *gentes*. Об установлении Ромулом 100 сенаторов упоминают тот же Дионисий (II, 12; 13), Ливий (I, 8, 7), Веллей Патеркул (I, 8, 5), Аврелий Виктор (*vir. ill., I, 11*), Фест (*patres; senatores*).

²⁰ См.: Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1966, с. 6, 151, 152.

²¹ См.: Машкин Н. А. Из истории римского гражданства.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1945, № 5.

Словам античных историков и антикваров вторят поэты (Прог., IV, 1, 14; Ов., Fast. III, 127). Плутарх в биографии Ромула (XIII, XX) говорит о выделении им из общей массы 100 патрициев, составивших сенат.

Но число сенаторов, представлявших в совете старейшин 100 родов, уже в то время не было окончательным. Вместе с удвоением населения благодаря римско-сабинскому синойкизму (Liv., I, 13, 5) при Ромуле — Тации число сенаторов удвоилось. Об этом единодушно говорят античные авторы Дионисий (II, 47, 57) и Плутарх (R., XX). Это означает, очевидно, что число родов, признанных в качестве составных частей формирующегося гражданства, дошло до 200. Содержащиеся в источниках данные об общей численности римлян в это время подтверждают достоверность увеличения числа gentes. Дионисий Галикарнасский, склонный к подсчетам людей, воинов, лет, отделяющих одно событие от другого, приводит следующие цифры: «Первое население, пришедшее с ним (Ромулом), было числом не более 3000 пеших и 300 лучших всадников» (II, 2; 16). Далее у Дионисия (там же) сообщается, что когда Ромул исчез, пеших было 46 000, всадников же — немногим меньше 1000 человек — словом, всего 47 000. Такой результат, надо понимать, был достигнут путем принятия в среду римлян 4000 камеритов (Dionys., II, 50), какого-то числа вейентов (Dionys., II, 55), иммигрантов-соседей, воспользовавшихся убежищем (Liv., I, 8, 6; Plut., R., IX), и вместе с тем путем выселения из Рима 300 колонистов в те общины, откуда происходили похищенные соратниками Ромула девушки (Dionys., II, 35), и 2500 — в Фидены. Поверить в точность этих цифр, равно как и проверить их, — крайне трудно. Отметим прежде всего, что у Дионисия речь идет только о мужчинах-воинах. Если учесть женщин и детей, то численность населения должна характеризоваться по меньшей мере в три или в четыре раза большим числом, т. е. составлять в конце правления Ромула как минимум 150 или 200 тысяч человек. Цифра кажется такой большой, что внушает необходимость усиленной проверки упомянутых сообщений Дионисия.

Чтобы представить себе численность римского населения историки неоднократно обращались к численности римского воинства. Очень последовательно, применительно к эпохе ранней Римской республики реализовали этот принцип в своих исследованиях Ю. Белох²² и Г. Дельбрюк²³. Ф. Де Мартино²⁴ справедливо указал на слабость их позиций, заключающуюся в том, что эти ученые основывались в своих подсчетах на данных, характеризующих центуриатный порядок. По его мнению, эти данные очень неопределенны. Не вдаваясь здесь в полемику по поводу народонаселения начала Римской республики, нам хотелось бы подчеркнуть, что сомнения о возможности использовать цифровой материал о войске на начало царской эпохи распространять-

²² Beloch I. Römische Geschichte, 5. Aufl. Berlin, 1853, S. 219.

²³ См.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории, т. I. М.—Л., 1936.

²⁴ De Martino F. Territorio, popolazione ed ordinamento centuriato.— In: Diritto e società nell'antica Roma. Roma, 1979, p. 162—182.

ся не должны. Ведь здесь мы оперируем не нестабильным числом людей, в центуриях, а общей цифрой, обозначающей все войско с определенным соотношением между пехотой и кавалерией. Важно при этом выяснить, кто же из античных авторов сообщает более достоверные сведения. В связи с этим заметим, что, помимо упомянутых в традиции имеются еще некоторые данные, касающиеся римского населения. Так Варрон (II, V, 89), объясняя происхождение слова *milites*, говорит: «...потому что первоначально легион составлялся из 3000, а по отдельности каждая из триб Тициев, Рамнов и Луцеров посылала (в него) по 1000 воинов». Аналогичные сведения исходят и от Дионисия: «хилиарх — от филы» (II, 14), или, если можно так выразиться, тысяцкий — от каждой трибы. С этим вполне согласуются данные о том, что после объединения с сабинами, когда площадь и население города удвоились (Liv., I, 13, 5; *geminata urbs*; Plut., R., XX), в легионе стало 6000 пехотинцев и 600 всадников (Plut., R., XX), т. е. также вдвое больше, чем прежде.

Сведения, касающиеся первого воинского набора (*legio*), представляются нам заслуживающими внимания, поскольку включают сообщения об его структуре, не противоречащие традициям общества, связанного с первобытными устоями, а именно о принципе построения войска по возрастным группам, сохранявшемся, как известно, и в эпоху Ранней республики (гастаты, принцепсы, триарии — Varro, II, V, 89). Не вызывают сомнений и сведения относительно приданной легиону конницы из 300 всадников (Dionys., II, 13; Liv., I, 15, 8; 43, 9; Paul. *celestes*), потому что именно такое число кавалеристов сопровождало легион и в республиканское время. Приведенные цифры, касающиеся войска, вносят корректив в созданную Дионисием картину чрезвычайной многочисленности Рима в конце правления Ромула. При удвоении населения, таким образом, мужское боеспособное население насчитывало примерно 6600 человек. Применяя те же расчеты, т. е. исходя из того, что эта часть народа составляла примерно треть всех римлян, можно сказать, что общее число римского населения достигало приблизительно 20 тыс. человек. Даже если считать военнообязанную часть римлян не за треть, а за четверть, то общая численность народонаселения Ромулова Рима могла бы оказаться в пределах 25 тыс. человек. Это в 6—8 раз меньше цифры, указанной Дионисием. Для проверки нашего вывода можно привлечь традицию о Сервиевой реформе в ее полном объеме и по крайней мере с вполне надежным числом центурий, вне зависимости от того, когда точно она проведена. Такое количество римлян при Ромуле, которое мы назвали выше, т. е. примерно 20—25 тыс. человек, кажется более правдоподобным, если учесть, что при Сервии Туллии, согласно Ливию (I, 44, 2), по цензу граждан было 80 тыс. человек. Рост населения от Ромула до Сервия с 20—25 тыс. до 80 тыс., т. е. на 55—60 тыс., не удивителен. Ведь уже при Тулле Гостилии «число граждан», по выражению Ливия (I, 30, 1), удвоилось за счет альбанцев, т. е. их стало 40—50 тыс. Анк Марций после взятия Политория, Теллен и Фиканы переселил много тысяч латинян в Рим в качестве граждан (Liv., I, 33, 1—5; Cic., *g. r.*, II, 18, 33). Хотя эти

переселенцы расцениваются обычно исследователями²⁵ не как полноценные граждане, а как плебеи, они все-таки увеличили реальное население Рима, но если даже полагать, что из «многих тысяч» в гражданство была включена лишь часть, то и она повлияла на количественные показатели римского народа. К этому можно добавить и естественный прирост населения.

Надо, впрочем, заметить, что относительно 80 тыс. римлян существует ремарка Фабия Пиктора, о которой упоминает Ливий. Фабий говорит, что 80 тыс., — это лишь те, кто был способен носить оружие. В таком случае все население должно было бы насчитывать 240—320 тыс. человек.

Для проверки цифрового материала, предоставленного разными версиями традиции, полезно обратиться к статистическим сводкам, составленным римлянами. Данные о более поздних переписях позволяют говорить о 20 тыс. населения при первых царях. В наше время убедительно аргументирована достоверность переписей II в. до н. э. При этом Я. Ю. Заборовский²⁶, специально занимавшийся этим вопросом, привел резонные соображения, уточняющие действительную характеристику численности римского гражданства. Принимая во внимание большое число римлян, оторванных от Италии главным образом из-за военных действий, а также по торговым делам и потому не прошедших переписи, он доказал, что число граждан в 131 г. до н. э., например, должно превышать число, указанное в переписном списке, примерно на 60 тыс. человек и составлять не 318—319 тыс., а 378—379 тыс. Это вдвое больше, чем число людей в раннем царском Риме, определенное, исходя из предпосылки Фабия Пиктора.

Но в такой незначительный прирост с VI или с IV в. до н. э., если так именно датировать реформу Сервия, по II в. до н. э. невозможно поверить, даже имея в виду человеческие потери во время войн и эпидемий и сокращение рядов гражданства за счет обезземеления римского крестьянства. Ведь наряду с этими явлениями действовали и противоположные факторы: значительный рост земельных владений римлян; редукция минимального переписного ценза; деятельность гракханской аграрной комиссии; принятие в гражданство жителей ряда латинских и сабинских городов и, наконец, широкая волна колонизации. Только во II в., до 131 г. до н. э., на территорию Италии была выведена 21 колония²⁷, из них в качестве колоний полноправных римских граждан — по крайней мере 15, в то время как 3 получили права латинского гражданства, а статут 3 не ясен. Все это должно было содействовать улучшению жизни и росту народонаселения. Указанные об-

²⁵ См.: Хан И. Плебей и родовое общество. — In: *Studia Historica*, v. 94. Budapest, 1975, с. 22.

²⁶ См.: Заборовский Я. Ю. К вопросу о достоверности переписных списков II в. до н. э.—ВДИ, 1962, № 2, с. 118; Он же. Римские переписи периода Республики: механизм действия, проблема достоверности (III—II вв. до н. э.).—ВДИ, 1979, № 4, с. 37—58.

²⁷ См.: Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III—II вв. до н. э. М., 1971, с. 112—116.

стоятельства склоняют нас к признанию сведений, сообщаемых Ливием, как более верных, по сравнению с Фабием Пиктором. Ливий вообще внимательно относился к цензам. Именно он сохранил в своем труде этот цифровой материал. Применительно к 80 тыс. он определенно употребил термин «ценз» (*sensa dicuntur*). Конечно, не списки, но копии их или воспоминания о списках Сервия Туллия должны были сохраняться в традиции именно потому, что они относились к первому римскому цензу, почему Ливий и мог привести содержащиеся в них данные.

Хорошо известно, что в республиканское время ценз учитывал не только мужчин, но также женщин и детей²⁸. Никаких сведений о том, что в царское время дело обстояло иначе, нет. Вместе с тем центуриатная конституция Сервия Туллия может дать нам схематическое представление о численности боеспособного населения в его время, а точнее, в то, когда она была проведена, что поможет проверить данные Ливия относительно начала царского периода. Хотя не все центурии включали в себя обязательно 100 человек и колебания в численности центурий 1-го класса и пролетарской были весьма значительными, все же общее число центурий равнялось 193, что соответствует максимуму 19 300 людям, и если это воинство составляло 1/4 всего гражданства, то в целом оно может быть охарактеризовано в таком случае цифрой в 77 200 человек, округленно 80 тыс. Если же его принять, как обычно делается, за 1/3, то число граждан не достигает 60 тыс. человек. Приведенные соображения служат дополнительным аргументом в пользу рассматриваемого здесь сообщения Ливия (I, 44, 2) о количестве римлян в правление шестого царя или даже в еще более позднее время. Если считать, что цензовая реформа в полном объеме была проведена за пределами царской эпохи, не ранее начала IV в. до н. э., те же цифры одновременно свидетельствуют против аналогичных данных, касающихся времени первого царя или периода «двоевластия», основанных на сообщениях Дионисия (II, 16).

В подтверждение наших расчетов, понимая, разумеется, их приближительность, можно привести еще рассуждения Ф. Де Мартино о народонаселении Рима²⁹. Они касаются эпохи Ранней республики. Де Мартино исходит из недоверия к цифровому материалу, переданному традицией, поэтому предлагает за основу подсчета взять площадь *ager Romanus* и количество потребляемого зерна на душу. Он принимает предложенную Ю. Белохом цифру (около 820 км²), характеризующую протяженность римских владений ко времени Александра Македонского, которую, с его точки зрения, можно проецировать и в более ранний период. Де Мартино отмечает далее, что, согласно Теофрасту, Лаций тогда был влажен и лесист. К тому же часть пригодной для пашни площади была занята огородом и часть отдыхала под паром, будучи отданной под пастбище для скота. Все это, по мысли ученого, должно было сокращать действующую ежегодно пашню внут-

²⁸ Mommsen Th. St.—R, Bd II, Abt. 1, S. 362.

²⁹ De Martino F. Territorio..., p. 170—172.

ри общей площади *ager Romanus* до 13 650 га, или 54 600 югеров. Среднесуточное потребление зерна на душу, учитывая стариков, женщин и детей, Де Мартино предположительно определяет в 500 г. Поскольку в то время хлеб в Рим не импортировался, максимальное число людей, способных прокормиться в Риме, по мнению Де Мартино, могло быть 50 тыс. человек. Заметим, что это меньше, чем, согласно Ливию, при Сервии. Следует обратить внимание на то, что эта цифра относится к населению на площади *ager Romanus*, значительно превышающей римские земли во времена Ромула. Ведь римская территория возросла за счет завоеваний при последующих царях, что отразилось в образовании сельских триб, число которых к началу Республики дошло, как минимум, до 16. Значит, в интересующее нас время число римских (в широком смысле этого слова) жителей должно было быть соответственно значительно меньше. Принимая в расчет наблюдения Де Мартино относительно лесистости Лация, следует сказать, что в начале царской эпохи площадь, занятая лесом, была еще больше, как это видно даже на примере собственно римских холмов и высот на них. Достаточно вспомнить названия Фагугала, Виминала, Лаурета. Давшие им наименование рощи лишь постепенно отступали перед возникающими деревнями с их угодьями, расширявшими понемногу возможность увеличения средств существования. Таким образом, разница в 30—25 тыс. человек между численностью населения Ромулова Рима и Рима раннереспубликанского времени естественна и способна подтвердить в известной мере сложившиеся у нас представления по рассматриваемому здесь вопросу, несмотря на разницу исходных позиций в нашем исследовании и в труде Ф. Де Мартино.

Против многочисленности населения первоначального Рима говорят и его скромные размеры. Плутарх (R., IX) замечает, например, что сначала в нем было не больше 1000 домов. «Город Ромула», согласно традиции, развивался от «Квадратного Рима» на Палатине до Септимонтия, включавшего кроме Палатина с Великой еще Целий и Эсквилин (Varro., II, V, 41; VI, 24; Fest., *Septimontium dies*; Paul., *Septimontium*), а затем, учитывая убежище — азий (Liv., I, 8, 5), и Капитолий с частью Квиринала и Виминала (Varro, II, V, 41; Lyd., *mens*, IV, 155). Это пространство охватывает не более 10—12 га. Конечно, как будет показано дальше, римляне по мере завоеваний уже при Ромуле жили не только в черте города, но и на приобретенных землях недалеко от него. Однако разместиться даже на всей совокупности принадлежавшей им земли, если иметь в виду отсутствие многоэтажных строений и господство домов-хижин, а также тогдашний тип поселений, включавших не только жилища, но и хозяйственные угодья (о чем подробнее речь пойдет ниже в другой главе), римляне могли лишь при том условии, что их было не очень много.

Итак, принимая за более достоверные данные Ливия, можно констатировать увеличение численности населения за период от Ромула до Сервия Туллия, а точнее, до времени окончательного утверждения центуриатного порядка, на несколько десятков тысяч человек, примерно на 25—30 тыс.

Приведя эти расчеты, мы еще раз оговариваем их приблизительность. Однако в связи с поднятым вопросом важно установить не столько точность абсолютных цифр, сколько тенденцию их к увеличению, показывающую безусловный рост римского народонаселения. Знаменательно, что эта тенденция улавливается всеми античными авторами, оперирующими цифровыми данными, вне зависимости от того, в каком абсолютном выражении находится их числовой материал.

Новые поселенцы, как правило, прибывали в Рим либо целыми родами, либо частью их, но в любом случае пополняли число римских родов, включаясь в существующие трибы и курии. Цифровые показатели роста числа родов подтверждаются в известных пределах сообщениями античных авторов относительно конкретных *gentes*, их имен и их происхождения.

Можно выявить ряд исконных римских, даже доримских родов, по-видимому аборигинского корня, связанных с культом Геркулеса, относящихся к доромуловой эпохе, начиная от времени установления культа на месте будущего Рима, — это Потиии и Пинарии (*Liv.*, I, 7, 12—13; *Dionys.*, I, 40; *Macr. Sat.*, I, 12; III, 6), предание о которых несомненно содержит зерно исторической истины. Наличие курии *Pi-pa-gia*³⁰ также указывает на древность Пинариев. Присутствие греков в районе будущего Рима позволяет оспорить мнение Г. Виссоны и В. Гельбига³¹ о заимствовании римлянами культа Геркулеса из Тибура, а вместе с тем и тибуртинское происхождение Пинариев.

Несомненно к древнейшим в Риме относится и *gens Mamilia* (*Paul.*, *Mamilia turris*), во всяком случае ветвь *Mamilii Turrini*, получившая, как справедливо заметил П. Де Франчиши³², когномен по башне (*turgis*), на которой укреплялась голова принесенной в жертву лошади. Поскольку борьба за лошадь велась между жителями Субуры и Священной дороги (*Fest.*, *Mamiliorum familia*; *Paul.* *October equus*), можно считать, что Мамилии обосновались в Риме в незапамятные времена, когда в Субуре и на Священной дороге существовали обособленные поселки, т. е. до синойкизма Ромула, в котором объединились бывшие до того разобщенными селения (*Fest.*, VI, 24). Свое происхождение род Мамилиев ведет от легендарного Телегона, сына Одиссея и Цирцеи, или Кирки (*Hesiod.*, *Theogon*, 1014; *Apollod.*, *Ep.*, VII, 16; 36; *Paul.*, *Mamilia turris*). Судя по сообщению Павла Диакона, а также по традиции о женитьбе Октавия Мамилия Тускуланца на дочери Тарквиния Гордого (*Liv.*, I, 49, 9), Мамилии издревле обитали в Тускуле. По версии Ливия, Октавий Мамилий был сыном Одиссея и Кирки. Из всего этого, однако, вряд ли следует, как порой думают, что Мамилии были этрусками. Сам факт возведения рода к Одиссею относит Мамилиев к такой древности, в которой этрускам еще не было места.

Есть в традиции данные, говорящие о древности в Риме Квинтилиев. Овидий в «*Фастах*» (II, 377—378) и Аврелий Виктор (*Origo*

³⁰ Mommsen Th. St.—R, Bd III, Abt. 1, S. 94.

³¹ Helbig W. Die Castores als Schützgötter des römischen Equitatus.—*Hermes*, 1905, V. 40, S. 111; Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Münch., 1912, S. 272, 275.

³² De Francisci P. Primordia civitatis. Roma, 1959, p. 165.

gent. Rom., 22) упоминают их как участников Луперкалий вместе с Ромулом. То же можно сказать и о Фабиях, которые участвовали с Ремом в Луперкалиях. Эти сведения содержатся также у Овидия (Fast., II, 372—375, 377) и у Аврелия Виктора (Origo gent. Rom., 22). Жреческие обязанности Фабиев упомянуты Проперцием (IV, 1, 26). Павел Диакон (Govi) еще больше углубляет их присутствие в Риме. Одни, сообщает он, возводят Фабиев к Геркулесу, который возлежал во рву с их прародительницей, а другие связывают имя Фабиев с рвами-ловушками для медведей и волков. Это относит их существование к древнейшим охотникам.

Рис. 7.
Фрагмент алтаря эпохи Августа
с изображением волчицы и близнецов
под Руминальской смоковницей

Современником первого царя был Прокул Юлий, успокоивший римскую толпу рассказом об уходе из города и апофеозе Ромула (Liv., I, 15, 8; 16, 5; Dionys., II, 63; Plut., R., 28; Flor., I, 1, 18). Юлии считались латинским родом из Альбы. Основателем рода считался Юл, сын или внук троянца Энея (Dionys., I, 70; Verg., Aen, passim). Может быть, упомянутого «свидетеля» апофеоза Ромула следует признать символом реального существования двух ветвей Юлиев, одна из которых переселилась в Рим еще до разрушения Альбы Туллом Гостилием. Это вытекает из переданного Павлом толкования Фестом когномена Proculus как родившегося от отца, жившего на чужбине, если «Прокул» уже стало когноменом, а не пременоном. Другая ветвь Юлиев, согласно традиции, переселилась в Рим после разрушения Альбы (Liv., I, 30; Dionys., III, 29; Tac. Ann., XI, 24).

По свидетельству Феста (Mutini Titini), с основания Рима (ab urbe condita) на Велии вплоть до эпохи принципата Августа находился дом Гн. Домиция Кальвина. Когномен, вероятно, был получен ветвью рода

позже. Но это не препятствуют возможности обитания gens Domitia в Риме с начала царского времени.

Из легенды о предательстве Тарпеи выявляется род Тарпеев (Varro, II, V, 41; Liv., I, 11; Plut., R., 17; 18; Prop., 4, 4, 93). Но Э. Пайс идентифицирует Тарпеев с Тарквиниями. Это может, конечно, «омолодить» их. Поэтому их древность сомнительна.

В рассказе о римско-сабинской войне в качестве одного из римских принцевов действует Гостий Гостилий (Liv., I, 12, 2—3). В связи с похищением сабинянок упоминается Таласий. Но является ли это имя родовым, сказать трудно. В эпизоде приглашения Нумы на царство фигурируют Прокул и Велес (Plut., N., 5). Неизвестный автор «De graenominibus» (гл. 6) сообщает: «Имена, бывшие ранее преноменами, теперь являются когноменами: как Постум, Агриппа, Прокул, Цезарь». Так что это когномены или, вернее, преномены, и родовые их имена не известны. Заметим, кстати, что сам факт наименования людей только по преномену указывает на их доэтрусский характер и относит их, таким образом, к самым ранним ступеням истории Рима.

В качестве интеррекса после смерти Ромула упомянут Спурий из рода Веттиев (Plut., N., 7). Преномен Спурий имеет явно этрусский характер³³, так же как и гентилиций, который В. Шульце сопоставил с этрусским *vetu, vette, vete*. Этрускизм имени, к тому же упоминаемого в связи с первым царем только Плутархом, ставит, конечно, под сомнение реальность самого персонажа. В правдивости его существования может не убедить и допущение, что появление его в Ромуловом Риме было одним из единичных возможных случаев проникновения этрусков через азиль. Здесь нам важно отметить, что это лицо фигурирует с обозначением родовой принадлежности.

При Тулле Гостилии действует род Горациев, чье появление в Риме вовсе не было в тот период внезапным, и поэтому их следует отнести к более раннему времени (Liv., I, 24; 25, 26; Dionys., III, 13; Flor., I, 3, 3—5). С разрушением Туллом Альбы Лонги в Риме обосновываются Сервилии, Туллии, Квинкции, Клелии или Клуилии (Fest., Oratores), Гегании и Куриации. Дионисий Галикарнасский в своем списке заменяет Туллиев на Юлиев и добавляет еще Квинтилиев и Метилиев (III, 29). Заметим здесь, что Туллии — несомненно очень древний род, их древность удостоверяется Цицероном (Br., 16, 62), который не считает себя родственником патрицианских Туллиев Ранней Республики. Вероятно, этот род имел разные ветви в разных местах Лация (известно, в частности, что Цицерон происходил из Арпина).

В. Шульце³⁴ относит Tullus к иллиро-венетским именам. Ф. Лохнер-Хюттенбах³⁵ обратил внимание на семантическую близость слов с корнями Taul и Tul; он заметил также, что, по Аппиану (III., 2), Taulus — сын эпонимного героя Иллирия, а Τυλιωϊταῖ (т. е. название

³³ Schulze W. Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin, 1904, S. 95, 101; Rix H. Das etruskische Cognomen. Wiesbaden, 1963, S. 225.

³⁴ Schulze W. Op. cit., S. 50, N 5.

³⁵ Locher-Hüttenbach F. Die Namen Taulus und Tullus. — In: Beiträge zur Namenforschung, Bd XIII, Hf. 3 Berlin, 1962, S. 234—238.

иллирийского племени), понимается А. Майером в связи со значением слова *tullii*. Оно объяснено Фестом как текущая жидкость или брызнувшая кровь. Исследователь принимает также в расчет доказанную А. Блуенталем принадлежность имен *Ἐτετύλος*, *Τύλαρχος* и *Τύλος* иллирийским *Τουλάντιοι* и таким образом, показывает иллирийский характер имен *Tullus* > *Tullius*. Учитывая это, можно видеть в римских Туллах и Туллиях след иллирийских проникновений в Лаций, относящихся к началу I тыс. до н. э., т. е. к очень глубокой древности.

В царствование Анка Марция Рим испытал новый приток латинских поселенцев из Теллеи, Фиканы и Политория (*Liv.*, I, 33; *Cic.*, г.р., II, 18, 33), что подтверждается анализом лингвистического материала³⁶.

В античной традиции прочно укрепился тезис о притоке в Рим при Ромуле людей «из соседних народов» (*ex finitimis populis.*, *Liv.*, I, 8, 6). В связи с похищением девушек Рим пополнился за счет сабиняно-цининцев, антемнатов, крустумерийцев, (*Liv.*, I, 9, 8; 13, 2—4; *Dionys.*, II, 32). Это жители сабинских «городов», которые во времена Страбона (V, 3, 2), если судить по Антемнам, считались городками Лация. Что касается конкретных родов пришельцев, то традиция позволяет выявить следующее. Если иметь в виду Тита Тация, то, очевидно, — род Тацев. Вероятно — Герсилиев. Ведь именно так звали похищенную, которая стала женой Ромула (*Plut.*, R., 14; *Liv.*, I, 11; *Macr.*, Sat., I, 6). Хотя она и была замужней, но известна по имени отца, так как мужем ее был Гостилий (*Plut.*, R., 18). Достаточно определенно раннее появление в Риме этрусского или, скорее, сабинского рода Валериев (*Dionys.*, II, 46; IV, 67; V, 12). Оно относится традицией ко времени Тита Тация.

Глава этого рода Волез остался якобы в Риме с соправителем Ромула в числе других знатных сабинян, представителей родов Таллов — Туранниев и Меттиев — Курциев (*Dionys.*, II, 46). Сабинская принадлежность последних сомнений не вызывает. Таллов — Туранниев же быть может позволительно сопоставить с таким ономастическим материалом, как *Talenus*, умбрское *Talenate*, *Talonius*, встречающимся в Лации, в области венетов и умбров как *Talanus* в Луцерии и *Tallius*, которые В. Шульце³⁷ возводит к сабинскому преномену *Talus*. Это дает основание относить оба рода к первым римлянам сабинского происхождения.

Иное дело Валерии. Согласно Ливию (I, 58, 6), Валерий Попликола был сыном Волузия. Это имя нередко в Этрурии. *Velusna*, *Velusina* часто встречаются в этрусских надписях (TLE, 401, 393); *Volusius*, *Volusenus*, *Volusinius* признаны еще В. Шульце³⁸ этрусскими именами. Однако найденная в 1977 г. в Сатрике надпись с именем Валерия, содержащая посвящение Мамарсу, т. е. италийскому Марсу, подтверждает, по мнению М. Паллотино, сабинский характер этого рода³⁹.

³⁶ Peruzzi E. *Aspetti culturali del Lazio primitivo*. Firenze, 1978, p. 140—153.

³⁷ Schulze W. *Op. cit.*, S. 94.

³⁸ Schulze W. *Op. cit.*, S. 104.

³⁹ SR, 1979, N 1, p. 13.

Аврелии также, видимо, рано поселились в Риме. Павел Диакон (*Aureliam familiam*) говорит об их сабинском происхождении, связывая имя рода с сабинским словом *ausel*, обозначающим солнце. Впрочем, на связи Аврелиев с *usil* зиждется отнесение этого рода и к этрускам. Сва древность имени указывает приведенная Павлом Диаконном форма с «s», не подвергшимся еще ротацизму, и то, что оно упоминается наряду с Валериями («...*Auseli* ... как *Auselii*, *Papisii* вместо *Aurelii*, *Papirii*»).

Один из вариантов предания о Клавдиях относит и этот регильский род к переселенцам, последовавшим примеру Тита Тация (*Suet., Tib., I, 1*). Впрочем, большее признание получил рассказ о прибытии Клавдия в Рим после изгнания царей.

С Нумой в Риме оказывается род, или, по крайней мере, часть рода Помпилиев (*Liv., I, 18, 1; Dionys., II, 58; Plut., N., III; Zon., 7, 5*), а также Марциев. Плутарх назвал Марция родственником и советником Нумы (*N., 5, 6*). Ему или его сыну, по одной из версий, Нума дал в жены свою дочь (*Plut., N., XXI*). Представитель того же рода Нума Марций, сын Марка, встречается у Ливия (*I, 20, 5*) в качестве назначенного царем Нумой понтифика. К этому же роду принадлежал и четвертый царь, Анк Марций, согласно традиции, приходившийся Нуме внуком по дочери (*Liv., I, 32, 1; Flor., I, 4, 1*).

При Нуме в Риме жил искусный художник из рода Ветуриев — Мамуриев, создавший по поручению царя копию священного щита — анциле (*Plut., N., XIII*), почему его имя и попало в песни салиев (*Paul., Mamuri Veturi poem*). Косвенным указанием на глубокую древность присутствия Ветуриев в Риме служит их патрицианский статус в эпоху Ранней республики (*Liv., V, 13, 3*). Имя Ветурий, как и Витурий, сближается у В. Шульце⁴⁰ с этрусскими именами *veviga*, *vevuris* и др. Однако этрусская принадлежность Ветуриев или Витуриев отнюдь не бесспорна. Дело в том, что это имя было распространено достаточно широко за пределами тосканской Этрурии. Трижды оно фигурирует в Велейской таблице (*CIL, XI, p. 1, 1147, p. 208—218*): *Veturis fratribus* (*III, 95*); *Veturius Severus* (*IV, 54*); *L. Veturius Severus* (*VI, 22*). Как известно, Велейя расположена в области, принадлежавшей лигурам. М. Фрескарولي, специально исследовавший по алиментарной таблице этнический состав велейатов, подчеркнул, что местная ономастика сохранила лигурийские черты, и даже само название Велейи, по его мнению, ведет начало от названия лигурийского племени *Eleates* или *Ilvates*⁴¹. В другой области Северной Италии, полностью сохранившей свой исконно лигурийский облик во II в. до н. э., а именно в области Генуи, находилась община Лангенов-Ветуриев, принадлежавшая племенам лангенов и витуриев. Ее название встречается в надписи, содержащей решение арбитров Минуциев, в разном написании несколько раз: *Veiturii* (строки 2, 24, 31, 32, 34), *Veturii* (строка 35), *Vituries*

⁴⁰ Schulze W. *Op. cit.*, S. 257, 260.

⁴¹ Frescaroli M. *Per la storia della popolazione veleiate* (Note sulla onomastica personale). — In: *Studi veleiate. Atti e memorie del I Convegno di studi storici e archeologici*. Piacenza, 1955, p. 173—186.

(строки 5, 28, 43)⁴². Отсюда явствует идентичность Ветуриев и Витуриев и вытекает признание их лигурийского происхождения. Распространенность Ветуриев в тосканской Этрурии может, таким образом, быть объяснена наличием лигурийского субстрата в составе ее населения вне зависимости от представления о происхождении этрусков. Если придерживаться восточной теории, нельзя не учитывать того, что Тосканская зона до постулируемого прибытия туда этрусков была исконной зоной заселения лигуров. Невозможно не принять этого во внимание, и разделяя взгляды приверженцев формирования этрусского этноса на почве Италии из разнородных, в том числе местных элементов. Поскольку и Лаций был первоначально заселен лигуро-сикулами, можно признать в Мамурии Ветурии не этруска, а потомка древнейшего лигурийского населения, часть которого была ассимилирована латинами-абorigинами, а затем римлянами.

В это время в Риме могли проживать также роды Геганиев, Веренниев, Канулеев, поскольку их представительницы были вместе с Тарпеей первыми посвящены Нумой в весталки (Plut. N., X). Подтверждением древности существования римских Геганиев можно считать то, что в начале Республики среди консулов 492 г. до н. э. был консул Геганий, коллега Минуция. Упоминание Канулеев, известных в республиканскую эпоху в качестве плебеев, может поставить под сомнение сообщение Плутарха об этих весталках. Но достаточно вспомнить, что носителями одного и того же имени (классический пример — Клавдии) бывали по разным причинам и патриции, и плебеи, кроме того, свидетельство Плутарха относится к наиболее достоверной части традиции, касающейся религиозных установлений и мероприятий.

Косвенным указанием на увеличение числа родов в Риме в правление Нумы может служить рассказ о его сыновьях, якобы давших начало родам Помпониев, Пинариев, Кальпурниев и Мамерциев, получивших когномен «Rex» (Plut., N., XXI; Fest. Calpurnii). Но уже в древности, по словам Плутарха, эта версия была признана ложной, придуманной претендующими на особую знатность римлянами, пожелавшими возвести свое происхождение к весьма уважаемому и благочестивому царю. И действительно, в этом смысле особенно уязвимыми являются Пинарии. Во-первых, древность и знатность их рода удостоверялась культом Геркулеса, к которому они были причастны, т. е. они существовали до Нумы, а, во-вторых, от Пина должна была быть образована не сразу форма «Пинарии», а скорее форма «Пинии». Поэтому вполне вероятно, что Помпонии, Кальпурнии и Мамерции Рексы, и тем более Пинарии, имевшие своими предками Пиниев, не связаны родством с Нумой, и названные gentes обосновались в Риме в иное время. Но античные авторы отнесли их к тому периоду именно потому, что ни в ком не вызывало сомнений само появление тогда новых римских родов.

Есть основание полагать, что древним был в Риме также род Навциев. Согласно Дионисию (VI, 69), родоначальник этого гентильного

⁴² Sententia Minuciorum.— In: Fontes Iuris Romani Antiqui, ed. 7. 1909, S. 402—403.

объединения был союзником Энея, жрецом Минервы (Афины) Паллады. Именно Навций якобы вывез изображение богини из Трои и передал своим потомкам отправление этого культа. О троянском происхождении Навциев сообщает и Павел в извлечении из словаря Феста (*Nautiogum familia*). Правда, там идет речь о семье Навциев. Но это известие относится ко времени начала империи, когда, видимо, члены одной и той же *familia* представляли род в названных священнодействиях.

Самой глубокой римской древности принадлежит и род Эмилиев. Плутарх говорит, что Эмилии ведут свое начало от Мамерка, сына Нумы, прозванного «ласковым» за учтивость и прелесть речи в честь одноименного и аналогичного по характеру сына Пифагора (*Plut., Aem., II; N., VIII*). Впрочем, тот же Плутарх (*R., II*) зафиксировал легенду, по которой Эмилии связывались с Эмилией, дочерью Энея и Лавинии. В этом варианте легенды Эмилия была матерью Ромула. Павел Диакон (*Aemiliam gentem*) передает кроме этой версии другую, согласно которой родоначальником Эмилиев был второй сын Аскания — Эмилон (*Aemulon*). Первая версия Плутарха покоится на часто встречающемся у греков принципе объяснять римские имена и названия греческим происхождением. Для Плутарха, подчеркивающего всем своим творчеством близость своего и римского народов, это весьма характерно. Но выведение *Aemilius* из *aímō lios* необоснованно. Из всех рассказов об Эмилиях можно извлечь лишь одно рациональное зерно, а именно появление этого рода в Риме в глубочайшей древности.

Оставляя в стороне вопрос об этнической принадлежности выявленных в традиции родов, а также и достоверность появления их в Риме именно при первых царях, нельзя обойти вниманием сам факт настойчивого упоминания в легендах о поселении все новых и новых пришлых родов на территории *urbs*. Видимо, античные авторы уловили закономерность. Таким образом, можно полагать, что все рассмотренные здесь случаи дают представление о росте численности римского населения в пределах VIII — середины VII вв. до н. э. за счет внешних пришельцев.

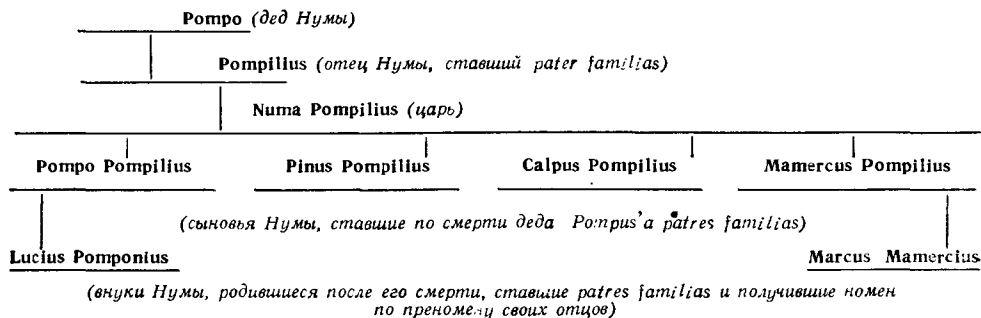
Однако римское население в этот период увеличивалось не только путем прибытия новых родовых коллективов, но и благодаря естественному приросту. Причем этот прирост выражался и в появлении новых родов с новыми именами внутри самого римского общества, как это следует из известия о четырех сыновьях Нумы.

Вспомним, что древние сомневались лишь в родстве Рексов с Нумой, но вовсе не в том, что сыновья Нумы могли дать начало новым *gentes*. Э. Перуцци⁴³, подробно исследовавший традицию о генеалогическом древе Нумы и его потомков, пришел к важному заключению, что *poter* передавался и сохранялся до тех пор, пока означал отношение юридического подчинения лиц к их *pater familias* (а не просто *parens!*), если он был жив, либо если его застал в живых хотя бы первый член новой генерации, т. е. старший из внуков, или, что реже,

⁴³ Peruzzi E. *Origini di Roma*, v. I. Bologna, 1970, p. 136—139.

старший из правнуков. Если же все внуки (или правнуки) рождались после смерти деда (или прадеда), бывшего *pater familias*, в подчинении которого находились все его сыновья, т. е. отцы (или деды) внуков (или правнуков), то эти последние (т. е. внуки или правнуки) получали новый попен, образованный от преномена их *pater familias*.

Для наглядности этот порядок можно, пользуясь примером Перуцци, по аналогии с ним выразить в предлагаемой нами схеме:

Подчеркнем, что эта схема передачи попен объясняет процесс вторичного образования *gentes* при естественном разрастании больших патриархальных семей, которые входили в состав первоначального *gens*.

Такой путь формирования *gentes*, получавших гентилиций от имени потомка умершего *pater familias*, мог открыться для любого поколения большой семьи и, вероятно, не был совершенно обязательным. Скорее всего он реализовался в условиях нехватки земли. Ведь земля, выделенная родом большой патриархальной семье, становилась при росте числа ее членов недостаточной. Это обстоятельство ставило предел расширению как семьи, так и рода.

Современные исследования позволяют примерно представить себе этот предел. К. У. Веструп⁴⁴ в работе «Близкие родственники внутри родства» обратил внимание на слова Ливия: «П. Целий патриций первым вопреки древнему обычаю взял себе жену в пределах до седьмой степени родства» — и естественно сделал отсюда вывод о том, что когнатство, т. е. родство до шестого колена включительно, составляло экзогамную группу, которую он квалифицировал как большую неразделенную семью. Этот вывод был поддержан Ф. Де Франчиши⁴⁵ и Дж. Франчози⁴⁶. Действительно, и Дигесты дают основание для выделения этой особо близкой группы родственников. Там говорится, что родителями (*parentes*) у римлян называются родственники по восхо-

⁴⁴ Westrup C. W. A Near-Kin within the Kin. A comparative study. Kobenhavn, 1952.

⁴⁵ De Francisci P. Primordia..., p. 159—160.

⁴⁶ Franciosi G. Clan gentilizio e strutture monogamiche, v. I. Napoli, 1975, p. 95.

дящей линии вплоть до прапрапрадеда (*tritavus*), а детьми — по нисходящей вплоть до прапраправнуков (*triperos*), т. е. 6 поколений родственников по прямой линии вверх и вниз. Оказывающиеся за этими пределами когнаты, т. е. кровные родственники, именуются соответственно предками и потомками (*Dig.*, XXXVIII, 10, 10 § 7).

Юрист Гай очень подробно перечисляет названия всех родственников от 1-й до 6-й степени родства включительно (*Dig.*, XXXVIII, 10, 3), но о входящих в 7-ю степень говорит лишь, что их много, без детализации. Юрист Модестин в XII книге Пандект замечает, что говорить о естественном родстве людей, входящих в 7-ю степень родства, нелегко, потому что за ее границами природа вообще не допускает родственной близости (*Dig.*, XXXVIII, 10, 4). Нельзя признать случайным, что тщательное описание степеней родства с приведением терминов, обозначающих родственников по прямой и боковым линиям, заканчивается в Дигестах на 6-й степени (*Dig.*, XXXVIII, 10, 10). Заметим также, что наследование по преторскому праву (*bonorum possessio*) охватывает опять-таки когнатов шести степеней и касается лишь в незначительной мере лиц 7-й степени родства (*Dig.*, XXXVIII, 8(9), § 3). Можно не сомневаться в том, что эти юридические тексты зафиксировали древнейшие нормы, что 6-я степень родства составляла важнейшую грань в сфере социальных отношений. Наблюдения этнографов также указывают на 6-ю степень как на определенную веху в родственных отношениях. Напомним со своей стороны выражение «седьмая вода на киселе», указывающее на дальность, почти на отсутствие родства. Поэтому 6-я степень должна ограничивать более обширную группу, чем большая семья.

В связи с наблюдением Веструпа нужно сделать ряд уточнений. Прежде всего, под словом «*cognatio*» имеется в виду кровное родство вообще (*Dig.*, XXXVIII, 10, 10, § 6, 8), т. е. и по отцовской и по материнской линии. Но законным, имеющим юридические последствия родством в Риме признавалось только родство по отцу. Именно оно учитывалось при наследовании имущества по законам XII таблиц и согласно Гаю (*Gai*, I, 156; III, 10). Истоки таких представлений коренятся в установлениях отцовского рода. Родственники же со стороны матери принимались во внимание в брачном вопросе. Это вытекает из сообщения Гая (I, 62) о том, что император Клавдий положил начало признанию законности браков между дядей и племянницей, дочерью брата, женившись вопреки обычаю на Агриппине. Однако брак между дядей и племянницей, дочерью сестры, остался запрещенным, равно как и женитьба на тетках и со стороны отца, и со стороны матери. Конечно, в последнем случае поставлен акцент на запрете родственных браков между людьми разных поколений. Ведь тетки относятся к поколению родителей, а римляне считали невозможными браки не только между родителями и детьми, но даже и между теми, кто занимает их место по свойству (*affinitas* — *Dig.*, XXXVIII, 10, 4, § 7). Важно, что в рассмотренном тексте Гая упоминаются равным образом тетки с обеих сторон. В равной же мере недозволенными считались брачные отношения с кузинами с обеих сторон, подобно тому, как

с родными сестрами. Ульпиан (5, 6), как это следует из отрывка, помещенного в сборнике «*Tituli ex corpore Ulpiani*», считающемся эпитомой из «Институций» Гая, подтверждает это, уточняя, что некогда запрет простирался вплоть до четвертой степени родства, в то время как теперь берут жен из третьей степени. Отголосок таких представлений мы находим у Августина (*De civ. dei*, 15, 16).

Эти факты указывают на брачно-регулирующую функцию когнатского родства по материнской линии. Но те же функции присущи и когнатам по отцу. Это обстоятельство необходимо сопоставить с известным положением об экзогамии отцовского рода. Принимая и подтверждая вывод Веструпа о границе экзогамной группы примерно на уровне 6-й степени родства, можно, таким образом, полагать, что родственники шести степеней родства по отцу, как правило, и были *gentiles*, т. е. родичами, потому что они входили в род, *gens*. Примерно в том же духе, поддерживая тезис Веструпа, высказался, хотя и не аргументируя своего мнения Франчози⁴⁷.

Для большей ясности дальнейшего изложения нам приходится напомнить здесь о существовавшей в Риме системе родства и о римском принципе установления родственной близости. Римлянами учитывалась прямая линия родства (*linea recta*) и боковая (*transversa, obliqua, collateralis*). Прямая по восходящей идет к предкам, а по нисходящей — к потомкам. Боковые же линии идут от разных поколений восходящих родственников. Внутри каждой линии существует степень (*gradus*) родства, характеризующая его близость. Для определения степени родства между двумя лицами римляне высчитывали число рождений между ними. При определении степени родства по боковой линии нужно было прежде всего подсчитать число рождений (поколений) до общего предка, а затем число рождений (=поколений) от него по нисходящей⁴⁸. 1-й степенью родства для человека были только его прямые родственники, т. е. его родители и дети, но даже родные братья и сестры — уже 2-й (*Dig.*, XXXVIII, 10, 1, § 4; 10, § 13). При таком исчислении четвероюродные братья оказывались в 7-й степени родства, т. е. у предела экзогамной группы. Но судя по тому, что римское право все же касалось 7-й степени когнатов как родственников, можно думать, что институт когнатства охватывал большую социальную группу, чем род, который мог кончиться 7 степенью. Значит, понятие *cognatio* могло оказаться в обозначении родственников шире понятия *gentilitas* не только потому, что приложимо к родным и по отцовской и по материнской линии, но и потому, что *cognati* со стороны отца в случае, когда род не велик, не совпадают полностью с *gentiles*. Если *gentiles*, их родичи, могут кончаться на 6—7-й степени родственной близости, то в число *cognati* могут входить и более дальние родственники за 7-ой степенью. Это различие удержалось и было зафиксировано римскими юристами в условиях развития отношений частной собственности. Как показывают законы XII таблиц (V, 4; 5; 6; 7а), в случае смерти главы

⁴⁷ Franciosi G. *Clan gentilizio...*, v. I, p. 96.

⁴⁸ См.: Хвостов В. Система римского права, ч. I. М., 1908, с. 90—91; табл. с. 93.

С х е м а
кровоного родства (cognatio)
(составлена по модели схемы В.М. Хвостова)

MAIORES (предки)

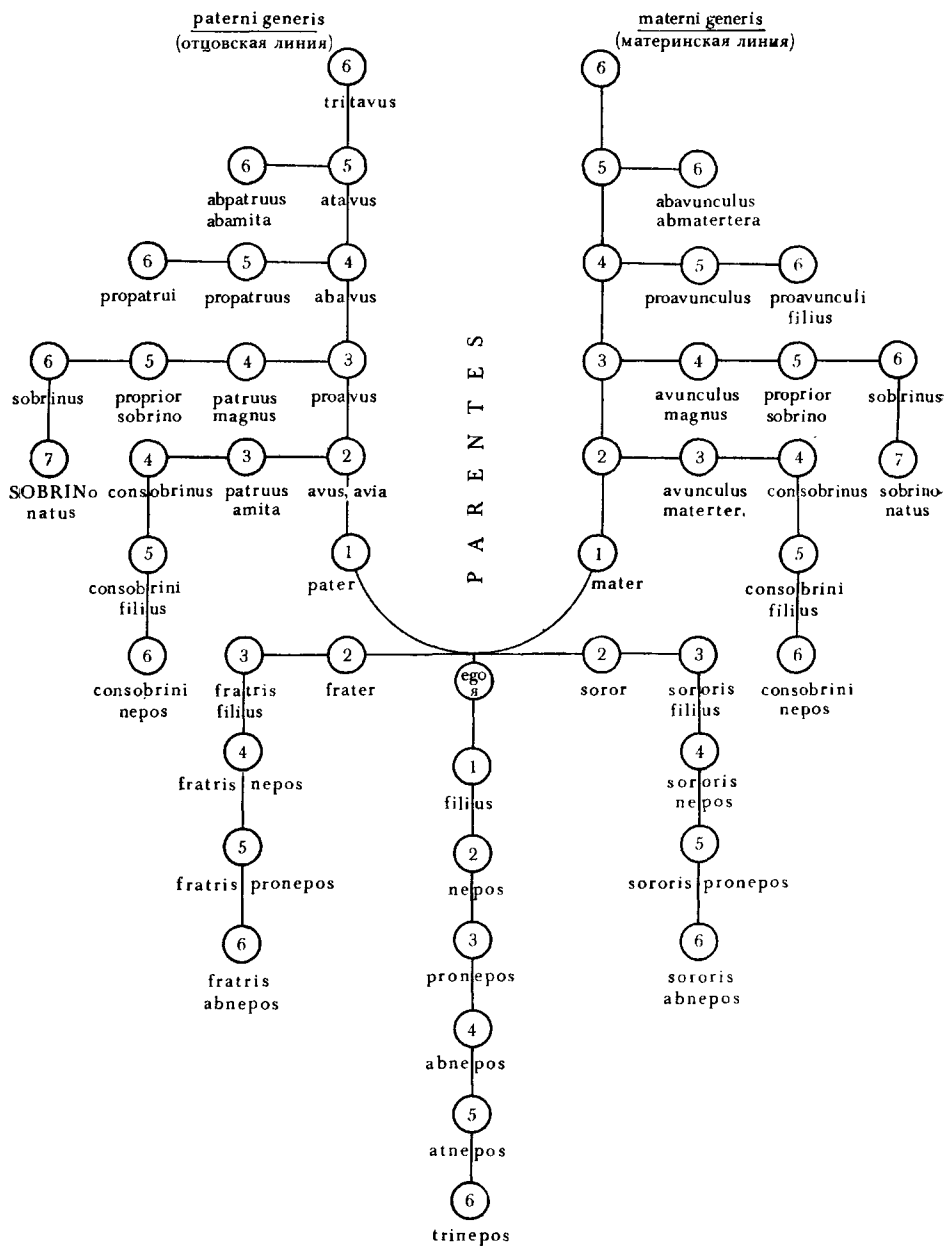

Рис. 8.
Схема 1

семьи при отсутствии прямого наследника или его психической неполноценности имущество переходит к агнатам. Но в тех же законах (V, 5; 7a) предписывается при отсутствии агнатов, способных получить наследство, передать его родичам, *gentiles*. Когнаты здесь не упоминаются.

Остановимся на агнатстве. О нем мы получаем сведения из юридических источников. У Гая (I, 165) сказано: «Агнаты — это связанные родством по мужской линии, как бы родственники по отцу, как например, брат, рожденный тем же самым отцом, сын брата и внук его, а также дядя по отцу (*patruus*), сын или внук его». В другом месте у Гая (III, 10) сообщается: «Агнатами же называются те, кто связан законным родством. А законное родство — это то, которое идет по мужской линии. И таким образом, братья, рожденные от одного отца, являются между собой агнатами, они называются также единокровными (*consanguinei*), и не требуется, чтобы у них была одна и та же мать. Таким же образом, дядя по отцу (*patruus*) — сыну брата (т. е. племяннику) и, в свою очередь, тот ему являются агнатами. Тем же образом братья от дяди по отцу (*fratres patruales*) между собой, т. е. те, кто происходит от двух братьев, которых многие называют двоюродными (*consobrini*)». Заметим, что здесь очень четко подчеркивается именно отцовская линия родства. Агнатами могут быть братья (*fratres*), имеющие общих родителей, для которых у римлян было особое наименование, Гаем не употребленное, а именно *germani*; имеющие только общего отца, т. е. единокровные (*consanguinei*); наконец, двоюродные братья по отцу (*consobrini*); но ни в коем случае — одну лишь общую мать, т. е. *uterini*. Та же определенность терминологии прослеживается и в отношении дядей: фигурирует *patruus*, но не *avunculus*.

В Дигестах тоже упоминаются агнаты. В одном месте (*Dig.*, XXXVIII, 10, 10, § 2) они соотносены с когнатами: «Когнатами являются и те, кого закон XII таблиц называет агнатами, но они — когнаты по отцу из той же фамилии; те же, кто связан родством через женщин, именуется только когнатами». В другом месте (*Dig.*, 16, 195, 2) они соотносятся с *familia communi iure*: «Фамилией общего права мы называем (семью) из всех агнатов; ведь если по смерти главы семьи ее члены (сыновья) образуют отдельные семьи, все же все, кто был под властью одного (*pater familias*), называются (принадлежащими) той же самой семье, происходящими из того же самого дома и рода».

Из приведенных данных безусловно следует, что агнатами являются дети и внуки некоего лица мужского пола, т. е. родственники в пределах трех-четырех степеней родства по прямой линии, а также его ближайшие родственники по боковой линии (брат, племянник, внучатый племянник, соответственно дядя по отцу, двоюродный брат и двоюродный внучатый племянник) в пределах до пяти степеней родства. Однако, согласно римским правоведам, в агнатскую группу входят не только кровные родственники по отцу, включая детей от разных жен, но и занимающие их место, т. е. адаптированные (*Gai*, III, 10; *Dig.*, XXXVIII, 10, 10, § 6; XXXVIII, 10, 10, § 63; XXXVIII, 8(9), § 4). Кроме

того, в числе агнатов были еще жены главы семьи, т. е. *matres familias*, находившиеся *filiae loco*, а также жены подвластных *pater familias* сыновей (*Gai*, III, 3) и незамужние дочери.

Итак, можно сказать, что агнаты представляли собой сложную по составу группу, а именно свободных членов римской *familia*, состоявших под властью главы семьи⁴⁹, а также его ближайших родственников по боковой линии с отцовской стороны, что в переводе на наши обыденные понятия означает братьев по отцу с их детьми, внуками, приходившимися соответственно друг другу двоюродными или троюродными братьями. Но оба этих организма, агнаты и *familia*, полностью друг с другом не совпадали, потому что жены были связаны агнатством лишь внутри семьи того *pater familias*, под властью которого они жили, кровные же родственники со стороны отца в пределах 6-й степени, дядя и кузен с потомками считались агнатами, будучи членами разных семей. Агнатская группа в узком значении состояла, значит, из большой семьи, охватывающей три-четыре поколения, а в более широком смысле — из близкородственных семей, которые в период классового строя составляли семью *communi iure*.

Различие этих двух групп нашло отражение в законах XII таблиц. Там об агнатах говорится пять раз (V, 2; 4; 5, 6; 7a; 7b), причем упоминается и ближайший агнат (*agnatus proximus*): в случае смерти человека, не имеющего наследника (*suus heres*), его имущество получает ближайший агнат (XII; V, 4). Об определении ближайшего агната при наследовании говорится и в Дигестах (XXXVIII, 10, 10; XXXVIII, 10, 10, § 4). Это обстоятельство наводит на мысль о градации близости внутри агнатской группы. Термин «*agnatus proximus*» разъясняется в тех же Дигестах (38, 16, 12): им является сын. Отсюда вытекает вывод, что сыновья и были *sui heredes* и одновременно *agnati proximi*. По-видимому, первенствующее значение сына в качестве *suus heres* и *agnatus proximus* в эпоху Республики и Империи требовалось особо подчеркнуть, потому что жены в это время признавались наследницами (*Gai*, III, 3). Однако в упомянутом выше законе XII таблиц (V, 4) речь шла о случае, когда у умершего, по всей видимости, прямого ближайшего наследника, т. е. сына или внука, уже или еще не было. Кто же вслед за ним становился ближайшим агнатом? М. О. Косвен⁵⁰ определил ближайших агнатов как членов патриимии. Но этот вопрос, как нам кажется, более правильно решил К. Веструп в его фундаментальном труде, посвященном римской семье. В своем понимании ближайших агнатов он исходил из того, что в законах XII таблиц (V, 10) был зафиксирован иск о разделе наследства. Этот факт Веструп справедливо истолковал как указание на то, что раньше наследство после смерти отца не делилось. Это соображение он сопоставил с обнаруженным в 1933 г. фрагментом рукописи «Институций» Гая (III, 154в), где говорится: «Некогда ведь по смерти *pater*

⁴⁹ Westrup C. W. Introduction to early Roman law. Comparative sociological studies. The patriarchal joint family, v. II. Joint family property, 1934, p. 80—81.

⁵⁰ См.: Косвен М. О. Семейная община и патриимия. М., 1963, с. 123.

familias существовало некое законное и одновременно естественное [т. е. основанное на естественном праве] сообщество, которое называлось *ergo pop cito*, т. е. неразделенная собственность [*dominium*]... В этом сообществе братьев и прочих [лиц], которые по примеру этих братьев входят в это сообщество, происходило собственно так, что если один из сочленов отпускал на волю принадлежащего всем раба, то он [этим] предоставлял всем вольноотпущенника, и равным образом один [из сочленов], продавая общее имущество, делал его принадлежностью того, кто принимал [его] в собственность».

Из приведенного текста явствует, что первоначально после смерти главы семьи все его сыновья составляли некий консорциум братьев, сообща владевших семейной неразделенной собственностью. Ликвидации этого и служил введенный законом XII таблиц иск о разделе наследства (*actio familiae erciscundae*). Сыновья умершего главы семьи возглавляли новые фамилии и делили имущество. Если один из них умирал без наследников, его доля переходила к оставшимся в живых братьям (*consanguinei*). Веструп называет их агнатами 1-й категории. Иными словами, из его рассуждений вытекает, что ближайшими *sui heredes*, а значит, и ближайшими агнатами после смерти самого близкого, т. е. прямого наследника, сына или внука, становились родные братья умершего, т. е. члены большой отцовской семьи, а не патронимии. М. О. Косвен определил патронимию как группу близкородственных больших или малых семей. Поскольку в раннем Риме патронимия объединяла именно большие семьи, так как индивидуальных семей еще не было, вывод Веструпа применительно к раннему Риму нам кажется более правильным, чем вывод М. О. Косвена.

Весь материал источников, посвященный агнатским связям, свидетельствует о том, что агнатство было тесно связано с *familia*, с развитием семейной собственности, но учет его для реконструкции древнейшей эпохи необходим, потому что в агнатской группе пропускает Большая семейная община как часть более обширных родственных единиц, имевших общинный характер. Выделение агнатства в начале царского времени, вероятно, служило укреплению семьи.

Как же соотносятся члены агнатской группы со степенями родства? Если принять за точку отсчета некоего главу семьи (*pater familias*), то крайней степенью родственной близости будут внуки или правнуки его родных братьев. В соответствии с римской системой определения родства это составит 4-ю, реже 5-ю степень. Агнатские группы, возглавляемые двоюродными братьями нашего главы семьи, ограничатся для него 5-й степенью. Другие родичи, происходящие от его троюродных братьев, отдалятся от него до 6-й или 7-й степени. Все они войдут в состав *gentiles*. В конкретной ситуации род мог включать и более далеких родственников, но мог и обрываться на уровне патронимий. О подвижности границ рода свидетельствует уже само колебание границы между 6-й и 7-й степенями, которое мы наблюдали в Дигестах.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в таком древнем юридическом памятнике, как законы XII таблиц, содержится определенная тер-

минология: последовательность родственной близости выражается словами *agnati* и *gentiles*, но не *cognati*, как можно было бы ожидать. Это подтверждает наше представление о том, что за терминами *gentiles* и *cognati* стоит разная социальная реальность. Значит, даже в древнейшую пору римской истории, до времени законов XII таблиц, именно принадлежность к *gentiles*, а не просто связь по крови, т. е. когнатство, имела социально-экономическое значение. А это еще раз подтверждает, что *gens*, членами которого были *gentiles*, входившие в патронимии, был носителем социально-экономических отношений, т. е. представлял собой организм общинного характера, был гетерогенной, отличной от эпохи раннего родового строя, но тем не менее общиной.

Этим *gens* начала царской эпохи отличался от *gentes*, существовавших в республиканское и императорское время, известных по античной традиции. Роды той поздней эпохи уже не составляли общин, а определялись лишь общностью имени да культов и сохраняли в общем экзогамию, хотя практически люди отходили от запретов на браки даже в границах шести степеней родства. Эти явления отражают усиление роли семьи в связи с утверждением частнособственнических начал, а также ослабление и трансформацию гентильных уз.

Содержание терминов *gentiles*, *gens* менялось. В качестве родичей и рода могли фигурировать и его ветви, обозначавшиеся не только номенами, но и когноменами, и очень отдаленные родственники, принадлежавшие одни к патрициям, а другие к плебеям, что позволяет думать о том, что степень их близости значительно отодвинулась от 7-й.

Поскольку римские законы обычно не отменяли прежних, в юридических текстах в эпоху классического римского права декларировался запрет на браки внутри родни 6—7-й степеней родства. Но этот запрет был фиксацией норм, корнящихся в далеком прошлом. Этот барьер экзогамии был воздвигнут в силу биологических причин и вместе с тем отражал совокупность определенных условий социально-экономического развития. Ограничение круга *gentiles* диктовалось не только биологической необходимостью, которая выработала практику экзогамии, но и экономической, обусловленной количеством земли в условиях слабо развитого производства, что вызывало исключение «лишних» семей из рода, представлявшего собой общину. Подобное же положение известно в истории большой патриархальной домовой общины, или семьи, по определению Ж. Н. Ламберта, у ирландцев, которая называлась *fine*⁵¹. Там «лишние» семьи исключались из *fine*, границы которой строго охранялись. Это служило гарантией существования для членов в качестве землевладельцев. Выходившие за определенную степень родства семьи должны были искать новые земли для поселения, в противном случае они становились безземельными и зависими-

⁵¹ Lambert J. N. Les origines de Rome à la lumière du droit comparé: Romulus. — In: Studi in onore di P. De Francisci, v. I. Milano, 1956, p. 346—347.

ми от родственников, сидевших на земле в замкнутых *fine*. Одним словом, римские ранние *gentes*, коллективы *gentiles*, были подвержены закону жизни общин периода разложения первобытного и складывания раннеклассового строя, т. е. закону охраны их замкнутости.

Но как же обстояло в таком случае дело с именем родственников, выходящих за пределы *gens*? Ведь в принципе к одному такому далекому, что он оказывался мифическим, родоначальнику могли возвести себя очень дальние родственники. Могли они носить и общее для всех его потомков имя. В связи с этим можно предположить разные варианты.

Итак, первое допущение состоит в том, что отпочковавшаяся в результате сегментации рода семья сохраняла прежний номен. В условиях же имущественной и социальной дифференциации в период замыкания римской общины семьи, которые не получали родовой земли, исключались тем самым не только из рода, но и из круга формирующегося гражданства, давая начало новым, но уже плебейским родам. Это могло быть одним из путей образования одноименных патрицианских и плебейских родов.

Второе допущение сводится к тому, что родня, не обеспеченная землей, оказавшаяся далеко за пределами 6-й степени родства, для тех, кто в тот момент входил в число *patres familias*, должна была, высекаясь на новые земли (иногда даже в колонии!) менять свое имя. По аналогии с ономастическим положением, складывавшимся в *familia*, отмеченным Э. Перуцци, можно думать, что ставшая «лишней» для рода семья давала начало новому роду, который получал номен от преномена главы отпочковавшейся семьи. Члены родов, формировавшихся таким путем, т. е. из разраставшихся семей, выпавших из первоначальных *gentes*, несмотря на потерю прежнего имени, вероятно, оставались для последних когнатами. Ведь разница номена не мешала наличию когнатских связей. Как мы уже отмечали раньше, когнатство объединяло людей по родству и с материнской стороны, а значит, с различными номенами. Но можно полагать, что среди людей, носящих разные имена, существовали когнатские связи и по отцовской линии. Доказательством отдаленного родства римских *gentes*, продолжавших жить за порогом царской эпохи, могут служить свойственные их членам представления о близости к одному и тому же особо почитаемому среди них божеству, чаще всего считавшемуся их предком, родоначальником. Подобные явления наблюдаются этнографами⁵². Так, еще в XIX в. группы албанских фисов почитали либо Георгия, либо Николая как своих патронов. Это истолковывается учеными как первоначальное единство группы родов.

В этой связи для Рима интересно отметить, что культ Геркулеса, как мы уже знаем, отправлялся Потигиями и Пинариями, а Фабии по одной из версий вели от него свое происхождение. Эти данные безусловно говорят о древности упомянутых родов. Но они же позволяют

⁵² См.: Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX—начале XX в. Общественная жизнь. М., 1973, с. 75—76.

думать, что все эти gentes произошли благодаря сегментации одного и того же первичного рода, причем семьи, оставшиеся за 6-й и 7-й степенями родства, получили новые имена.

Судьба вновь образовавшихся родов оказывалась с течением времени различной. Одни роды крепли, другие хирели. Этот процесс можно представить себе по Поттициям и Пинариям. Согласно легенде, Поттиции при установлении культа Геркулеса пришли к пиршественному столу раньше Пинариев и успели отведать внутренностей жертвенного животного. Поэтому Пинарии, по традиции, никогда не ели внутренностей от праздничных жертв. Вероятно, сначала существовал род Поттицев, а отпочковавшийся от него или от общего ствола после него род Пинариев произошел от того *pater familias*, которого звали Пином. Его ближайшие потомки, возможно, звались Пиниями, а в следующих поколениях и ответвлениях — Пинариями.

Не исключено, что от того же ствола ответвились и Фабии, оказавшиеся наиболее сильным и устойчивым родом, в то время как Поттиции впоследствии вымерли (*Liv.*, I, 7), а Пинарии постепенно слабели и хирели, поскольку в Фастах⁵³ представитель этого рода встречается всего один раз под 472 г. до н. э. Далекое родство между Поттициями, Пинариями и Фабиями было забыто, в памяти потомков осталась лишь воспоминание о генетических узлах, сближавших эти gentes с популярным обожествленным героем. Можно при этом высказать предположение, что все три рода входили в состав одной и той же из трех родовых триб: Тициев, Рамнов и Луцеров.

Не будет ошибкой сказать, что именно второй вариант соответствовал периоду правления первых царей. Ведь в то время формировавшаяся римская община была заинтересована в росте народонаселения, и доступ в трибы и курии был открыт. Увеличению числа родов предельно положено еще не было, тем более что римские gentes были тогда особенно подвержены опасности вымирания из-за болезней или войн (вспомним все тех же Фабиев или страшный мор, поразивший Рим в конце правления Ромула, — *Plut.*, R., XXIV). Поскольку в начале царской эпохи римляне постоянно вели войны и расширяли *ager Romanus*, отпочковавшиеся от старых родов новые gentes имели возможность получать землю и полноценно функционировать в экономическом и, так сказать, «политическом» плане. Позднее с появлением в римском обществе плебеев, что произошло не ранее Анка Марция, «лишние» семьи, вероятно, предпочитали сохранять старый номен, который становился признаком престижности и реальным напоминанием о принадлежности к *patricii*. Когда же число gentes дошло до 300, что имело место в конце царской эпохи при этрусских правителях, общность имени с патрициями перестала быть гарантией доступа в привилегированную организацию *patricii*. «Лишние» пополняли ряды плебеев.

Количество родов в куриях и трибах, а точнее внутри курий и триб,

⁵³ См.: Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975, с. 207.

на протяжении царской эпохи менялось. До поры до времени общество довольствовалось фиксацией числа основных, связанных с потребностями военного дела, социальных единиц, т. е. курий и триб, пока, наконец, не было закреплено и число принимаемых в трибы родов, что означало завершение формирования первоначальной замкнутой общины гражданского типа. Дальнейший рост римского населения за счет новых поселенцев, как правило, пополнял потом уже не ряды полноправных граждан, а плебеев. Но этот процесс относится к более поздней, начиная с Анка Марция и особенно к этрусской эпохе.

Итак, в Риме Ромула и Нумы гентильная организация была реальной действующей силой. Однако в распоряжении историка есть материал, свидетельствующий об усложнении социальных отношений. В общем, это было отмечено еще в классических трудах Нибура и Моммзена. Так, Г. Б. Нибур⁵⁴ говорит о существовании клиентов при Ромуле, когда царь назвал в качестве патрициев всего 1000 человек. Но обстоятельства возникновения института патроната — клиентелы, по мнению Нибура, не известны, как и самого Рима. Ученый считает клиентов чужаками по происхождению, но при этом принадлежностью рода. Он описывает клиентелу на примерах эпохи Республики и противопоставляет клиентов плебеем, стоящим вне родов. Т. Моммзен⁵⁵ считает клиентов несвободными людьми, принадлежащими семейным и родовым единицам. Однако власть господина в отношении клиентов не осуществлялась столь же легко, как в отношении рабов, в силу особых нравственных обязательств. Из клиентелы, по убеждению Моммзена, возник плебс. Таким образом, формирование клиентелы оканчивается все же более ранним, чем плебса.

Обзор мнений, касающихся клиентелы, привел в своей книге Ю. Биндер⁵⁶. Сам он рассматривает клиентов как зависимых, наподобие крепостных, и возражает против того, что плебс вышел из клиентелы. Патрициев, клиентов и плебеев он считает разными классами. Но в центре его внимания — республиканское время.

В науке был поставлен еще важный вопрос о том, чем занимались клиенты. Так, В. Инэ отмечал, что они были зависимыми, крепостными земледельцами. В общем, этот взгляд можно считать преобладающим. Его придерживались К. Нейман, Эд. Мейер и др. В советской историографии проблемы клиентов касались преимущественно в работах общего характера⁵⁷, где этот институт главным образом лишь описывался. Много уделено внимания клиентеле в монографии Л. А. Ельницкого⁵⁸. Он рассматривает ее в ряду других форм зависимости и

⁵⁴ Niebuhr G. V. Römische Geschichte. Berlin, 1853, S. 183, 184, 188.

⁵⁵ Моммзен Т. История Рима, т. I, М., 1936, с. 60—61, 87.

⁵⁶ Binder J. Die Plebs. Studien zur römischen Rechtsgeschichte. Lpz., 1909, S. 202—203, 206—208, 222—225.

⁵⁷ См.: Сергеев В. С. Очерки истории Древнего Рима, ч. I, М., 1938; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948; Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1950.

⁵⁸ См.: Ельницкий Л. А. Возникновение рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964, с. 128, 141, 142.

отождествляет с зависимым сельскохозяйственным населением завоеванных Римом соседних территорий, аналогичным греческому сельскохозяйственному населению. Ученый подчеркивает, что и этнографические параллели (туареги Аира в XIX и XX вв.) позволяют сказать, что примитивные отношения господства и подчинения порождали клиентелу, мало отличающуюся от патриархального рабства и похожую на крепостную зависимость.

Специально на клиентеле остановился в своей книге Ф. М. Нечай⁵⁹. По его мнению, клиентела зародилась вместе с возникновением города и делением его обитателей на патрициев и плебеев. В соответствии с взглядом этого ученого бедные сородичи составили плебс и вместе с тем клиентов.

Большое новое исследование клиентелы принадлежит Норберу Рулану⁶⁰, который делает ряд интересных наблюдений. Во-первых, он останавливается на этимологии слова «клиентела». Оно, как известно, связывается либо с *clīnere*, либо с *clūnere*, либо с *colere*. Наиболее распространенной является вторая этимология, подкрепленная авторитетом Т. Моммзена. Но современные этимологические словари высказываются менее категорично. Эрну-Мейе принимает во внимание *clīnere* в смысле «опираться на», а Вальде-Хоффман — *colere*. Рулан присоединяется к А. Паринте в представлении о пути образования *clientes* от *colere*: *colons* (как первоначальная форма причастия настоящего времени от *colere*), дающее начало причастию *colens* и существительному *colonus*; синтезом этих форм явилось слово *clientes*: *colentes* > *cloentes* > *clūentes* > *clientes*. Это филологическое обоснование согласуется с мнениями античных авторов (*Isid.*, X, 53; *Verg.*, *Aen.*, VI, 609). Появление клиентелы Рулан считает необходимым связать с экономическим состоянием Рима. Вместе с тем он отмечает наличие своей клиентелы в современных африканских странах, а в италийской древности — у этрусков, самнитов, сабинян, что имеет аналогии с Галлией, Испанией, Британией и Грецией. Таким образом, римская клиентела возникла независимо от этрусков, значит, в доурбанистический период. Она явилась выходом из положения в условиях противоречий между правящей группой и теми, кто создавал благополучие Рима. Это было, по мнению Рулана, собственно римским синтезом. При этом своеобразии римской клиентелы заключалось в ее нескончаемости, в хронологическом постоянстве. В основном ее структура не менялась: это было отношение зависимости по договоренности юридически свободного лица, отношение, рождающее обязанности синаллагматического характера, которые препятствовали его прекращению. Плебеи нуждались в патронате, а патриции — в богатстве плебеев, которое Рулан связывает с их жизнью в городе, с занятиями прибыльными ремеслами. Согласно Рулану, клиенты — это богатые плебеи уже в эпоху Ромула.

Как видно из сказанного, представления о ранней римской клиен-

⁵⁹ См.: Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972, с. 77.

⁶⁰ Rouland N. Clientela. Essai sur l'influence des rapports de clientèle sur la vie politique romaine. Paris, 1977, s. 30—31, 38, 41, 91, 92, 98—99, 101.

теле среди ученых различны. Это обусловлено характером источников. Прежде всего, заметим, что мы понимаем раннюю клиентелу как примитивную форму зависимости, возникшую в родовом обществе, и принимаем идущее от Нибура положение о том, что клиентела предшествовала возникновению плебса.

К сожалению, источники немногочисленны и недостаточно подробны. О клиентах интересующего нас времени известий особенно мало. Поскольку форма отношений между патроном и клиентом в республиканскую эпоху достаточно хорошо известна, можно опираться на этот материал как на установленный факт, памятуя, что эти взаимоотношения могут быть в своей основе проецированы в глубокую древность. И все же необходимо обратиться к тому материалу источников, который освещает царский или близкий к нему период.

В обратнотронологическом порядке сведения, сообщаемые античными авторами, таковы. О выступлении 306 Фабиев против этрусков совместно со своими пелатами говорится у Дионисия Галикарнасского (IX, 19). У Феста (*scelerata porta*) сказано, что 306 Фабиев двинулись против этрусков с 5 тыс. клиентов. То же самое повторено Павлом (*scelerata porta*). У других авторов в связи с предприятием Фабиев клиенты не названы, но заключения о том, что выступили только 306 человек, сделать нельзя, потому что подчеркивается, что погиб весь род, 306 патрициев (*Liv.*, II, 49, 50; *Ov.*, *Fast.*, II, 196, 198, 204, 225, 240; *Plut.*, *Cam.*, 19; *Sil. It.*, 6, 637). Эти известия касаются 478/77 г. до н. э.

Среди многих сообщений о переселении в Рим рода Клавдиев имеют значение в интересующей нас связи два: у Ливия (II, 16, 4) упомянуто, что Аппий Клавдий прибыл из Ирегилл с большой толпой клиентов; у Плутарха (*Popl.*, XXI) — что он располагал большой силой из клиентов, друзей и родичей (*ἑταίρειαν δὲ καὶ δῶματιν φίλων καὶ οἰκεῖων ἕχων*). Это событие относится либо ко времени правления Ромула, либо, как считает большинство, к началу эпохи Республики, к четвертому консульству Попликолы, т. е. к 504 г. до н. э.

В связи с установлением Республики у античных авторов, естественно, речь идет о деятельности Валерия, названного Попликолой. Плутарх (*Popl.*, V) сообщает, что у Валерия было много друзей и пелатов (*αὐτὸς δὲ πελατῶν καὶ φίλων ἀεὶ περὶ αὐτὸν ὄντων ... ἐμβάδιζε*). Эти сведения касаются времени около 510 г., т. е. конца царской эпохи.

Можно думать, что под демотиками, которые были после разрушения Альбы Лонги переселены в Рим и записаны в римские филытрибы и фратрии-курии, тоже, хотя бы частично, Дионисий (III, 29) подразумевал клиентов, поскольку целый ряд альбанцев (Юлии, Сервилии, Куриации, Квинтилии, Клелии, Гегании и Метилии) были отнесены к патрициям.

Дионисий пишет о наличии клиентов у сабинян в древнейшую пору, т. е. при Тите Тации (II, 46). Он говорит, что вместе с Тацием в Риме остались прославленные мужи вместе со своими гетайрами, родственниками и пелатами.

Античные авторы упоминают клиентов и непосредственно применительно ко времени Ромула. Мы располагаем важным свидетельством Цицерона (г.р., II, 9, 16), который обычно внимательно относится к социальным и политическим терминам. Исключение в этом смысле составляет лишь употребление им терминов *civitas* и *плебс* в отношении раннего царского Рима. Но это объясняется не небрежностью Цицерона, а его концепцией, а с другой стороны — изменением понятия «плебс». Ведь для Цицерона от установлений Ромула начинается величие Римского государства. Что же касается плебса, то уже ко времени Цицерона он стал совпадать в своем значении с понятием «народ», точнее — «простой народ». Такое словоупотребление стало возможным еще с III в. до н. э., когда в результате завершения борьбы плебеев с патрициями произошла перегруппировка в рядах древних классов-сословий и из их верхушки выделилась новая рабовладельческая знать, противостоящая плебеям. Изменение социального содержания слова *plebs* вызвало в древности необходимость в пояснениях. Мы их находим у Феста и Авла Геллия, а затем в юридическом памятнике, у Гая. Фест (*populi comitia*) объясняет различие между *populus* и *plebs* в связи с определением народных собраний, в которых голосуют и *patres*, и *plebs*. Авл Геллий (X, 20, 5—6) говорит, что *populus* включает всех граждан, а *плебс* — тех, кто не принадлежит к патрицианским родам. Гай (I, 3) также подчеркивает отличие *plebs* от *populus* в том, что в последний входят и патриции. Что же касается упомянутого свидетельства Цицерона, то оно состоит в том, что Ромул распределил «плебс» на клиентелы. Принимая во внимание ставшее обычным словоупотребление, можно считать, что под *плебсом* Цицерон имел в виду основную массу римлян, отличную от родовой верхушки. Аналогичное свидетельство есть и у Дионисия. И этот автор, в духе привычных римских представлений, согласно которым все устои римского общества и государства относятся на счет Ромула, повествует о «создании» первым царем плебеев. Однако в этих безвестных, низких и неудачливых, пребывающих в незавидной судьбе и названных плебеями (*Dionys.*, II, 8) можно разглядеть именно клиентов, потому что как раз они получили из среды патрициев, а точнее — *patres*, верхушки *populus*, защитников — простатов. Дионисий (II, 9) усматривает в этом заимствование у фессалийцев, у которых подобное установление (пенестия) держалось долго, а у афинян (феты) — лишь в давние времена. Это нововведение на манер греков, произведенное Ромулом, Дионисий называет патронатом (II, 9; 10). У Дионисия (I, 83) упоминаются клиенты Нумитора в Альбе Лонге до основания Рима. Таким образом, простаты — это патроны. «Бедные» же и «низкие», с которыми они устанавливали «человеколюбивые и гражданственные связи» (*Dionys.*, II, 9), далее названы у Дионисия (II, 10) пелатами, относящимися к роду.

Совершенно в том же духе высказывается и Плутарх. Он отмечает, что царь-основатель выделил войско из пехотинцев и всадников (легион) и 100 лучших граждан сделал советниками и патрициями, а остальные стали называться простым народом (*πολιῶν ὄνομα ἄσθη*

τὸ πλῆθος — Plut., R., XIII). Далее Плутарх говорит об установлении патроната, который он называет *πατρωνεία* и поясняет как *προσταεία* произведя этот институт от имени некоего Патрона, спутника Эвандра, тем самым как бы намекая на заимствование от эллинов. Находящийся под покровительством Плутарх определил как клиентов, или пелатов (*ἑτέροις δὲ τοὺς δυνατοῦσ' ἀπὸ τῶν πολλῶν διῆρει πάτρωνας ὀνομάζων, ὅπερ ἐστὶ προσταίας ἐκείνους κλιέντας, ὅπερ ἐστὶ πελάτας*), употребив даже соответствующий латинский термин. Плутарх упоминает еще раз клиентов в Ромуловом Риме в связи с похищением сабинянок, рассказывая о том, что красивую девушку для Таласия похитили его клиенты (Quaest. Rom., 31).

Одна из этимологий термина клиент, на которую особое внимание обратил Н. Рулан, подчеркивает почитание клиентами своих патронов, их положение наподобие почитательных к отцам детей. В комментариях к Энеиде (VI, 609) Сервий говорит: «Ведь если клиенты — как бы почитающие, патроны — как бы отцы, и обмануть клиента, все равно, что сына». Исидор (Orig., X, 53) сообщает, что «клиенты раньше назывались коленты от почитания патронов», и сообщает также, что «клиентами называются ученики, как бы чтящие учителя ... клиенты называются так, потому что являются почитающими патронов». Эта мысль о сходстве клиентов с детьми нашли отражение у Феста (Patronus), у Сервия (Aen., VI, 609; clientem...) и в Дигестах (XLIX, 15, 7, § 1): «Мы считаем наших клиентов детьми».

Согласно Дионисию (II, 10), клиенты занимались производительным трудом, т. е. земледелием, были пастухами и ремесленниками. И род их занятий и положение в отношении патрона позволяют видеть клиентов в некоторых пассажах античных авторов, где они и не названы, но которые проясняют клиентский статус. Так, у Нония Марцелла (*virginitim*) значит, что Сервий Туллий распределил полюдно за городом земли между клиентами (*liberis*) в 26 (число, очевидно, ошибочное!) сельских трибах. Можно думать, что это было продолжением старой практики.

Та же древняя практика зафиксирована, видимо, Фестом в его определениях *patres* и *patrocinia*. Первыми, по его мнению, назывались сенаторы, которых учредил еще Ромул, потому что они давали участки земли незнатным (или более бедным *tenuioribus*) как собственным детям. Второе получило название, потому что плебс (*plebs*) был распределен между *patres*, чтобы он с их помощью был в безопасности. Поскольку Фест, а за ним и Павел Диакон говорят: «*Plebs... distributa inter patres ut eorum oribus tuta esset*», под безопасностью следует понимать защиту в социальном, а не военном плане, потому что и в плебсе, распределенном среди отцов, надо видеть клиентов. Отказ Н. Рулана от такого толкования кажется нам совершенно неправомерным. Как первое, так и второе определение по своей сути связывают клиентов с получением от патронов какого-то важного имущества, в первую очередь земли, т. е. основного средства производства.

Приведенный здесь материал из сочинений античных авторов дает

возможность утверждать, что в начале эпохи царей в Риме уже существовали отношения патроната — клиентелы. Форма этих отношений закрепилась в Риме надолго, как показывают законы XII таблиц и античная традиция. Несомненно, от принятия клиентел в род идут установления, зафиксированные в V таблице законов. Правда, там речь идет о вольноотпущенниках (*liberti*), но существо дела это не меняет. В одном законе (V, 8a) предусмотрено наследование патроном имущества бездетного либерта, а в другом (V, 8b) — переход имущества либерта в семью патрона. Это вполне согласуется с сообщениями Дионисия (II, 10) об установлении «родственных и кровных связей пелатов с простатами», которые предполагали в том числе участие первых в трагах, относящихся к роду. Свидетельством древности клиентелы, подтверждающим правильность сообщений о ней античных авторов, подчеркивавших ее сакральный характер (*Dionys.*, II, 10 и *Serv. Aen.*, VI, 609), может служить закон (VIII, 21), предписывающий священное проклятие патрону, повредившему своему клиенту. Особенно существенно то, что проклятие и даже посвящение отступника подземным богам приписано Ромулу.

Наличие клиентел в Риме вызывает к жизни вопрос о происхождении этого института. Дионисий (II, 8) дает основание полагать, что по крайней мере частично клиентелы комплектовались из чужаков, не связанных ни с каким родом. Однако, как мы видели, любые пришельцы в Рим принимались в «гражданство», т. е. в формирующуюся общину, в составляющие ее курии. Это мог быть род или часть рода, но нельзя, конечно, исключить и отдельных индивидов. Поэтому при первых царях такой путь образования клиентелы, т. е. из пришлых в Рим, был исключением и имел минимальное значение. Гораздо больше оснований считать, что возникновение клиентелы тогда было результатом расслоения внутри *gentes*, а так же между *gentes*. Рассмотренный выше материал наших источников позволяет говорить о заметной уже при Ромуле разнице между влиятельными и толпой, знатными и безвестными, низкими, неудачливыми, которые нуждались в патронате. Иными словами, клиентами становились люди из состава *populus*. Вряд ли можно думать, что этому противоречит текст Авла Геллия (V, 13, 4), в котором говорится, что в защиту клиента свидетельствуют против когнатов, в то время как против клиента никто не даст показаний. Здесь речь идет о клиентах-чужаках. Это могут быть либо плебеи, что относится к более позднему времени, чем начало царского периода, либо члены «лишних» для данного рода семей, либо члены других, опустившихся римских родов, искавшие защиты у более удачливых римлян, т. е. люди, принадлежавшие совокупности римского народа, что могло иметь место в рассматриваемое время.

Кроме упомянутых сообщений древних авторов о существовании такой категории людей, т. е. о происходящей социальной дифференциации, можно назвать конкретные показатели этого явления. Среди предписаний Ромула значится обязанность клиентел помогать своими средствами патронам выдавать замуж их дочерей в том случае, если отцы нуждались в этом, т. е. если они находились в затруднительном поло-

жении (*εἰ σπανάζοιεν οἱ πατέρες χρημάτων* — Dionys., II, 10). На обязанности клиентов лежал выкуп (*τὸ λύτρον*) патронов и их сыновей, если они оказывались заложниками, а также другие траты (Дионисий, там же). Об обязанности клиентов помогать бедным патронам выдавать замуж их дочерей и расплачиваться с их кредиторами упоминает и Плутарх (R., XIII), добавляя, что впоследствии принимать материальную помощь (*χρήματα*) от людей более низкого положения (*παρὰ τῶν ταπεινότερων*) стало считаться позорным. Отсюда можно вывести заключение, что и патроны, т. е. родовая знать, могли оказаться в стеснительных обстоятельствах, могли обеднеть, потерять в войне своего главу, опуститься в своем положении.

Среди народов, не дошедших еще до стадии классовобразования, известны не только клиентские отношения, но и пути их формирования. В частности, Ламберт⁶¹ описал появление клиентских связей у ирландцев раннего средневековья в результате разрастания большесемейной патриархальной общины *fine*. Родственники, вышедшие за рамки 4-й степени родства по прямой линии, становились клиентами, если не образовывали самостоятельной *fine*, обеспеченной земельным участком. Аналогичное положение могло сложиться и внутри римского рода. На наличие многих семей внутри рода указывают Фест (*Aelia gens*) и Павел Диакон (*Aemilia gens*) на примере родов Элиев и Эмилиев.

О неустойчивости привилегированного положения целых родов может свидетельствовать то, что их было сначала 100, а потом 200, в то время как в качестве знатных и влиятельных в источниках фигурирует не более 20. Любопытно, что среди них не только те, которые занимали почетное положение в эпоху Республики, как Фабии, Клавдии, Юлии или Эмилии, почему они могли особенно запомниться римским писателям, но и те, которые в число прославившихся ни в фасты, ни в анналы не попали, как Клелии и Мамилии, или упоминаются в них очень редко, как Горации, Квинкции и Квинтилии. Последнее обстоятельство особенно убедительно говорит в пользу достоверности сообщений о знатности поименованных родов в раннем Риме и о потере ими значения впоследствии. Очень красноречива и судьба Поттицев и Пинариев, уже в древнейшую пору различавшихся по степени знатности. Об этом говорит тот известный факт, что Поттиции, отправлявшие культ Геркулеса вместе с Пинариями, получали лучшую часть жертвенного мяса, пока род Поттицев не вымер (*Liv.*, I, 7, 12—14; *Cic.*, *de div.*, II, 21, 46; *Macr.*, *Sat.*, I, 21; III, 6). Когда же перестали существовать и Пинарии, направление культа перешло к общественным рабам.

На социальную дифференциацию в начале царской эпохи указывает не только существование клиентов. Кроме них рядом с родовладельцами упоминаются в традиции «друзья и сотоварищи», а также простолюдины. Последние обозначаются обычно как «плебс» или «на-

⁶¹ Lambert J. N. *Les origines de Rome à la lumière du droit comparé*, p. 347.

род» у латинских авторов, как τὸ πλῆθος и δημόσιοι — у греческих в том случае, когда под этими терминами не кроются клиенты, от которых они отличаются. Правда, Цицерон (г.р., II, 9, 16) дает повод к их отождествлению, поскольку говорит, что Ромул распределил плебеи на клиентелы. Однако из контекста Цицерона все же не следует, что все «плебеи» становились клиентами; то же относится и к тексту Ливия. В доказательство приведем эпизод с похищением сабинянок, когда римская молодежь бросилась похищать девушек, кому какая придется, и только некоторых красавиц простолюдины (ex plebe homines) приносили в дома знати (primoribus patrum — Liv., I, 9, 11). Здесь «плебеи» действуют и выглядят как равноправные члены общины. В изображении этого же эпизода у Плутарха (Quaest. Rom., 31) уже определенно различаются «плебеи» и «клиенты». Таким образом, нам кажется правомерным выделить среди *populus* не только верхушку, знать (патрициев, или, точнее, *patres*), но и основную массу людей, входивших в гентильную организацию Рима, не нуждавшихся в патронате, как клиенты. Эта рядовая масса *populus*, которую античные авторы модернистски именуют плебеями, участвует в народном собрании и фактически совпадает с патрициями. По словам Дионисия (II, 8), патрициев, т. е. *patres*, родовладык, цари обычно созывали с помощью глашатая, который называл каждого по имени. А демотиков, поскольку их было много и они были не столь уважаемы, призывали на собрание по сигналу трубача. Значит, эти «плебеи», вопреки заявлению Дионисия (II, 9), говорящего, что только «патриции» осуществляли управление, т. е. суд и жреческие обязанности, тоже принимали участие в общественных делах. Они же участвовали и в общественном производстве, в земледелии, скотоводстве и ремесле (Dionys., *ibidem*).

Вероятно, от этих рядовых, простых римлян, или собственно патрициев, несколько отличались те, кого греческие авторы обозначали как гетайров и друзей. Поскольку *ἑταῖρος* обозначает сотоварища, спутника, приверженца⁶², гетайров можно перевести и как клиентов. Однако у Дионисия (II, 46) в рассказе о том, что сабинский царь Таций решил остаться в Риме, говорится, что с ним осталось трое славных мужей вместе с их гетайрами, родственниками и пелатами. Таким образом, в этом тексте оказываются и пелаты, и гетайры как разные категории людей, причем перечисление идет в определенном порядке: сначала гетайры, потом родственники, потом пелаты, т. е. по нисходящей линии. В другом месте тот же Дионисий (II, 51), сообщая о конфликте Тация с лавинатами, опять упоминает рядом с этим царем гетайров, которые вели разбойничий отряд. Так в данном эпизоде выявилась особая близость гетайров к своему царю. Это напоминает сообщение Плутарха (Popl., V) о множестве друзей и пелатов у П. Валерия. Φίλοι Валерия — также весьма доверенные его люди, отличающиеся от пелатов. На них он опирается в своих предприятиях.

⁶² Греческо-русский словарь по Бензлеру. Киев, 1881, с. 303; Древнегреческо-русский словарь. Сост. И. Х. Дворецкий. Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958, с. 676.

В связи со сказанным можно выдвигать разные предположения. Либо гетайры — его приближенная, особо доверенная часть клиентов, и поэтому они отделены от родственников, родичей, либо это именно царские клиенты. Но последнему противоречит наличие аналогично выделенных друзей среди окружения Валерия. Однако в том же тексте Плутарха (Popl., V) есть фраза, в которой значатся не друзья и пелаты, а *ἑταῖροῖς* и «сила друзей» и родственников Аппия Клавдия. Тут гетайры и друзья как бы отделены друг от друга. И в связи с тем, что в текстах других авторов говорится, что с Аппием Клавдием в Рим пришла толпа клиентов, можно допустить, что в разбираемом случае у Плутарха под *ἑταῖροῖς* подразумеваются особо доверенные клиенты.

Все же складывается впечатление, что гетайры — это те из доверенного окружения родовладык или царей, которые участвуют прежде всего в их военных предприятиях, нечто вроде дружинников, возможно и из числа клиентов. Нечто подобное встречается и в других обществах. Аналогию гетайрам, как нам представляется, составляют тиуны Древней Руси.

Итак, в раннем римском обществе были клиенты, среди которых выделялись особо близкие к патронам люди. Патроны же в противовес клиентам и массе *populus*, очевидно, принадлежали к родовой верхушке. Они, видимо, и были *patres*, входившими в сенат. Но есть основания полагать, что круг родовой знати ими не ограничивался. В этой связи следует обратить внимание на замечание Е. М. Штаерман⁶³ о том, что данные источников, касающиеся древних культов, выявляют интересную закономерность. Обоожествление всадника и коня обычно связано с появлением знати, сражающейся на конях. А между тем учреждение культа Нептуна, Посейдона Гиппия в передаче Дионисия (I, 33) и Плутарха (R., XIV) относится к самому началу царской эпохи. В этом, по мысли исследовательницы, просматривается высокое положение всадников. Вспомним при этом, что Ромул учредил корпус целеров, пользовавшихся в битвах конями. Учитывая все это, можно сказать, что и всадники входили в состав римской родовой знати.

Отмечая наличие социальной дифференциации в римском обществе при первых царях, необходимо поставить вопрос, совпадает ли это явление с имущественной дифференциацией. Мы уже видели, что и патроны, т. е. родовой верхушка, могли нуждаться. Характеризуя знать, Дионисий говорит не только о ее богатстве, но о лучшей доле вообще, о знатности рода, об опытности в общественных делах, противопоставляя ее в этом простолюдинам (Dionys., II, 19). Немалое значение, видимо, имела военная слава, на что намекает пример прославления Ромула за его воинские подвиги, а также римлянина Таласия, отмеченного Плутархом (Quaest. Rom., 31) в качестве славного военными делами.

⁶³ См.: Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития, с. 58.

И все же клиенты комплектовались в первую очередь из состава простых членов родов, т. е. из патрициев, а не из состава *patres*. На это косвенным образом указывает род занятий обеих социальных категорий.

Наши источники донесли сведения об имущественных различиях в среде древнейших римлян, помимо упомянутых свидетельств Дионисия о делении их на «патрициев» и «плебс» с учетом их материальной состоятельности. В рассказе Дионисия (II, 61; 62) о начале правления Нумы содержится указание на необходимость сразу после смерти Ромула успокоить людей, находящихся в трудном положении, поделив между ними часть общественной земли. Об этих событиях повествует и Плутарх в биографии Нумы (*Plut., N., XVI*). В этих повторениях сообщения Дионисия Плутархом, разумеется, следует видеть либо заимствование второго у первого, либо использование какого-то общего источника. Но в любом случае повторение свидетельствует о доверии этих авторов к приводимой ими версии, так как эпизод с неимущими не прибавляет блеска легендарной истории Рима, не говорит о величии его прошлого. Он, вероятно, сохранился в народной памяти и поэтому был зафиксирован в литературе. Аналогичный случай произошел и в правление Туллы Гостилия (*Dionys., III, 1*), когда пришлось дать землю бесклерным римлянам.

О безземельных, волновавшихся при Нуме, существует ремарка Дионисия (II, 62). Это были люди из недавно принятых в «гражданство», т. е. в родовую организацию. И можно думать, что они были из числа сабинян. Спешность принятых Нумой мер, как вытекает из рассказа Дионисия, была обусловлена враждебностью неимущих к «сильным» и их готовностью к переворотам. Можно думать, что именно принадлежавшие к этой категории обездоленных людей и должны были искать заступничества, становиться клиентами.

Если обратиться к данным раскопок, то они показывают разницу в богатстве одновременного погребального инвентаря, наиболее ошутимую в захоронениях разного типа. Но этот факт интерпретируется по-разному⁶⁴. Поэтому особенно показательно различие заупокойных приношений в однотипных могилах. Наличие имущественной дифференциации в Риме может быть подтверждено аналогичным синхронным материалом из Лация. В некрополе VIII — начала VII вв. до н. э. в Кастель ди Дечима погребения, находящиеся рядом друг с другом, принадлежащие, видимо, к одной гентильной группе, заметно разнятся между собой по богатству⁶⁵.

Как мы упоминали выше, Н. Рулан отмечал, что отношение между патроном и клиентом не может быть отождествлено с отношением богатство — бедность. В этом утверждении есть доля истины. Ведь клиенты были обязаны материально поддерживать своего патрона. Однако следует все же заметить, что материальную помощь патрону

⁶⁴ См.: Ельницкий Л. А. Указ. соч., с. 62—63.

⁶⁵ Zevi F., Bedini A. *La necropoli arcaica di Castel di Decima*.— SE, 1973, v. 41, p. 35—36.

оказывает не один, отдельный какой-нибудь клиент, а все клиенты, так что их поддержка может быть охарактеризована пословицей «с миру по нитке, голому рубашка», а не свидетельствовать об их богатстве. Данная оговорка тем не менее не исключает допущения того, что и среди клиентов существовала имущественная дифференциация.

В условиях первобытности, как известно, человек находится в большой зависимости от разного рода случайностей — природных явлений, изменившейся демографической ситуации или военных столкновений. Уже они способствуют усилению одних и ослаблению других родов или племен. Диалектика развития производительных сил состоит в том, что, с одной стороны, увеличивает возможности человека, человеческого коллектива перед лицом указанных трудностей, а с другой — создает новые социальные условия, ослабляющие сам факт единства и монолитности человеческих коллективов. Это новое явление — возникающая эксплуатация.

Самым ранним документальным памятником, зафиксировавшим рабство в римском обществе, являются законы XII таблиц. Их обнаружение отделено от времени Ромула и Нумы промежутком в 250—300 лет, включающим в себя такой этап развития, как этрусское господство, во время которого произошли события огромного значения в жизни Рима. И все же обращение к этому памятнику далеко не бесполезно. В законах 16 раз упоминается так или иначе рабская зависимость, но термины, обозначающие рабов, всего 6 раз.

Так в III таблице, почти целиком (6 статей из 7) посвященной рабству-должничеству, раб ни разу не назван. В IV таблице, статья 2 повествует об освобождении сына от власти отца после троекратной продажи его отцом. В таблице VI, в статье 1 фигурирует сделка самозаклада (*pehūm*). В таблице VII, в статье 12 говорится об отпуске на волю за выкуп (*liber esse, ad libertatem pervenient ...*). В таблице VIII, в статьях 3 и 14 названы рабы (*servi*). В таблице X, в статье 6а, запрещающей рабам умашение и питье круговой чаши, встречается термин «*servilis*», в статье 7а, возможно, подразумевается раб. В таблице XII, в статьях 2а и 2в говорится о краже, совершенной рабами (*servi*). Таким образом, термины зависимости и рабского состояния в законах называются разные: 1 раз — *pehūm*, 4 раза — *servi*, 1 — *liberti*.

Само по себе число упоминаний того или иного явления в источнике, особенно если он сохранился, как в данном случае, не полностью, не может служить абсолютным показателем значения и распространённости этого института. Но все-таки некоторое указание, хотя бы на его существование, получить возможно. Поэтому применительно к середине V в. до н. э. можно на основе законов XII таблиц говорить о развитии отношений рабской зависимости при безусловном преобладании рабства-должничества, проистекающего из самозаклада и продажи членов семьи ее главой. Архаичность законодательства позволяет проецировать указанные отношения в прошлом при сопоставлении их с данными традиции. Это дает возможность с известной степенью достоверности представить себе наличие института рабства в начале

царской эпохи, памятуя о том, что в устах поздних авторов его значение и масштабы могут быть преувеличены.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что упоминаний о рабстве в интересующий нас период в трудах античных писателей чрезвычайно мало. Дионисий (I, 85) говорит о том, что Нумитор, собирая внуков на основание нового города, дает им с собой хлеб, оружие, тягловый скот и рабов (*ἀνδράλοδα*). Ливий (I, 5, 6) в сцене узнавания дедом Нумитором внуков сообщает, что Рем не похож на раба (*minime servilem indolem*). Плутарх (R., VII; IX), говоря об окружении близнецов, с которыми им приходилось основывать город, называет их спутников рабами, пользуясь словом *δοῦλος*. Рассказывая о недовольстве народа затянувшимся междоусобием, Ливий (I, 17, 7) называет это затянувшимся рабством (*servitus*). Впрочем, последнее скорее характеризует язык Ливия, рисуящего обстановку беспокойства. Слово *vergae* Фест возводит ко времени Нумы. А между тем у того же Феста в изложении Павла (*vergae*) значит, что «вернами» называются рожденные от служанок римских граждан весной, потому что это время наибольшего плодородия. «Служанки» обозначены словом *ancillae*, которое Павлом объясняется по-разному. Оно произошло либо от имени Анка Марция, потому что он захватил во время войны много женщин, либо от слова *anculare*, которое в древности было равнозначно *ministrare*. Оба толкования, как нам представляется, указывают на подчиненность, на положение прислуживания, зависимости.

Ливий, не раз упоминая о том, что Ромул принимал в общину без разбора людей из соседних народов, говорит, что это касалось и рабов — *servos* (I, 8, 6; II, 1, 4).

Интересны и некоторые установления, которые приписываются первому царю. Во-первых, предназначение ремесленных и прочих работ рабам *δοῦλοι*. Во-вторых, раздел поровну добычи, отнятой у врагов, — земли, имущества, рабов (*ἀνδράλοδα* — Dionys., II, 48). В-третьих, запрещение мужу продавать жену, под страхом принесения его в жертву подземным богам (Plut., R., XXII). В ряду тех же мероприятий стоит приписываемый Нуме закон, воспрещающий продавать женатых сыновей, чтобы свободная не стала женой раба *δοῦλος* — Plut., N, XVII). С именем Нумы связывает Плутарх (N., XXIII) и обычай сажать рабов за господский стол во время Сатурналий в виде воспоминаний о прошлом равенстве. Трудно отнести с определенностью все эти факты к Ромулу или к Нуме. Но древность их несомненна. В частности, запрет на продажу женатого сына выглядит очень правдоподобно, если вспомнить закон XII таблиц об освобождении сына, трижды продававшегося отцом. Из всех данных античных авторов можно выявить только факт появления рабской зависимости в древнейшем Риме. Рабами становятся частично военнопленные, частично люди из состава *populus*, оказавшиеся в тяжелых материальных условиях. Судя по разрозненности и по малочисленности указаний древних авторов о рабах, можно думать, что институт рабства большого места в те времена в римском обществе еще не занимал. Но его появление

воздействовало на общество, способствуя развитию в нем имущественной и социальной дифференциации.

Рабство появляется лишь на определенном уровне развития производительных сил, когда человек в состоянии выработать больше, чем нужно, для его потребления, т. е. когда стал возможным прибавочный труд⁶⁶. «Первое крупное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно и богатства, и расширением поля производительной деятельности... с необходимостью влекло за собой рабство», — писал Ф. Энгельс⁶⁷. До достижения такого уровня рабство не имело смысла, освобождались даже от «лишних» людей, малолетних и стариков. Однако такая стадия развития Римом была уже пройдена. Но воспоминания о ней⁶⁸ сохранились во многих установлениях римлян и в более позднее время, сохранилась память и об их упразднении. Учет этого обстоятельства, как нам представляется, должен снять сомнения, высказанные Р. Гюнтером⁶⁹ относительно сведений о рабах в древнейшем Риме, переданных анналистикой.

Интересно сообщение Варрона (II, VI, 24), относящееся к празднованию Ларенталий, учрежденных, согласно традиции, в честь Акки Ларенции: на ее могиле на Велабре приносили в жертву богам Манам рабов. У Макробия (Sat., I, 7) говорится, что долгое время богам Дигу и Сатурну по оракулу посвящались люди. Однако Геркулес заменил человеческие жертвоприношения в честь Дита приношением человеческих изображений, а в честь Сатурна, истолковав в изречении оракула слово $\phi\acute{o}\iota\alpha$ как *lumina*, — зажжением восковых свечей. О принесении детей в жертву богине Мании, матери Ларов, сообщает тот же Макробий (Sat., I, 7). Ссылаясь на Альбина Цецину, он говорит, что это было запрещено, но восстановлено Таркинием Древним. Обычаем убивать «лишних» девочек справедливо объясняет Э. Перуцци⁷⁰ ограничение женских имен в форме числительных порядковым Quatra. Ромулу приписывается, как уже отмечалось выше, установление воспитывать детей, достигших трех лет, за исключением явных калек, что должно быть удостоверено свидетельством пяти соседей (Dionys., II, 15; Cic. leg. III, 8, 19; XII tab. IV, 1).

В позднем Риме исполнялись аргейские обряды. Перечисление 24 мест аргейских святилищ дано Варроном (II, V, 45—54). Он же описал эти обряды, относя их происхождение к аргиевцам, т. е. к ахейским грекам, прибывшим в Италию с Геркулесом. Состояли они в том, что ежегодно 24 или 27 человекоподобных чучел, изготовленных из соломы, сбрасывались со свайного моста жрецами (II, V, 45; VII, 44). Об обычае бросать в Тибр соломенные изображения людей весталками сообщает Павел Диакон (Argeos). Обряд сбрасывания чело-

⁶⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 89.

⁶⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 16.

⁶⁸ Sen., de ira, I, 15, 2.

⁶⁹ См.: Гюнтер Р. К развитию социальной дифференциации в древнейшем Риме.— ВДИ, 1959, № 1, с. 66.

⁷⁰ Peruzzi E. Origini di Roma, v. I, p. 128.

веческих изображений в реку связывает с Геркулесом и Макробий (Sat., I, 11). Одно из объяснений состоит у него в том, что это было воспоминанием об умерших спутниках героя, чьи души вслед за куклами как бы устремлялись по воде на родину, до которой они не дошли. Второе говорит о замене человеческих жертвоприношений богу Диту. Эти многочисленные упоминания и объяснения совершенно, как нам кажется, исключают толкование Аргеев, предложенное Пальмером⁷¹, согласно которому ежегодно сбрасывались в реку прошлогодние соломенные палатки, служившие местом совершения аргейских священнодействий по куриям. Очень трудно разглядеть в словах «*simulacra*» и «*effigies*», которые употребляются Варроном и Макробием, палатки или шалаши. Интерпретация Пальмера тем более не убедительна, что античные авторы дают дополнительный материал в пользу существовавших у римлян человеческих жертвоприношений, отказ от которых связан с Аргеями. Макробий задает своему воображаемому собеседнику риторический вопрос: «Что же, лишать права голосования столь ученых мужей, подобно тому, как сбросить с моста шестидесятилетних?» Эта загадочная фраза стала в Риме поговоркой, которую пытался объяснить Фест. Под словом «*deportani*» у него стоит: так назывались шестидесятилетние, которых сбрасывали «с моста». Под словом «*sexagenarii*» у него идет лакунированный текст, в котором говорится, что поговорка происходит от древнего аргивского обычая приносить ежегодно в жертву Отцу Диту шестидесятилетнего человека в память о прибытии Геркулеса, но это было запрещено, и весталки стали бросать в Тибр соломенных кукол. Некоторые же, как передает Фест, говорят, что обычай пошел от того времени, когда после освобождения от галлов во время голода стали избавляться от шестидесятилетних, бросая их в Тибр. Третье объяснение Феста, почерпнутое им у Сенния Капитона, сводится к тому, что молодые люди во время избирательных комиций кричали, что стариков надо сбрасывать с мостков, потому что они не исполняют общественных должностей; что вопрос об избрании должен решаться ими, молодыми.

Как кажется, последнее объяснение является стыдливым прикрытием существовавшего в древности обычая, шокировавшего просвещенный Рим с его традиционным почтением к древности и старости. Это подтверждается другими римскими празднествами. Об одном из них рассказывает Фест. Поясняя название *Piscatori ludii*, т. е. праздник рыбаков, он говорит, что богу Вулкану приносят в жертву живых рыбок вместо человеческих душ. О другом празднестве сохранились сведения в сокращении Фестова словаря у Павла Дякона под словом *Pilae*. Там сказано, что во время Компиталий на перекрестках подвешиваются чучела и куклы мужского и женского облика, потому что этот день считается посвященным подземным богам, которых зовут Ларами. И чучел надо столько, сколько рабских голов, т. е. рабов, а кукол — сколько детей, чтобы боги щадили живых и довольствовались этими чучелами и человеческими изображениями. Это известие

⁷¹ Palmer R. The archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970, p. 90.

Павла Диакона по смыслу и значению совпадает с упомянутым выше сообщением Макробия о жертвах детьми в пользу матери Ларов и свидетельством Варрона о жертвоприношении рабов на могиле Акки Ларенции.

Итак, действительно, в Риме, как и в других обществах⁷², некогда существовали человеческие жертвоприношения, связанные с недостатком средств к существованию. Относительно замены их бескровной жертвой, имитирующей человека во время Аргейских процессий, есть сведения, возводящие их к Геркулесу, т. е. связывающие их с греческим влиянием. Однако у Варрона (II, VII, 43) и у Ливия (I, 21, 5) введение Аргейских священнодействий относится к Нуме. Здесь можно высказать предположение, что ахейские греки познакомили предков римлян со своей практикой. Но утвердилась она позднее, в начале царской эпохи, и, вероятно, была зафиксирована Нумой в числе других сакральных установлений.

Подводя итог, можно заметить, что именно при Ромуле и Нуме происходят запреты на человеческие жертвоприношения. Разумеется, отказы от таких жертвоприношений имели место и раньше. Ведь судьба близнецов и основание ими Рима — не что иное, как проявление обыкновения избавляться от лишнего, ненужного потомства, с одной стороны, и как воплощение *ver sacrum* — с другой. *Ver sacrum* определяется Павлом Диаконом в связи с необходимостью для италиков, живших некогда в тяжелых условиях, подверженных опасностям и приносивших поэтому в жертву живые существа. *Ver sacrum*, согласно его пояснению, заменило убийство невинных детей обычаем высылать их, повзрослевших, за пределы обитания общины для основания колонии. Отказ от кровавых и жестоких истреблений людей нельзя объяснить, вслед за античными авторами, просто смягчением нравов. Это смягчение было обусловлено глубинными экономическими причинами, подъемом уровня производства. В том же ряду стоит и появление института рабства в Риме, в свою очередь, способствовавшее дальнейшему прогрессу производительных сил. Таким образом, известиям античных авторов о существовании рабов в начале царской эпохи можно доверять. Но, повторяем, преувеличивать численность и значение рабов на заре римской истории не приходится. Рабство только зарождалось; рабы не сформировались еще в класс, образование сословия рабов едва намечилось.

§ 2

СЕМЬЯ (FAMILIA)

Кроме рода глубокая римская древность знала еще семью. Институт *familia Romana* был в республиканскую и императорскую эпохи основной социальной ячейкой, тесно связанной

⁷² См.: Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека.— В кн.: Ранние земледельцы. Л., 1980, с. 6—33.

с развивавшейся и утверждавшейся частной собственностью, и потому находился под пристальным вниманием римских юристов. Благодаря их свидетельствам современные ученые получили в свое распоряжение богатый материал. Историки права подробно описали структуру и функции римской фамилии.

Первым из специалистов по истории Рима восстановил из обломков рассказов античных авторов и юридических памятников римскую фамилию как патриархальную семью Т. Моммзен. Но он рассматривал ее в качестве элемента государственной эпохи и на самых ранних ступенях истории видел в семейных общинах зачатки государственного устройства⁷³. И. Марквардт⁷⁴ очень подробно охарактеризовал в «Справочнике римских древностей» (где семье посвящен особый, 7-й том) структуру семьи и юридическое положение ее главы — *pater familias*, а также находившихся в его власти жены — *in manu*, детей — *in patria potestate*, рабов — *in dominicia potestate*.

В более новое время римская семья вызвала специальный интерес Р. Парибени⁷⁵. Но он сосредоточил свое внимание на нравственных устоях, выгодно отличающих ее, по его мнению, от семьи у других, в том числе индоевропейских народов. В изображении Р. Парибени *familia Romana* выглядит идеализированно как основа человеческих добродетелей. Одновременно с этой книгой писался многотомный труд К. У. Веструпа⁷⁶. Он занимает особое место в историографии проблемы. Его источниками являются не только античная традиция и юридические памятники, но и обширный материал по этнографии древних и современных первобытных народов. Однако этим значение труда Веструпа не ограничивается. Римская фамилия исследуется им многосторонне — как проявление общности культа, общности собственности и отцовской власти — *patria potestas*. Важно и то, что Веструп рассмотрел римскую фамилию исторически, в развитии, выявляя первоначальные древние ядра в более поздних юридических формулах, характеризовавших семью эпохи классического римского права.

Будучи ученым идеалистического мировоззрения, Веструп считает первичным, конституирующим фактором римской фамилии общность культа и сакральную солидарность поколений. Он выступает против идеи И. Бахофена о матриархате как об универсальной стадии развития человечества и против понимания матриархата как строя, в котором женщина занимала господствующее положение. Вместе с тем он признает наличие матрилинейной системы родства как следствие промискуитета, однако категорически относит эти явления к неиндоевропейским народам. Этот тезис, разумеется, принять нельзя, потому что он неоднократно опровергнут современными этнографическими

⁷³ См.: Моммзен Т. История Рима, т. I. М., 1936, с. 26, 56.

⁷⁴ Marquardt J. Das Privatleben der Römer. Th. 1. Die Familie (Marquardt J. und Mommsen Th. Handbuch der römischen Alterthümer, T. VII. Lpz., 1886).

⁷⁵ Paribeni R. Famiglia Romana. Roma, 1939.

⁷⁶ Westrup C. W. Introduction to early Roman law. Comparative sociological studies. The patriarchal joint family, v. I—V. Copenhagen, 1934, 1939, 1944, 1950, 1954.

исследованиями, показавшими единство развития человеческого общества независимо от этнической принадлежности людей. Но конкретное изучение Веструпа римской семьи с отцовским правом заслуживает внимания. Прежде всего следует отметить его анализ семейной собственности в раннем римском праве, чему посвящен весь II том его монографии. Веструп высказывается в пользу того, что первоначально существовала общая римская земля и куриальная или гентильная собственность на землю. Частная же земельная собственность появилась только при Сервии Туллии, а утвердилась ко времени законов XII таблиц. Развитие отношений собственности Веструп связывает с экономическими и географическими условиями, а носителем этих отношений считает семью. Пользуясь сравнительным методом, он показывает, что у германских и славянских племен зерновое хозяйство и просторы полей обусловили длительное существование общей собственности на землю, в то время как отдельная семья оказывалась собственником урожая. В противоположность этому в южных странах (Греции и Италии) культивировалось виноградарство и разведение олив. Это требовало закрепления участков на длительное время за одними и теми же семьями. В этих условиях стало воплощаться право частной собственности индивидуальной семьи — *domus*.

Встречающийся у античных авторов термин *heredium*, т. е. *praedium parvulum*, Веструп и считает обозначением наследуемой семейной собственности, тогда как земля, выделенная из *ager* отдельным семьям, вероятно, первоначально по истечении какого-то срока возвращалась в общину (курию или *gens*) для перераспределения. Веструп высказывает очень важное замечание: в противоположность *rescilia*, богатству семьи, произведенному личным трудом ее членов, т. е. имуществу, которым *pater familias* распоряжался свободно, *heredium* как базис семьи был первоначально неотчуждаемым патримоном. В раннем римском праве этот последний обычно фигурирует в термине *ercto pop cito*. Исследователь не согласен с часто встречающимся пониманием этого выражения как «наследуемая, или наследственная собственность». Такой перевод зиждется на этимологии *erctum* < (h) *erectum*, связанной с *heres* (наследник) или, может быть, *herus* (?) (господин), что он считает неудовлетворительным. *Citum* < *cileo*, т. е. двигать, объяснялось как «сделанное движимым, делимым» или как «деленное». Против такого толкования Веструп, в общем, не возражает. Кроме того, он отметил в этой связи, что от *herectum ciere* произведен еще глагол (h) *ercisco* — «делить наследство», тоже содержащий в себе смысл деления.

Веструп учитывает и другие попытки интерпретации упомянутого выражения. (H) *erectum* связывали не с *heres*, а с (h) *ercisci* и в таком случае также объясняли как «нечто деленное», или раздел (наследства). Глагол же *ciere* можно переводить, принимая во внимание словоупотребление Цицерона, не только словом «двигать», но и «требовать». Тогда *erctum citum* должно означать «требуемый раздел [наследства]», а *erctum pop cito* — «не требуемый раздел [наследства]», или неразделенное имущество семьи. Эта формула, по мысли Веструпа, предполагает, что первоначально существовало неразделенное или не-

раздельное фамильное имущество. Такой вывод представляется нам вполне правомерным и очень важным.

Еще одно доказательство существования первичной нераздельной семейной собственности Веструп видит во фрагменте рукописи «Институций» Гая (III, 154). Эта рукопись датируется IV или началом V в. Стало быть, она древнее известного варианта «Институций» с Веронского палимпсеста. Но она и полнее его. В новом фрагменте имеются дополнительные сведения, касающиеся сообществ (*societates*), участвуемых римским правом. Там упоминается один древний вид сообщества, которое состояло из наследников (*sui heredes*) умершего главы семьи, обладавших общей собственностью (*ercto non cito*). Затем Веструп приводит еще один аргумент: в законах XII таблиц (V, 10) признается право возбуждать иск с требованием о разделе наследства (*actio familiae erciscundae*) после смерти отца семейства. Из этого закона действительно вытекает, что ранее такие иски не практиковались, т. е. наследство между сонаследниками не делилось. Наконец, исследователь обращает особое внимание на то место из Дигест (XXVIII, 2, 11), где говорится, что некогда сыновья дома (*sui heredes*) еще при жизни главы семьи были своего рода совладельцами фамильной собственности, так что после смерти последнего переход собственности из рук в руки не осуществлялся, а она как бы продолжала свое существование (*continuatio domini*). Перемена заключалась лишь в том, что сын принимал на себя действительное руководство семейным имуществом, фамильной собственностью. Это наблюдение кажется нам очень существенным. Оно бросает свет на положение *pater familias* в глубокой древности, свидетельствует о том, что в давние времена он не мог деспотическим образом распоряжаться имуществом, характеризующим термином *familia*. Слово это, как известно, многозначно. В самом деле, в Дигестах (L, 16, 195, § 1) говорится, что под ним понимаются и имущество (*res*), и люди (*personae*), как происходящие из того же дома (т. е. жена) и того же рода (т. е. дети, внуки), так и рабы. Согласно Павлу Диакону (*Famili*), само слово *familia* происходит от оскского *famel*, что соответствует латинскому *servus* (раб). Если даже зависимость слов обратная, она не зачеркивает принадлежности рабов семье. При сопоставлении данных о *societates* и об иске о разделе наследства можно сказать, что в ранний период деспотической власти *pater familias* над членами семьи еще не существовало. Подчеркнем, что этот тезис Веструпа имеет большое значение для характеристики ранней римской *familia*, а вместе с тем и всего общества.

Важное место в ряде работ, трактующих проблему римской фамилии, занимают не раз упоминавшиеся труды П. Де Франчиши⁷⁷, хотя этой проблеме специально они и не посвящены. Как уже говорилось выше, Де Франчиши не видит принципиальной разницы между большой и малой, индивидуальной семьей, поскольку в Риме обе они

⁷⁷ De Francisci P. *Comunità sociale*. Roma, 1955, p. 137—139; *Idem*. *Primordia civitatis*. Roma, 1959, p. 140—162.

имеют аналогичную структуру и патриархальный характер. В этом пункте он возражает Ф. Де Мартино⁷⁸, который совершенно справедливо считает малую семью более поздним семейным видом, связанным с более интенсивным типом экономики. Де Франчиши обратил особое внимание на культ предков и празднество Паренталий. Поскольку, согласно Фесту, по юридическим нормам *parens* — не только отец, но и дед, и прадед, что получило живое подтверждение в надписи (CIL, IV, 1679) «*habeas propitios deos tuos tres*», исследователь пришел к выводу, что *di parentes* для римлян ограничивались тремя поколениями (отец, дед, прадед), хотя почитали и более далеких предков. Отсюда Де Франчиши сделал остроумное заключение о том, что критерий трех поколений должен был определять и группу ближайших родственников среди живых, т. е. *familia*, составлявшую группу агнатов. Заметим, что естественной границей *familia* действительно были 3—4 поколения и, вероятно, именно это «земное» обстоятельство и создало представление об особо близких отеческих богах из трех восходящих генераций. Но сам по себе факт почитания *di parentes* в составе отца, деда и прадеда, отмеченный Де Франчиши, существен. Важно и еще одно его наблюдение, а именно в римском религиозном календаре вслед за Паренталиями стоял день, посвященный Харистии, относящийся к культу мертвых, в котором, согласно Валерию Максиму (II, 1, 8), принимали участие только когнаты и свойственники. Отсюда ученый сделал закономерный вывод, что культ мертвых принимал во внимание когнатскую группу, так сказать «*sobrino tenus*», т. е. включая шестую степень родства по боковой линии. Таким образом, Де Франчиши пришел к выводу, что агнатская группа из 3 поколений почитала *di parentes*, как и когнатская вплоть до 6-й степени. Иными словами, каждая из групп обладала определенными границами. Нам хотелось бы подчеркнуть важность этого вывода, потому что он позволяет вычлениить две структурные единицы в римском обществе.

Попытка реконструировать раннюю римскую фамилию принадлежит Д. Лотце⁷⁹. Он не соглашается с Де Франчиши, не видящим разницы между индивидуальной и большой патриархальной семьей. Д. Лотце справедливо рассматривает раннюю *familia Romana* как патриархальную семью, охватывающую женатых сыновей и даже внуков с детьми и женами, подчиненных *patria potestas* единого господина. Однако Д. Лотце возражает против возможности понимать этот римский институт как домовую общину, в которой объединены равноправные родственники по боковой линии, т. е. как некий фратриархат. В этом пункте он полемизирует с Г. Броджини, который в своих рассуждениях основывается на упомянутом новом фрагменте «Институций» Гая (III, 154). Нельзя не согласиться с Лотце и в том, что сравнение римского консорция с ирландской *fine*, которое проводит Броджини, правомерно лишь в определенных пределах. В то время как

⁷⁸ De Martino F. Storia della costituzione romana, v. I. Roma, 1958, p. 13, 25.

⁷⁹ Lotze D. Zur Rekonstruktion der frühromischen Großfamilie.— In: Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt, Bd II. Berlin, 1965, S. 63, 66—67.

у ирландцев в большой семье главой является один из братьев, в римском объединении братьев все они равны, и каждый из них, становясь *pater familias*, получает равную долю наследства. Таким образом, вывод Лотце, что римская большая семья, как правило, обходилась без родственников по боковой линии, заслуживает безусловного признания.

В последнее время появилась еще одна специальная работа, посвященная римской семье. Она принадлежит перу известного лингвиста Эмилио Перуцци⁸⁰. Труд Перуцци интересен прежде всего тем, что в нем рассматривается как раз начало царской эпохи. Автор исходит из того, что ономастическая система связана с социальной структурой, поэтому он изучает римские собственные имена. У известных по античной традиции римлян альбанского, т. е. латинского, происхождения он находит одно имя. Двучленные имена, по его мнению, принадлежат сабинам, так что Прокул Юлий или Меттий Фуфетий, люди альбанского рода, являются примером сабинского культурного влияния. Введение третьего имени, т. е. когномена, Перуцци объясняет ограниченным числом личных имен (*praenomena*) у древнейших римлян, приведшим к множеству тезок. Ради удобства и во избежание путаницы человеку и придали дополнительный обозначающий его элемент. Такая интерпретация не кажется достаточной. Ведь когномен стал передаваться по наследству, т. е. закреплялся за ближайшими потомками. Известно, что в более позднее время когномен обозначал ветвь рода, или фамилию, в то время как для обозначения особо отличившегося человека использовался четвертый компонент имени, обычно в виде прилагательного. Но это личное прозвище уже детям не передавалось, оставаясь отличительной особенностью одного человека.

Т. Моммзен⁸¹ отмечал, что утвердившиеся за целым домом, т. е. за родственной ветвью, когномены теряются во тьме веков, но не могут относиться к самой глубокой древности. Он связывает этот институт с процессом колонизации, при котором часть рода выселялась и должна была получить особое обозначение. Древнейшими носителями когноменов исследователь называет патрициев — Корнелиев, с ответвлениями — Малугиненсы, Сципионы, Коссы, Суллы и т. д. Самые ранние когномены, таким образом, появляются в IV в. от основания Рима.

Закрепление когномена за последующими поколениями прямых родственников по нисходящей линии означало обособление всей этой родственной группы, т. е. фамилии. Поэтому появление наследуемых когноменов отражает важный факт в истории римского общества. Как видно из данных нарративных источников и из наблюдения Моммзена над фастами, когномены несвойственны царской эпохе. И это обстоятельство кажется нам очень существенным. Оно проливает свет на положение *familia* внутри *gens*: она роду еще не противопоставлена, хотя уже и обозначилась как важная его ячейка. Все сказанное позволяет

⁸⁰ Peruzzi E. *Origini di Roma, v. I. La famiglia*. Firenze, 1970. (Особенно с. 8, 14, 46—48, 149—150).

⁸¹ Mommsen Th. *Die römischen Eigennamen*.— In: *Römische Forschungen*, Bd I. Berlin, 1869, S. 48—50.

считать появление когноменов не столько фактом, указывающим на численный рост римского населения, как можно вывести из упомянутого замечания Э. Перуцци, сколько показателем социально-политического развития Рима.

Далее, изучая римские имена, Э. Перуцци выдвинул тезис о том, что попен в раннюю эпоху был связан с *familia*, а не с *gens*, и указывал на принадлежность к семье, а не к роду. Вообще, по его мнению, римская ономастика, в которой проглядывает определенная социальная структура, развивалась в направлении, прямо противоположном тому, которое предполагается для общества. Исходя из такого утверждения, можно заключить, что *familia* предшествовала роду, с чем согласиться нельзя.

Итак, в науке сделано много для реконструкции римской фамилии в раннюю эпоху, включая и царский период. Но единство мнений даже по таким кардинальным вопросам, как характер ее — малая или большая, если большая, то типа фратриархата или во главе с *pater*, старшим родственником по прямой линии, — еще не достигнуто. К тому же в большинстве трудов, исключая Э. Перуцци, специально фамилия на уровне начала царского Рима не рассмотрена. Между тем наши источники содержат материал, позволяющий остановиться именно на временах первых царей. И важно сопоставить эти данные с тем, что можно почерпнуть из более поздних юридических источников.

Сначала следует остановиться на личном, так сказать, составе семьи (*personae*). Об этом сообщают Дигесты (50, 16, 195, § 1) со ссылкой на законы XII таблиц. Последнее обстоятельство имеет существенное значение, потому что тем самым восстанавливается характер семьи раннереспубликанского времени. В § 2 перечисляются члены семьи *propter iure*. Их много (*plures*), все они находятся под властью одного главы семьи либо по природе, либо на основании права. Во главе семьи — *pater familias*, входят в нее — *mater familias*, их сыновья с детьми, т. е. внуками и внучками, и дочери. Это перечисление кончается словом «*deinceps*», значит, ряд может быть продолжен и дальше, по крайней мере вплоть до правнуков. Причем дети и внуки могут быть и усыновленные. Это следует из Веронских схолий к «Энеиде» Вергилия (I, 237): «Родитель (*genitor*) — лучше, чем отец (*pater*), потому что отцом [человек] становится и по адаптации, а родителем является не иначе, как тот, кто порождает». В Дигестах (50, 16, 51) указывается, что под словом «*gens*» понимаются не только отец (*pater*), но и дед с бабкой, и прадед с прабабкой, и все следующие по восходящей линии. На этом положении зиждется и определение Феста, которое он дает слову «*gens*»: «В обыденной жизни так называются отец или мать, но юристы считают, что этим именем называются и дед с прадедом, и бабка с прабабкой». Несомненно, эти тексты, дающие представление о явлениях и понятиях, возникших в глубочайшей древности, свидетельствуют о многоколенности и обширности римской фамилии.

Важной частью традиции о первоначальном Риме являются царские законы. Как нами уже отмечалось, теперь на смену полному

отрицанию их историчности гиперкритиками в науке утверждается отношение к ним как к достоверным в своей основе, по крайней мере как к восходящим к подлинным установлениям царей. Разделяя такую точку зрения, необходимо остановиться на этом пласте древнейших свидетельств о деятельности первых правителей в Риме. Значительная часть Ромуловых законов касается семейных дел. Уже сам этот факт говорит о значимости фамилии в обществе. У Феста (plogare) в довольно-таки испорченном тексте значится, что один из законов Ромула и Тация касался наказания молодухи. В законе говорится о наказании по всей видимости за нарушение семейных норм, потому что виновная приносится в жертву отчим богам (diis parentum). Так как этот закон упоминается Фестом как бы в тематической подборке, т. е. наряду с установлением, приписываемом Сервию Туллию, о посвящении тем же богам сына или внука (puer), оскорбившего отца так, что он заплакал, можно думать, что и прегрешение невестки было аналогичным. Приведенный закон явно свидетельствует в пользу того, что семья была патриархальной с подчинением младших старшим. Но этого мало. Поскольку Фест употребляет слово «pugus», что означает и жену сына, и жену внука или правнука в равной степени (Dig., L, 16, 50), текст служит дополнительным аргументом в пользу большесемейного характера римской familia. Косвенно на многочисленность членов семьи Тация, указывает участие его домочадцев, правда, вместе с родичами в разбойничьем нападении на лавинийских послов (Plut., R., XXIII).

Позволительно в интересующей нас связи привлечь также данные традиции о Нуме. Он был четвертым сыном у отца и, женившись на Татии, оставался в доме своего престарелого родителя (Plut., N., 3). По одной из версий, переданной Дионисием (II, 76) и Плутархом (N., 21, 1—3), у Нумы от двух браков были дочь Помпилия и четверо сыновей — Помпон, Пин, Кальп и Мамерк. Таким образом, семья была многодетной, и никаких намеков на то, что уже при Нуме она распалась на малые, нет. Можно думать, что распад этот произошел значительно позже, спустя несколько поколений. Ведь и республикан-

Рис 9.
Римлянин с изображениями предков

ское время знало примеры больших патриархальных семей с неразделенной собственностью и общим хозяйством. Во II в. до н. э. это, видимо, было уже редкостью, потому что об одном и том же случае, а именно о семье Элиев, упоминают два автора. Правда, оба они приводят эту семью как достойный подражания пример родственной дружбы, в которой не было раздоров из-за наследства. Тем не менее факты, переданные и Плутархом (Aem. Paul., V), и Валерием Максимом (IV, 4, 8), свидетельствуют о том, что Элии, которых было 16 человек, жили все вместе в одном тесном домике со своим многочисленным потомством, совместно владели небольшим поместьем в Вейентской области, имели одно почетное место на представлениях в Большом цирке и во Фламиниевом. Известно, что за одним из этих Элиев была замужем дочь Эмилия Павла, двукратного консула и дважды триумфатора, не стыдясь, по замечанию Плутарха, бедности своего мужа.

Аналогию такой большой семье, включающей в себя 16 глав малых семей, нашел Ламберт⁸² в ирландской *fine*. Этот организм заключал в себе 4 группы родственников, т. е. 4 поколения, начиная от некоего главы семьи, его отца, его деда и прадеда. *Fine* владела определенной величины участком земли — *baile*. Каждая из четырех групп, составлявших *fine*, распоряжалась 1/4 *baile*, которая называлась *tate* (около 16 или 32 га в зависимости от качества и расположения земли), а также 1/4 частью дома. Каждая четверть дома, в свою очередь, делилась на 4 части в соответствии с четырьмя поколениями составлявших ее потомков. Таким образом, под общей крышей и вокруг одного очага собиралось 16 семей. Ламберт вслед за Юбером переводит слово *fine* французскими словами *famille* и *maison*, поскольку *fine* занимала одно большое укрепленное каменной оградой жилище (*treb*), являющееся приютом и средоточием 16 *ménage*, т. е. хозяйств. Значит, Ламберт понимает *fine* как большую семью, в которой, однако, уже кристаллизуются меньшие семьи, обрабатывающие каждая свой участок *tate*. Иными словами, ирландский вариант представляет собой, скорее, группу близкородственных семей с выделением земельных владений в пользование входящих в нее меньших семей, или большую патриархальную семью уже без полного производственного единства, т. е. начало патронимии.

Что же касается римских Элиев, то они были лишь одним из фрагментов рода, лишь одной его ветвью, потому что один член этой семьи, как раз женившийся на дочери Эмилия Павла, был Элий Туберон. Он носил особый когномен, в то время как в Риме жили Элии Петы, Ламии и др. Самыми знатными были Петы, потому что именно они, согласно Фастам, занимали в IV — начале II в. до н. э. консульскую должность (в 337, 286, 201, 198 гг. до н. э.). Что касается ветви Туберонов, то она хоть и считалась уважаемой, но жила бедно и высших магистратур не достигала. В отличие от ирландцев, Элии пережиточно сохраняли даже во II в. до н. э. тип классической большесемейной общины с общностью производства и потребления, т. е. отражали более

⁸² Lambert J. N. Op. cit., p. 345—347.

архаическую ее ступень. И их пример с еще большим правом, чем ирландский, может быть использован для реконструкции социального строя древнейшего Рима. Таким образом, большесемейный быт Элиев может быть проецирован в начало царской эпохи.

Кроме закона о наказании невестки, о чем речь шла выше, традиция относит к Ромулу еще три закона. Один из них устанавливает брак типа *confarreatio* и положение жены как хозяйки дома и наследницы мужа наряду с детьми. Согласно этому же закону прегрешившую жену судит муж совместно с родичами. В качестве преступлений, которые карались смертью, наши источники называют питье вина, что влечет потерю добродетели (Dionys., II, 25; Plin., N. H., XIV, 3, 89; Serv. Aen., I, 737). *Confarreatio*, судя по применению ячменя в этом виде заключения брака, — очень древняя норма. Интересно, что Гай (I, 112), описывая такой обряд бракосочетания, упоминает десятиерых свидетелей. По остроумному предположению Дж. Франчози⁸³, это были по пять свидетелей от каждого из двух экзогамных родов, откуда происходят брачующиеся. Примечательно, что в этом древнейшем браке жена определяется наследницей. Если в поздней редакции юридического памятника достоинство жены несколько преувеличено, все-таки она не выглядит домашней рабыней, а муж не кажется полновластным деспотом. Судьбу безнравственной жены решает не один муж, но вместе с членами рода. Это дает дополнительное основание полагать, что семья была и осознавалась именно как ячейка рода.

По второму закону, переданному Плутархом (R., XXII), Ромул запретил жене оставлять своего мужа и одновременно запретил продавать жену под страхом принесения поступившего таким образом мужа в жертву подземным богам. Этот закон позволяет считать, что семья в обществе четко обозначена и царь стремится укрепить ее, в частности, лишая женщину свободы распоряжения своей судьбой. Но и права мужа на нее, как и в предыдущем случае, не безграничны. Превышение власти над женой карается смертью.

По третьему закону, о котором упоминалось в другой связи, ограничивалось убийство детей, доживших до 3-х лет, кроме явных уродцев, что удостоверялось опять-таки свидетельством пятерых, на сей раз соседей (Dionys., II, 15). Это обуславливалось не только возросшим уровнем производительных сил, о чем мы говорили, но и свидетельствовало о контроле за развитием семьи со стороны правителя формирующейся римской общины. Значит, и это установление подтверждает отсутствие неограниченной *patria potestas*. Упоминание в законе соседей тоже знаменательно, поскольку показывает значение семьи не только в рамках родовой общины, но и в поселении соседского типа.

Таким образом, Ромуловы законы, т. е. восходящие к аутентичным установлениям тексты, а не только аналогии дают возможность представить римскую фамилию второй половины VIII в. до н. э. не как индивидуальную семью, а как большую, многоколенную патриархаль-

⁸³ Franciosi. Op. cit., с. 104.

ную домовую общину, или семью с отнюдь не столь неограниченной властью *pater familias*, как впоследствии. И этому не противоречат археологические материалы, т. е. следы хижин того времени на Палатине. Пусть это — небольшие жилища, примерно в 30 м², но они расположены поблизости друг от друга. К тому же условия местности не позволяли строить обширные дома. Этнографические данные тоже говорят о том, что вся большая семья далеко не всегда живет под одной крышей⁸⁴.

Рассмотрим теперь законы Нумы, касающиеся *familia*. Их насчитывается четыре.

Дионисий (II, 27) сообщает об эмансипации сына после троекратной его продажи отцом *ἐξ ἀρχαῖς*, т. е. с незапамятных времен. Эта норма была потом зафиксирована в законах XII таблиц (IV, 2). В том же тексте Дионисия говорится, что Нума издал закон, запрещавший продажу женатого сына. Аналогичный закон приписан Нуме и Плутархом (N., XVII). Рим первых царей уже знал рабство. Общество уже было отягощено имущественным неравенством, поэтому продажа жены, о чем мы уже упоминали ранее, или сына не представляется невероятной. Но троекратная продажа сына предполагает более глубокие различия в экономическом отношении среди римлян, чем это мыслимо в начале царского времени, поэтому «незапамятные времена» не обязательно должны относиться к концу VIII — началу VII в. до н. э. Однако упоминание этой меры, вероятно, не случайно наряду с законами второго царя. Все перечисленные здесь установления, как кажется, говорят не об ограничении власти *pater familias*, а об отсутствии у него еще неограниченной власти.

С именем Нумы связывается еще один закон, о котором рассказывает Павел Диакон под словом «*Relices*». В нем запрещалось наложнице прикасаться к алтарю Юноны. За несоблюдение запрета нарушительница должна была принести в жертву богине овечку. Эпитоматор объясняет, что *relices* назывались собственно те, кто выходил замуж за женатого мужчину. Это любопытное свидетельство, позволяющее говорить о фактическом многоженстве, т. е. пережитке группового брака в правление первых царей. Воспоминание о такого рода брачных отношениях у римлян содержится у Плутарха в сопоставлении Ликурга и Нумы (III). Писатель говорит там, что «хотя общность (*κοινωνία*) жен и детей разумно и на благо государству изгнала чувство ревности» и в Риме, и в Спарте, все же эти законодатели по-разному решали вопрос об отношении мужа с женой. В Спарте допускалось практически многоженство, в Риме же муж мог уступать свою жену ради рождения детей другим мужчинам, но выдавая ее замуж, а не оставляя в своем доме. В сравнении с законом Ромула, запрещавшим жене покидать своего супруга, можно вывести такое заключение: пережитки групповых брачных отношений еще существовали, но оба правителя пытались ограничить их действие, укрепляя тем самым патриархальную семью.

⁸⁴ См.: Косвен М. О. Семейная община..., с. 62—63.

Такое представление о семейной ситуации в Риме в ту далекую пору до известной степени может быть подтверждено свидетельством Авла Геллия (XXIII, 1, 9), почти дословно повторенным Макробием (Sat., I, 6, 19). Геллий, ссылаясь на Катона, сообщает, что издревле в Риме существовал обычай, по которому сенаторы брали с собой на заседания сыновей отроческого возраста (*praetextati filii*). О сенатских дебатах до вынесения постановления рассказывать никому не полагалось. Однако мать отрока Папирия выведала у него, что на заседании обсуждается вопрос о том, что для государства полезнее, чтобы один имел двух жен или чтобы одна была женой двоих. Узнав об этом, любопытная женщина тотчас сделала эту сенатскую тайну достоянием всех матрон. Матроны особенно ужаснулись от перспективы стать женами сразу двух мужчин и отправились с мольбами в курию. Сын Папирия получил после этого прозвище Претекстата, а детей перестали допускать с отцами в сенат.

Ссылка на Катона устанавливает *terminus ante quem* и позволяет датировать сенатские дебаты эпохой Ранней республики. Но примечателен сам предмет обсуждений. Значит, даже в то время, которое известно как время расцвета большой моногамной семьи с всевластием отца, в принципе допускалась возможность как полигамии, так и полиандрии, не нашедшая, правда, законодательного подтверждения. Тем более подобные явления возможны и для раннеарской эпохи.

Источники позволяют полагать существование пережитков и других примитивных форм семейно-брачных отношений. Они привлекли к себе внимание современных исследователей. Эрика Магер-Пирнат⁸⁵ выявила в саге о Горациях и Куриациях очень древнюю версию, которую не принял во внимание Ливий, говоривший о Горациях только как о сестре римских героев и как о невесте одного из альбанцев. У Дионисия отмечено, что Горации и Куриации были родственниками, потому что их матери были сестрами. У Зонары и у Колумеллы, независимо от Дионисия, говорится только о родстве участников турнира. Мотив родства, по справедливому мнению исследовательницы, отражает очень древний пласт первобытных отношений у латинян. Материал, свидетельствующий о бытовавших в раннем Лациуме браках между близкими родственниками, подробно собран и проанализирован Дж. Франчози⁸⁶. Остатки явлений, свойственных глубокой первобытности, исследователь не без основания видит в легенде, зафиксированной псевдо-Плутархом (N., 22), о некоей Валерии из Тускула, охваченной нечестивой страстью к собственному отцу, в сообщениях Дионисия и Плутарха об Амулии и Рее-Сильвии. К другому, тоже очень древнему слою брачных норм относится помолвка Лавинии с Турном, который приходился, по наиболее распространенной версии, племянником Ама-те, супруге Латина (значит, Лавиния и Турн были кузенами по материнской линии); помолвка Горации с Куриацием и брак дочерей Сер-

⁸⁵ Mager-Pirnat E. Zur Frage des Mutterrechts in der religiösen Tradition der Römer.— In: Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt, Bd II. Berlin, 1965. S. 339—347.

⁸⁶ Franciosi G. Op. cit., v. II. (Особенно с. 22, 82—87, 89).

вия Туллия с сыновьями сестры его жены Тарквинии, дочери Тарквиния Приска. Все эти случаи говорят о брачных союзах между кузенами с материнской стороны и правомерно расцениваются Франчози как следы отношений, бытовавших до создания экзогамных брачных классов, в то время как эпизод похищения сабинянок свидетельствует об обычае обмена невестами, т. е. включается в известную этнографам картину дуальных экзогамных систем.

Как видно из приведенных данных традиции, рассматриваемому периоду свойственны такие пережитки раннеродового общества, как оценка матрилинейного родства в качестве особо близкого и значимого. Об этом можно судить по реакции Аматы на отказ Турну выдать за него Лавинию (Амата с горя сошла с ума), по предпочтительности в семье Сервия Туллия браков царских дочерей с их двоюродными братьями с материнской стороны, а также по отмеченному уже факту мести за обесчещенную Лукрецию со стороны ее брата, а не мужа⁸⁷.

Следы подобных представлений встречаются в Риме и в более позднее время. Примером их может служить история Цецилии, жены Метелла, рассказанная Валерием Максимом (I, 5, 4). Именно она, а не ее сестра, по древнему обычаю (*more prisco*), вопрошала богов о знамении относительно замужества для дочери последней, т. е. для своей племянницы. Цецилия была настолько озабочена судьбой девушки, вошедшей в брачный возраст, что сказала о готовности уступить ей собственному мужу. Слова, продиктованные нежной любовью к сестриной дочери, оказались не напрасными. Вскоре, как только Цецилия умерла, Метелл жепился на ее племяннице.

Другим убедительным примером являются Матралии. Они празднуются в честь Матер Матуты, отождествленной с Ино-Левкотеей (*Ov., F., VI, 479—506; Plut. Cam., V*). В ритуале праздника исполняется обряд, по которому женщины обнимают детей своих сестер вместо своих собственных (*Plut., Cam., V; Qu est Rom, 17*). У Овидия (*F., VI, 559—562*) это объясняется тем, что Ино оказалась полезнее Вакху, т. е. своему племяннику по сестре Семеле, чем своим детям. Особо тесная связь тетки по матери с племянниками — рудимент той фазы общественного развития, когда даже патриархальный род и большая семья еще не оформились и действовали групповые браки.

В республиканское время род, пусть в трансформированном виде, был экзогамным, что позволяет проецировать брачный запрет внутри *gens* в глубь царской эпохи. Вместе с тем мы знаем, что поздние юридические памятки декларировали запрет на браки до 7-й когнатской степени. Следовательно, если родственники за 7-й степенью не выпадали из рода, он фактически не был полностью экзогамным. Пережитки группового брака, о которых мы упоминали выше, позволяют полагать, что граница брачных отношений, т. е. 6—7-я степень родственной близости, вполне могла быть определена именно в первоначальном Риме. В условиях существования пережитков более примитивных форм она была явлением социального прогресса.

⁸⁷ См.: Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 45.

Из уже рассмотренного нами «Сопоставления» Нумы и Ликурга у Плутарха выявляется еще одно установление Нумы относительно семьи. Римский царь, в отличие от спартанского законодателя, предоставлял родителям свободу воспитывать детей, как кому вздумается. Отец мог по своему усмотрению направить сына на занятия земледельца, медика, флейтиста и т. д. Плутарх осуждает такой порядок, считая его основой непрочности. Однако сквозь морализирование Плутарха просвечивает определенная черта, свойственная римской семье начала правления царей: она самостоятельнее, чем спартанская в рамках более широких социальных общностей, прежде всего в рамках рода.

Бросает свет на состояние фамилии в Риме при Нуме еще один, числившийся за этим царем закон. Согласно комментатору Вергилия Сервию (Ecl., 4, 43), в законах Нумы предусматривалось наказание за непредумышленное убийство. Оно состояло в том, что виновный должен был дать в народном собрании барана за убитого человека его агнатам. Это сообщение интересно с различных точек зрения. Оно показывает прогресс Рима того времени в разных аспектах его бытия — ограничения кровной мести, которая была еще в ходу при Ромуле, как это видно из эпизода раздора Тита Тация с жителями Лавиния, а также развития юридической мысли, т. е. выделения непредумышленного убийства. Вместе с тем комментарий Сервия примечателен и упоминанием агнатов. Сам по себе термин, как это обнаруживается при чтении юридических текстов законов XII таблиц, «Институций» Гая или текстов, помещенных в «Дигестах», всегда сопровождает отношения, складывающиеся внутри семьи либо между близкородственными семьями, и употребляется в связи с наследованием семейного имущества. В данном случае речь идет о возмещении, точнее о пене за убийство, которая поступила не в род, а в семью, что свидетельствует о росте ее удельного веса.

Итак, несмотря на отрывочность и беглость сообщений античных авторов, можно все-таки составить довольно целостное представление о римской фамилии в начале царской эпохи, подкрепляемое этнографическими и историческими аналогиями.

Семья исследуемого времени была большой домовою общиной, входившей составной частью в родовую общину, gens, т. е. была общиной низшего порядка, включавшейся в гентильную общину более высокого порядка. Основой как фамилии, так и gens были коллективное владение или собственность на главное средство производства, землю, при том, что семья получала земельный участок от gens. Цементирующим элементом обеих общностей был совместный труд, в gens прежде всего воинский, а в семье — производительный. Совместным в семье было и потребление. Римская фамилия существовала, вероятно, и в форме консорция братьев с их потомками, но преимущественно в качестве того семейного типа, какой получил в науке наименование отцовской семьи⁸⁸. Эта большая семья состояла из нескольких, 3—4 поколений прямых родственников по нисходящей линии во главе с отцом,

⁸⁸ См.: Косвен М. О. Указ. соч., с. 70—72.

или дедом, либо прадедом. Абсолютного всевластия отца в ней еще нет, что соответствует господству коллективной и слабому развитию частной земельной собственности. Но значение главы семьи уже подчеркивается в установлении первых царей. Такая семья содержит в себе серию ближайших агнатов, сына, внука, в то время как большая семья, возглавляемая родным братом данного *pater familias*, входит в ту же агнатскую группу, но уже на правах, так сказать, агнатов второй категории.

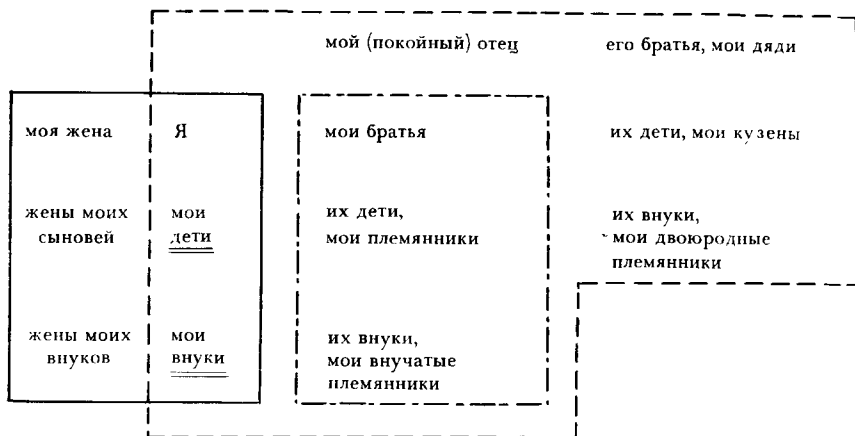
Для характеристики ранней римской фамилии надо уточнить ее отношение к агнатской группе. Судя по «Институциям» Гая (I, 156; III, 10), можно сказать, что агнатская группа состояла из главы семьи с его женой, его сыновьями и внуками с их женами, которые жили единой большой отцовской семьей, а после смерти главы — отдельными большими отцовскими семьями, возглавляемыми родными братьями. При смерти кого-либо из них его имущество переходило к его прямым наследникам, а за неимением их — к оставшимся в живых братьям.

Значит, агнатская группа включала в себя первоначально многоколенную большую отцовскую семью. Она охватывала патронимию позднее, когда патронимическое объединение стало включать в себя малые, индивидуальные семьи, образовавшиеся при делении большой фамилии. Но такого положения в начале царского времени с множеством пережитков самых примитивных социальных форм сложиться не могло.

Аналогичная агнатская группа, ведшая происхождение от второго главы семьи, родного брата первого, возглавлявшаяся после смерти второго его сыновьями, т. е. двоюродными братьями сыновей первого, составляла с первой группой, пользуясь современной терминологией, патронимию. Подобные этим агнатские группы, происходившие от двоюродных братьев первого и второго глав семей, входили в состав того же самого рода.

Агнатские гетерогенные группы образуют гетерогенную общину. В вертикальном направлении род, *gens*, в принципе безграничен, но в горизонтальном он не превышал в идеале 7-й степени родства. Это положение обуславливалось двумя обстоятельствами: 1) эмпирически люди постигли, что браки внутри шести степеней кровной близости отрицательно сказывались на потомстве, так что эта группа родственников была выделена в качестве экзогамной и вместе с тем в качестве костяка существующего в определенном моменте рода; 2) экономические условия диктовали необходимость роду, обозначаемому словом *gens* и представляющему собой гетерогенную общину, ограничивать число входивших в нее больших семей ради гарантированности их существования.

Термины *gentiles* и *cognati* не идентичны. В число *gentiles* входили *cognati* по отцу как по прямой, так и по боковой линии, а сверх того — их жены. В составе же *cognati* по отцу были все его потомки, включая дочерей и внуков по прямой линии, а также его кровные родственники, включая теток и племянниц по боковой. Принадлежность

————— фамилия—агнатская группа

===== прямые наследники

----- агнаты—когнаты по отцу

- · - · - · - ближайшие агнаты

Рис. 10.
Схема 2

к gentiles основывалась только на отношениях к главам больших отцовских семей, составляющих род, а принадлежность к cognati — на отношениях родства как по отцовской, так и по материнской линии. Gentiles — члены общинной организации, а cognati — родственной.

Этнический состав римских gentes при первых царях, как мы проследили, не был однороден. Основную их массу составляли латинские и сабинские роды. Но часть их имела лигуро-сикульское, а также иллирийское происхождение. Возможно незначительное вкрапление в них греческих ахейских и отдельных этрусских элементов. Этническая пестрота gentes, которая вытекает из данных традиции, не позволяет, как кажется, считать древнейший Рим ни альбанской, ни сабинской, ни тем более этрусской колонией. Римские холмы с их сложным населением, нижний слой которого составляли лигуро-сикулы, испытали на себе прибой нескольких колонизационных волн, наиболее значительные из которых притекали со стороны латинских и сабинских районов. Но эти пришельцы, видимо, локализовались в разных местах будущего Рима. Таким образом, можно думать, что римский синойклизм был синойклизмом латинской и сабинской колоний, возникших не на пустом месте и адсорбировавших предшествующее население. Если иметь в ви-

ду латинский характер аборигинов, а также победу латинского языка в формирующейся римской общине, следует заключить, что латинский элемент был в Риме первых царей численно преобладающим.

Важной чертой социального развития Рима начала царской эпохи было то, что *gentes* представляли собой жизнедеятельные организмы, состоявшие из больших отцовских семей. Но семья в это время была четко функционирующей единицей не только в рамках *gentes*, но и в рамках поселений, в которых группировались как родственники, так и соседи.

РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

О хозяйстве Рима того времени сохранились свидетельства разного рода источников. Они не обильны, но все же достаточны для воссоздания общей, не очень детальной картины экономического развития первоначального Рима. Нельзя, конечно, сказать, что в научной литературе они совсем не использовались. Для воссоздания более полной картины мы берем источники, относящиеся непосредственно к региону Рима, а также данные, характеризующие хозяйства близлежащих районов.

Сельское хозяйство. Благодаря археологическим изысканиям установлено, что в Южной Этрурии и Лации, включая Рим, с эпохи неолита и энеолита распространились примитивная агрикультура с применением мотыги и приручение животных¹. Х. Хельбек констатирует с середины XIII в. до н. э. вплоть до раннего железного века в районе Луни на реке Миньоне культивирование пшеницы однозернянки и двузернянки, а также ячменя, бобов и гороха. Там же и в то же время разводили свиней, овец и коз, крупный рогатый скот и коней, как о том можно судить по костным остаткам, классифицированным Н. Г. Гейваллом². Соответствие этим находкам составляют археологические данные, полученные при раскопках Дж. Бони в начале и Э. Гьёрстадом в середине XX столетия, изученные П. Де Франчиши³. В погребальных приношениях могил Форума встречаются обугленные зерна пшеницы и бобов, виноградные косточки, а также кости быка, овцы и свиньи. Последнее справедливо сопоставлено Де Франчиши с обрядом *rogas praecidanea*, т. е. с закланием на могиле свиньи с целью почтить мать-землю. Аналогичные остеологические

¹ De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959, p. 90; Östenberg C. E. *Lumi sul Miglione e problemi della preistoria d'Italia*. Lund, 1967, p. 35, 47; Ducati P. *Come nasce Roma*. Roma, 1939, p. 48.

² Таблицы Гейвалла и Хельбека см. в приложении к книге Остенберга (Östenberg C. E. *Op. cit.*, p. 274, 279).

³ De Francisci P. *Op. cit.*, p. 115—123.

остатки обнаружены и у подножий Капитолийского и Палатинского холмов на Бычьем рынке⁴. Найденный на Эсквиллине гребешок из рога для чесания льна в сопоставлении с традиционными льняными одеждами весталок позволяет говорить о распространении в Риме этой культуры⁵.

Об отраслях сельского хозяйства, о культивировании зерновых и бобовых в древнейшем Риме красноречиво рассказывают образы божеств, религиозные обряды и празднества.

Ко времени Ромула по меньшей мере относится учреждение жреческой коллегии Арвальских братьев, или пахарей, призванной обслуживать культ плодородия полей (Plin. NH., XVIII, 2, 1; Strabo, V, 3, 2; Tib., II, 1). Возможно, что коллегия возникла даже раньше, поскольку связана с Аккой Ларенцией, вскормившей, по легенде, Ромула и Рема. Если о направлении хозяйственного развития здесь говорит само название жрецов, то в других случаях соответствующий материал легко извлекается из характера жертвоприношений. Достаточно для этого обратиться к «Фастам» Овидия, зафиксировавшим в поэтической форме религиозный календарь. Полба и полбанный хлеб с солью упоминаются в связи с январскими календами, посвященными Янусу (I, 128). Уже само это божество удостоверяет древность такой жертвы. Та же самая жертва употребляется в качестве искупительной, очищающей, т. е. февруи, приносящейся в феврале (II, 19—23). Поджаренная полба фигурирует в празднествах Форнакалий (II, 521—525) и Весталий (VI, 313), полбяная каша — в Карналии (VI, 170), «горстка зерна с крупинками соли» — в дни Фералий (II, 535). Пироги приносят во время Терминалий, установленных Нумой (II, 644), а также Либералий (III, 726) и Парилий (IV, 744). Важное место в ритуалах во время Парилий (IV, 734), Лемурий (V, 435—440) и Карналий (VI, 170) занимают бобы.

Представление о значении зерновых в хозяйстве древнейших обитателей Рима дополняется сведениями об обрядах, посвященных посевам: о Семенинах (I, 657—704), об апрельских днях, осененных Венерой (IV, 96), о Робигалиях, при которых фламин закликает Робигу беречь посевы (IV, 911). Показательны и эпитеты, которыми обозначены боги: «сельский Фавн» (II, 198), «Юпитер Пекарь» (VI, 394). Знаменательно украшение цветами жерновов при Весталиях (VI, 312).

О глубокой древности сельскохозяйственных праздников косвенно говорят предание о том, что Церера и Веста были дочерьми Сатурна (VI, 285—286), а также слова Овидия об «улучшении пищи», приписанном Церере. Это соотносено в поэме с распространением меди, когда люди еще не знали железа (IV, 401—405). На древность виноградарства указывают Виналии. Латинское вино упоминается для времени соперничества Энея и Турна (IV, 888). Но Сервий (Aen., III, 165) относит введение культуры винограда даже к Сатурну. Согласно Вер-

⁴ Ioppolo G. I reperti essei animali nell'area archeologica di S. Omobono. — In: Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia, v. 44. Vaticano, 1972, p. 3—46.

⁵ De Francisci P. Op. cit., p. 121.

гилию (Аен., VII, 178), эпонимный герой сабинян назван «виноградарем».

Все это свидетельствует о значении земледелия в раннем Риме. Но, пожалуй, еще больше указаний содержится в «Фастах» на значение скотоводства. О жертвоприношении телят говорится в связи с эпохой Януса (I, 183) и с Парилиями (IV, 734); коров — с Фордицидиями (IV, 630—674; Varro, II, VI, 15); коз — с Агоналиями (I, 362) и в честь Фавна (II, 361). Поэт сообщает о заклании овец и ягнят в Терминалии (II, 644) и в Робигалии (IV, 908); свиней и поросят — в Агоналии (I, 362), Терминалии (II, 644) и Цереалии (IV, 412—415). Ритуальная каша из полбы и бобов с ветчиной использовалась в празднество Карналий (VI, 169). О значении овцеводства можно судить и по переданной Овидием версии о том, что Агоналии встарь именовались «агальным» праздником, получившим название от овец (I, 325), что, конечно, является ложной этимологией, а о значении коневодства — по Эквириям (II, 857—886; III, 520). К этому можно добавить ритуал Октябрьского коня (Fest. October equus). Вообще, «Фасты» пестрят упоминаниями о стадах, их богах-охранителях, о пастушестве и пастушьих праздниках, о молочной пище и возлияниях молоком (I, 83; II, 271, 361; IV, 65, 723—770, 908; V, 92—93; VI, 311).

Римляне никогда не сомневались в пастушеском образе жизни древнейших обитателей Палатина. Достаточно вспомнить слова Варрона: «Кто скажет, что римский народ пошел не от пастухов? Кто не сообразит, что раз город основали они как раз в Парилии, то и сами были пастухами?» (Varro, Rr, II, praef., 4; 1, 9). Комментатор Вергилия Проб, подтверждая это, говорит, что Палес — богиня пастухов, а посвященный ей праздник Парилии является днем рождения Рима, так как город основан пастухами (Probi in Verg., Georg., III, 1). О полной убежденности в этом свидетельствует один из вариантов наивной и в общем неприемлемой этимологии названия Палатина — от звукоподражательного глагола balare, или palare-ergare, связанного с пасущимся на холме скотом (Paul, Palatium). Тот же Варрон в трактате «De lingua latina» (V, 54), объясняя происхождение названия Велии от слов vellere (щипать шерсть), vellera (шерсть) тем, что пастухи, до того как была изобретена стрижка овец, выщипывали их шерсть, указывает на глубочайшую древность пастушества на Палатине. Об этом же свидетельствует название porta Mugionis, объясненное Варроном (V, 164), а также слова Дионисия о том, что до прибытия аркадцев на римский холм там не знали других музыкальных инструментов, кроме пастушеской свирели (Dionys., I, 33).

Убедительное доказательство того, что первые римляне были скотоводами, приводит Г. Диошди⁶. Выясняя происхождение собственности в Риме, он отмечает, что древнейшее ее обозначение в законах XII таблиц выражается в словах «familia» и «rescunia». Первостепенное значение скота в составе имущества древнейших римлян вытекает из сооб-

⁶ Diošdi G. Ownership in ancient and preclassical Roman Law. Budapest, 1970, p. 30.

щения Павла Дякона (*resulatus*) о том, что у них первоначально не было ничего, кроме скота. О роли скотоводства в хозяйстве древнейших римлян говорит и представление о том, что усердие в прядении шерсти является важной женской добродетелью (*Paul., In pelle lanata*). Убедительным свидетельством роли скотоводства в римском хозяйстве является пеня в виде овец и быков, установленная Ромулом (*Cic., г.р., II, IX, 16*), и само название денег (*Varro, II, V, 95*).

Ремесло. В «*Фастах*», в связи с Минервой, говорится о прядении и ткачестве, а также о сапожном ремесле (*III, 816—823*), развитие которых было возможно благодаря развитию льноводства и скотоводства, обеспечивавших мастеров льняными нитками, шерстью и кожами. Учреждение ремесленных коллегий, как известно, единодушно приписывается античной традицией Нуме (*Plut., N., XVII; XXVI (IV)*), а именно: золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, дубильщиков, сапожников, медников, гончаров. Тот же Плутарх (*N., XIII*) и Овидий (*F., III, 383—393*) рассказывают о создании по указанию Нумы медных щитов — *ancilia* — мастером Мамурием. Об анцилиях и панцирях, которые были аксессуарами жрецов-салиев, коллегия которых основал Нума, узнаем мы и от Ливия (*I, 20*). Традиция содержит сведения о строительстве в Риме башен на холмах (*Fest., Mamilia turgis*), укреплений (*Tac., App., XII, 24*), курий и храма Юпитера Ромулом, моста через Тибр, что было делом понтификов (*Plut. N., IX*), возведении жертвенника Юпитеру Элицию на Авентине (*Liv., I, 20*), храма Януса (*Liv., I, 19*), святилища Верности (*Liv., I, 21*), общего храма Весты на Форуме вторым римским царем (*Dionys., II, 66*).

Сведения, сообщаемые античными авторами о развитии ремесел, в значительной мере подтверждаются и археологией. В погребениях Форума и Палатина много керамических изделий, иллюстрирующих развитие гончарного ремесла⁷. В более ранних могилах с кремациями обычны крупные доли, содержащие урны с прахом, и типичный набор посуды. Это — килевидные чаши и миски, чашки с бифокальными ручками, сосуды с сетчатым орнаментом, вазочки о трех ножках и жаровни, или обогреватели. В группе могил с ингумациями сосуды имеют декорровку в виде протуберанцев, или рустов и штриховки. В обоих типах погребений встречаются веретенца, бронзовые лопаточки, фибулы и янтарные бусины. Таким образом, инвентарь, извлеченный из могил, датированных как раз началом царской эпохи, подтверждает наличие ткачества и металлообработки у древнейших римлян, причем заметен прогресс этой деятельности на протяжении этого времени⁸. Наличие же янтаря свидетельствует об обменных отношениях с внешним миром. Янтарь, как известно, происходит только с Балтийского побережья.

⁷ Boni G. Foro Romano. Esplorazione del sepolcreto (4 rapporto).— *NSc*, 1905, v 2, f. 6, p. 148—169; Peroni R. Per una nuova cronologia del sepolcreto arcaico del Foro.— *In: Civiltà del ferro*. Bologna, 1960, p. 464—468; Carettoni G. Tomba arcaica a cremazione scoperta sul Palatino. — *BPI*, N. S. IX, 1954/55, v. 64, p. 261, 263, 264, 266, 270—274; Puglisi S. M. Sepolcri di incinerati nella valle del Foro Romano. — *Ibid.*, p. 304.

⁸ Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung Roms. Heidelberg, 1962, S. 24, 25.

Имеющиеся данные не позволяют, разумеется, говорить о непосредственных контактах обитателей Рима начала царского периода с прибалтийцами. Их контакты должны были быть опосредствованы. Ведь благодаря сходству бронзовых изделий, прежде всего, фибул, брошек, обнаруженных в Пескьера на территории Италии к северу от р. По, в Восточных Альпах и в Южной Германии, датируемых XIII в. до н. э., а также благодаря типологической близости гальштадтских и италийских предметов из бронзы начала I тыс. до н. э., можно говорить о связях Италии с Континентальной Европой. Аналогичное положение с гальштадтскими бронзами III периода, а также бронзами культур Эсте, Болоньи и, что особенно важно, Тарквиний II периода позволяет проецировать эти контакты и в VIII в. до н. э.⁹ Они могут объяснить появление янтарных бусин в римских погребениях, а вместе с тем указать на практику, пусть неинтенсивного, обмена между римской зоной и расположенными к северу от нее районами.

Выделение полевого хозяйства, огородничества и виноградарства, широкое распространение скотоводства, появление разнообразных ремесел говорит об общем росте производства, составляющего основу регулярного обмена. Упорядочение обменной деятельности, регулярный характер обмена результатами труда аттестуются установлением нундий, что приписывается либо Ромулу (*Dionys.*, II, 28), либо Нуме (*Cic. г.р.*, II, 14, 27).

При усложнении римской экономики начала царского времени все же выявляется особое место в ее структуре сельского хозяйства, и прежде всего скотоводства. Это бросает свет и на состояние аграрных отношений в раннем Риме.

Аграрные отношения являются, как известно, одним из важнейших аспектов социальной истории, проясняющим характер социальной структуры. И они не остались вне интересов исследователей. Однако полной ясности и единодушия в понимании этого вопроса нет. Поэтому представляется целесообразным еще раз проанализировать имеющийся материал источников и существующие точки зрения.

Мы уже отмечали ранее скудность и фрагментарность источников по истории древнейшего Рима, что особенно ощущалось до «археологического взрыва» последнего тридцатилетия. Именно этим и объясняется, что такая важная проблема, как аграрные отношения, вызывавшая всегда мощный поток специальной литературы, разрабатывалась преимущественно для эпохи Римской республики. Но в связи с социальным развитием начала Республики был высказан ряд принципиальных положений, важных с точки зрения аграрных отношений предшествующего периода. К их числу относится вопрос об общинном и частном землевладении в древнейшем Риме и об отношении к земле патрициев, клиентов и плебеев.

Так, у Нибура¹⁰ выдвинут тезис о родовом устройстве первоначального Рима и тем самым заложено представление о коллективной

⁹ Müller-Karpe H. Sulla cronologia assoluta della tarda età del Bronzo.— In: *Civiltà del ferro*. Bologna, 1960, p. 456—460.

¹⁰ Niebuhr G. B. *Römische Geschichte*, 5 Aufl. Berlin, 1853.

собственности на землю в среде *patricii*, или патрициев, и о наделении их Ромулом двухюгеровым наделом. В противовес ему А. Рудорфф подчеркивал чуждость для древних представления об отсутствии частной собственности на землю¹¹. Т. Моммзен отмечал наличие общинного землевладения в формах, соответствующих делению общества на трибы, курии и роды¹². Наряду с ним он видел и государственную, или коронную, землю¹³, которой распоряжался царь. Римляне могли пользоваться общинным лугом, внося за это в царскую казну пошлину (*scriptura*), и пашней — за часть урожая (*vectigalia*). Кроме этих видов земельных владений затем появились разделенные пахотные земли и частные приусадебные участки. Сходные взгляды встречаются и у Ф. Вальтера, считавшего, что в Риме земля была поделена на три части: царскую, общинную пастищную и принадлежащую родовым коллективам, точнее куриям¹⁴.

Вообще, следующие за корифеями XIX в. Нибуром и Моммзеном ученые в большинстве своем признавали в древнейшем Риме наличие коллективного землевладения, связанного с патрицианской общиной, и раннее появление частной земельной собственности, связанной с плебейским населением. Особняком стоит лишь мнение Фюстеля де Куланжа, полагавшего, что в изначальном Риме была только частная собственность на землю¹⁵.

Большого внимания удостоился в историографии вопрос о том, что представлял собой двухюгеровый надел — приусадебную или пахотную землю. Преимущественно он решался в пользу пахотного. Решительно против этого выступил Т. Моммзен, утверждая невозможность для семьи прокормиться с такого мизерного участка, который мог быть только садом. Пашня же сначала была в коллективном владении, но ко времени Сервия Туллия уже подверглась разделу¹⁶. Взгляды Моммзена на существование в римской древности сначала общественной земли, а затем и общественной и частной утвердились в науке, в том числе и в русской. Особенно определенно в этом смысле высказывались П. М. Леонтьев¹⁷, И. М. Гревс¹⁸, Н. Н. Зворыкин¹⁹. В. И. Синайский²⁰ обосновал, как кажется, весьма убедительно мысль, что

¹¹ Rudorff A. *Gromatische Institutionen.*— In: *Schriften der römischen Feldmesser.* Berlin, 1852, S. 303.

¹² См.: Моммзен Т. *История Рима*, т. I. М., 1936, с. 65, 176.

¹³ См.: там же, с. 70.

¹⁴ Walter F. *Geschichte des römischen Rechtes.* Berlin, 1960, с. 28.

¹⁵ Фюстель де Куланж. *Гражданская община античного мира.* М., 1867, с. 74.

¹⁶ См.: Моммзен Т. *Указ. соч.*, с. 177.

¹⁷ См.: Леонтьев П. М. *О судьбах земельных классов в Древнем Риме.* — *Русский вестник*, 1861, с. 5—92.

¹⁸ См.: Гревс И. М. *Очерки из истории римского землевладения.*— *ЖМНП*, 1897, сент., с. 30.

¹⁹ См.: Зворыкин И. Н. *Классический опыт аграрных реформ в Риме.* М., 1906, с. 16—17.

²⁰ См.: Синайский В. И. *Подушный надел в Риме.* Юрьев, 1907, с. 34—42; Он же. *Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме.* Юрьев, 1908.

2-х югеровый надел был не подворным, а подушным, связанным, по его мнению, с военной службой. Вопрос лишь в том, какой именно период истории отражает этот факт, насколько он соответствует древнейшей эпохе.

Что касается принадлежности пресловутого 2-х югерового участка, то одна часть ученых, как мы видели, рассматривала его в связи с первоначальным гражданством, т. е. с патрициями, а другая — с плебеями²¹. В советской исторической науке прочно утвердилось мнение о первоначальном Риме как о доклассовом обществе. С. И. Ковалев²² считал царскую эпоху, вслед за Ф. Энгельсом, эпохой военной демократии, т. е. позднеродового строя. В это время понятия «народ» и «патриции» совпадали. Для «народа» было характерно общинное землевладение, наряду с которым патрицианские семьи имели частнособственнический двухюгеровый приусадебный надел. Жившие рядом с ними, но сначала за городской чертой плебеи не имели доступа к общинной земле и владели своими, в том числе пахотными участками на правах частной собственности.

Н. А. Машкин²³ определял царскую эпоху как переходную от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Основной общественной единицей был экзогамный отцовский род, имевший общие земельные владения. Во времена Ромула каждый член общины получил по 2 югера, вероятно, приусадебной земли в наследственное владение (*heredium*), но значительная часть земель находилась в коллективном пользовании патрициев. Плебеи не имели доступа к *ager publicus*, а владели своими участками как частнособственническими. Частная собственность у плебеев, таким образом, появилась раньше, чем у патрициев.

С. Л. Утченко²⁴ находил в древнейшем Риме родовое устройство с господством родовой собственности на землю. После выделения патрициев из родовой массы в качестве ее верхушки им, т. е. патрицианской общине в целом, принадлежала основная масса *ager publicus*. Патриции имели право занимать ее часть, плебеи же владели на правах частной собственности маленькими наделами. Таким образом, в советской историографии сложилось представление о сочетании коллективной формы земельной собственности в Риме в среде *populus* и частной собственности плебеев в царский период.

Если в историографии XIX — первой половины XX в. аграрные отношения в древнейшем Риме рассматривались либо в общих трудах по римской истории, либо в работах по римской аграрной истории, то в новейшее время им уже уделяется место в специальной литературе, касающейся именно жизни первоначального Рима. Обратимся к наи-

²¹ См.: Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972, с. 21.

²² См.: Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936, с. 68, 69.

²³ См.: Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1950, с. 107, 108.

²⁴ См.: Утченко С. Л. Древнейший период истории Рима.— В кн.: Всемирная история, т. II. М., 1956, с. 113—114, 119.

более значительным с точки зрения нашей темы работам, подытожившим результаты усилий своих предшественников.

Так, в первом томе «Истории Римской конституции» итальянский ученый Ф. Де Мартино²⁵ исследует создание конституционного устройства Рима в тесной связи с его социально-экономическим положением. Происхождение Рима толкуется в книге как длительный процесс развития от родового строя к классовому с выявлением «политических» функций основных ячеек общества, *gentes*, которые затем используются и преобразуются в принципиально новом организме возникающего государства. Выступая против патриархальной теории, Ф. Де Мартино говорит об эволюции в направлении: род — большая семья — малая семья, которая обусловлена экономическими причинами. Большая семья соответствует переходу к более развитому пастушескому хозяйству, малая же — к хозяйству земледельческому. Ф. Де Мартино устанавливает соответствия социальных единиц разного порядка месту их обитания и хозяйственной деятельности: *gens-pagus*, большая семья — *vicus*, малая семья — *domus*. Каждый социальный организм характеризуется определенной формой собственности на землю: при родовом строе существует родовая коллективная собственность. Ромул наделил римлян двумя югерами земли, которые передавались наследникам, а Нума учредил культ Термина и Терминалии. Это доказывает, по мнению ученого, существование уже в раннее время в Риме наряду с коллективной и частной собственности и охрану ее государством. Поскольку два югера — это принадлежность *domus* и малой семьи, то эти институты присущи уже времени Ромула и закреплены в период правления Нумы.

Из рассуждений Де Мартино, таким образом, можно заключить, что двухюгеровым участком было наделено первоначальное римское население, не утратившее еще полностью родовых связей, т. е. члены *gentes*. Состав же *gentes* в эту эпоху, согласно Де Мартино, — сложный. Это уже не только равноправные, объединенные этнической близостью сочлены коллектива, но и клиенты, зависимые, «класс» внутри *gens*. Де Мартино обращает внимание, что и в историческое время отношения клиентов с патронами базировались на *fides*, т. е. на социально-этической, а не юридической основе, откуда явствует их происхождение в догосударственную эпоху, внутри *gentes*. Клиенты, т. е. чужаки, вольноотпущенники, занимались земледелием и были главной производительной силой на *ager publicus*. Клиенты, по Де Мартино, не идентичны плебсу. Возникновение плебса относится к той эпохе, когда разложение рода среди италиков зашло достаточно далеко, когда агрикультура заметно прогрессировала и сделала семью экономически целесообразной. Исторический феномен стал заметным в Риме по мере роста ремесла и торговли, привлекавшей из соседних мест в город оторвавшихся от рода людей, т. е. в период этрусской монархии. Понимая государство как продукт исторического развития, обес-

²⁵ De Martino F. Storia della costituzione romana, v. I. Napoli, 1958. (Особенно с. 9, 10, 12, 20, 21, 26, 29—32, 52, 53, 69—70).

печивающий господство одного класса над другими, Де Мартино видит в клиентеле и плебсе зародыши классов, появившиеся в разных исторических условиях: клиенты — это класс, формировавшийся внутри *gentes*, а плебей — внутри *civitas*. Все сказанное показывает, что Де Мартино определяет древнейший Рим как раннее классовое общество с сочетанием коллективного землевладения и частного в виде двухюгерового *heredium* прежде всего в среде самого римского народа, или, как мы бы сказали, формирующегося гражданства. Вопрос же об отношении к земле плебеев той поры оставлен им в стороне. Можно, однако, понять, что первоначально это было безземельное население.

Важных вопросов интересующей нас проблемы касается П. Де Франчиши²⁶. Городу и государству в Италии, по его мнению, предшествовали деревни (*vicī*) и племена (*gentes*), состоящие из семей (*familiae*). Де Франчиши ставит вопрос о соотношении *vicī* и *pagi*. Возможно, *vicī* находились на высотах, *montes*. Сельскохозяйственная деятельность их жителей происходила в расположенных ниже пагах (*pagi*), но определенно сказать, имела ли каждая деревня свой паг, или несколько их пользовались одним пагом, ученый затрудняется. Задается он и вопросом о соотношении *gentes* и *pagi*. Он не отвергает положения Т. Моммзена о паге как о территории рода, которое, однако, трудно проверить без знания числа тех и других единиц. Де Франчиши понимает род как естественное сообщество на основе родства, религии и экономики «малых групп», имевших определенные места обитания. Эти «малые группы» — *familiae*, живущие в *vicus*. О том, какое образование, т. е. род или семья, является более ранним, говорить нельзя, поскольку *gens* существует в виде *familiae*, но можно утверждать, что появление рода предшествует царскому строю. Характеризуя далее *gens*, Де Франчиши утверждает, что он имел определенную территорию, на которой и располагались *vicī*, и таким образом все же признает соответствие пага роду.

В книге уделено внимание аграрным отношениям архаической эпохи. Члены рода, *gentiles*, сообща владели землей, но как члены семей они пользовались двухюгеровым участком в качестве наследственного имения (*heredium*), осуществляя над ним полное господство. На таком участке едва ли могла существовать даже небольшая семья, не занимаясь при этом скотоводством. Но древнейший Рим был пастушеским, значит, семья должна была пользоваться для выгона скота общей землей всего рода, т. е. *ager compascuus*. Что касается характера семьи, то большая это или малая семья, с точки зрения Де Франчиши, принципиального значения не имеет. Вслед за П. Фрецца он обращается к найденному в 1933 г. и опубликованному в 1940 г. Аранджио-Рюнтцем ранее не известному фрагменту из «Институций» Гая, из которого следовала практика совместного пользования общей собственностью имущества братьев и после смерти отца. Для П. Фрец-

²⁶ De Francisci P. *Primordia civitatis*. Roma, 1959. (Особенно с. 134, 136—137, 150, 157, 167, 168, 173, 174, 186).

ца этот текст был важен прежде всего для доказательства того, что *pater familias* архаической эпохи не выглядел в *familia* «абсолютным монархом»²⁷. Для П. Де Франчиши он явился подтверждением того, что консорций братьев — это вторичное по отношению к *familia* образование. При этом он специально остановился на определении состава коллективного имущества консортов, в которое входили скот, рабы, луговая земля (если это не был *ager compascuus* всей деревни), пашня. Из рассуждений Де Франчиши вытекает, что в архаическом Риме существовала гентильная собственность на землю, которая частично находилась в общем пользовании входивших в его состав фамилий (прежде всего, *compascua*), а частично — в общем распоряжении этих фамилий, обладавших, сверх того, наследственными участками, которыми они свободно распоряжались. Кроме родичей на родовой земле жили и трудились клиенты (сдавшиеся *in fidei* или изгнанники из других коллективов), но их участки не были *heredium*. Словом, аграрные отношения древнейшего Рима у Де Франчиши выглядят как воплощение античной формы собственности в кругу входящих в род лиц.

А. И. Немировский²⁸ аграрные отношения специально не исследует. Однако, рассматривая родо-племенную организацию и семью древних римлян, он подчеркивает, что наиболее существенным признаком римского рода была коллективная собственность на землю. Отражение первобытнообщинных отношений и свойственного им коллективного землепользования он видит в легенде о Сатурне. В традиции о Ромуле и Нуме, по его мнению, просвечивает низкий уровень представлений поздних римских авторов о прошлом своего народа, поэтому род в ней не упомянут. Но то обстоятельство, что в источниках упоминается земля, принадлежащая куриям, а сами курии выступают как средоточие хозяйственных, политических, и жреческих функций, позволяет видеть в них первоначальный родовой коллектив. Родо-племенную организацию в первоначальном Риме А. И. Немировский вслед за Ф. Энгельсом считает патрицианской. Ей присущ коллективный родовой характер землевладения с участием в нем клиентов. В момент возникновения города, по мысли А. И. Немировского, патрицианское родовое устройство находилось уже в стадии разложения, с чем связано появление *familia*, т. е. домашней или семейной общины. В книге отмечена сложность вопроса «о связях патрициев и плебеев на почве аграрных отношений». Автор говорит о недопущении плебеев к *ager publicus* и о наличии у них частнособственнического участка уже в период Ранней республики.

Проблеме образования государства в Риме посвящена монография Ф. М. Нечая²⁹, в которой уделено большое внимание конкретному

²⁷ Frezza P. La costituzione cittadina di Roma ed il problema degli ordinamenti giuridici preesistenti.— In: Scritti in onore di Contardo Ferrini, v. I. Milano, 1947.

²⁸ См.: Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962. (Особенно с. 137, 138, 141, 145, 152, 153, 241).

²⁹ См.: Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972. (Особенно с. 4, 9, 29, 30, 34, 36, 47, 90, 95).

освещению аграрных отношений и сословно-классовой структуры Рима. Ф. М. Нечай считает, что «Рим возник в результате синойкизма древних поселений с родовым строем у их жителей с осевшими по соседству вооруженными пришельцами из латинских родов», в чем и следует искать причины его возвышения. Доромулово время характеризуется им как «век первобытнообщинной собственности», а время Ромула — началом века «зарождения и господства частной собственности». Аграрные мероприятия первых двух царей исследователь истолковывает как проводившиеся «на основе общинных порядков, связанных с родоплеменным строем» (Ромул) и как утверждение за владельцем участка по крайней мере пожизненно, с чем связано зарождение частной собственности на землю. Эту эволюцию он особенно подчеркивает, указывая, что «сперва в Риме было родовое землевладение. Обработка земли велась отдельными семьями». Наследственное же землепользование в условиях применения рабского труда вело к появлению частной собственности на землю, которая приводила к имущественному неравенству. Социальные сдвиги на этой почве в VI—начале V в. до н. э. создали социальные конфликты. Они, по мысли автора, знаменовали собой зарождение нового общественного, т. е. рабовладельческого, строя с превращением римской родовой знати в господствующее сословие патрициев, а массы рядовых крестьян и ремесленников — в плебеев.

Касаясь определения времени распада родового и возникновения частного землевладения, Ф. М. Нечай, однако, следуя за античной традицией, находит патрициев и плебеев уже при Ромуле. Возражая против теории этнического дуализма двух сословий, он опять-таки говорит о патрициях и плебейх применительно к царскому периоду до Сервия Туллия. Из всех приведенных здесь положений можно заключить, что плебс, по мнению Ф. М. Нечая, произошел в результате имущественного расслоения внутри римского родового общества, что напоминает теорию Эд. Мейера, и пополнился за счет такой же части завоеванного Римом населения соседних племен. Значит, и ромулов надел (вне зависимости от его величины) был тем наследственным участком, который распределен подушно среди родичей из общего гентильного земельного фонда. Таким образом, процесс формирования частной собственности на землю начался в VIII и закончился к VI в. до н. э.

Схема, предложенная Ф. М. Нечаем, не лишена логики, но принять ее трудно, особенно если сопоставить римское архаическое общество с аналогичными ему стадияльно обществами древности. По мере углубления имущественных и социальных различий отношение к завоеванным может дифференцироваться. Знать покоренных иногда принимается в среду завоевателей на равных с ними правах, как это видно на примере одного из царских спартанских родов или знатных капуанцев, получивших римское гражданство в IV в. до н. э. Но более обычным было все же противопоставление одного общественного организма, спаянного гентильными узами и узами союза племен, другому, иной или подобной социальной организации, которая, однако,

завоевателями не принимается во внимание. Пример тому — все та же Спарта, Фессалия и Крит или амориты Вавилона, не включившие в состав своих сельских общин основную массу покоренного населения. Одним словом, включение одной части покоренного Римом народа в число римлян и превращение другой его части в плебеев еще не означает наличие плебса в среде самого римского общества до инкорпорации в него чужаков, а стало быть, не объясняет и отстранения его от общественной земли в ту древнюю эпоху.

Обстоятельному разбору подвергнуты аграрные отношения в архаическом Риме в книге Э. Перуцци «Происхождение Рима»³⁰. Главной идеей автора является решающее влияние греческой культуры на древнейший Рим, которое ощущалось уже в эпоху Ромула. Оно проявлялось, по его мнению, прежде всего в наличии письменности. Особое место среди древних текстов, о которых сохранились воспоминания в античной традиции, занимают, согласно Э. Перуцци, книги Нумы Помпилия, написанные на папирусе. Пытаясь определить их содержание, ученый пишет, что они распались на две группы: в одной были религиозные установления, а в другой — административные реформы Нумы. Именно в связи с последними Перуцци касается аграрных отношений в Риме. Он замечает, что аграрные отношения в Альбе Лонге определить трудно, но римские в эпоху Ромула, т. е. во второй половине VIII в. до н. э., поддаются реконструкции на основе свидетельств Варрона, Дионисия, Ливия, Плиния и Феста. Они характеризуются наличием частной собственности на участок в два югера, ставший объектом передачи по наследству. Уже при Ромуле осуществлялась лимитация земель; Нума же сделал ее обязательной как на частных, так и на общественных землях. Это было продиктовано не только стремлением упорядочить землевладельческий режим, но и необходимостью устранить недовольство безземельных римлян. Введение Нумой норм, регулирующих землепользование в Риме, Э. Перуцци расценивает как распространение сабинского земельного права.

В концепции Перуцци обращает на себя внимание признание им Рима VIII—VII вв. до н. э. обществом вполне цивилизованным с развитой частной собственностью на землю и наличием *ager publicus*, т. е. пользуясь понятиями К. Маркса, обществом, основанным на античной форме собственности.

Затрагивает стоящую в центре нашего внимания проблему И. Хан³¹. Его интересует отношение плебеев к родовому обществу в Риме. Ученый исходит из признания того, что выступающие на арену истории родовые общества являются обществами уже распадающегося родового строя. Он справедливо отмечает, что в процессе усиливающейся дифференциации как внутри родов, так и между ними наступает момент ее осознания и стабилизации, так что она закрепляется терминологически и численно. И. Хан верно подмечает, что происходит

³⁰ Peruzzi E. *Origini di Roma*, v. II. Bologna, 1973, p. 145—148.

³¹ См.: Хан И. Плебеи и родовое общество.— In: *Studia Historica*, v. 94. Budapest, 1975, p. 5—31.

это прежде всего в условиях ограниченных площадей, занимаемых под пастбища и пашни. Закрепленное число в ходе развития может меняться, может не соответствовать фактическому количеству входящих в него родовых или территориальных единиц, но оно обычно приобретает характер «священного». Применяя эти критерии перехода от родового строя к классовому, И. Хан рассматривает и архаическое римское общество, признавая, что трибы, курии и роды принадлежат еще к латинской традиции, т. е. существовали до этрусского господства, а упорядочение их количественного соотношения и названия приходится на этрусскую эпоху. В важнейшей социальной единице архаического Рима — *gens* — господствовала родовая собственность на землю. Дифференциация внутри рода и выделение более сильных в имущественном отношении семей обособило их верхушку в качестве *patres*, а их ближайших родственников в качестве патрициев. В распоряжении *patres* оказались и родовые земли, которые они распределяли среди простых сородичей. Эти-то простые, противостоящие патрициям члены рода и были клиентами. На том же положении клиентов находились и принятые в род чужаки. Исходя из общепринятой этимологии курий — *co-vir-ia*, И. Хан считает курию военным союзом глав семей (*patres familias*) разных родов. Между 30 куриями, а внутри них между родами были определены участки земли в пределах *ager Romanus*, т. е. вне черты города. По мнению И. Хана, это событие нашло отражение в традиции о Сервии Туллии, который, по свидетельству Варрона, переданному Нонием, распределил подушно между клиентами землю, находившуюся в 26 регионах. Эти *regiones*, т. е. загородные земельные владения курий, уже античными авторами были смешаны, по мнению исследователя, с сельскими трибами Сервия. В самом деле, у Фабия Пиктора в противоречии с другими авторами говорится о создании Сервием Туллием не 20 или 21, а 26 сельских триб наряду с 4 городскими. Таким образом, И. Хан доказывает, что в царскую эпоху, стало быть прежде всего при первых царях, земля в Риме находилась в коллективной собственности членов фиксированного числа родов, т. е. патрициев и клиентов. Число плебеев в ту пору было незначительным, занимались они ремеслом и торговлей, так что практически были исключены из системы римских аграрных отношений.

Важное значение для нашей темы имеют труды, специально трактующие институт собственности в Риме. Фундаментальная монография историка права Г. Дюшди содержит исследование собственности в древнем и доклассическом римском праве³². Он отмечает, что первые следы частной собственности в Риме имеются в законах XII таблиц в терминах *familia* и *rescipia*. Анализ их употребления приводит ученого к выводу, что *familia* первоначально обозначала все количество *famuli*, а *rescipia* — скот. Но ко времени XII таблиц эти значения перестали быть ясными, и оба слова стали применяться равнозначно, по-

³² Diošdi G. Ownership in ancient and preclassical Roman law. Budapest, 1970. (Особенно с. 16, 19, 26, 29, 30, 40, 41, 44, 46, 48—50, 182, 183).

сколько создатели этих законов не были способны еще дать абстрактное и однородное понятие собственности. Применение именно данных терминов для обозначения собственности в раннем римском праве ученый справедливо считает обусловленным уровнем развития производства, при котором люди и скот были важнейшей производительной силой. Г. Диошди стоит на позициях признания приоритета коллективной собственности на землю в Риме и стремится выявить в источниках свидетельства о происхождении частной земельной собственности. Прямых свидетельств он не находит и мобилизует все косвенные. В результате он приходит к выводу о раннем появлении этого института в Риме, устанавливая *terminus ante quem*. В законах XII таблиц частная земельная собственность уже существует. Сначала объектом ее стали дом и сад, а позднее и пашня. Важнейшие условия появления частной собственности — это развитие техники, недостаток земли при росте населения и, что особенно важно, возможность использования подневольной силы. Г. Диошди присоединяется к господствующему мнению о том, что первым видом частной собственности была собственность *familiae*, и ставит вопрос о времени перехода ее в индивидуальную частную собственность *patris familias*. Появление в законах XII таблиц *actio familiae ergiscipudae* (V, 10) и свободы завещаний он расценивает как практическую отмену собственности фамилии. Утверждение в Риме исключительной собственности *pater familias* проявилось, по мнению Диошди, очень рано в связи с сельскохозяйственным характером общества, имеющего, особенно в условиях недостатка земли, тенденцию к концентрации собственности.

Принципиально значимым является анализ названий права собственности у римлян, предпринятый Диошди. Уже его предшественники (Казер и Де Висшер) установили, что древнейшее право Рима не знало точного определения права собственности. Диошди предостерегает против смешения института права собственности и понятия права собственности. Институты существовали уже в раннюю эпоху, понятия же были созданы позднее в период конца Республики. Правотворчество юристов доклассического времени реагировало на сдвиги в социально-экономической области, на преодоление хозяйственной автаркии развитием товарного производства, были выработаны понятия *dominium*, *possessio* и т. д., стали различаться собственники *de iure* и *de facto*. Но при этом право собственности не стало неограниченным.

Той же тематике посвящена и статья Е. М. Штаерман «Римская собственность на землю»³³. Основные положения этой статьи вошли затем в ее книгу «Древний Рим. Проблема экономического развития». Она верно замечает, что при огромном и постоянно возрастающем числе работ о римском праве собственности характер ее еще во многом не ясен. Е. М. Штаерман, развивая мысль Диошди, возражает против ставшего обычным уподобления римской частной собственности капиталистической. Важно отметить, что исследовательница поддерживает тезис итальянских ученых Де Франчиши, Серени и Капогросси

³³ ВДИ, 1974, № 3, с. 34—68.

Клоньези о том, что возникновению римской *civitas* предшествовала совмещавшаяся с гентильной социально-территориальная организация, что развитие собственности шло в направлении от гентильной к фамильной, а затем — к собственности *pater familias*, которая была теоретически осмыслена только к началу императорской эпохи в качестве «*dominium*». Для реконструкции аграрных отношений в архаическом Риме существенное значение имеют наблюдения Е. М. Штаерман над процессом формирования ранних классовых обществ в разных частях земного шара. Этот процесс характеризуется многими конкретными вариантами, но вместе с тем и некоторыми общими чертами, из которых отметим следующие: конституирование разного типа общин, появление примитивной царской власти с присвоением царем части земли и зачастую появлением идеи верховной собственности царя на землю; выделение знати и рост ее земельных владений; возникновение разных форм эксплуатации и зависимости с сопутствующим им обезземеливанием зависимых. Указанные явления Е. М. Штаерман считает присущими и первоначальному Риму.

Из приведенного краткого обзора явствует, что исследования последних лет внесли много деталей и красок в картину аграрных отношений древнейшего Рима. Однако такие вопросы, как связь двухюгерового надела с частной собственностью, характер и структура коллективной собственности при первых царях, влияние этнического состава на развитие древнейшего Рима, недостаточно исследованы и по-разному оцениваются в современной историографии. Решение этих вопросов тесно связано с решением других, зачастую спорных, названных нами вначале, и затруднено состоянием источников.

Круг их ограничен. Наиболее ранние сочинения, в которых сохранились сведения о земельных отношениях в раннем Риме, принадлежат Варрону. Его замечания разбросаны в разных сочинениях: в первой книге «Жизни римского народа», в трактатах «О латинском языке» и «О сельском хозяйстве». Интерес к древностям и осведомленность в «делах давно минувших дней», а также его особое внимание к сельскому хозяйству придают определенный вес свидетельствам Варрона. Именно он говорит о двухюгеровом наделе Ромула, который не ставился римлянами под сомнение.

У Цицерона нет специальной заинтересованности в аграрной истории, но в связи с проблемой гражданского коллектива, гражданства, которую он особенно разрабатывает в трактате «О государстве», он касается и аграрных отношений. Цицерон писал о первых войнах римлян, их территориальных захватах, о переселении жителей завоеванных поселений в Рим. В своей речи по поводу ответа гаруспиков он вспоминает о родовых владениях своих современников в пределах города. Эти замечания, публично произнесенные в присутствии потомков древних владельцев, дают право признать их вполне достоверными.

Тит Ливий, как известно, дал связное изложение истории Рима царской эпохи, пронизанное идеей всевозрастающего римского влияния. Поэтому он много внимания уделяет военным мероприятиям, ведущим к расширению *ager Romanus* и разделу земель. Сведения

такого характера у Ливия в целом совпадают с приводимыми Цицероном. Образованный историк, отнюдь не лишенный критического чутья, как показывает его рационалистическое отношение к фантастическим рассказам о кормлении близнецов волчицей или об исчезновении Ромула, он, естественно, хорошо знает прошлое своей родины и передает в целом канву событий верно. При наличии некоторых преувеличений римских успехов, а также, порой, модернизации в употреблении термина «плебс», сообщения Ливия, касающиеся первоначального Рима, в основе своей признаются современными учеными заслуживающими доверия³⁴.

Много информации содержится в «Римской археологии» Дионисия Галикарнасского. Ж. Пузе³⁵ с подозрением относится к подробной манере изложения Дионисия, считая это признаком его измышлений. Однако галикарнасец, как никто другой из античных авторов, щедр на ссылки. В первых двух книгах своего труда он постоянно упоминает своих предшественников, зачастую приводящих противоречивые сведения, в форме «одни», «другие» или «некоторые». Ясно, что он пользовался рассказами и римских, и греческих авторов. Так, относительно «пифагореизма» Нумы он прямо говорит о римлянине и греке (II, 59). О том, кого он имеет в виду под «римлянином», можно догадаться, вспомнив аналогичные рассуждения в трактате Цицерона (г. р., II, 15, 28). Вообще, он обнаруживает хорошее знакомство с римской традицией, ссылаясь на «римлян» (II, 59; 60; 61) и на «туземные истории» (II, 61). Несколько раз он опирается как на большой авторитет на Фабия Пиктора (II, 21; 39; 47), на Кальпурния Пизона (II, 39, 40), по одному разу называет Гнея Геллия (II, 31) и Цинция Алимента (II, 39). Дионисию принадлежит также важное свидетельство о закреплении в законах XII таблиц, которые ему хорошо известны, более древних установлений (II, 27). Как видно, Дионисий знал и использовал сочинения старшей анналистики и из более поздних авторов обращался к Гн. Геллию, автору II в. до н. э. Таким образом, сообщения галикарнасского историка базируются на солидных первоисточниках. Дионисий сообщает разнообразные сведения: и о завоеваниях и разделах земли в начальный период царской эпохи, и об учреждении границ полей и культе бога Термина.

«Естественная история» Плиния Старшего включает в себя не столько по объему, но очень важные замечания — о двухюгеровой наделе Ромула и о том, что это был наследственный садово-огородный участок.

Довольно подробные биографии Ромула и Нумы, написанные Плутархом, основаны на сочинениях многих писателей. Среди них названы греки Зенодот Трезенский и живший в III в. до н. э., а стало быть, знавший наиболее древние версии Антигон, повествующие о римско-сабинской войне (R., XIV; XVII). Оба они специально занимались ис-

³⁴ См.: Маяк И. Л. Из новой литературы по источниковедческим проблемам древнейшего Рима.— ВДИ, 1972, № 3, с. 214—221.

³⁵ Poucet J. Recherches sur la legende sabinе des origines de Rome. Louvain, 1967.

торией Италии и, очевидно, были достаточно известны, если, по словам Плутарха, сведения Зенодота о сыне Ромула опровергаются «многими». Широко использован и Дионисий. Уже знакомства с Дионисием было бы достаточно для представления о римской традиции. Но Плутарх, видимо, обращался к сочинениям римских писателей и непосредственно. Во всяком случае, он упоминает в качестве своих предшественников Фабия Пиктора, Варрона, Юбу, Гая Ацилия, писавшего во II в. до н. э. по-гречески и по греческим источникам, и «Опровержение времен» Клодия. Несомненно, Плутарх использовал Ливия и Цицерона, во всяком случае пассаж последнего о «пифагоризме» Нумы, но может быть не непосредственно, а через Дионисия Галикарнасского (Cic., г. р., II, 15, 2; Dionys., II, 59; Plut., N., VIII). В главе о семейных делах Нумы Плутарх упоминает три разных версии, что свидетельствует о его широкой осведомленности в римской традиции.

В перечисленных трудах античных авторов обращает на себя внимание однородность сведений по затронутой нами проблеме. Это говорит в пользу устойчивости римской традиции, под которой, как теперь известно, лежит историческая реальность в ее основных чертах. Достаточно вспомнить римскую центурацию, истоки которой уходят в этрусскую дисциплину.

Итак, что же говорят античные авторы о земельных отношениях в правление первых царей.

Во-первых, в источниках сообщается о завоевании новых земель, начиная с Ромула (Cic., г. р. II, 14, 26; Liv., I, 15, 4; Dionys., II, 55; Plut., R., XVII). Отсюда идет и классификация земель (agri), данная Варроном в трактате «О латинском языке» (V, 33): «Существует 5 родов земель — римская, габинская, перегринская, вражеская, неизвестная». Хронологически первые земли, которыми владели римляне, обозначены как *ager Romanus*. Далее Варрон дает более узкое определение слова *ager*: это земля, обрабатываемая для получения плодов. Позднее Исидор Гиспальский (15, 13, 1) будет связывать слово *ager* с *agere*, также подчеркивая этим значение обрабатываемой земли и отвергая зависимость латинского *ager* от греческого слова.

Принадлежащие Риму земли (*ager Romanus*) шли под раздел. Об этом определенно говорят многие авторы. Так, у Варрона (г, I, 10, 2) сказано, что Ромул впервые распределил подушно по два югера в качестве наследственного владения, *heredium*. То же самое повторено Плинием Старшим (N. H., 18, 2, 7). К обычаям древних относит двухюгеровый надел Сикул Флакк (*Gromat. veter.*, S. 153). Плиний поясняет далее термин «*heredium*», которым, как мы видим, Варрон определил двухюгеровый участок: это — садово-огородная земля (19, 4, 5). Плутарх, рассказывая о Нуме, сообщает, что тот застал землю недавно нарезанной на участки, границы которых он не изменил (N., XXIII). Понятно, что речь здесь идет об аграрном мероприятии Ромула, хотя он и не назван.

Иные сведения содержит текст Дионисия Галикарнасского (II, 8). Ромул, «поделив землю на 30 равных клеров, дал клер каждой фратрии, выбрав достаточный для храмов и священных участков, а неко-

торую часть земли оставив общей». По мнению Дионисия, такое распределение земли означало великое равенство. Значит, с одной стороны — подушное наделение римлян небольшими участками, а с другой — наделение землей 30 фратрий с оставлением части земли в качестве общей для тех же фратрий.

Не углубляясь сейчас в толкование термина «фратрия», употребляемого Дионисием, отметим лишь, что в данном случае речь безусловно идет о коллективе, притом о коллективе родового характера. На первый взгляд традиция содержит противоречивые сведения. Но противоречие может быть устранено, если иметь в виду возможность двух, различных мероприятий, связанных с именем Ромула, по-видимому отделенных друг от друга каким-то промежутком времени. Можно думать, что первым из них было распределение земель между дионисиевыми фратриями. Об этом можно судить уже по аналогии с другими архаическими обществами, в частности изучаемыми этнографией, у которых коллективные формы землевладения и землепользования предшествовали индивидуальной форме³⁶. Г. Диошди³⁷ собрал очень важные, хотя и косвенные данные, говорящие в пользу того, что и в Риме частной собственности на землю предшествовала коллективная. На это указывает закон о праве наследования родичами стад. Ведь частная собственность на движимость появилась раньше, чем на недвижимость, что, как было отмечено выше, доказывалось самими терминами, обозначающими собственность вообще, а именно словами *familia* и *rescipia*. Г. Диошди остроумно отверг аргументы противников приоритета коллективной собственности на землю в Риме перед частной. Так, он справедливо парировал тезис ученого Иеринга, считавшего, что такое революционное событие, как переход к частной собственности, должно было оставить след в источниках, указанием на наличие этого следа в виде традиции о двухюгеровом ромуловом наделе; он отверг мнение Бонфанте о том, что садово-огородные культуры не согласуются с коллективным землепользованием, утверждением о существовании зернового хозяйства. Диошди напомнил о том, что римляне не относили введение межевых камней к незапамятным временам, а связывали с Нумой. Значит, до Нумы коллективные землевладения, по меньшей мере, преобладали.

Кроме этих, общего характера соображений в научной литературе, начиная с Моммзена³⁸, было обращено внимание на свидетельства Варрона и Дионисия об учреждении Сервием сельских триб. Текст Варрона из 1-й книги «О жизни римского народа» передан граммати-

³⁶ См.: Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934, с. 321, 323, 324; Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939, с. 87, 88; Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, с. 137; Кнышенко Ю. В. История первобытного общества и этнографии. Ростов, 1965, с. 170; Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1968, с. 184; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.

³⁷ *Dióšdi G. Op. cit.*, p. 36—37.

³⁸ *Mommsen Th. St.—R., Bd III, Abt. 1. Lpz., 1887, S. 94, 95, 169.*

ком III в. н. э. Нонием Марцеллом в его энциклопедическом словаре³⁹. Там сказано, что Сервий «распределил подушно между клиентами земли в 26 регионах вне пределов города». У Дионисия же (IV, 15) написано: «А разделил он (Сервий) всю землю, как рассказывает Фабий, на 26 частей, которые назвал, как и присоединенные к ним 4 городские, филами, и он (Фабий) говорит, что при Туллии и тех и других оказалось 30; а как рассказывает Венноний, — 31, так что, когда были присоединены 4 городские, они (вместе) образовали 35 триб, которые существуют и в наше время»⁴⁰. В самое последнее время вслед за другими учеными⁴¹, как отмечено выше, высказался в пользу приведенных текстов в качестве свидетельств о гентильном землевладении И. Хан⁴². В упомянутых Варроном 26 regiones он справедливо видит не сервиевы трибы, а земельные участки курий. Действительно, достоверные сельские округа Сервия могли к началу республиканской эпохи быть числом не более 17. Уже это обстоятельство говорит против идентификации триб и regiones или μοῖραι Фабия. Хочется подчеркнуть, что и самый дух сервиевой реформы, даже если б количество тех и других совпадало, противоречит простому переименованию единиц, т. е. замене названия μοῖραι (= regiones) на φύλα (= tribus). Социально-политический смысл мероприятия Сервия Туллия заключался в подавлении влияния патрицев, а значит, и всех родовых принципов. Введение территориальных округов, как известно, укрепляло позиции царя перед лицом родовой знати.

До сервиевых территориальных триб римская земля должна была принадлежать в значительной мере гентильным подразделениям. Поскольку родовые владения в соответствии с количеством родов должны были исчисляться сотнями, десятки regiones могли принадлежать только куриям. Уже Моммзен⁴³, заметив, что курии не могут быть заменены 4 городскими трибами, фактически предупреждал против представления о безусловном распределении земли между 30 куриями в городе и за городом в отношении 4:26. В самом деле, из известных 9 курий лишь 2 без особых сомнений могут составлять часть собственно римской территории — Foriensis и Vellensis, или Veliensis, упомянутые Фестом, так что не следует поддаваться соблазну полного доверия к фавиеву числу «26» или веннониеву «31», поскольку оба они могли быть результатом вычитания 4 городских триб из общего числа 30 или 35 соответственно куриальных или территориальных округов. Однако сомнения вокруг числа не опровергают правильности понимания досервиевых regiones, или, по крайней мере, части их как куриальных, т. е. в широком смысле слова гентильных территорий.

Кроме того, Варрон, характеризовавший в трактате о латинском языке слово ager с точки зрения его назначения (V, 34) и с точки

³⁹ Compendiosa doctrina per litteras.

⁴⁰ Fab., fr. 9; Cato, fr. 23; Ven., fr. — HRF, Peter, 1883.

⁴¹ Magdelaine A. Remarques sur la société romaine archaïque. — REL, 1972, t. 49, p. 107.

⁴² См.: Хан И. Указ. соч., с. 16.

⁴³ Mommsen Th. ST—R, Bd III, Abt. 1, S. 169, N. 3.

зрения его принадлежности (V, 33), сообщает, что *ager Romanus* делился сначала на 3 части, откуда и получили название трибы Тициев, Рамнов и Луцеров (V, 55). Эти сведения говорят о родо-племенном владении землей у первых римлян. Далее, в тексте Дионисия (II, 7) с рассказом о делении земли между куриями, обращает на себя внимание то обстоятельство, что участки курий названы равными клерами. Значит, распределялись они поровну и по жребью. Такой способ деления земель присущ преимущественно социальным группам, не знающим частного землевладения или, по меньшей мере, с неразвитой частной собственностью на землю.

Все сказанное позволяет присоединиться к выводу о значении в Ромулову эпоху коллективных форм землевладения или собственности. К. Маркс, характеризуя землю как базис коллектива, подчеркивал, что в условиях родо-племенного строя люди относятся к земле «с наивной непосредственностью как к собственности коллектива, притом коллектива производящего и воспроизводящего себя в живом труде»⁴⁴. Конкретно римская земельная собственность воплощена в землях Тициев, Рамнов и Луцеров, полученных путем жеребьевки куриями, с выделением внутри них священных участков, принадлежащих сообща всем членам курии, а также в земле, принадлежащей совокупности всех курий. Это подтверждает наше предположение о том, что наделение земель курий было первым актом мероприятий Ромула, принцип и форма которого были привычным для архаического общества явлением.

Важно затем выяснить, где именно располагались земельные владения римлян. Масса населения триб Тициев, Рамнов и Луцеров обитала в тот период на Палатине, о чем говорят авторы (Liv., I, 33; 2; Dionys., II, 50) и археологические данные, причем на этом холме было два поселка⁴⁵, вероятно на Целии, о чем свидетельствует Варрон (II, V, 46), считающий, что холм получил имя от пришедшего из Тиррении Целия, и вслед за ним Дионисий (II, 36). Но показания авторов здесь все-таки разноречивы. О заселении холма альбанцами при Тулле Гостилии говорит Ливий (I, 29, 1; 33, 2), а о присоединении его к Риму Анком Марцием — Цицерон (г. р., II, 18, 33). О наименовании холма по Целию Вибенне, но помогавшему уже не Ромулу, а этрусскому царю — вероятно, Сервию Туллию, рассказывает Тацит (Ann., IV, 65). Но если иметь в виду в целом верную традицию о заселении южной части Лация, включая Рим, с конца III — до начала I тыс до н. э., в том числе упомянутый в ней «город кверкветуланов» (Plin. NH III, 5, 68—70; Dionys., V, 61, 3), то можно думать, что Целий уже ко времени Ромула был заселен. При Ромуле был занят и Эсквилин, если

⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 463.

⁴⁵ Romanelli P. Problemi archeologici e storici di Roma primitiva.— BPI, 1954/55, v. 64, p. 258—259; Carettoni G. Tomba arcaica a cremazione scoperta al Palatino.— Ibid., p. 261—275; Pallotino M. Fatti e leggende (moderne) sulla più antica storia di Roma.— SE, 1963, v. 31, p. 22; Idem. Le origini di Roma.— ANRW, Bd I, T. I, p. 26.

учсть сообщение Дионисия (II, 37) и традицию о Септимонции⁴⁶, а также археологические материалы. Вряд ли можно исключить из зоны тогдашнего заселения Квиринал и Капитолий. Ж. Пусэ⁴⁷, сравнивая главные варианты предания, сохраненные Ливием и Дионисием, обращает внимание на то, что Ливий определенно относит включение в город Палатина и Капитолия к правлению Ромула, в то время как включение Квиринала и Виминала считает делом Сервия Туллия. Дионисий же, также относя к Ромулу Палатин и Капитолий, приписывает Квиринал уже Тацию и Нуме. По мнению Пусэ, схема Ливия древнее и достовернее. Ливий судит как римлянин, для которого Квиринал и Виминал образовывали неразрывное единство, regio Collina. Атрибуирование Нуме и тем более Тацию, сопровителю Ромула, присоединение и заселение сабинами Квиринала — это, согласно Пусэ, ошибка, обязанная своим появлением неверным этимологическим отношениям между словами Quirinalis, Quirites, Cures. «Сабинизация» же древнейшей римской истории — намеренная фальсификация со стороны сабинской знати республиканской эпохи. Интересно, что при этом Пусэ не исключает Капитолий из орбиты Ромула, но, стремясь доказать относительно позднее появление сабинян в Риме, он возражает против сабинской принадлежности Капитолия.

На топографическую близость Капитолия и Квиринала обращает особое внимание Ю. Биндер⁴⁸. Это обстоятельство в дополнение к археологическим и лингвистическим показаниям⁴⁹ позволяет считать оба этих холма частью тогдашней, т. е. времени Ромула и Тация, римской территории. Что касается Авентина, то традиция говорит о присоединении его к Риму Анком Марцием (Cic., г. р., II, 18, 33; Liv., I, 33, 2). Еще при Нуме он, по словам Плутарха (N., XV), не был заселен и не принадлежал к городу.

С абсолютной точностью локализацию Рамнов, Тициев, и Луцеров на территории будущего города определить трудно. Возможно, однако, что площадь, занятая этими трибами, как мы видели, охватывала Палатин с Великой, Целий, Эсквилин, т. е. Септимонций, а затем также Квиринал, Капитолий и, вероятно, прилегающие к подножию холмов части долины Форума и, по крайней мере при Нуме, район храма Весты⁵⁰. Использовалось все это пространство, по-видимому, в разных целях. Прежде всего, для жилья в деревнях (vici). Остатком древних поселков в Риме являются такие улицы, как vicus Tuscus, vicus Iugarius, vicus Sceleratus, существовавшие, видимо, еще до Тарквиния

⁴⁶ Fest., Septimontium; Klotz. Septimontium. — RE, 2Rh., IIb. 4, Bd 2, p. 1577—1578.

⁴⁷ Poucet J. Op. cit., p. 9, 11—16, 97.

⁴⁸ Binder J. Die Plebs. Leipzig, 1909, S. 10, 43, 51.

⁴⁹ Devoto G. Le origini tripartite di Roma.— Athenaeum, N. S. 31, 1953, v. 41, p. 336; Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung Roms. Heidelberg, 1962, S. 52, 61; Pallotino M. Le origini..., p. 26; Bloch R. Tite Live et les premiers siècles de Rome. Paris, 1965, p. 39; De Francisci P. Primordia..., p. 112.

⁵⁰ De Francisci P. Primordia..., p. 111; Bartoli A. I pozzi dell'area sacra di Vesta.— In: Monumenti antichi pubblicati per cura della Accademia Nazionale dei Lincei, v. 45. Roma, 1961, p. 2.

Гордого (Liv., I, 47, 7) под неизвестным нам названием и т. д. Но они возникли исходя из их местоположения и происхождения позже рассматриваемого времени. Зато воспоминанием о селениях в пределах Ромулова Рима служат названия улиц в некоторых римских колониях. Так, колонисты привезли с собой в колонию Арминии наименования семи улиц, бывших некогда римскими деревнями, расположенными на холмах, заселенных в рассматриваемое нами время. Среди них — *Cermalus Forensis*, а в колонию Антиохия в Писидии — *Cermalus Salutaris*⁵¹. Вероятно, часть деревень была основательно укреплена, как вытекает из существования *turris Mamilia*⁵². Видимо, здесь был уже *oppidum*, т. е. укрепленный поселок с башней. Археологически засвидетельствованы по основаниям хижин две деревни на Палатине, между которыми обнаружена могила с кремацией. Наличие же селений на Эсквилине и Квиринале устанавливается по найденным там погребениям. Значит, на холмах кроме поселков были и кладбища. Были там и священные участки с часовнями *Аргеев* (*Varro*, II, VII, 44; *Ov. Fast.*, III, 792—793), возникшими еще в период обособленного существования деревень, или со святилищами Юпитера, существовавшими и позднее, а также очаги фратрий (*Dionys.*, II, 65; 66). Вероятно, тогда уже существовало на Веллии святилище такого архаического божества, как *Мутинус Титинус*, о котором говорится у *Феста* и у *Павла Диакона* (*Mutini Titini*).

На обитаемых холмах располагались и сельскохозяйственные угодья, т. е. пастбища и пашни. Так, из рассказа *Ливия* (XL, 29, 3) о случайной находке книг *Нумы* на *Яникуле* во время пахоты явствует, что еще во II в. до н. э. на этом холме распахивалось поле. О существовании таких угодий можно судить и исходя из представлений о хозяйстве древних римлян, прежде всего о развитии у них скотоводства, что, помимо указаний античных авторов (*Varro*, *rr.*, II, *praef.*, 4; I, 9; II, V, 164; *Dionys.*, I, 33; *Serv. in Buc.*, I, 33), как мы уже говорили, прочно подтверждается многочисленными находками костей быка, овцы и свиньи в ареале древнейшего Рима⁵³. Важным доказательством является также римская топонимика. На *Целийском холме* издревле известен *pagus Succusanus*, восходящий к периоду *Септимонтия*⁵⁴, под *Эсквилинскими воротами* *pagus Montanus*⁵⁵. *Паг* — это территория, где и позднее, т. е. в республиканскую и императорскую эпохи, проходила производственная жизнь сельчан во всей Италии, да и в провинциях. Существенную в этом плане информацию находим мы и у *Варрона* (II, VI, 24), который поясняет, что праздник *Септимонтия* справлялся только жителями *montes*, на которых в его время была расположена *urbs*, тогда как *Паганалии* — жителями *пагов*, причем и *montani*, и *pagani* входят в состав *populus*.

⁵¹ Mommsen Th. St—R, Bd III, Abt. 1, S. 114.

⁵² De Francisci P. Primordia..., p. 165.

⁵³ De Francisci P. Primordia..., p. 109, 112; Ioppolo G. Op. cit., p. 3—46.

⁵⁴ Varro, II, V, 48; Fest., Septimontium; Mommsen Th. St—R, Bd III, Abt. 1, S. 114—115.

⁵⁵ Mommsen Th. St—R, Bd III, Abt. 1, S. 6, 116; Kornemann E. Pagus.—RE, Hb. 36, S. 2326; SC de pago Montano.—FIRA, S. 189.

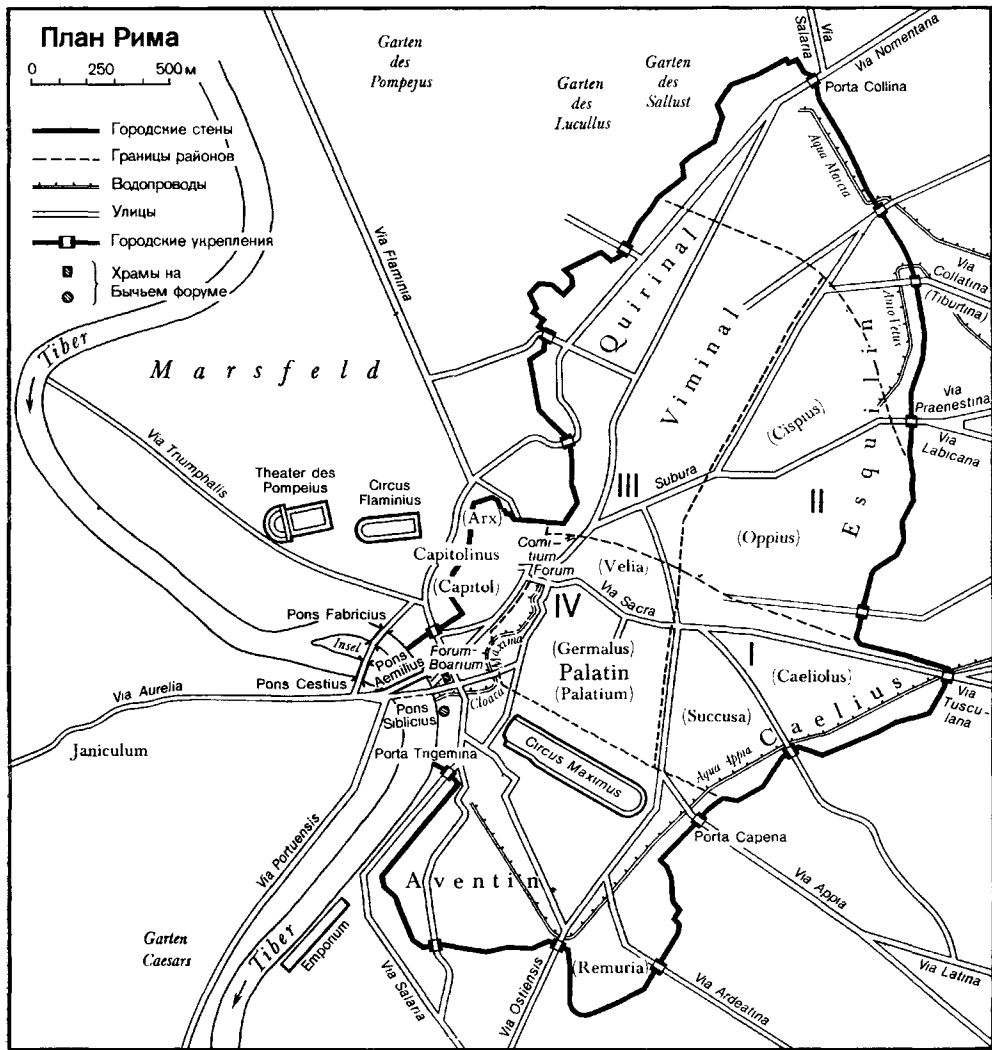

Рис. 11.
 План Рима республиканского времени. В центре — места первоначальных поселений (по кн.: *Kulturgeschichte der Antike*. Bd 2. Rom. Berlin, 1978)

Названные паги принадлежат площади, заселенной первыми римлянами, участвовавшими в первом римском синойклизме при Ромуле — Тацин. Видимо, эти *pagani* и имелись в виду Ромулом, которому приписывается учреждение нундин. Только в эти дни всем римлянам разрешалось сходить в город для торговых дел (*Dionys.*, II, 28). Надо иметь в виду, разумеется, что границы Рима этого времени не были

вполне определенны. Характерно, что сведения о померии, ограничивающем город, весьма проблематические, относятся только к Палатинскому Roma Quadrata, а потом, уже достоверные, к Сервиеву городу⁵⁶. Упоминание каких-то оборонительных укреплений на склоне Эсквилина, так называемого *pinus terreus Carinatum* (Varro, II, V, 48), может быть, относится еще ко времени до синойкизма. Рим, как повествует традиция, постоянно воевал, расширял свою территорию, так что границы его понемногу раздвигались без их особой фиксации. Возможно, этим именно и объясняется разное определение померия древними авторами, а также появление понятия *ager effatus*. Действительно, Ливий определяет померий как пространство по обе стороны стены, точнее, между ней и *ager effatus*. Последнее же понятие объяснено Варроном (II, VI, 53) как пространство вне ауспиций, т. е. за пределами города. Но это — принадлежащее римлянам пространство. Можно думать, что таким *ager effatus* были поселения сабинов на *colles*, т. е. вошедшие потом в Ромулов Рим районы, а также не вошедшие в него прилегающие земли Мурции, Авентина, Яникула и за Капенскими воротами, где локализовался Лемониев паг. Этими местностями римляне безусловно пользовались как лесами, выгонами, пашнями. В пользу этого говорит существование Лемонийского, Авентинского и Яникульского пагов, известных по надписям республиканского времени⁵⁷, а также сообщениям античных авторов. По словам Плутарха (R., 23) и согласно Фесту, в Лавровом лесу на Авентине Ромул похоронил Тация. Эти сведения восходят к Варрону (II, V, 152), который передает, что место получило название либо от погребения Тация, убитого лаврентцами, либо от Лаврового леса. Когда лес был вырублен, там была построена деревня (*vicus*). О постоянных посещениях Авентина Нумой, в Лавровой роще которого он любил уединяться, и о строительстве им там жертвенника в честь Юпитера Элиция рассказывают Ливий (I, 20, 7) и Плиний (NH, 15, 40). Из этих сообщений, которыми нельзя пренебрегать, особенно в том, что касается религии, следует, что холм этот или, по меньшей мере, часть его, римляне считали своим и могли осваивать как хозяйственную территорию, положив тем самым начало поселка и будущего пага. Попытки освоения Яникула до его присоединения к Риму, которое приписывается Анку Марция (Liv., I, 33, 6), можно видеть из традиции о погребении на этом холме Нумы (Fest, Numam Pompilium, Paul., Numae Pompilii; Plut. N., V., 22).

У Страбона (V, 3, 2) в сообщении о происхождении Рима и о месте, где основывался город, содержится интересное замечание о том, что между 5 и 6 милевыми камнями (значит, в пяти милях от Фурума!) находится местность, которая именуется Фесты. Ее-то и считают границей тогдашних римских владений. Еще во времена Страбона здесь совершались жертвоприношения, которые знаменитый географ назвал «Амбарвия», вероятно, спутав с Амбарвалиями. По словам

⁵⁶ Müller-Karpe H. Zur Stadtwerdung..., S. 30.

⁵⁷ Mommsen Th. St.—R, Bd III, Abt. 1, S. 116; Kornemann E. Pagus, S. 2326.

Страбона, такие священнодействия производились в тот же день и в других местах, которые были некогда пограничными. На глубокую древность обряда указывает не только контекст рассказа, но и то, что Амбарвалии связываются с коллегией Арвальских братьев.

А. Момильяно⁵⁸ обратил внимание на аналогичные очистительные обряды в празднество Терминалий, которые, согласно Овидию, (*Fast.*, II, 680—682), совершались у шестого столба на *via Laurentina*, т. е. в направлении Лавиния — Лаврената. На основании Пренестинских фаст Момильяно устанавливает те же обряды во время Робигалий на пятой миле на *via Claudia*. Нам представляется нужным подчеркнуть, что все упомянутые здесь празднества — очень древние, их учреждение не переходит границу правления Нумы, т. е. начала VII в. до н. э., и что они показывают постепенное расширение города в разных направлениях, т. е. за померием.

Итак, из приведенного материала следует, что Ромулов Рим не был еще *urbs* (регулярный, по этрусскому образцу построенный и обнесенный стеной город⁵⁹, даже если таковым изображается его центр на Палатине), а совокупностью примитивных деревень, порой укрепленных, превращавшихся в *oppida*, с хижинами и святилищами, кладбищами и сельскохозяйственными угодьями. В хозяйственных целях римляне использовали и близлежащие земли, как свои.

Поскольку в Риме функционировала и была в силе родо-племенная организация, естественно думать, что в деревнях жили родичи, которым принадлежали луга и пашни, т. е. что *pagus* некогда был территорией *gens*⁶⁰. Действительно, традиция сохранила воспоминания о владениях отдельных родов в пределах города — это уже упоминавшееся укрепление Мамилиев, владения Валериев на Велии, известные и в начале Республики⁶¹, Целиев на Целийском холме (*Varro*, II, V, 46), чьи-то на Целикуле (*Cic.*, *har. resp.* XV, 32), а также *pagus Lemopus*, названный родовым именем. Р. Пальмер трактует как территорию, принадлежащую куриям в пределах Рима, места, где помещались их *auguracula*, которые он находит в перечислении остановок аргейской процессии у Варрона (II, V, 45—54). Наконец, следует напомнить о важном свидетельстве Варрона о 26 *regiones* вне Рима, полученных в результате завоеваний в основном уже после Ромула. В литературе высказывалась мысль о сосуществовании в архаическом Риме гентильных владений с территориальными общинами, но сделано это было в общей форме без хронологических уточнений и аргументации⁶². Думается, что территориальные соседские общины появились

⁵⁸ Momigliano A. An Interim Report on the Origins of Rome.—JRS, 1963, v. LIII, pars I—II, p. 95—121.

⁵⁹ Kornemann E. Polis und Urbs.—Klio, 1905, Bd 5, S. 89—92.

⁶⁰ De Martinn F. Storia della costituzione romana, v. I. Napoli, 1958, p. 9.

⁶¹ *Cic.*, *har. resp.* VIII, 16; *r. p.* II, 31, 53; *Dionys.*, V, 19; *Liv.*, II, 7, 6; *Plut.*, *Cap.*, XX.

⁶² Sapogrossi-Colognesi L. La struttura della proprietà e la formazione dei «*iura praediorum*» nell'età repubblicana, v. I. Milano, 1969, p. 184—185; Штаерман Е. М. Римская собственность на землю.—ВДИ, 1974, № 3, с. 37; Она же. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978, с. 54—55.

уже в эпоху Ромула, даже если населяли их родственники. О появлении территориальных общин в Риме можно судить по некоторым данным традиции. Попробуем проанализировать их. Конечно, это сочинения сравнительно поздних авторов, но осведомленных зачастую лучше, чем кажется современному исследователю. Осторожное и критическое отношение к каждому из их сообщений в отдельности позволяет выявить заслуживающий доверия материал.

Как известно, одна из вершин Палатинского холма называлась Гермалом. Этимологию этого топонима сообщает Варрон: *Germalus a germanis, Romulo et Remo* (Varro, II, V, 54). Это объяснение затем повторит Плутарх (R., III). Однако здесь, как нам кажется, типичный пример осмысления ставшего непонятным названия с помощью привычных представлений, т. е. легенды о близнецах. Варрон был знатком родного языка, поэтому мы можем доверять его этимологии, но только в первой ее части, а именно: «Гермал — от братьев». Иными словами, в названии Гермала могло сохраниться воспоминание о том, что населяли его родственники, братья, что на этом холме существовал родовой поселок. Но в условиях родового строя, когда расположенные поблизости селения все имели родовой характер, такое название было бы бессмысленным, так как не отличало бы этот поселок от других. Гермалом могли назвать холм и селение жители близлежащего, очевидно на том же Палатине поселения, родовое единство которых было нарушено или разрушено, и они жили уже соседско-родовой или соседской общиной.

Античная традиция приписывает Ромулу множество реформ, персонифицируя в нем социально-политическое развитие Рима и кумулируя в нем деятельность архаических правителей, вероятно, на протяжении не одного поколения. Как мы уже писали, одно из ромуловых установлений разрешало избавляться сразу от новорожденных калек, убедив, однако, в непопущенности ребенка пятерых ближайших соседей. Дионисий, рассказывая о необходимости в указанном случае обращаться к свидетелям, называет их не родственниками, а именно соседями: *πέντε ἀνδράσι τοῖς ἑγγύστοις οἰκοῦσιν* (Dionys., II, 15). Пять свидетелей — древнейшая норма, связанная с манципацией, зафиксированная таким архаическим памятником, как законы XII таблиц (VI, 1; 5b) и вышедшая из употребления ко времени Дионисия. Это позволяет думать, что сообщение Дионисия включает в себе достоверный факт той глубокой древности, которая ассоциировалась в эпоху Республики со временем Ромула и может служить указанием на существование в Риме предполисной поры соседской общины.

Ромулу же приписывается и учреждение *asylum* (Plut., R., XX; Liv., I, 8, 5; Dio Cass., 47, 19). Эта традиция весьма интересна в плане поставленного нами вопроса. Во-первых, она отчетливо отражает очень ранний хронологический слой римской истории, так как связана с рассказом об основании города исключительно молодежью, с воспоминанием о *ver sacrum* (Dionys., I, 16; Fest. ver sacr.). Ведь убежище, как и похищение сабинянок, служило делу увеличения населения. Помещение *asylum* на Капитолии может звучать анахронизмом, если счи-

тать, что этот холм был заселен позднее, чем Палатин и Эсквилин. Однако теперь есть основания полагать, что он был обитаем еще до Ромула. Таким образом, никакая неточность не может дискредитировать традицию об убежище, так как в Риме их, видимо, с течением времени стало несколько. Дионисий Галикарнасский (IV, 36) упоминает еще убежище Дианы на Авентине. Капитолий как место убежища мог удержаться в воспоминаниях поздних писателей благодаря тому, что на этом холме находились наиболее древние и прославленные храмы.

Во-вторых, в сообщениях об *asylum* говорится, что прибегающие к нему принимаются в общину. Именно после притока новых поселенцев Ромул начал «строительство» государства. Пришельцы, которых Ливий презрительно именует *ex finitimis populis turba*, толпой, стремившейся к перемене своего положения, принадлежавшей соседним народам, не были, конечно, родичами Ромуловых товарищей. Значит, и рассказ об *asylum* содержит указание на то, что Рим в эпоху Ромула не был уже родовым поселком, что в римском синойклизме участвовали, по-видимому, и общины соседского типа.

Добавим несколько слов еще об одном обстоятельстве, являющемся бесспорным историческим фактом. Как доказал Э. Серени, в Лигурии II в. до н. э. — I в. н. э. существовали соседские сельские общины. Судя по неримским названиям деревень, упоминаемым в Велейской таблице (*Blondelia, Iuanelius, Lubelius, Nitelius*), с типичным восточно-лигурийским суффиксом — *el*⁶³, сельские общины этого района Италии возникли до римского завоевания, пережиточно и устойчиво сохраняя свою организацию. Следовательно, соседские сельские общины были присущи Древней Италии, по крайней мере в принадлежащих лигурам областях, включая Лаций, частью которого был Рим. О возможности ретроспективного использования приведенных выше данных говорят сообщения античных авторов. Ливий (V, 35, 2), упоминая лигуров, применяет к ним слово «*gentes*». Еще во II в. до н. э. апуанские лигуры жили деревнями (*vici*), имея лишь укрепленные поселки (*castella*), а не города (Liv., XXXIX, 32, 2). Страбон (V, 2, 1), опираясь на Посидония, и Диодор (V, 39) отмечают крайнюю примитивность культуры, особенно горных лигуров, даже по сравнению с соседними кельтами. Страбон называет их «совершенными варварами» (*τελειῶς βάρβαροι* IV, 6, 4).

Дополним сказанное еще одним соображением, касающимся, правда, не Рима специально, а полиса вообще. По наблюдению Аристотеля (Pol., I, 1, 7), общественное развитие шло по линии: дом — деревня — полис. Не принимая, естественно, первой ступени этой трехчленной формулы — отправного пункта патриархальной теории, опровергаемой этнографическим материалом, следует все же с вниманием отнестись к остальному. Аристотель, изучивший более полутора сотен государственных образований древности, лично видевший и хорошо знавший как греческий, так и значительно более архаичный македонский мир,

⁶³ Sereni E. Comunità rurali nell'Italia antica. Roma, 1955, p. 377.

мог с полным основанием говорить, что полису предшествовала деревня, т. е. сельская (соседская, территориальная) община.

Теперь остановимся на упоминании античных писателей о пагах в Риме именно при первых царях. Эти авторы — греки, Дионисий и Плутарх. Галикарнасец (II, 47), ссылаясь на Варрона, сообщает, что еще до похищения сабинянок Ромул дал названия куриям «частично по мужам-гегемонам, частично по пагам». Отсюда следует, что паги предшествовали в Риме куриям. Но как понимает паги Дионисий? Это выясняется из его рассказа о реформе Сервия Туллия, в котором говорится, что царь поделил «землю на части на холмах, где сама природа места легко защищала земледельцев, и устроил убежища, которые называются греческим названием *πάγος*. Туда собираются с полей, когда подходит враг» (IV, 15). Далее Дионисий сообщает, что паги имеют магистров, которые должны знать имена землевладельцев, населяющих паги, а также их участки (*κτήσεις*) и вообще их имущество, и которым надлежит заботиться об устройстве алтарей в честь божеств-покровителей пага и о празднествах Паганалий. Из текста следует, что Дионисий пытается осмыслить латинское слово «pagus» с помощью греческого «*πάγος*», поскольку помещает паги на возвышенных местах, что как раз противоречит противопоставлению *montes* и *pagi* в латинской традиции. Но вместе с тем он верно понимает паги как территориальные сельские административные единицы, что соответствует положению вещей в его время. Значит, деление на паги (=территориальные округа) восходит, по Дионисию, если не к доромуловой эпохе, то к ее началу, т. е. к глубокой древности. Именно лишь в таком смысле можно понять его замечание, что паги предшествовали куриям.

У Плутарха (N., 16) паги упоминаются в связи с Нумой, проводившим границы римских владений и разделившим полученные Ромулом земли между немущими гражданами. Розданные им участки Нума якобы назвал пагами. Иными словами, у Плутарха паги — это земельные наделы, данные беднякам в условиях упорядочения границ римских владений, что связывает их с территориальным, а не родовым принципом деления Рима. Касаясь вопроса об этимологии слова *pagus*, Т. Моммзен отметил, что греческие глоссаторы верно сопоставляют паг с египетскими *τοπαρχία* или *νομός*.

От античности идет еще одна этимология слова «паг». Фест (*pagi*) приводит это слово от «источников», говоря, что в пагах пользуются одной и той же водой. Сервий (Georg., 2, 381) поясняет это определение, говоря, что жители пагов, пьющие из одного источника, тоже получили название *ἀπὸ τῶν πηγῶν*. Этимология выглядит искусственно. Но любопытно, что паг понимается как территория, принадлежащая какому-то коллективу. Быть может, этот плод греческой «учености» был принят латинскими авторами именно потому, что соответствовал действительным представлениям о паге как о принадлежности сначала родовой, а потом территориальной общины. В результате этой эволюции и деревни, и паги приобрели черты территориальной общинной организации, возглавляемой каждой своими магистрами, о которых

упоминает Фест, (*visi*) со своими советами и собраниями, о которых говорит Цицерон (*pro domo*, 74) как об установлении предков.

Рассмотренный материал позволяет сказать, что греческая историография содержит, с одной стороны, представление о паге как о возможной земельной собственности родов, по каковой получили названия курии, генетически с родами связанные, а с другой стороны, как о сельской территории, уже не связанной с родами. Можно думать, что эти представления относятся к разным временам. Первое — не позднее Ромула, второе — вероятно, уже утверждается при Ромуле и существует при Нуме.

Римское население обитало как в собственно Риме, так и в прилегающей сельской местности. При этом римская территория, как в Риме, так и вне его, включала в себя и *pagi*, и *visi*. Вполне соглашаясь с положением Де Мартино⁶⁴, принятом и Де Франчиши⁶⁵, о том, что первоначально паг был принадлежностью рода, нужно сказать, что поскольку поселением внутри пага был *vicus* (или ряд *visi*), то и он был первоначально родовым поселением. Иначе говоря, в *vicus* жил род или часть рода. Стало быть, первоначально оба термина были приложимы к территориям родовых коллективов. По общепринятому в науке мнению, латинский *vicus* эквивалентен греческому *οἶκος*, обозначающему столько же дом, сколько и жилье вообще, т. е. не один только дом. Оба этих слова сближаются со славянской *весью*, что значительно больше, чем дом, так как обозначает поселение или деревню. И если *pagus* принадлежит роду, *vicus* — по крайней мере части его, то *domus* соответствует *familia*. Уже сам ряд названных терминов указывает на социальную эволюцию, в процессе которой происходило и изменение их содержания в том смысле, что под пагом во время Ромула следует понимать территорию, где проходила производственная жизнь не обязательно родовых коллективов, но и соседских общин; под *visi* — не только поселки родовых родственников, но и соседские поселения в виде деревни или городского квартала, как впоследствии *domus* будет жилищем не большой патриархальной, а индивидуальной малой семьи.

Важные сведения содержатся в сообщениях древних авторов об *ager Romanus*. Земля, как было выше замечено, при Ромуле и следующих царях расширялась путем завоеваний. Обычно у побежденных противников отторгалась 1/3 земли в пользу римлян, которая шла либо на раздел, либо обращалась в общественное поле. Так, Ромулу приписывается захват земли у антематов и ценинцев (*Dionys.*, II, 35; *Plut.*, R., 17), у камерийцев (*Plut.*, R., 24), два захвата земли у Фиден (*Dionys.*, II, 54; 55; *Plut.*, R., 17, 23), захват у вейентов области Семи пагов. Независимо от достоверности этого сообщения Дионисия повторенного Плутархом, относительно названия места, сам факт, вероятно,

⁶⁴ De Martino F. Op. cit., p. 9—10.

⁶⁵ De Francisci P. Primordia..., p. 162.

отражает реальную тенденцию к экспансии со стороны Рима с целью получения земли. Тот же Дионисий (II, 16), рассказывая о третьем законе Ромула, сообщает, как о правиле, о высылке в покоренные полисы клерухов, что подразумевает захват вражеских земель.

Побежденный город обычно принимал римских колонистов — Антемна и Ценна (Dionys., II, 35), Фидены (Dionys., II, 53; 54). Вместе с тем жители этих городов переселялись в Рим: камерийцы и, вероятно, вейенты, и те и другие распределенные по фратриям (Dionys., II, 50; 55); фиденаты, крустумерийцы, антемнаты (Plut., R., 17), латины при Анке Марции (Cic., г. р., II, 18, 23); альбанцы при Тулле Гостилии (Liv., I, 30, 1) и т. д.

Выселялись в колонии, по-видимому, нуждавшиеся в земле люди из числа *populus*, что косвенно свидетельствует о дифференциации внутри родов. Ведь именно об этом контингенте должна была заботиться складывающаяся гражданская община, ограничивающая количество своих членов с помощью колонизации. Но в таком случае колонисты, оторвавшиеся от своих родо-племенных подразделений, вряд ли сохраняли компактные, основанные на родственных связях, единицы. Зато они безусловно селились в одном месте с другими бывшими римлянами, как это делали их потомки, именовавшие свои поселения привезенными из Рима привычными названиями. Уже это обстоятельство способствовало созданию в колониях, т. е. в окружающей Рим среде, селений соседского характера. В основе этого процесса лежали глубинные социально-экономические сдвиги, о чем свидетельствуют, в частности, развитие ремесел, рост разделения труда, стремление римлян к привлечению дополнительной рабочей силы, т. е. появление рабства (Dionys., II, 28; 55; Plut., N., 23).

При Тулле Гостилии и Анке Марции в состав *populus* попадала лишь знать новых иммигрантов, как это убедительно доказано Ф. М. Нечаем⁶⁶. Можно думать, что в начале царской эпохи число вновь прибывших в Рим было меньше числа выезжавших из него колонистов, хотя переселенцы в этот период обычно все принимались в родовую организацию Рамнов, Луцеров и Тициев (Cic., г. р. II, 7, 13; 18, 33; Liv., I, 8, 6; 11, 2; 4—6; 30, 1; 6; 33, 2; 5; Fest., Aurelii; Dionys., II, 13; 15; 37; 46; 50; 55; Plut., R., IX; XX; N., VIII; XXI; Tac., App., XI, 24; Aur. Vict., vir. ill., 2, 1; Macr., Sat., I, 6). Косвенным свидетельством этому могут быть данные источников о неримском происхождении некоторых римских фамилий, число которых в ту далекую пору было небольшим. С удовлетворением отмечаем, что Э. Перуцци, правда в другой связи, недавно высказался в том же духе, т. е. в пользу того, что Анк Марций, например, переселил в Рим лишь людей из состава «городского ядра», оставив сельчан на местах⁶⁷. Подобным образом мог поступать и Ромул. Но главное, как нам представляется, заключается в том, что римляне получали для себя больше земли, чем уделяли принятым в их общину. На это намекает Дио-

⁶⁶ См.: Нечай Ф. М. Образование Римского государства, с. 88—91.

⁶⁷ Peruzzi E. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978, p. 147.

ний. Он объясняет привлечение в Рим новых поселенцев желанием Ромула «увеличить силы римлян и уменьшить у перийков» (II, 15). Самым же важным, однако, представляется то, что, за исключением тех, кто на первых порах воспользовался азилем (т. е. безвестных и безродных), новые римляне имели на старом месте свои клеры (Dionys., II, 35; Plut., R., XVII), которые за пределами Рима, разумеется, сохранялись за ними. И в Риме эти иммигранты получали участки для жилья и погребений, как это видно на примере сабинских пришельцев Аврелиев (Fest., Aurelii) и Клавдиев (Dionys., V, 40; Plut., Popl., XXI; Suet., Tib., I, 1; Fest., Aurelii). Такого рода перемещения смешивали население и на территории самого Рима, выражая и одновременно углубляя, процесс распада родового строя.

От эпохи первоначального Рима донеслось эхо о разделе царями земель из фонда *ager publicus*, отводившихся не под колонии, а оставшихся *ager Romanus* в чистом, так сказать, виде, т. е. в сельскохозяйственной округе, которая составит со временем хору римского полиса. Так поступал Ромул, стремясь сделать своих товарищей и воинами, и земледельцами (Dionys., II, 28). Наделялись землей немущие, безземельные (Dionys., II, 62; III, 1; Plut., R., 23). Обычно именно такие люди теряют связь с родом. На новой земле они живут деревнями вне зависимости от родственных уз в качестве *adfines*. Это слово обозначает не только свойственников, но и *confines*, т. е. соседей. Об *adfines* Фест говорит, что это — либо соседи по полям, либо связанные через кровное родство люди. В определении Феста, думается, нашел отражение переход пага из округа, принадлежавшего родичам, в территорию соседских общин, а может быть содержится намек на воспоминание о совмещении разного, т. е. родового и соседского типа общин на общей территории.

Весь рассмотренный здесь материал позволяет с учетом новых данных дополнительно подкрепить и конкретизировать ранее аргументировавшееся нами положение о формировании римской *civitas* непосредственно из разлагающихся родовых общин, а из общин соседского типа⁶⁸. Эти территориальные общины, появляясь, существовали вместе с родовыми как в пределах растущего без строго фиксированных границ Рима, так и на *ager Romanus*, т. е. на завоеванных, лежащих за пределами города, разделенных между римлянами землях, и в первых римских колониях. Так вместе с ростом Рима образовывалась и его сельскохозяйственная округа. Косвенным указанием на это служит передаваемая Дионисием (II, 28) легенда об учреждении Ромулом нундин: на 9-й день сельчане сходились на агоре ради торговых дел. В остальное же время все римляне оставались каждый при своем деле, кто в городе, кто в прилегающей сельской местности. Оба этих компонента составили затем территорию римской *civitas*. Ромулов Рим обозначал истоки процесса складывания ее территориальной основы.

⁶⁸ См.: Маяк И. Л. Проблема генезиса римского полиса.— ВДИ, 1976, № 4, с. 43—55.

С учетом уточненного представления о существовании коллективных форм землевладения как в пределах гентильных, так и соседских общин следует обратиться к рассмотрению важного мероприятия Ромула — о наделении римлян участками по два югера.

Выше отмечалось, что, начиная с пользовавшихся азилом, римские иммигранты принимались в «гражданство». Принятие в общину означало и доступ к земле, что распространялось и на клиентов. Это положение прекрасно иллюстрируется известным примером переселения в Рим Атта Клавза (Dionys., V, 40; Plut., Popl., XXI; Suet., Tib., I, 1). Если сам родовладыка получил 25 югеров, то остальные главы семей — по 2 югера. Видимо, эта надельная норма была традиционной со времен Ромула. В длительной дискуссии о характере *bina iugera* нам представляется справедливым мнение В. И. Синайского⁶⁹ о подушном его характере. Однако согласиться с его утверждением, что 2 югера были непременно пахотной землей, невозможно. Этому противоречит безусловное определение *bina iugera* в качестве *heredium* (Varro, rr, I, 10, 2) и разъяснение Плиния Старшего (N.H., 19, 4, 50), что *heredium* — это *hortus*. Вероятно, такой участок мог быть в городе садом-огородом, а за его чертой — пашней. О разном использовании таких участков справедливо говорил еще Моммзен. В свете интересующей нас проблемы важно отметить, что *bina iugera*, как показывает случай с родом Клавдиев, существовали внутри родового землевладения, применялись в качестве надельной нормы на родовой земле.

Однако нельзя забывать, что с развитием производства росла дифференциация внутри родов. О появлении безземельного населения дошли до нас немногочисленные, но настойчиво повторенные сведения. О недовольстве не получивших от Ромула земли новых граждан говорят Дионисий (II, 62) и Плутарх (XVI). Этот эпизод интересен и тем, что показывает практику распределения земли не обязательно по гентильным подразделениям. Как правило, в источниках сообщается о наделении земель «находящихся в трудном положении», «граждан» (Dionys., II, 62; Plut., R., XVII; N., XVI) или «воинов» (Plut., R., XXVII), что предполагает и отдельных людей, а не исключительно родовые коллективы. При этом, судя по приведенным данным, речь идет не о чуждых родовым единицам людях, а о «гражданах», «воинах», т. е. о контингенте, подлежащем власти родовых владык. Известие Плутарха (R., XXVII) о том, что Ромул раздавал земли по собственному усмотрению, не считаясь с сенатом, устойчивая традиция о недовольстве патрициев первым царем, вплоть до организации его убийства, подтверждает высказанное предположение. Видимо, родовая знать не мирилась с потерей монопольного распоряжения земельными богатствами, с вмешательством царя в родовые аграрные порядки.

Но как именно Ромул осуществлял раздачу земли людям, принадлежащим *populus*, т. е. входящим в число гентильных объединений, но не обеспеченных землей? Ответ на это и дает традиция о *bina iugera*. Вероятно, сложившаяся уже при Ромуле, а может быть, ко

⁶⁹ См.: Синайский В. И. Подушный надел..., с. 58.

времени Ромула, практика выделения из родовой земли участка в 2 югера на каждого взрослого мужчину была перенесена на распределение царем земли из общего фонда, принадлежащего всему *populus*, полученного благодаря завоеваниям. Выше уже было показано, что на площади *ager Romanus* складывались деревни с сельскохозяйственной округой, населенные не только, а порой и вовсе не родственниками. Словом, *hpa iugega* стали при Ромуле нормой подушного надела как в родовых, так и в соседских общинах.

В научной литературе неоднократно обсуждался вопрос о причинах установления столь незначительной в количественном отношении земельной нормы. Применительно к рассматриваемому времени, как нам кажется, правы те исследователи, которые обращали внимание на высокий удельный вес в римском хозяйстве скотоводства, что делало сад или пашню не единственным источником существования людей. Но имели значение и небольшие размеры всего *ager Romanus*. Не случайно ведь позднее (Нибур считал, что при Сервии Туллии, а Шwegлер — с начала Республики; в любом случае не ранее VI в. до н. э.) традиционный надел стал семиюгеровым (Plin., N. H., XVIII, 18). Это могло произойти только потому, что площадь римских владений при Сервии настолько расширилась, что составила 16 или 17 сельских триб, а в начале существования Республики еще возросла за счет присоединения территорий, составивших 2 трибы, Крустумину и Стеллатину.

Двухюгеровый надел был, как уже неоднократно отмечалось, наследственным владением. Поскольку введен и, так сказать, узаконен он был в архаическую пору, когда еще преобладали родо-племенные устои в жизни Рима, когда наделялись им члены трех родовых триб, подведомственных зорко охранявшим родовые порядки родовладьякам, частнособственнического характера он иметь не мог. Прав Г. Дионди, подчеркивавший отсутствие необходимых экономических условий для возникновения частной собственности на землю, а потому и потребности в ней в Ромулову эпоху.

Что касается способа распределения наделов между членами коллектива, можно думать, что это была жеребьевка. Ведь таким образом осуществлялось наделение земель колонистов на протяжении всей эпохи Республики и ветеранов в императорское время. Показательно и замечание Цицерона (*de off.*, I, 7, 21) о том, что частная собственность на землю может возникать из общей на основании жребия. Есть и более конкретные данные в источниках, касающиеся эпохи Ромула. По словам Дионисия (II, 7), первый царь поделил всю землю на 30 равных клеров для фратрий, по жребию же он распределял землю между колонистами, посланными в отобранные у антемнатов и ценинцев районы (II, 35). Жеребьевка была обычным способом наделения земель, согласно Дионисию (II, 35; 54; 55), и у соседних побежденных Римом общин.

Итак, в результате исследований аграрных мероприятий Ромула оказалось возможным показать сосуществование родовых и соседских общин в архаическом Риме с соответствующими формами коллектив-

ного землевладения или, вернее, земельной собственности, а также констатировать появление наследственных двухюгеровых участков в рамках обоих типов общин. Это позволяет уловить динамику развития земельных отношений от коллективных к частным, зарождение в недрах коллективной собственности частных владений, при безусловном господстве первых над вторыми.

Сосредоточимся теперь на периоде правления Нумы. В настоящее время деятельность Нумы, как уже говорилось ранее, признана в науке в основных чертах исторически достоверной, что позволяет допустить историчность самого царя. Находка Бартоли⁷⁰ свидетельствует в пользу верности предания в главном, что характеризует образ Нумы. Ведь Нума обрисован в традиции как упорядочивший культы и религиозный календарь. В древнем обществе обычно наиболее прочно удерживаются в памяти религиозные установления. Для Рима с его коллегией понтификов, созданной, согласно преданию, Нумой, ведавшей религиозным календарем и положившей начало анналистике, это особенно характерно. Подкрепленная раскопками историчность сакральных установлений Нумы подводит базу под достоверность его деятельности вообще. Другое подтверждение этому нашел Э. Перуцци⁷¹. Исследуя вопрос о книгах Нумы, он подметил, что Ливий (I, 20, 5), передавая их содержание, воспроизводит какой-то архаический текст, даже заимствуя некоторые выражения. В словах Ливия «*exsignataque*», относящихся к предписаниям Нумы, Э. Перуцци справедливо видит обозначение официальной копии древнейшего оригинала. Если иметь в виду доказываемую Перуцци письменную фиксацию традиции о деятельности Нумы, современную его правлению, представление о ее достоверности можно считать в высокой степени подкрепленным.

Что же содержит традиция об аграрных установлениях Нумы? Цицерон (г. р., II, 14, 26) говорит, что Нума поделил подушно между гражданами земли, завоеванные Ромулом. Эти сведения затем полностью повторил, объясняя слово *viritim*, Ноний Марцелл. Аналогичные данные мы находим и у Дионисия Галикарнасского (II, 62): во-первых, какая-то часть народа «находилась в трудном положении» (*ἀλώφους*), и это усиливало раздоры в городе, которые начались между патрициями — римлянами Ромула и сабинами Тация. Раздачей земли Нуме и удалось прекратить волнения обездоленных. Во-вторых, наделение землей было проведено им за счет завоеванных Ромулом земель, а также небольшой части ранее имевшихся общественных угодий. В том же духе высказывается и Плутарх (N., XVI), говоря, что царь разделил приобретенные Ромулом земли между неимущими, чтобы предотвратить бедность. Все эти сообщения позволяют полагать, что в архаическом Ромуловом Риме не только появились нуждающиеся в земле члены римской общины, но что для удовлетворения их

⁷⁰ Bartoli A. I pozzi dell'area sacra di Vesta.— In: Monumenti antichi della Accademia Nazionale dei Lincei, v. 45. Roma, 1961, p. 1—49.

⁷¹ Peruzzi E. Origini di Roma, v. II. Bologna, 1973, p. 157—159, 162.

чаяний Нума использовал резервный земельный фонд, образовавшийся в завоеванных районах.

Наиболее распространенной частью традиции о Нуме является рассказ об установлении им границ римских владений и учреждения культа богу Термину. Детальнее всего об этом говорится у Дионисия (II, 74): Нума «приказал описать каждому свое имение (*κτῆσιν*) и установить на границах [его] камни; и камни эти он велел посвящать богу и постановил, чтоб ежегодно в определенный день все сходились в эти места для священнодействий, учредив праздник в честь богов границ. Римляне называют его Терминалиями... И закон этот он [Нума] установил не только в отношении частных имений (*τῶν ἰδιωτικῶν κτῆσεων*), но и общественных (*δημοσίων*), чтоб и они имели границы, так чтоб и земля (*γῆν*) римского народа с помощью границ отличалась от других городов, и общая — от частной (*κοινὴν ἀπὸ τῆς ἰδίας*)».

Об установлении Нумой празднеств в честь Терминов, божеств полевых межей, упоминает Плиний Старший (NH, XVIII, 8). Связывает имя Нумы с богом Термином, хранителем границ, и Плутарх (N., XVI; Quaest. Rom., 15). Об этом же говорится и у Павла Диакона с добавлением сведений об учреждении Нумой наказания смертью нарушителей межей. Косвенным свидетельством в пользу установления Терминалий Нумой служит то, что Макробий (Sat., I, 13), рассказывая о римском календаре, упоминает об этом празднестве впервые именно в связи с мероприятиями Нумы, а не Ромула. О почитании Термина уже при первых царях свидетельствует Сервий (Aen., IX, 446), сообщив, что только этот бог пожелал остаться на Капитолии, в то время, как другие охотно освободили место на холме для храма Юпитера, строительство которого задумал Тарквиний Приск.

Варрон (II, V, 74), всегда подчеркивающий вклад своих предков в римскую культуру, называет Термина сабинским божеством, введенным в Рим еще Титом Тацием. Нума в отношении с ним и с Терминалиями, правда, не ставится. Но самый «сабинизм» божества не позволяет считать умолчание Варрона аргументом против устойчивой римской традиции о деятельности второго царя в аграрной области. Как видно, для римских авторов характерна краткость сведений. Они обычно отмечают инициативу Нумы в учреждении Терминалий. Каких границ они касаются, не требует пояснений. Каждый римлянин это знает с детства на практике.

Иное дело — греки. Им надо в этом разобраться и дать греческому читателю подробности. Сообщение Плутарха детальностью изложения и содержанием близко рассказу Дионисия прежде всего в определении функций Термина как божества межей, внешних пределов римских владений (Plut., Quaest. Rom., 15) и границ полей, как общественных, так и частных, поскольку жертвы ему приносились соответственно — «*φύσιν αὐτῷ δημοσία καὶ ἰδία*» (Plut., N., XVI). В целом античная традиция оставила схожие сведения о деятельности Нумы в аграрной области.

В современной зарубежной и советской историографии эта тра-

дия полностью принимается и, как было уже отмечено выше, в ней даже формулируется вывод об утверждении, во всяком случае ко времени правления Нумы, частной земельной собственности в Риме наряду с коллективной⁷². Эти представления, как нам кажется, нуждаются в уточнении. Ранее⁷³ мы уже обращали внимание на то, что в целом достойные доверия сочинения таких авторов, как Дионисий и тем более Плутарх, все-таки являются поздними сравнительно с описываемой ими эпохой Нумы. Они созданы с привычным для своего времени словоупотреблением. И если противопоставление *ιδιότης* и *δημόσιο* применительно к земле в современном им мире должно быть с большой долей справедливости признано как противоположность «частно-собственнической» и «коллективной», то для архаической эпохи можно предложить иное содержание термина *ιδιότης*. Не доказывает безусловно частнособственнических земельных отношений и лимитация, на наличие которой обратил свое внимание Э. Перуцци⁷⁴. Проекцией частнособственнического присвоения земли на почву считает лимитационную сетку и Э. Серени⁷⁵. Он подчеркивает связь частной собственности с определенным уровнем развития производства, с развитием товарного производства, обуславливающего различие между городом и деревней. Это верные наблюдения. Однако исторические примеры, которыми оперирует Серени, не могут быть безоговорочно применены к Помпилиеву Риму, это — греческие колонии Италии и Сицилии, этрусские синойкизмы, колонии Римской республики, т. е. более прогрессивные социально-экономические организмы, чем Рим конца VIII — начала VII в. до н. э.

Действительно, в разных условиях лимитация могла касаться разных категорий земель. В пределах римской истории в эпоху Республики при устройстве колоний она практиковалась на государственных землях, а в эпоху Империи уже с Августа упорядочивала распределенные участки частнособственнического характера, как это видно из трактата Сиккула Флакка «О квесторских полях»⁷⁶. Но ведь в конце Республики — начале Империи как раз и сложилось понятие и появился термин «*dominium*», означающий римскую частную собственность⁷⁷. Учитывая верное наблюдение Г. Диошди⁷⁸ о том, что понятия

⁷² De Martino F. Storia della costituzione romana, v. I. Napoli, 1958, p. 20—21; Немовский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964, с. 55; Нечай Ф. М. Образование Римского государства. Минск, 1972, с. 29, 47; Peruzzi E. Origini di Roma, v. II. Bologna, 1973, p. 146; Colonna G. Nome gentilizio e società.— SE, 1977, v. 45, p. 186.

⁷³ См.: Маяк И. Л. Проблема возникновения Рима в исследованиях Э. Перуцци.— ВДИ, 1975, № 4, с. 164—165.

⁷⁴ Peruzzi E. Origini di Roma, v. II. Bologna, 1973, p. 147.

⁷⁵ См.: Серени Э. Город и деревня в доримской Италии.— ВДИ, 1967, № 2, с. 93—96; Sereni E. Città e campagne nell'Italia preromana.— Critica marxista, an. IV, 1966, N 3, maggio-giugno, p. 97—98.

⁷⁶ De caestoriis agris.— CAR, S. 116—118.

⁷⁷ Capogrossi-Colognesi L. La struttura della proprietà e la formazione dei «lura praediorum» nell'età repubblicana, v. I. Milano, 1969, p. 502—504; Diošdi G. Ownership..., p. 182; Штаерман Е. М. Римская собственность на землю. — ВДИ, 1974, № 3, с. 51.

⁷⁸ Diošdi G. Ownership..., p. 50.

возникают позднее, чем характеризуемые ими институты, появление римской частной земельной собственности можно отнести к эпохе, предшествующей концу Республики, даже к Ранней республике, но все же никак не к VIII—VII вв. до н. э. Чрезвычайно важно при этом принять во внимание исследование самого характера римской частной собственности на землю. Наиболее убедительно и полно сравнительно со своими предшественниками показала ее своеобразие Е. М. Штаерман⁷⁹.

Даже в эпоху Империи разница между посессием и доминием глубокой и четкой не была. И собственнические, и владельческие отношения в равной степени обеспечивали права на вещь и допускали свободу отчуждения. Вскрывая специфику античной частной, в том числе и земельной собственности относительно капиталистической, Е. М. Штаерман отметила не только подконтрольность ее верховному собственнику (будь то гражданская община или император, в котором последняя персонифицировалась), но и значительно меньшую связь частной собственности с отчуждением, чем при капитализме, а также гарантированность прав на землю, пока она эксплуатируется и приносит доход.

Нужно заметить, что названные ею признаки античной частной собственности были присущи и императорской эпохе с ее несравненно более высоким уровнем производства, развития товарности и рабовладельческих отношений, чем во времена Нумы. В них пережиточно сквозило влияние гражданской общины. Не случайно К. Маркс⁸⁰, характеризуя античную форму собственности, т. е. форму, свойственную античному полису, подчеркивал, что в Риме частный земельный собственник является таковым только как римлянин, т. е. как член общины, что частная земельная собственность опосредствуется государственной или общинной. С тем большим основанием значимость коллектива складывающегося государства и связанных с ним аграрных отношений следует учитывать для начала царской эпохи, и с тем меньшим полагать, что Нума введением Терминалии утвердил в Риме частнособственническое землевладение.

Заметим, что Термин выступает в произведениях древних не только хранителем межи, но вообще границы (Ov., Fast., 2, 659; Plut., Quaest. rom., 15). Однако таким богом в Риме считался не один Термин в единственном или множественном числе, но и другие божества — Юпитер, Лары и Сильван. Латинский громатик (Grom. vet., I, 350, 19) относит на счет Юпитера межевание полей и закон о нерушимости границ. А. И. Немировский⁸¹ принимает на основании этого мнение Г. Виссопы о том, что Юпитер как бы поглотил бога Термина. С этим следует согласиться. К Юпитеру прилагается эпитет «Terminus», что скорее всего означает поглощение менее значимого божества.

⁷⁹ См.: Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития, с. 81—99.

⁸⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 466.

⁸¹ См.: Немировский А. И. Идеология..., с. 55.

Естественно, что верховный бог получил со временем разные функции, вовсе не идентичные своим первоначальным. Но слияния божеств здесь нет. Из приобретения Юпитером эпитета «Термин» не вытекает с безусловностью вывод о частнособственнической сущности старого бога Термина.

Что касается Ларов и Сильвана, то с точки зрения интересующей нас функции они достаточно хорошо охарактеризованы в нашей литературе. Е. М. Штаерман⁸² справедливо усматривает связь Ларов с сельской территориальной общиной и в переданном Нонием Марцеллом под словом *pubentes* обычае, по которому новобрачная, переходя в дом мужа, оставляла один ас на очаге его фамилии, а другой — на перекрестке, вверяя себя защите Ларов, и в том, что Сервий Туллий установил празднество Компиталий и вообще упорядочил жизнь крестьянской общины как сын Лара. А. И. Немировский также отмечает связь Ларов и Ларенталий или Компиталий с перекрестками, «где сходились многочисленные участки»⁸³. Оба исследователя указывали на первоначально родовой характер культа Ларов⁸⁴. Опираясь на данные Горация и агрименсоров, Е. М. Штаерман⁸⁵ выделяет в образе популярного в народе Сильвана его близость к культуре земледелия и к нерушимой меже, его приоритет в установлении частной собственности на землю.

Все указанные наблюдения ученых имеют большое значение для понимания установлений Нумы. Подобно тому как Лары, эволюционировавшие от представителей родового коллектива к представителям общины соседского характера, не выглядят защитниками частной собственности даже в эпоху Империи, так и Термин скорее охраняет единство общины, чем разобщает ее, раскалывая коллектив на частных земельных собственников. Примечательна в этом смысле и история Сильвана. Он тоже эволюционировал в представлениях римлян. Из далекого от цивилизации диковатого бога Сильван «вырос» в учредителя земельной собственности. На такое развитие потребовалось много времени. Значит, его ассоциирование с частным землевладением принадлежит весьма далеко ушедшей от Нумы эпохе. И хотя Сильван считался, судя по надписям, старше Геракла (т. е. был очень древнего происхождения), его человеческая или получеловеческая сущность⁸⁶ относит его не к первым поколениям богов, косвенно подтверждая сравнительно позднее появление у него функции учредителя полевой межи, т. е. частной собственности на землю. Термин же, связанный с фетишистскими представлениями⁸⁷, относится к древнейшему пласту римских верований, отражая этим примитивность социально-экономических отношений. Характерно, что Термин и Сильван никогда в рим-

⁸² См.: Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961, с. 25, 134.

⁸³ Немировский А. И. Идеология..., с. 32.

⁸⁴ См.: Немировский А. И. Идеология..., с. 33, 34; Штаерман Е. М. Древний Рим..., с. 62.

⁸⁵ Штаерман Е. М. Мораль и религия..., с. 132, 133.

⁸⁶ См.: Штаерман Е. М. Мораль и религия..., с. 119, 121.

⁸⁷ Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912, S. 136.

ском религиозном сознании не сливались, а существовали порознь, каждый со своим праздником. В этом, видимо, выражается различие в понимании римлянами характеров божеств и их функций, а также и разница охраняемых божествами земель.

Тот факт, что в практическом руководстве по лимитации земли, говоря об имениях и о постановке первого межевого камня, агрименсор⁸⁸ вспоминает о Сильване, а не о Термине, позволяет лишить Термина пальмы первенства во введении и в покровительстве частнособственнических земельных отношений. В пользу этого говорит и сообщение Плутарха (N., XXIII): Нума, якобы застав после Ромула землю недавно нарезанной на участки, не изменил границ владений. Иными словами, Нума не произвел передела земли. Этот случай запомнился и был записан Плутархом, очевидно, именно оттого, что позволял обойтись без обычной практики передела, свойственной общине, как в родовом, так и в соседском ее варианте при отсутствии частной собственности на землю. Эта практика не была еще забыта и при Сервии Туллии, который, по свидетельству Ливия (I, 47), осуществил насильственно перераспределение полей. И все же стойкость традиции об учреждении Терминалий должна иметь под собой реальную почву, которая состояла в том, что при Нуме уже складывались частные земельные владения внутри территории формирующейся *civitas*. Можно предполагать, что при распределении участков сохранялся принцип жеребьевки, практиковавшейся при первом царе. Принимая особенно во внимание общую архаичность социально-экономических отношений, следует признать, что не только при Ромуле, но и в правление Нумы частная земельная собственность в ее специфическом римском виде не сложилась, развивалось лишь частное земельное владение, но господствующими продолжали оставаться коллективные формы земельной собственности.

При сравнении данных традиции о Ромуле и Нуме бросается в глаза, что в связи с Ромулом упоминается наделение земель гентильных в своей основе единиц, в то время как в связи с Нумой родовые структуры не упоминаются, но говорится об общей земле без установления ее принадлежности более точным образом. Из этого, разумеется, нельзя делать заключения об отсутствии родового землевладения при втором царе. Но все же известные нам факты о времени Нумы свидетельствуют о том, что среди коллективных земель находились и земли соседских общин. Можно не сомневаться, что в начале царской эпохи четко разграничивались *gentilitas* и *affinitas*, потому что свойство при наличии рода ясно осознается. И если свойственники, согласно Фесту (*affines*), совместно пользуются землей, это значит, что общая земля находилась в руках не только родовых, но и соседских коллективов. Господство коллективной собственности, таким образом, не зачеркивает факта неоднородного характера коллективного землевладения в раннем Риме, что общая земля в одном случае находилась в распоряжении родичей, а в другом — соседей, часть которых, разу-

⁸⁸ Ex libris Dolabellae.— In: Grom. vet., Bd I, Berlin, 1848, S. 302.

меется, состояла в родственных отношениях между собой. Но этим различие коллективного землевладения не ограничивается.

Как мы видели, источники содержат данные как о землях родов, так и о землях, принадлежащих куриям. Это вызывает вопрос, можно ли в указанный период различать собственно родовое и куриальное землевладение, или точнее: были ли родовые и куриальные формы разными стадиями аграрных отношений, находились ли они в противоречии друг с другом или дополняли одна другую?

Напомним, что в сообщениях древних авторов роды и курии, а соответственно и их земли сосуществуют в рассматриваемое нами время: цари наделяют землей как курии, так и родовые коллективы. Поскольку курии включали в себя мужское население родов, можно думать, что эти последние получали земли как часть курии и через их посредство. Вместе с тем необходимо принять во внимание и саму структуру римских родов.

Материал источников, исторические и этнографические параллели рисуют жизнь римского рода как жизнь входящих в него больших патриархальных, точнее, отцовских семей. Распоряжение всем имуществом, в том числе и землей, находилось в руках действующих *patres familias*, т. е. мужчин. При наделении же землей учитываются и потенциальные *patres*, т. е. опять-таки (*viritim!*) мужчины. В системе общественного труда той эпохи выделяются сельское хозяйство и военное дело. Главной фигурой в них выступает мужчина-воин. Именно мужчины-воины и составляют курии, т. е. представляют род в военных союзах (*covirgiae* > *curiae*). Курии — это форма организации патриархальных родов, через которые осуществляется все управление и реализуются все возможности существования родовых коллективов, в том числе и получение земель. Это означает, что никакого противоречия между родовым и куриальным землевладением нет. Куриальное землевладение есть выражение родового характера земельной собственности. Род же, в свою очередь, включает в себя отцовские большие семьи, осуществляет наделение землей этих ячеек, т. е. однотипных с ним общин низшего порядка. Таким образом, выстраивается ряд коллективных землевладельцев в широком смысле этого слова — курия, род, большая отцовская семья. Но римская семья в начале правления царей все-таки не выглядит собственником земли. Верховное распоряжение ее землей остается за родом. Центральное место в гентильной организации занимает род. Именно он и является верховным собственником главного средства производства — земли.

Для более полного и четкого представления о коллективной земельной собственности первоначального Рима недостаточно все же ограничиваться констатацией, что она была присуща коллективам разного характера. Надо еще уяснить себе более детально структуру коллективной земельной собственности.

Прежде чем обратиться к материалу исследуемой эпохи, напомним, что общественная земля существовала в Риме и в эпоху Республики, и в эпоху Империи. Римский *ager publicus* многократно изучался в связи с социальной борьбой республиканского времени. Особен-

ное внимание в науке привлекли вопросы о допуске к нему плебеев, о регулировании и формах его использования. Благодаря обильным данным источников, особенно сочинениям римских грамотиков, оказалось возможным составить достаточно ясное представление о том, как именно эксплуатировалась общественная земля и как оформлялась юридически эта эксплуатация. Помимо работ, посвященных отдельным аспектам *ager publicus*, появились специальные исследования, трактующие его в целом.

В книге Л. Занкана «Общественная земля. Исследование истории и римского права»⁸⁹ основное внимание уделено все же не истории, а самому институту *ager publicus*, который рассматривается в связи с аграрной политикой Рима. Л. Занкан отталкивается от мысли Ф. Тамборини, полагавшего, что Рим после кратковременного расцвета ремесла и торговли при последних царях вернулся к жизни аграрного государства. Это, по мнению Занкана, обусловило экспансию Рима, захват новых земель, становившихся общественными и, исходя из данных Аппиана (BC, I, 7), подвергавшихся оккупации. Сам термин «*ager publicus*» обнаруживает связь с войной, с захватами. *Ager publicus* — это земля *populus*. *Populus*, не будучи, вероятно, словом индоевропейского происхождения, в латинском языке имел значение «арматі». Связь *populus* с *populog*, а также возможная связь *publicus* с *pubes* доказывает первоначальное значение *ager publicus* как земли, завоеванной воинами, как земли завоевателей. Лишь позднее, когда слово *populus* приобрело классическое значение, *ager publicus* стал общественной землей. Что касается пользования общественной землей, то оно, как указывает Занкан, облеклось в разные юридические формы. Так *ager quaestorius* продавался частным лицам. Но фактически квесторы в собственность продавали не землю, а вечный посессий, что аттестуется вектигалем. Значит, государство сохраняло за собой собственность, уступая народу-завоевателю лишь владение землей, притом не даром. Иначе обстояло дело с *ager publicus*, на котором основывались колонии. *Ager limitatus* — это типичная форма квирицкого *dominium*. Колонисты получали землю в полную частную собственность. Таким образом, юридическое оформление ассигнации отличается от оккупационного посессия. Еще один вид *ager publicus* — это пастбищные земли. Но и их статут не идентичен. Л. Занкан понимает *ager compascuus* в соответствии с дефиницией Т. Моммзена как выпас, принадлежащий многим, но только определенным собственникам, т. е. соседям или соседской общине. *Pascua publica*, в отличие от предыдущей земли, — это выгон, за пользование которым вносится плата государству. В труде Л. Занкана, как видно, проводится мысль о различии правового статуса земель как в режиме оккупации, так и ассигнации. В нем отмечено утвердившееся издавна мнение о лимитации как о выражении частнособственнического отношения к земле, подчеркнута значение народа, государства как главного распорядителя

⁸⁹ Z a n c a n L. *Ager publicus*. Ricerche di storia e di diritto romano. Padova, 1935, p. 6, 20—21, 28, 76—77.

земельных богатств и указано на разные категории пастбищ как общественных земель. Ученым поставлена в связь эксплуатация *ager publicus* с направлением развития хозяйственной деятельности Рима начиная с царского времени. Но о начале его практически не говорится.

В другой обобщающей работе, принадлежащей перу А. Бурдеше, — «Исследование *ager publicus*»⁹⁰ — охвачен огромный период — от происхождения Рима до III в. н. э. — и подытожен труд многих ученых. А. Бурдеше справедливо полагает, что содержание термина *ager publicus* подвергалось эволюции в связи с появлением различных режимов его пользования. Поскольку источники знаний поздние и практика пользования общественным полем простиралась вплоть до последних периодов римской истории, нужно исследовать эту практику для уяснения картины прошлых земельных отношений. В связи с этим А. Бурдеше отмечает, что А. Трапенар еще в начале нашего столетия усмотрел общие черты между *ager scriptuarius* и общими пастбищными угодьями в эпоху основания Рима. Вместе с тем, касаясь древнейшего *ager publicus*, Бурдеше возражает против тезиса Дж. Тибилетти, будто первоначальную общественную землю у римлян составляли именно пастбища. По мысли Бурдеше, выгоны и леса были основной частью древнейшего *ager publicus*, что обуславливалось важной ролью пастушества в экономике примитивного Рима, но они не составляли всей общественной земли. Он обращает внимание на то, что у *grummatum* и особенно в *libri coloniarum*, внесений общественного поля стоит в связи с оккупацией его со стороны частных лиц. В начале римской истории и леса, и пастбища могли быть предметом *possessio*, как и пашня, которая также могла входить в состав *ager publicus*. Очень интересны наблюдения Бурдеше над развитием структуры римского общественного поля. Он отталкивается от высказанного Дж. Тибилетти положения о необходимости различать первоначальный римский *ager publicus* и образованный благодаря последующим завоеваниям Рима. Первый был территорией отдельных мелких групп, т. е. гентильных объединений, второй создавался одновременно с ассигнацией земли колонистам и представлял собой общую землю соседей, собственников наделов, т. е. их общее пастбище. По мнению Бурдеше, такая практика была рецепцией доримских порядков. Вероятно, и до римского завоевания *compassium* был резервирован для общего пользования всех, кто принадлежал завоеванной общине. В отличие от оккупации *ager publicus* режим использования *compassua* не был привилегией одних патрициев.

Таким образом, рассмотренные здесь работы касаются важнейших вопросов истории *ager publicus*. При этом сам термин понимается очень широко. Во-первых, в зависимости от принадлежности *ager publicus* — т. е. как общественная земля Римского государства, а также гентильных групп догосударственной эпохи в Риме и италийских соседских общин до римского завоевания. Во-вторых, широта понимания *ager publicus* проявилась в трактовке его, с одной стороны, как земли

⁹⁰ Burdese A. Studi sull'ager publicus. Torino, 1952, p. 13—42.

эксплуатируемой, а с другой — как резервного фонда римской общины. Можно сказать, что такое представление в науке утвердилось и в последующих работах на основе конкретных исследований детализировалось понятие общественной земли римского народа и усложнилась вся система аграрных отношений. Исключительное значение имеют в этой связи исследования Э. Серени⁹¹, который указал на наличие общественных земель в пределах различных территориальных единиц, входивших в Римское государство, о чем мы подробнее скажем ниже.

Историки всегда учитывают, что существенную роль в воссоздании древнейших порядков играют аналогии, особенно аналогии с явлениями, встречающимися в одной и той же стране, но присущие более позднему времени. Их значение в условиях недостатка источников, происходящих от исследуемой эпохи или о ней непосредственно говорящих, возрастает. В связи с этим важно отметить, что на почве древней Италии пережиточно сохраняющиеся элементы давно прошедшей жизни зафиксированы в различных источниках, относящихся к разным периодам.

Большой интерес представляет собой таблица из Польчеверы. Это — эпиграфический памятник документального характера, датированный II в. до н. э. Надпись была найдена еще в 1506 г. и особенно внимательно изучена Э. Серени⁹², который с ее помощью показал живучесть сельской общины в Италии, именно в Лигурии. Вслед за Форментини он подчеркнул, что таблица — памятник лигурийского права, интерпретированный римской юриспруденцией. В надписи на таблице содержится судебное решение братьев Минуциев⁹³ от 117 г. до н. э., призванных в качестве арбитров жителями Генуи, а также кастела Лангенов Витуриев, в споре по поводу земли, лежащей между этими общинами и которой они совместно пользуются. Эта земля названа общественной — *ager publicus*, или *publicus* (строки 13 и 24). Видимо, часть этого *ager publicus* принадлежит именно генуатам, поскольку плату (*vectigal*) за ее использование надлежит вносить в казну общины генуатов (строки 25—28). Другую же часть его составляют земельные владения Лангенов Витуриев, потому что плату за нее следует уплачивать в казну этого кастела (строки 29—31). В судебном решении оговорено, что спорной землей жители Генуи и кастела пользуются беспрепятственно, но никому третьему без разрешения названных общин использовать ее нельзя (строки 30—32). Из текста надписи явствует, что спорная земля представляла собой граничащие друг с другом общественные земли двух разных общин.

Но Лангены Витурии граничили, по всей видимости, не только с Генуей, но и с другими общинами, вероятно кастелами — Одиатами, Дектунинами, Каватуринами, Ментовинами (строки 38—39), причем территории всех названных общин соприкасались между собой в той части, которая была общественной землей каждой из них. И такое

⁹¹ Sereni E. *Comunità rurali nell'Italia antica*. Roma, 1955. (Особенно с. 4, 18—19).

⁹² *Ibid.*, p. 4, 18—19.

⁹³ *Sententia Minuciorum*.— FIRA, p. 402—403.

соседство повело к совместному использованию принадлежащих общинам коллективных владений (строки 37—41). Из перечисленных здесь фактов можно сделать вывод, что сопредельные общественные земли соседствующих общин сливаются на практике в единое, общее для них коллективное владение.

Текст *Sententia Minuciorum* дает важный материал о том, как именно использовались общественные земли. Так, на спорной земле генуатов и кастела Лангенов Витуриев располагались поля и виноградники, поскольку Лангены Витурии должны были платить генуатам вектигаль зерном или вином (*frumenti partem... vini* — строки 27, 28). Очевидно эти земли, удобные для земледелия, использовали поделенными на участки, которые сдавались за определенную плату деньгами (*victoriatos nummos* СССР — строка 25 и *eam pecuniam* — строка 26) или, как упоминалось, натурой. В переводе на язык римской аграрной практики это означало оккупацию *ager publicus*. Но на спорной территории находились, по-видимому, также пастбища (*ager compascuus* — строки 33, 34) и лес, если в судебном решении говорилось о беспрепятственном пользовании древесиной (*ex eo agro ligna materiamque* — строка 35) обеими сторонами. Среди общественных земель названы луга (*prata* — строки 37, 39), находившиеся в совместном владении Лангенов Витуриев и их соседей Одиатов, Дектунинов, Каватуринов и Ментовинов. Последние категории земель были неразделенными, общими в равной степени как для Лангенов Витуриев и генуатов, так и для Лангенов Витуриев и названных выше других кастелов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что важное место в составе общественных земель занимают пастбищные угодья.

Рассматриваемая здесь надпись содержит интересные данные терминологического характера, касающиеся общественных земель. В ней говорится о споре Генуи и кастелов, которые в конечном счете находились на ее территории. Генуя всегда называется первой, именно ее права, пусть даже равные с правами кастелов, оговариваются в первую очередь. Генуя в решении арбитров выглядит центром области, включающей в себя несколько кастелов; и это не удивительно, если вспомнить ее местоположение на побережье Тирренского моря, ее значение как порта, что и обусловило ее взаимоотношения с Римом. Нельзя не согласиться с тем, что со времени первой римско-лигурийской войны, примерно с 236 г. до н. э., Генуя была связана с Римом договором, по которому не потеряла самоуправления и сохранила свое первенствующее положение среди близлежащих общин⁹⁴. У нас нет данных относительно зависимости перечисленных кастелов от Генуатов. Но все же их совокупность занимает единую территорию. Можно думать, что экономическое значение Генуи как порта было оценено не только далеким от нее Римом, но и соседними общинами, неизбежно экономически тяготевшими к ней. При всей осторожности позволительно высказать мнение, что генуаты все-таки обладали политической властью над округой, если могли судить, осуждать и заковывать Лан-

⁹⁴ Sereni E. *Comunità...*, p. 15.

генов Витуриев. Ведь протест, выраженный Лангенами, судя по надписи, касается не самого факта осуществления юрисдикции, а лишь несправедливого осуждения со стороны генуатов (строка 43). Э. Серени считает жителей всех упомянутых селений генуатами. Но то обстоятельство, что жители Генуи всегда противопоставлены в надписи жителям кастелов, не позволяет полностью согласиться с этим. В *Sententia Minuciorum* скорее зафиксирована тенденция к превращению их всех в генуатов, отражен процесс складывания генуатского полиса, процесс синойкизма, но еще не его конечный результат. Тем не менее контуры полиса уже начинают вырисовываться, и в нем проступают единый центр, отдельные укрепленные и неукрепленные селения с их общественными землями. Представляется важным отметить, что и общественные земли как центра формирующегося полиса Генуи, так и более мелких общин названы в решении Минуциев *ager publicus* (строки 24, 38). Таким образом, у лигуров II в. до н. э. *ager publicus* составлялся из общественных земель различных и разного иерархического порядка общин.

Велейская таблица⁹⁵ (I в. н. э.) содержит перечень имений из округа Велейи, заложенных в императорскую казну пятидесятью двумя землевладельцами. В ней есть также интересный материал о существовании в то время разных общественных земель в пределах Велейского округа. Э. Серени⁹⁶ уже отметил, что земли принадлежали там селам, пагам и муниципиям. Последние упоминаются в надписи вместе с термином *respublica* (например, *respublica Veleiatium* — I, 63; III, 74; IV, 60—64; VII, 38—39). Сверх того, в Велейском округе были земли, принадлежавшие римскому народу, — те, что упоминаются вместе со словами «*Imperator noster*» (IV, 60; 76; VI, 2; 37). Данная категория и составила собственно *ager publicus populi Romani*, т. е. римского народа, воплощенного в особе римского императора.

Большую ценность среди источников представляют собой также сочинения римских агрименсоров I—II вв. н. э., которые вводят нас в современную им практику измерения разных видов полей. Важно, что эти авторы излагают не интерпретацию существующих норм, но сами нормы измерения земель. Это обстоятельство придает их трактатам звучание безусловной достоверности.

В сочинениях римских землемеров упоминаются разного рода коллективные земли. Один из них — земля, отведенная под участки колонистов, предназначенная для межевания, — *пертика*. Корни колонизации уходят в такую древность, когда выделение земли под колонию проводилось от имени всей гражданской общины из фонда *ager publicus*. И даже если в позднереспубликанский период землю для ветеранских колоний мог покупать и давать полководец (App., BC, II, 10; Dio Cass., 38, 2; Plut., Caes., 14), то все же нормой было предоставление земель колонистам от имени Рима. Этот порядок, пусть в транс-

⁹⁵ CIL, XI, p. I, 1147; ср. Piganiol A. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange, XVI supplement à «Gallia». Paris, 1962.

⁹⁶ Sereni E. Op. cit., p. 340, 401—402.

формированном виде, действовал и в императорскую эпоху, поскольку в императоре персонифицировалась римская гражданская община⁹⁷. Пертика представляла собой *ager publicus*, а стало быть, относилась к коллективному землевладению как неподделенное, неразмежеванное целое, практически лишь до лимитации и жеребьевки. Но и после них в пределах пертики сохранялся другой род коллективных земель. Фронтин⁹⁸ и Агенний Урбик⁹⁹ говорят об оставшихся вне размежевания, вероятно, из-за их неудобства для обработки, землях (*relicta loca*), главным образом лесах или выпасах (*расциа*), которые использовались обычно соседями и назывались в разных районах Италии *compitalia*. О землях «на манер совместных выпасов» («*in modum compascua*») и других общественных землях упоминает Гигин¹⁰⁰. Та же оставшаяся неподделенной земля, служащая общим пастбищем, фигурирует у Феста (*compascuus ager*).

Материал источников позволяет сказать, что *ager publicus* в эпоху Республики и Империи имел очень сложную структуру. Это нашло выражение в терминологическом различии входивших в конечном счете в его состав частей. Вместе с тем нам представляется важным подчеркнуть, что присущая *ager publicus* сложность, а также терминологические различия бросают свет на путь его образования в процессе исторического развития Рима. Нельзя не отметить, что указанные факты в значительной степени относятся к лигурийской среде. Так, В. И. Кузицин, исследовавший Велейскую таблицу, заметил, что Велейя, затерянная в Апеннинских горах, была медвежьим углом римской Италии, где пережитки старых отношений сохранялись очень устойчиво¹⁰¹. Это тем более важно, что лигуры входили составной частью в римское население древнейшей эпохи.

Кроме упомянутых источников, освещающих глубокую римскую древность, имеются данные, непосредственно говорящие об интересующем нас предмете и периоде. В сочинениях античных авторов аграрным отношениям начального Рима уделено немало внимания. И это естественно, ибо земля осознавалась римлянами с незапамятных времен как основной вид богатства. Фест определял богатых как собственников многих мест на земле (*locupletes*). Об этом же образно сказано у Павла Диакона под словом «*Opis*». Характеризуя богиню, антиквар, чье сочинение лежит в основе Павлова сокращения, сообщил, что ею обозначают землю (*terram*). Он объяснил это тем, что все средства к жизни (*opes*) человеческого роду предоставляет земля. Поэтому с ней связаны обозначения и богатых людей (*opulenti*), и жертвоприношений (*hostiae opimae*), и доспехов, снятых с побежден-

⁹⁷ См.: Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития, с. 89.

⁹⁸ Frontin., De controu. agror.— In: Grom. vet., Bd I, S. 48.

⁹⁹ Agenn. Urb. De controu. agror.— In: Grom. vet., Bd I, S. 79, 85, 86.

¹⁰⁰ Hugin. De modo agror.— In: Grom. vet., Bd I, S. 116, 120.

¹⁰¹ См.: Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в.— до—I в. н. э. М., 1973, с. 18.

ного вражеского полководца (*spolia opima*). Наряду с представлением о земле как основе богатства всегда существовало представление о ее изначальной принадлежности всем. Первоначальный коллективизм жизни и быта относился древними ко времени золотого Сатурнова века. Об отсутствии какой бы то ни было частной собственности (а значит, и на землю) в те далекие времена наиболее отчетливо говорится у Юстина (43, 1, 3; см. также Schol. Veron. in Verg., Georg., II, 533). Цицерон (*de off.*, I, 7, 20), определяя пути возникновения частной собственности, указывал на разные способы овладения землей (оккупацию, военный захват и т. п.). Вспомним его утверждение, будто частная собственность образуется из того, что от природы было общим. Если вместе с этим учесть замечания того же Цицерона (г. р., II, 18, 33) об объявлении Анком Марцием лесов на морском побережье государственной собственностью, то можно сказать: знаменитый оратор не сомневался в наличии *ager publicus* уже при первых царях. Мнение Цицерона, выраженное в трактатах, обладает вескостью, поскольку основано на его учености и несомненной компетентности в области римской истории и права.

Не менее определенно высказывался на этот счет Дионисий Галикарнасский, чьи сведения о начале Рима в зачаточной степени, а тем более касающиеся правления Нумы, нельзя не признать достоверными¹⁰². Из текста Дионисия явствует, что земля, завоеванная Ромулом, частично расценивалась как общественное достояние (*δημόσια χώρα*—*Dionys.*, II, 62, *δημόσια κτήσις*—*Dionys.*, III, 1) уже при Ромуле. Слово *δημόσιος* обозначающее «народный», «общественный», «коллективный», как удалось проследить на предшествующих страницах, применялось к земле разных коллективов, и родовых и соседских общин. Но содержание этого термина было еще шире. Об этом можно судить и на основании сведений о Нуме (*Plut.*, N., 16), наделявшем землей неимущих в ранее завоеванных территориях, но особенно из сообщения Дионисия (II, 7) об установлении Ромула. Восхваляя введенные царем порядки, Дионисий среди прочего отметил, во-первых, справедливое распределение им земли—поровну между фратриями с выделением для них священных участков, т. е. не поделенной среди членов фратрий-курий земли. (Здесь же заметим что как существовала общая земля курии, так, видимо, должна была существовать и общая земля рода; либо оставшаяся в пользовании совокупности образующих род отцовских больших семей, либо в качестве резервного родового фонда.) Во-вторых, Дионисием отмечено, сверх того, сохранение еще какой-то земли в качестве общей (*τινα καὶ τῷ κοινῷ γῆν καταλιπὼν*). Упоминание общей земли наряду с коллективными землями курий—весьма значительный факт. В ней можно видеть совместный резервный земельный фонд всей общины, первоначальный *ager publicus*. Причем уже в правление Ромула эксплуатироваться он стал по-разному: либо шел под раздел колонистам, либо использовался для наделения остав-

¹⁰² Peruzzi E. *Origini di Roma*, v. II, p. 157—159.

щихся «на месте», т. е. римского populus, римлян (τοῖς Ῥωμαίων — Dionys., III, 1) или «граждан» (τῶν πολιτῶν — Plut., N., 16).

Подводя итог, следует сказать, что структура коллективных земель в начале царской эпохи была уже сложной. Это были земли, принадлежавшие и родовым подразделениям — родам, получавшим их через посредство курий, а значит, и куриям, и соседским общинам, а также всей римской общине в целом.

Ретроспективное использование эпиграфических материалов, происходящих из областей, даже в позднее время населенных лигурами, позволяет сверх всего представить, что пограничные коллективные земли, и в первую очередь выгоны, леса или рощи, густо покрывавшие римские холмы в глубокой древности, могли использоваться соседствующими общинами сообща. Такое совместное использование угодий, вытекавшее из удобств повседневной хозяйственной практики, спланивало рядом обосновавшиеся общины независимо от их родового или соседского типа в более тесный социальный коллектив. Появление же земельного фонда, принадлежавшего совокупности названных общин, является обстоятельством особенно значимым, поскольку показывает, что Рим ромулова времени не был уже союзом племен, а представлял собой некую общность, определенное единство, единую общину, что и позволяло античным историкам с полным правом называть членов триб Тициев, Рамнов и Луцеров общим именем римлян. Наличие агег publicus, таким образом, может наряду с появлением частных владений в Риме служить указанием на важную ступень в социальном развитии и формировании гражданской общины, полиса или его римского адекватата — civitas.

Однако представление об аграрных отношениях древнейшего Рима останется неполным, если мы не упомянем еще об одной категории земель. Сведения о ней минимальны. Цицерон в трактате «О государстве» (V, 2, 3) безотносительно, правда, к правлению какого бы то ни было царя сообщает, что в царское время устанавливались границы пашен, лесов и пастбищ, принадлежавших царям, но обработавшихся без их труда и усилий. Более конкретные хронологические указания дает Дионисий Галикарнасский (III, 1). По его словам, Ромул отобрал у вейентов землю и пользовался ею. Речь идет, видимо, не обо всей захваченной земле, а лишь о части ее, потому что она названа царским клером (κλήρος). Затем она была в пользовании у Нумы Помпилия и перешла к Туллу Гостилию, который, однако, не воспользовался ею для своих нужд, а отдал неимушим, разделив землю подушно. В данном случае важно не то, что Тулл отказался от этой земли в пользу бесклерных римлян, а то, что он распорядился ею по собственному усмотрению, т. е. считая ее своей, царской землей. Дионисий подчеркивает ее отличие от общественной (δημοσία κτήσις), говоря, что она была именно царской (τῶν αἰεὶ βασιλείων). Употребление им слова «всегда» (αἰεὶ) указывает на общепризнанный характер клера как царского имущества уже с давнего времени, т. е. от Ромула до Тулла Гостилия. Эксплуатировалась она, как видно, по-разному: и как лес, и как пастбище, и как пашня, что естественно при плодо-

родии вейентской земли. Знаменательно также, что на ней работал уже не царь лично, а, вероятно, его клиенты. Но при выделении царского участка, видимо, из общей земли она именуется клером, в чем проявляется верховное право всей слагающейся римской общины на землю, т. е. господство общинных форм земельной собственности.

* * *

Итак, рассмотрев аграрные отношения в Риме при первых царях, можно констатировать усложнение социальной структуры Рима в этот период. В Риме господствуют общественные структуры гентильного порядка. Упорядочивается, а значит, и укрепляется система родов и курий. Однако наряду с ними складываются уже коллективы иного характера, состоящие не только из родственников, а главное, учитывающие не только родственные связи, но и соседские. Так, римское население оказывается подразделенным по двух разным принципам: родства и соседства, т. е. территории. Частично родовое и территориальное деление совпадают, частично уже не совпадают. Иными словами, в Риме сосуществуют общины родовые и соседские, территориальные. Если даже родовые общины и преобладают, то нельзя не отметить появления новой тенденции развития. Однако эта новая тенденция реализуется все еще в общинных формах, и это окрашивает определенным цветом и аграрные отношения, сказывается на составе земельной собственности. Коллективные формы собственности на землю несомненно господствуют. Вопреки представлениям многих, в том числе современных исследователей, частнособственнические отношения в Риме на землю еще не распространились. Знаменитые двухюгеровые наделы римляне получают не в собственность (даже в ее специфическом римском значении, так убедительно охарактеризованном Е. М. Штаерман), а во владение. Значит, при первых царях складывается только частное землевладение. Собственность же и верховное распоряжение землей остаются за общинами, родовыми и соседскими. А это означает, что коллективная собственность на землю представлена в это время собственностью: и гентильной, и сельско-общинной. Кроме этих двух видов коллективных земель существует уже и третий — общеримская земля, зародыш римского *ager publicus* в его классическом виде. Пока она идет под раздел, раздаваясь коллективам, преимущественно родовым, но дается и колонистам, воинам и просто нуждающимся римлянам. Этот контингент получает землю от царя, и уже не обязательно через посредство родовых организаций, а значит, и селится не только или не столько родовыми группами, образуя, таким образом, новые сельские территориальные общины. Вероятно, из этой же общей земли выделяется и царский надел. Термин клер, которым он обозначается, свидетельствует о том, что давался он от имени всей римской общины, в чем проглядывает верховная собственность общеримского коллектива на

землю. Но способ ее эксплуатации и распоряжение ею царями обнаруживают тенденцию к освобождению царской земли из-под верховного контроля римской общины, к отрыву ее от коллективного землевладения.

Таким образом, сложная структура коллективного землевладения в Риме Ромула и Нумы отражает сложный характер общества этого периода.

УПРАВЛЕНИЕ
РИМСКОЙ
ОБЩИНОЙ

Чтобы составить более точное представление о характере общества, нужно рассмотреть, каким образом оно управлялось, какие органы его возглавляли, какие функции были им присущи. В общих чертах управление Римской общиной, разумеется, не является неизвестным. Царь, сенат и комиции действуют в Риме уже при Ромуле, и существование их в раннецарский период, засвидетельствованное многими источниками, не вызывает среди ученых никаких сомнений. Однако в интересующей нас связи важно уяснить сущность названных институтов и особенно характер их взаимодействия.

Народные собрания имели в Риме общее название комициев с прозрачной этимологией от *coire*, сходиться. Она запечатлена Варроном (II, V, 155). Однако зачастую применительно к царской эпохе употреблялись и иные выражения: у Ливия — *concilium* (I, 8, 1; 26, 5); *contio* (I, 17, 8; 10) либо просто *populus* (I, 21, 1; 35, 6) наравне с *comitia* (I, 17, 8; 35, 1; 47, 10). Дионисий о первой сходке Ромула говорит как об экклесии (II, 6), но называет народное собрание и описательно — «народной толпой» (*δημοτικὸν πλῆθος* — II, 14). Из рассказов о конкретных событиях на народных сходках при первых царях выявляется их характер.

Любопытно, что, определяя комиций, т. е. место сходок, Варрон в упомянутом пассаже говорит, что туда сходятся для куриатных собраний и по причине тяжб, уже этим как бы показывая хронологический приоритет этого рода комициев перед другими. Показания же наших письменных источников по истории ранней царской эпохи с несомненностью подтверждают это. Цицерон в трактате «О государстве», говоря о смене первых царей, каждый раз упоминает куриатные комиции (II, 17, 31; 18, 33; 21, 37). Дионисий (II, 14) сообщает о созыве Ромулом народа по фратриям. Авл Геллий (XV, 27) пояснял, наконец, что «когда голосование производится по родам людей (*ex generibus hominum*), это — ку-

риатные комиции». Здесь именно тот случай, когда *genus* и *gens* в своем значении совпадают.

Выше мы уже останавливались на религиозных функциях курий, которые были присущи куриатным собраниям и в республиканскую эпоху. Можно не сомневаться в их наличии и в начале царского периода. Об этом говорят установленные Ромулом и созывавшиеся им народные собрания для объявления дней *non* и *id*, т. е. связанные с религиозным календарем (*Macr., Sat., I, 15, 10*), и само существование Калабрской курии, где не связанных с культом дел вершить не полагалось (*Paul., calata curia*). В связи с сообщением Макробия приходится сделать оговорку. Он употребляет выражение: «*calata... plebe*». Но это не должно ни смущать нас, ни убеждать в присутствии плебеев в куриатных комициях Ромула. Во-первых, во времена Макробия термины *populus* и *plebs* потеряли древнее значение и применялись взаимозаменяемым образом. Во-вторых, при внимательном чтении 15-й главы из I книги Сатурналий выясняется, что плебс созывается либо царем, либо понтификом. Последнее относит слова об его участии в куриатных комициях за пределы царской эпохи. Что же касается рассматриваемого нами времени, то небрежное словоупотребление Макробия не отрицает куриатных собраний народа для решения сакральных дел или оповещения о таких делах. Такого рода дела и в республиканскую эпоху продолжали рассматриваться в куриатных собраниях. При этом их непременно созывал великий понтифик, а не магистрат, и назывались они в таком случае калатными комициями. Авл Геллий (*N. A., XV, 27*) указывал, что калатные комиции созываются для введения в должность жрецов. Учитывая их назначение, можно думать, что они действовали уже в начале царского времени как специализированный вид куриатных комиций. Одним из важных дел, которые присущи калатным комициям, были дела о совершении завещаний (*testamenta*). Об этом, кроме Авла Геллия, говорит в «Институциях» юрист Гай (*I, 101*). Его сообщение указывает на то время, когда частная собственность и связанная с ее развитием свобода завещаний уже утвердились в Риме. Интересно, однако, что Гай с самого начала связывает эту практику с калатным видом куриатных комиций. Отсюда допустимо предположение, что и в самое раннее время царской эпохи в калатных комициях могли рассматриваться дела, связанные с имуществом семей, если они не регулировались почему-либо внутри рода. Веструп полагает, что этот вид завещаний родился как «усыновительный»¹, т. е. в том случае, когда происходило усыновление кого-либо отцом семейства, не имевшим наследников.

Важнейшей функцией куриатных собраний было избрание (*creatio*) царя. Так, по Дионисию (*II, 6*) сам Ромул созвал народное собрание, объявил о благоприятных для него ауспигиях и был им назначен царем (*Cic., r. p., II, 13, 25; Liv., I, 17, 10*). Тулл Гостилий (*Cic., r. p., II, 13, 25; 17, 31; Liv., I, 22, 1; Dionys., III, 1, 1*) и Анк Марций (*Cic., r. p., II, 18, 33; Liv., I, 32, 1; Dionys., III, 36, 1*) тоже были избраны

¹ Westrup C. W. Introduction to early Roman law, v. II. [S. 1.], 1934, p. 125.

куриатными комициями. Ливий говорит об избрании царя в комициях как об обязательном обычае (I, 47, 10). Дионисий (II, 14) упоминает об установлении Ромула, согласно которым он якобы поручил народу «выбирать должностных лиц» (ἀρχαιρεσιάζειν), «блюсти законы и осуждать дела войны». Несколькими строками ниже историк заявляет, что «народ является властителем решений совета». Но кого же выбирали в комициях кроме царя? Здесь можно только высказать предположение, что это был главный курнион, о существовании и обязанностях которого управлять курионами и всеми куриями говорит Павел Диакон (Maximus curio). Позволительно также думать, что комициям представлялись выбранные по куриям курионы, жрецы разных культов и члены совета, т. е. сенаторы. Обсуждение военных дел в куриатных собраниях вполне понятно и естественно. Что же касается слов «блюсти законы» (νόμος ἐπιτηροῦν), то на них следует остановиться особо. Дело в том, что греческий ὁ νόμος соответствует латинской lex. Но lex — это категория, свойственная классовому обществу и государству. В научной литературе на это уже было обращено внимание. Так, Ф. Де Мартино справедливо заметил, что в царскую эпоху законов не было, а право покоилось на обычаях. В последнее время к этому решительно присоединился В. Маннино². Он подкрепил это общего характера соображение анализом юридической терминологии, подчеркнув, что lex понимался римлянами как определенным образом принятый в комициях закон. Учтывая все это, особенно интересным кажется то, что Дионисий говорит не о принятии законов в куриатных комициях, а о наблюдении за их исполнением. Не искушенный в юридических тонкостях, греческий автор, видимо, очень точно передает действительное положение дел. Он знает латинскую традицию, которая рассказывает о царских законах *leges regiae*, поэтому и употребляет слово νόμος. Вместе с тем, очевидно, будучи хорошо знакомым с этой традицией, он не знает ни о каких законах, прошедших через куриатные собрания. Как нам представляется, рассматриваемое свидетельство Дионисия очень важно для правильного понимания деятельности и роли народных собраний в начале царской эпохи. Оно несет в себе существенную информацию, даже не будучи вписанным в контекст наших знаний об общественном строе Рима первых царей. Если же учесть уже известные нам данные о римском социальном развитии, то оно покажется дополнительным штрихом в картине раннего царского общества.

О том, какие именно дела рассматривали куриатные комиции, можно судить по дальнейшей их истории в республиканское время. Вероятно, это были, так сказать, регистрации рождения, смерти, браков, принятия в гентильную организацию чужаков. Но все это — предположения³. С большой долей основания предполагают, что комициям подлежали дела типа *gentis enuptio*, т. е. выход из рода в связи с

² Mannino V. *Auctoritas patrum*. Milano, 1979, p. 43.

³ Genz H. *Das patrizische Rom*. Breslau, 1878, S. 33; De Martino F. *Storia della costituzione romana*, v. I. Napoli, p. 125.

замужеством, и типа *detestatio sacrorum*, т. е. отказ от родовых святынь в связи с переходом в другой род. Действительно, и Авл Геллий (XV, 27), и Сервий (Аен. II, 156) дают возможность так считать⁴.

Каким образом технически производилось голосование, из-за отсутствия источников точно сказать невозможно. Ясно лишь, что каждая курия имела один голос, поскольку позднее в конце Республики, когда куриатные комиции и их постановления превратились в пустую формальность, решения по некоторым делам принимались не собранием курий, а собранием 30 ликторов, представляющих их, о чем упомянул Цицерон (*leg. agr.*, II, 12, 31). Какой-то свет на поставленный вопрос может бросить термин «*suffragium*». В. Маннино⁵ обратил внимание на общепринятую этимологию слова — от *fragor*, шум, громкие рукоплескания. Но он привлек ее для доказательства того, что Плутарх, сообщая о прибытии Нумы в Рим уже в качестве правителя и о последующем голосовании за него народа, спутал это последнее с простым проявлением радости со стороны народа, с громким выражением его одобрения того, что Нума стал царем. Не возражая против вывода Маннино, отметим, что и этимология *suffragium*, и эпизод, приведенный Плутархом, позволяют высказаться в пользу того, что голосование в комициях могло производиться с помощью крика, т. е. тем способом, который бытовал в классической Спарте и который Аристотель называл «детским». Вместе с тем Ливий (I, 43, 10) говорит, что при Ромуле и следующих царях голоса подавались *viridium*. Быть может, это следует расценивать как указание на изменение формы голосования, на появление большей организованности собраний.

В связи с деятельностью куриатных комиций стоит вопрос о *lex curiata de imperio*, не раз обсуждавшийся исследователями. Применительно к началу царской эпохи о нем говорит только Цицерон в трактате «О государстве» — о внесении его последовательно Нумой (II, 13, 25), Туллом Гостилием (II, 17, 31) и Анком Марцием (II, 18, 33). То, что Ливий и Дионисий — главные источники сведений об истории первых царей — молчат об этих случаях, правильно объяснил В. Маннино. По его мнению, оба автора смешали два момента, входившие в процедуру вступления царей в «должность»: одобрение народом кандидатуры в цари, предлагавшейся интеррексом, и одобрение народом начала правления только что избранного царя. Следует поэтому согласиться с Маннино и в том, что *Lex curiata de imperio*, несмотря на анахронизм термина, действительно относится к интересующей нас эпохе, что это явление имело тогда место. Разумеется, употребление Цицероном слова «*lex*» следует либо признать проявлением метода модернизации с его стороны, либо доказательством эволюции его содержания в процессе исторического развития Рима. В любом случае оно не может быть аргументом в пользу представления о том, что

⁴ Gjerstad E. *Innepolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit.*— ANRW, Bd I, T. I, S. 152; Franciosi G. *Clan gentilizio e strutture monogamiche*, v. I. Napoli, 1975, p. 105.

⁵ Mannino V. *Op. cit.*, p. 41—42.

куриатные собрания на заре царской эпохи принимали какие бы то ни было законы. Весь рассмотренный здесь материал, таким образом, побуждает нас присоединиться к мнениям Ф. Де Мартино и В. Маннино об отсутствии законодательной функции у куриатных комиций при Ромуле и Нуме. Что же касается названного выше свидетельства Дионисия о том, что решения сената подвластны народу, то его можно понимать как своего рода утверждение сенатских постановлений или как принятие рекомендаций сената куриатными комициями. Было ли это постоянной практикой, можно выяснить, рассмотрев деятельность сената.

Сенат сопровождал всю историю Рима от его истоков и на протяжении своего долгого существования менял свою сущность и свой социальный состав. Именно это обстоятельство и обусловило объяснение слов «сенат»; «сенаторы» эрудитами эпохи Империи. Фест дал бесспорную этимологию: «senatores a senectute» — и отнес их появление ко времени Ромула. Как собрание старцев, учрежденное Ромулом (τῶν γερόντων συνέδριον), охарактеризован сенат Дионисием (II, 13). Плутарх, объясняя слово «сенат», сообщил, что оно означает совет старейшин (R., XIII): «ὁ μὲν οὖν σενάτος ἀρετῆος γερουσίαν σημαίνει». О многозначности термина «сенат» рассказал Авл Геллий (N. A., XVIII, 7, 5): «Сенат говорят и о месте, и о людях». Что касается места, то это — место собраний сената, имевшее, кроме того, и специальный термин для своего обозначения, а именно *senacula*. Это слово тоже нашло объяснение у Феста: их «в Риме три, в них обычно происходят заседания сената». Одно — там, где во времена составителя словаря находился храм Конкордии (между Капитолием и Форумом), второе — у Капенских ворот, третье — по соседству с храмом Беллоны. Последнее место — на Марсовом поле, бывшем за пределами возникавшего при первых царях города и, значит, далеко за пределами рассматриваемой эпохи. Наиболее раннее помещение из названных, судя по перечислению и местоположению, — на границе Капитолия и Форума. С глубокой древности сенат собирался также в Гостилиевой курии, которая существовала еще во времена Варрона, по всей вероятности на том же месте, где была возведена впервые, поскольку сооружение ее приписывается третьему царю — Туллу Гостилию. Эта курия служила местом обсуждения светских дел (Varro, II, V, 155). В более раннее время, по-видимому, специального помещения для сенатских заседаний не было. В поэтической форме это выражено Проперцием (IV, 1, 11—14):

Где заседает сенат в окаймленных пурпуром тогах,
Там собирался старшин попросту, в шкурах совет.
Сельский рожок собирал на сходку древних квиритов,
Сотня их всех на лугу и составляла сенат.

Можно думать, что первоначально *patres*, бывшие сенаторами, собирались на Палатине, т. е. там, где и обитало древнейшее ядро римского населения до латино-сабинского синойкизма.

Все античные авторы единодушно называют число ромуловых се-

наторов. Нам уже приходилось останавливаться на этом вопросе в другой связи. Напомним, что сначала их было 100 человек, а после объединения римлян с сабинянами число сенаторов удвоилось. Источники не дают оснований полагать, что в доэтруское время эта цифра дошла до 300. И дело даже не в умолчании античных авторов, и даже не только в утверждении, что при Тарквинии Приске сенаторов стало 300 (Liv., I, 35, 6; Dionys., III, 67, 1; Zonar., VII, 8), а в том, что число сенаторов должно было соответствовать числу родов. Это положение, вошедшее в науку нового и новейшего времени, обязано своей прочности не только этнографическим аналогиям и историческим параллелям, но и упомянутым выше интерпретациям древних писателей, а именно: «сенат» — «совет старейшин», «сенаторы» — от «старости». Важное в этом отношении исследование было недавно проведено В. Маннино⁶. Скрупулезно собрав и проанализировав материал источников, он показал для времени латино-сабинских царей идентичность терминов «patres auctores» и «senatores», т. е. сената в целом. Слово «pater» имеет социальное значение. Это — главы фамилий, но именно больших патриархальных семей, из которых состоял род. Показательно, что на это обращено внимание именно у позднеантичных авторов, писавших в условиях развитого рабовладельческого общества, когда требовалось уточнить значение многих известных, но обогащенных новым содержанием терминов. Фест разъясняет разницу между *agens* и *pater*, а в Веронских схолиях к Энеиде говорится о различиях между *genitor* и *pater*. Из этих текстов выявляется юридический аспект термина «pater» и вместе с тем более широкая социальная общность, которую представляет *pater* по сравнению с *genitor* и *agens*, относящихся к структуре малой семьи, укрепившейся ко времени написания словаря Веррия Флакка и схолий к Вергилиевой поэме. Реальное существование института старейшин и совета старейшин относится к периоду первобытнообщинного строя и к периоду его разложения, когда гентильная организация сильна и составляет социальный базис общества, что, как мы видели, имело место в ромулово время.

Важнейшей функцией сената, состоявшего из *patres-senatores*, была тогда организация избрания нового царя. Делалось это всякий раз с помощью *interregnum*. Ливий (I, 17, 5—6) рассказал, что по смерти Ромула сенат избрал из своей среды (*inter se*) десять декурий, к которым поочередно должно было переходить управление Римом. Из состава каждой декурии один на пятидневный срок облекался знаками царской власти, но управляли делами тем не менее коллегиально. Такой порядок назван был междущарствием — *interregnum*, и продолжался он год. Из текста Ливия остается неясным, все ли сенаторы участвовали в проведении *interregnum*, т. е. все ли сенаторы были разбиты на декурии, или оно осуществлялось специально выделенной для этого частью сената. Неясность проистекает из того, что Ливий упоминает о сотне сенаторов, которые разбивались на 10 декурий, в то

⁶ Mannino V. Op. cit., p. 20.

время как ранее он же (I, 13, 15) сообщал об удвоении жителей (*geminata urbs*), что предполагало и удвоение числа сенаторов в период двоецарствия, подтвержденное Дионисием. Из текста Дионисия (II, 57) тоже следует, что после Ромула установилось междуцарствие (*μεσοβασιλείον*). Все 200 сенаторов были распределены по декадам-декуриям, затем был брошен жребий и 10 первых декурий получили власть. Однако они правили не все одновременно, а посредством наделения царским достоинством по очереди членов этих десяти декурий на 5 дней каждого. Если даже не считать причастную к *integripus* сотню сенаторов оговоркой Ливия, можно все же, учитывая свидетельство Дионисия, высказаться в пользу того, что «междущари» были как бы исполнительным комитетом сената. Из другого пассажа Ливия выясняется, что в обязанности интеррекса, т. е. дежурного правителя, входил созыв народного собрания (*interrex contione advocata*... — I, 17, 10). Дионисий также свидетельствует о том, что сенаторы собирали народ на экклесию-комиции для решения вопроса о форме правления (II, 57), а затем для информации интеррекса о кандидатуре, т. е. о Нуме (II, 58). Отсюда следует предварительное обсуждение этой кандидатуры в сенате, потому что Дионисий говорит: *κοινῇ δόξαν ἄλασι τοῖς βουλευταῖς*.

Как бы ни понимать междуцарствие, т. е. как форму деятельности всего сената при определенных обстоятельствах или как его исполнительный орган, к чему мы склоняемся, остается несомненным, что в этих условиях сенат вырабатывал предварительно общее мнение относительно избрания царя и затем с помощью интеррекса созывал комиции, где предложенная сенаторами кандидатура баллотировалась. После смерти Нумы процедура повторилась. Ливий (I, 22, 1), Цицерон (г. р., II, 17, 31), Дионисий (III, 1) говорят об установлении междуцарствия, о подготовке сенатом предложения относительно царя и о вынесении этого предложения на комиции. То же самое произошло и после смерти Тулла Гостилия (Liv., I, 32, 1; Cic., г. р., II, 18, 33; Dionys., III, 36, 1).

Сенат обладал судебными функциями, рассматривая дела не первостепенной важности (Dionys., II, 14). Правда, Гораций, убивший сестру, смог обратиться (*provocare*) с апелляцией на решение суда дуумвиров к народу (Liv., I, 26, 8), а не к сенату, но сделал это по совету царя Тулла Гостилия, т. е. возможно в порядке исключения из-за тяжести совершенного преступления и благодаря желанию царя несколько оттеснить родовладык от важных дел.

Внутри сената дела решались голосованием. В словаре Феста есть объяснение слов «*praedagium senatorum*», из которого явствует, что голосование производилось расхождением сенаторов в разные стороны, т. е. каждый направлялся в сторону того, чье предложение считал правильным. Можно не сомневаться, что такой способ не был нововведением республиканского времени, что он вполне увязывается с уровнем культурного развития примитивного Рима.

Рассмотрев все данные наших источников, можно прийти к заключению, что сенат в начале царской эпохи играл особо важную роль

именно в тот момент, когда царя не было. Причем ему принадлежала инициатива избрания царя. Сенат выносил рекомендацию, но избирал народ. Очевидно, в этом смысле и надо понимать приведенное нами мнение Дионисия о подвластности сенатских постановлений народу (II, 14). Это не лишает значения вывода о пассивной, в общем, роли народных собраний в избрании царей, который бытует в науке со времен Т. Моммзена. Нам представляется даже возможным считать, что сенат имел тенденцию возвыситься над куриатными комициями, которые выражали по этому поводу недовольство. Об этом можно судить, исходя из следующих данных. Во-первых, в более древние времена за собраниями народа было первое слово. Сервий в комментарии к Энеиде (IX, 190) говорит, что на троянцев был распространен римский обычай, по которому сначала что-нибудь призывал народ, после чего подтверждал сенат. Упоминание троянцев относит «римский» порядок, безусловно, к доромулову периоду. «Римская» принадлежность чего бы то ни было в указанное время, — конечно же поэтическая вольность, направленная на то, чтобы оттенить разницу между пришельцами и аборигинами, ставшими потом латинами, предками римлян. Обращает на себя внимание словоупотребление Сервия: «iubebat populus..., confirmabat senatus». Как нам представляется, в этом проглядывает превалирование народа. Во-вторых, любопытно замечание Ливия (I, 16, 4) о том, что в момент исчезновения Ромула находились такие, кто молчаливо подозревал отцов-сенаторов в убийстве царя. Эту версию предания он называет «очень темной» (*preobscura*), но как о реальном сообщает о тревожном состоянии общины, о тоске по Ромулу и о враждебности к *patres*, значит, к сенаторам (*sollicita civitate desiderio... et infensa patribus* — Liv., I, 16). О том, что «отцы» были на подозрении у народа в связи с кончиной Ромула, говорит и Цицерон (Сис. г. р., II, 12, 23). Наконец, показательна обстановка в Риме, в которой действовали первые междуцаря. Их правление растянулось на год, и народ стал роптать, расценив свое положение как возросшее рабство (Liv., I, 17, 7). О том, что народ не мирился с сенатским правлением после Ромула, сообщает и Цицерон (г. р., II, 12, 23). Глухое упоминание о недовольстве народа, связанном с безрезультатностью междуцарствия, призванного упорядочить дела общины, а также с утратой своих позиций в управлении, что выражено словом *προαίρεσις*, содержится и в рассказе Дионисия (II, 57). Волнение народа, о котором идет речь в наших источниках, указывает на усиление сената, стремившегося оттянуть избрание царя и оттеснить народ, т. е. комиции на второй план в системе управления Римом. Но это проявлялось и удавалось лишь тогда, когда царь физически отсутствовал. Как же объясняется это обстоятельство? Решить этот вопрос нельзя, не уяснив характера царской власти в рассматриваемое время.

Термин, обозначавший царя — это *гех*. Он уже привлекал к себе внимание лингвистов и историков. Э. Гьёрстад⁷ отмечал, что слово

⁷ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit. — ANRW, Bd I, T. I, S. 143—144.

«гех» относится к группе индоевропейских слов, обозначающих носителей царской власти у многих народов, в том числе в санскрите. В словаре Эрну-Мейе с ним связано кельтское имя *Dimpoigih*. Э. Гьёрстад привел эти данные для доказательства существования царской власти у римлян в догородскую эпоху, т. е. в древности. И это, конечно, справедливо. Справедливо и его наблюдение о том, что под древними *gegēs* следует понимать вождей догородских деревень. Видимо, действительно, до синойкизма это были родо-племенные вожди, что особенно можно подкрепить аналогией с Думнориксом.

О деятельности царя как военачальника, как ответственного за военную мощь общины вообще, наши источники говорят неоднократно. Как бы ни относиться к конкретно-исторической ситуации Рима в начале царского периода, нельзя сбросить со счета то обстоятельство, что Ромул, затем Тулл Гостилий, а также Марций изображены в античной традиции как непрестанно воюющие цари. Именно по контрасту с ними нарисован портрет Нумы как правителя мирного, сознательно строившего свое царствование на иных, чем воинственный Ромул, принципах. Это особо подчеркивается Ливием (I, 19), Дионисием (II, 60), Цицероном (г. р., II, XIV, 26), Плутархом (N., 6). Однако из рассказов античных авторов выявляется, что царь не только военачальник, т. е. главнокомандующий, но он и организатор военных сил. Конечно, родовые ополчения не были созданы Ромулом, как об этом рассказывают античные писатели. Эти ополчения несомненно были уже при его предшественниках. Но, видимо, в его время или, может быть, к его времени воинские контингенты были упорядочены. Как мы видели, было урегулировано числовое соотношение воинских единиц. Это явилось не только удовлетворением социальных потребностей, но и укреплением военных возможностей общества. Вместе с тем Ромулу приписывается и создание корпуса целеров (*Diopus.*, II, 13; *Liv.*, I, 15; *Plut.*, R., 10). Название это, согласно Дионисию (II, 13), происходит, по мнению большинства, либо от того, что целеры отличались быстротой исполнения своих обязанностей (*ἐπι τῆς ὀξύτητος τῶν ὑπερεσίων*), либо, как пишет Валерий Анциат, от имени предводителя этого отряда. О человеке из близкого окружения Ромула, которого звали Целером, известно Плутарху (R., 10) и Фесту (*celeres*). У обоих авторов он фигурирует как убийца Рема. Судя по сообщению Плутарха, «Целер» было его прозвищем. Видимо, ему пришлось поспешно скрыться из Рима и он бежал на чужбину, за Тибр, в современную Плутарху Этрурию. Проворное бегство и послужило поводом к прозванию бывшего сподвижника Ромула, а затем и всех вообще проворных и быстрых (*ταχεῖς καὶ ὀξεῖς*, что соответствует латинскому *celeres*), по мнению греческих писателей. Во всех объяснениях происхождения наименования учрежденного Ромулом отряда обращает на себя внимание то, что оно связывается с подвижностью и быстротой действий.

Ранее мы останавливались на том, что, по Дионисию (II, 13), целеры комплектовались от курий по 10 человек из каждой общим числом 300 человек. Ливий (I, 13, 8; 43, 9) говорит об учреждении

Ромулом трех центурий всадников (*equites*), число которых тоже равнялось 300. Но именовались они Рамнами, Тициями и Луцерами. Отсюда вытекает иной принцип их комплектования, а именно по 100 человек от каждой гентильной трибы. Различие в названиях и в порядке комплектования позволяет считать, что 300 Ромуловых всадников и 300 его целеров — не одно и то же. Нам представляется особо значимым свидетельство Ливия (I, 15, 8) о создании Ромулом после всаднических центурий отряда целеров. Если грек Дионисий, пользовавшийся, судя по его ссылкам, сведениями, восходящими к латинским авторам, мог не разобраться в двух учрежденных Ромулом воинских подразделениях, то Ливий четко различает их. Не касаясь способа набора, он точно определил назначение целеров как телохранителей царя (*armatos ad custodiam corpori*). На это содержится намек и у Дионисия (II, 13), заметившего, что целеров Ромул всегда имел при себе (*ἀεὶ περὶ αὐτὸν εἶχε*),

На разницу между всадниками и целерами Ромула мы уже обращали внимание в предыдущем изложении. Ф. Де Мартино сравнивал военную организацию царской эпохи с гомеровской с типичными для нее поединками колесничих и всадников⁸. Он фактически отбрасывает традицию об учреждении Ромулом отряда целеров, отодвигая их ко времени этрусских царей. Э. Гьёрстад⁹, принимая во внимание, что древнейшая жрецеская коллегия салиев отражает характер римского древнейшего войска, высказывается в пользу того, что оно было пешим, находившимся позднее под командой предводителя на колеснице. Кавалерия же в Риме, по его мнению, появилась лишь в VI в. до н. э. Ее называли этрусскими словами — *flexuntes* или *trossuli*, что выдает и ее этрусское происхождение. Римское же название всадников — целеры. Оценивая позицию Э. Гьёрстада, нужно сказать, что он практически отождествляет всадников и целеров, но отвергает античную традицию и о существовании всадников при Ромуле, и о создании им отряда целеров.

Выше мы уже высказывали мнение о возможности для Рима при первых царях пользоваться в боевых целях колесницей и верховым конем, т. е. иметь в составе войска всадников. Но независимо от наличия кавалерийского отряда, т. е. *equites*, целеры при Ромуле могли быть. Даже если допустить ошибку античных авторов, а поэтому и отсутствие кавалерийских частей в начале царской эпохи, нельзя не заметить, что в традиции, несмотря на различие в деталях, прочно удерживается предствление об этом нововедении Ромула. Не случайно, видимо, сохранилось в памяти поколений и название целеров. Из описания Дионисия (II, 13; 64) выявляется причина их исключительной мобильности и маневренности: на равнине целеры действовали на конях, а на пересеченной местности — как пехотинцы. Отсюда можно заключить, что целеры не были особым всадническим корпусом,

⁸ De Martino F. Storia della costituzione..., v. I, p. 99—100.

⁹ Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit.— ANRW, Bd I, T. I, S. 152, 159, 172.

а действительно, первой в истории Рима лейб-гвардией из пехотинцев, пользовавшихся при случае конями, либо отрядом телохранителей, имевшим в своем составе представителей и пехоты, и конницы. Во всяком случае, выделялись целеры из массы римского воинства не как род войск, вероятно, и не по вооружению, а по способу комплектования и, главное, по своему назначению. Это последнее имеет особенно существенное значение для определения характера власти Ромула.

Традиция донесла до нас сведения и о деятельности Ромула в сакральной области. Согласно Дионисию (II, 23), царь распределил религиозные обряды между фратриями, т. е. куриями, и установил расходы на священнодействия, которые нужно было выдавать куриям из общественной казны (*ἐκ τοῦ δημοσίου*). Со ссылкой на Варрона, тот же Дионисий сообщает, что, кроме существовавших уже в куриях жрецов, Ромул учредил еще 60 человек священнослужителей, которые должны были совершать общие религиозные обряды по трибам и куриям, но за весь полис, т. е. за римскую общину в целом (*τὰ κοινὰ πᾶσι τῆς πόλεως ἱερά*).

Специально останавливается галикарнасский историк на характере культа Весты при первом царе, потому что вопрос этот, по его мнению, сложный, требующий специального исследования (Dionys., II, 64). Далее он (II, 65) говорит, что некоторые авторы отрицают основание святилища Весты Ромулом, другие же утверждают, что он учредил два рода священнодействий Весты, т. е. общественные и государственные (*κοινὰ ... καὶ πολιτικά*), а также собственные и родовые (*ἴδια καὶ συγγενικά*). Сам он склоняется к тому, что общий очаг (а значит, и культ) был все же впервые сооружен именно Нумой, а не Ромулом. Плутарх (R., XXII) тоже сообщает, что учреждение этого культа атрибутируется историками по-разному.

Два греческих автора, т. е. Дионисий (II, 64) и Дион Кассий (I, 5, 13), прямо, а Плутарх (R., XXII), упоминая, что Ромул постоянно носил с собой литюон (т. е. авгуральную принадлежность), свидетельствуют о приверженности первого царя ауспициям. То же вытекает и из рассказа Ливия (I, 6). Цицерон в трактате «О государстве» (г. р., II, 10, 17), стремившийся в этом произведении, посвященном наилучшему государственному устройству, на примере Ромула утвердить благодетельность власти первенствующих людей, ставит во главу угла нововведений Ромула учреждение им ауспиций. Из всех рассказов явствует, что они совершались Ромулом по поводу собственной судьбы, и об ауспициях в отношении общих дел можно только догадываться по замечаниям Плутарха и Цицерона.

Подводя итоги мероприятиям Ромула в области религии, можно сказать, что при первом царе действовали жрецы — курионы, а также авгуры от лица куриий и, как явствует из сообщения Дионисия (II, 64), сакральными функциями обладали еще предводители целеров. Существовал при Ромуле культ Юпитера. Однако специального жреца для его обслуживания не было, как это вытекает из сообщения Ливия (I, 20, 2) о появлении такого при Нуме. Вероятно, обязанности фламينا Юпитера выполнял сам царь.

Приведенный здесь материал позволяет проследить в деятельности Ромула линию создания общих для всего Рима культов, наряду с курриальными и родовыми, т. е. в широком смысле слова гентильными. Правда, обслуживались эти священнодействия жрецами, выделенными курриями, но составляли уже особую, общеримскую коллегию. Примечательно еще учреждение Ромулом священнодействий, совершаемых предводителями созданного им отряда своих телохранителей, целеров, которые выступают в качестве священнослужителей, т. е. священнодействий, уже совсем не связанных с гентильными подразделениями. Интересно, наконец, его вмешательство в сакральные дела куррий, которое выразилось в установлении расходов на священнодействия из общественной казны (Dionys., II, 23). Возбуждает вопрос и эта, упомянутая Дионисием, казна. Она могла быть общим имуществом каждой из куррий, но можно думать, что речь у Дионисия идет о другом виде имущества. На эту мысль наводит Ливий (I, 26, 12) в рассказе о поединке Горациев и Куриациев. После потрясшей всех присутствующих речи отца оставшегося в живых Горация народ порешил заменить казнь штрафом. Отец должен был принести очистительные жертвы и внести за сына взнос в общественную казну (resunia publica). Эпизод относится ко времени правления третьего царя, но из повествования Ливия складывается впечатление не о вновь учрежденном институте, а об обычном. Но есть упоминание об общем имуществе при Ромуле и Нуме. Это — сообщение Дионисия (III, 1) о передаче Туллом Гостилием для раздела между неимущими римлянами земель, некогда завоеванных Ромулом у вейентов. Видимо, этим полем или скорее одним из его участков пользовался уже Ромул и, безусловно, владел Нума. Земля эта называлась царским клером (τῶν ἀεὶ βασιλέων κλήρος) в отличие от общественного достояния (δημοσία κτήσις). Это дает основание предполагать, что начало ему было положено при Ромуле. Под resunia publica, конечно, нельзя понимать не только монеты, но даже вообще деньги — aes signatum и aes rude. Цицерон в трактате «О государстве» (II, 9, 16) говорил о пене, налагаемой Ромулом в виде быков и овец. Вот они-то, очевидно, и составляли общественную казну. Описанные Цицероном и Ливием случаи показывают источник ее пополнения — штрафы. Был ли он единственным, точно сказать нельзя. Можно лишь полагать, что, как и земля, которая при завоеваниях превращалась в ager publicus, движимое имущество побежденных неприятелей также, хотя бы частично, переходило в разряд общего достояния, resunia publica. Разумеется, существование общественного фонда нельзя рассматривать как царское установление. Такие фонды обычны в первобытных обществах. Однако обращает на себя внимание в упомянутом здесь сообщении Цицерона то обстоятельство, что Ромул «принял меры принуждения, налагая пеню». Осуществлять это он мог царским судом, свидетельства о котором имеются у разных античных авторов. Дионисий (II, 14) прямо говорит о том, что Ромул назначил царям вершить суд в случае тяжчайших преступлений. Это должно означать, что при Ромуле уже была такая практика. В другом пассаже Дионисий (II, 29) сообщает подробности. По его словам, Ромул

устроил суды не «долговременные» (*χρονίους*), но «краткие» (*ταχέας*), причем часть дел разбирал сам, а часть поручал другим людям. Видимо, это надо понимать так, что царь поставил себя в положение суда высшей инстанции. Но наряду с этим верховным царским судом был учрежден еще какой-то не зависимый от гентильных институтов суд, действовавший по указанию Ромула. Судя по словам галикарнасца, этот судебный орган не составлял постоянно работающей коллегии, в которую могли обращаться тяжущиеся по собственному почину, а находился в полном распоряжении царя и созывался по его усмотрению. В третий раз Дионисий (II, 56) упоминает о царском суде при Ромуле как о признаке его тиранических наклонностей. Он подчеркивает, что Ромул вершил суд единолично и молниеносно, применяя жестокую казнь.

Обстановка царского суда внушала страх. Ромул совершал его, восседая на возвышенном месте Форума, окруженный целерами, а также двенадцатью стражниками, вооруженными дубинами и топорами. Эти стражники тут же и производили экзекуции, вплоть до смертной казни. Число «12» напоминает 12 ликторов у этрусков. Правда, Дионисий не упоминает в этой связи ни о каких заимствованиях. Не исключено, что число «12», равно как и устрашающие атрибуты и процедура судилища и наказания, были привнесены в рассказ о Ромуловом времени позднейшей традицией, складывающейся в Риме не без влияния этрусков, либо это число представляет собой пример модернизации, свойственной античной историографии, либо — проявление обыкновения заносить на счет Ромула все давние установления, авторы и время происхождения которых забыты, что нередко встречается в римском историописании. Однако дело не в указанных деталях самих по себе. Важно другое, а именно тот костяк фактов, которые обросли со временем этрускизированной «плотью». Вероятно, он состоял в том, что Ромул действительно практиковал судебные разбирательства, не связанные с родовыми судами. С царским судом мы встречаемся и в случае с Горацием. Ливий (I, 26, 5) сообщает, что юноша был приведен *in ius ad regem*. Цицерон, восхваляя обычаи предков и прославляя устами Манилия древнюю царскую власть (г. р., V, 2, 3), отмечает, что все вершилось царским судом, чего строго придерживался Нума. Судя и по истории с Горацием, можно сказать, что вести судебное разбирательство мог не обязательно сам царь, но и назначенная им коллегия дуумвиров (*Dionys.*, I, 26, 5).

Все упомянутые здесь сведения наших источников рисуют довольно подробную картину деятельности первых царей в разных сферах управления Римом. Царь взаимодействовал и с сенатом, и с куриатными комициями. Его власть была выборной. Как мы проследили, выборы проходили в народном собрании, но кандидатура царя предлагалась сенатом, равно как и избрание фактически утверждалось им же. Царь же вносил в комиции закон о своей верховной власти. И именно эта *lex curiata de imperio* как бы подводила черту под процедурой избрания, делала его власть «законной». Цицерон (г. р., II, 9, 15) говорит, что Ромул нашел себе опору и защиту в сенате. Но можно

думать, это утверждение обязано не столько правде, сколько стремлению автора подчеркнуть историческое значение сената для укрепления современного Цицерону сенатского совета. На самом же деле Ромул проявлял значительную самостоятельность. У Плутарха (R., XXVII) и у Диона Кассия (I, 15, 11) проскальзывает мысль даже о деспотичности первого царя: он не советовался с сенатом, а доводил до его сведения свою волю. Особенно же примечательным оказалось то, что Ромул распределил по собственному усмотрению землю, захваченную у неприятелей, между воинами (*τοῖς στρατιώταις*) и вернул Вейям заложников. С этим Плутарх связывает и исчезновение Ромула, а вернее, его убийство сенаторами, возненавидевшими его за произвол. Эта версия была уже известна и Дионисию (II, 56), и Ливию (I, 16, 4), и Цицерону (г. р., II, 10, 20). Видимо, из глубины веков донеслось эхо важных процессов, протекавших в Риме у истоков его рождения в качестве единой общины. В попытку Ромула оградить себя от контроля сената, утвердить свою власть можно поверить, приняв во внимание то обстоятельство, что он формировал материальную опору своей власти как в виде отряда целеров, так и в виде земельных владений, которыми либо пользовался, либо вообще распоряжался сам. Не случайно его внимание и к воинам. Боеспособная часть войска — это и гарантия существования общины в целом и внушительная сила в руках военачальника, каковым был первый царь. Самовольные наделения земель воинов следует расценить как стремление Ромула отстранить сенат от решения важнейшей задачи в жизни Рима и одновременно не допустить, чтобы воинство составляло ему угрозу, а вместо того сделать его своей опорой. Аналогичным образом вел себя с вооруженной силой и Тулл Гостилий. Что же касается Нумы, то этот мирный правитель не может рассматриваться как антипод тех воинственных царей в том смысле, что и он фактически упрочивал свою власть, пользуясь, однако, иными методами и проявляя себя в иной сфере, чем его предшественник и сменивший его царь. Если рассматривать деятельность Нумы в сакральной области, то сомнений в этом не останется.

Античные авторы достаточно подробно и согласно повествуют о религиозных установлениях Нумы, поскольку эта область римской истории считалась особенно важной и тщательно изучалась римлянами, тем более что и устная традиция и письменные памятники, говорящие о сакральной жизни, бережно хранились. Наиболее детальный рассказ содержится у Дионисия Галикарнасского (II, 63), который сообщает, что Нума выделил много участков и водрузил алтари и храмы для богов, которые еще оставались без почестей. Иными словами, он упорядочил культы, которые Дионисий подразделяет на 8 разрядов (II, 63). К первому относились священнодействия, оставшиеся в ведении курий и осуществлявшиеся курионами; ко второму — фламинами, к третьему — предводителями целеров, к четвертому — авгурами, к пятому — весталками (II, 64), к шестому — салиями (II, 70), к седьмому — фециалами (II, 72), к восьмому — понтификами. Об упорядочении Нумой культов и учреждении их священнодействий сверх

того содержатся сведения относительно фламинов — у Цицерона (г. р., II, 14, 26), Ливия (I, 20, 1—2) и Плутарха (N., VII); авгуров — у Цицерона (г. р., II, 14, 26); весталок — у Цицерона (г. р., II, 14, 26), Ливия (I, 20, 3), Плутарха (N., XII); салиев — у Цицерона (г. р., II, 14, 26), Ливия (I, 20, 4), Плутарха (N., XII); фециалов — у Плутарха (N., XII); понтификов — у Цицерона (г. р., II, 14, 26), Ливия (I, 20, 5—6), Плутарха (N., IX). Весь этот единообразный материал из сочинений античных авторов убеждает в том, что при Нуме наряду с культами куриальными появились культы общеримского значения. Это прежде всего культ Весты. Отправление его шло параллельно и в куриях, и в специально воздвигнутом на Форуме между Капитолием и Авентином, как свидетельствует Дионисий (II, 66), круглом, как сообщает Плутарх (N., XI), храме. Как упоминалось, археология подтвердила эти сведения античных писателей. Обслуживание культа было вверено вновь созданной коллегии из четырех весталок (Cic., г. р., II, 14, 26; Dionys., II, 67; Liv., I, 20, 3; Plut., N., X). Их

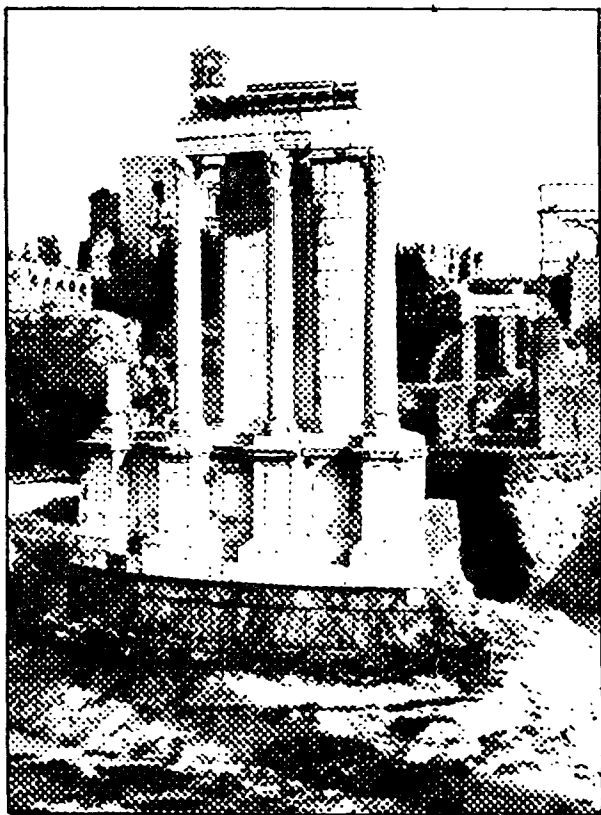

Рис. 12.
Храм Весты на Форуме

число позволяет думать, что комплектование коллегии дев не было связано с гентильной, т. е. трибо-куриальной организацией, в структуре которой явно прослеживается принцип кратности трем.

Принципиальным новшеством стало создание коллегии фециалов. Правда, Цицерон (leg., II, XVII, 31) относит правила объявления войны уже к Туллу Гостилию, что, надо признать, более согласуется с потребностями его правления, чем мирного Нумы. У Ливия (I, 32, 5) говорится, что ритуал этот был заимствован у эквикулов Анком Марцием. Но тот же Ливий (I, 24, 4—9), рассказывая о конфликте в правление Туллы между римлянами и альбанцами, сообщает, что они за-

ключили договор, по которому народ, чей представитель окажется победителем в турнире Горациев и Куриациев, станет повелителем народа, представитель которого будет побежден. Этот договор Ливий называет самым древним и передает правила его заключения с участием фециалов. У Варрона (II, V, 86) фециалы связаны со сферой верности, доверия (*fides*) и договорами (*foedus*) между народами. Отсюда выявляется широкое поле деятельности фециалов в «международном» плане. И поскольку именно Нуме традиция, донесенная Дионисием (II, 75), Ливием (I, 21, 4) и Плутархом (N., XVI), приписывает воздвижение храма Верности, а сохраненная Плутархом (N., XVI), — и Термина, т. е. обожествленной границе в широком значении этого слова, — можно думать, что уже при втором царе коллегия фециалов в зародышевом состоянии существовала, а при последующих царях ее функции расширились и облеклись в определенные формы. Важно, однако, отметить, что связь коллегии фециалов с родовым устройством также не прослеживается, несмотря на ритуал, красноречиво говоривший о чрезвычайно древних истоках этого института. Прежде всего следует вспомнить обычай ритуального заклания поросенка кремневым ножом (*silice saxo* — Liv., I, 24, 6), которое совершалось «дежурным» главой исполнительной комиссии, называвшимся *pater patratus* (Liv., I, 24, 6). И этот термин, и кремневый нож нужно, конечно, рассматривать как следы первобытной эпохи, в рамках которой при исполнении аналогичных обрядов главы родовых коллективов регулировали свои отношения с соседями. Тогда этот род деятельности, вероятно, входил в круг полномочий родовых или племенных вождей, в то время как Нума выделил его, поручив исполнять присущие ему обязанности специальным людям.

Фламины при Нуме стало три. Это очень существенное мероприятие. Появилась еще одна коллегия, не зависимая от родового устройства. Нас не должно смущать число «3», потому что оно сопряжено прежде всего с тремя культами общеримского характера, а не с принципом кратности трем. Кроме фламينا Юпитера, получившего постоянного жреца, были добавлены фламин Марса и фламин Квирина (Liv., I, 20, 3). Этой триаде посвятил специальное исследование французский ученый Ж. Дюмезиль¹⁰. В ней он увидел якобы свойственное индоевропейским народам деление на общественные классы жрецов, воинов и земледельцев, которое в римском варианте, по его мнению, воплотилось соответственно в Рамнах, Тициях и Луцерах. Таким образом, в концепции Дюмезиля выявился отказ от идущего от Г. Б. Нибура представления о том, что трибы Рамнов, Тициев и Луцеров состояли из разных племен, т. е. были этнически разнородными. Против такого вывода Дюмезиля в нашей науке выступил А. И. Немировский¹¹. В этом на основании проведенного исследования присоединяемся к А. И. Немировскому и мы, равно как и в положительной оценке того, что Дюмезиль устанавливает связь между религией и социальной

¹⁰ Dumézil G. Iuppiter, Mars, Quirinus. Paris, 1941.

¹¹ См.: Немировский А. И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964, с. 22—23.

структурой древних народов, в том числе и римлян. Однако в интересующем нас плане важно не столько отметить, что выдвигение Юпитера и Марса в качестве особо почитаемых богов объясняется уровнем социального развития Рима, ступенью военной демократии, на что справедливо обратил внимание А. И. Немировский¹², или военными потребностями и обусловленным ими развитием военной организации в начале царской эпохи, сколько то, что Нуме приписывается обожествление Ромула под именем Квирина (Dionys., II, 63). А. И. Немировский¹³, ссылаясь на Цицерона (г. р., II, X, 20), вслед за Г. Виссовой¹⁴ говорит о том, что Ромула стали считать Квирином в конце Республики. Но текст Цицерона не дает достаточных оснований для такого утверждения. Автор трактата делает замечание как раз о том, что сразу же, со слов Прокула Юлия, люди поверили в апофеоз Ромула, благодаря силе его ума и мужества. Сомнения были тогда и в правдивости сообщения Прокула Юлия, о них сказали и Цицерон в указанном пассаже, и Ливий, жившие в конце Республики. А то, что в античной традиции неоднократно прозвучала версия, будто в превращении Ромула в Квирина были заинтересованы патриции, организовавшие его убийство, позволяет полагать, что официальное признание этой идентификации состоялось еще при Нуме. И это очень существенно. Ведь Квирин первоначально был племенным богом сабинян. Он считался прародителем Модия Фабидия (Varro, II, V, 74; Dionys., II, 48), его имя слышится в названии Квиринала, который признается большинством исследователей населенным сабинами. Почитание латинского по происхождению Ромула в виде сабинского божества всеми римлянами должно было служить идее объединения, идеологически подкрепляло состоявшийся синойкизм. В свете этого и следует оценивать введенных Нумой трех фламинов трех общеримских культов, опять-таки не связанных с троичной родо-племенной структурой древнейшего Рима, а точнее говоря, не представлявших собой отражение этой структуры.

Особое значение имеет приписываемое Нуме учреждение коллегии пяти понтификов. Название этой коллегии, как известно, истолковано в связи с обязанностью строить и охранять мосты¹⁵, выводящей ее на сцену международных отношений. О том, как в этом деле разграничивались функции понтификов и фециалов, можно догадываться. Вероятно, коллегия первых, как главная, что хорошо известно по положению ее в эпоху Республики, под руководством царя ведала направлением внешних сношений, фециалы же, как мы видели, — их обрядовой стороной. Не касаясь всех сторон деятельности понтификов, подчеркнем общеримское значение этой коллегии, ее верховенство в сакральных делах Рима, значит, включая гентильные sacra. У Ливия (I, 20, 6) это выражено словами: «omnia publica privataque sacra».

¹² См.: там же, с. 102.

¹³ См.: там же, с. 98.

¹⁴ Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912, S. 155, N. 5.

¹⁵ См.: Моммзен Т. История Рима, т. I. М., 1936, с. 162; Немировский А. И. Идеология..., с. 135.

Представляется, что в данном случае возможны два толкования: 1) под *publica* можно понимать общественные священнодействия вообще, т. е. и общеримские, и общие, т. е. куриальные и гентильные; 2) в *publica* можно видеть только общеримские священнодействия, а в *privata* лишь часть их, относящуюся к компетенции гентильных групп, составляющих часть общеримского единства. Учитывая господство коллективных форм жизни в раннем Риме, второе толкование кажется предпочтительным.

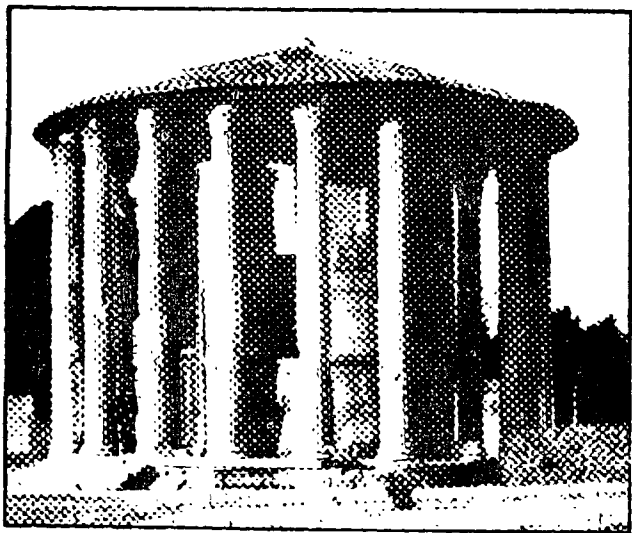

Рис. 13.
Так называемый храм Весты на Форум Боаррум,
повторяющий традиционную древнюю форму

В сообщениях античных авторов об учреждении понтификальной коллегии имеются еще интересные моменты. По Ливию (I, 20, 5—7), Нума выбрал (*legit*) некоего Марция, сына Марка, понтификом и передал ему описание (или запись) правил совершения священнодействий, а также погребений и объяснений божественных знамений. Согласно Плутарху (N., IX), первым главой понтификов был сам Нума. Из известия Ливия, таким образом, следует, что Нума назначил верховного, или великого понтифика (*pontifex maximus*), хотя этот термин и не употреблен. Однако уже само по себе назначение его Нумой свидетельствует о подчиненности этого жреца непосредственно царю. Во всяком случае, оба варианта традиции создают впечатление тесной связи коллегии понтификов непосредственно с царем, а не с какими иными элементами управления Римом. Эти наблюдения позволяют нам согласиться с А. И. Немировским¹⁶, что контроль за внешними связя-

¹⁶ См.: Немировский А. И. Идеология..., с. 135.

ми общины создавал особую близость царя и коллегии понтификов, и уже отсюда можно сделать вывод о появлении известной самостоятельности Нумы в области международной политики относительно сената и комиций. Дионисий (II, 73) выделяет еще одну важную черту, характеризующую положение понтификов: при смерти одного из них коллегия пополняется за счет достойного, выбранного самими понтификами, а не народом. Обычай этот, разумеется, не новый. Он свойствен и другим более древним жреческим коллегиям, как например, Арвальских братьев, или салиев, которые, по преданию, также были организованы Нумой. Однако в коллегии понтификов, видимо, отсутствовал принцип «братства». Не останавливаясь подробно на других мероприятиях Нумы, связанных с учреждением понтификата, нельзя не сказать об их обязанности хранить царский архив.

В очень содержательной книге Э. Перуцци «Le lettere», составляющей второй том его «Происхождения Рима»¹⁷, приведены заслуживающие внимания соображения о знакомстве Лация, в том числе и Рима VIII в. до н. э., с греческой письменностью и дополнительные аргументы в пользу происхождения латинского алфавита от греческого. Развивая этот тезис, Э. Перуцци подробно исследует сообщения античных авторов о книгах Нумы, найденных, согласно Ливию, в 181 г. до н. э. Открытие этих документов справедливо оценивается Э. Перуцци как достоверный исторический факт и потому, что о нем говорят наиболее древние из писавших по латыни анналистов, и потому, что сенатское постановление о судьбе этих книг читал в изложении Валерия Анциата двумя с половиной веками позже Плиний Старший. То, что античные авторы пишут о находке и о самих libri Нумы, более или менее согласно и одновременно отмечая примечательное, — каждый со своей точки зрения (Кассия Гемину, например, поражает сохранность книг, Ливия интересует политическая борьба, развернувшаяся вокруг находки, Варрона занимает их религиозное содержание и т. д.), — позволяет Э. Перуцци составить о них и их значении довольно полное представление. Он пытается определить вид и содержание книг Нумы. Одни источники говорят, что, по крайней мере, некоторые из них заключали в себе пифагорейскую философию (Кальпурний Пизон и Валерий Анциат. Но Цицерон, Ливий, Дионисий и Плутарх отрицали «пифагореизм» Нумы), другие — «понтификальное право», «доктрину Нумы», его «декреты» (Ливий, Дионисий). Одна часть книг, согласно традиции, была на греческом языке, а вторая — на латинском. Э. Перуцци обращает внимание на то, что греческие книги по решению сената, видимо, под давлением партии Катона, были сожжены, латинские же сохранялись с великим усердием понтификами, которым они были переданы. Он считает далее нужным отметить, что libri написаны на папирусе, который, за редким исключением, в Италии не растет. В римской древности пользовались для письма лубом (liber), часто употребляли кору, особенно липы, из ко-

¹⁷ Peruzzi E. Origini di Roma, v. II. Bologna, 1973. (См. особенно с. 107, 123, 137—138, 152, 167).

торой изготовляли таблички, пригодные и для других целей. Латинское слово «codex» (caudex), т. е. деревянный обрубок в значении «деревянная дощечка для письма» (как и герм. *bōkiz*, готское *bōkos*, староангл. *bēs*, старонемец. *buoh*→*Buch*), ясно подтверждает эту практику, причем чаще всего оно употреблялось, как и указанные германские слова, в pluralis — *codices*. Имеются сведения и о том, что писали на пальмовых листьях (традиция о кумской Сивилле), на полотне и воске, а государственные акты — на свинце. Однако все это, по мнению Перуцци, не противоречит подлинности сведений о папирусных *libri* Нумы. Ведь папирус, экзотический и дорогой материал, не будучи в массовом обиходе, тем не менее мог применяться для документов особой важности. В Риме VIII в. до н. э. его уже должны были знать от италийских греков, торговавших с Египтом. Известие же Варрона о том, что Италия узнала папирус лишь в IV в. до н. э., может быть объяснено тем, что сократившиеся контакты этрусков и Лация с греческим миром прекратили на время импорт этого материала, который возобновился лишь в IV в. до н. э.

Пытаясь уточнить содержание латинских книг Нумы, Э. Перуцци пишет, что часть их заключала религиозные установления, а другая — административные реформы. Понять же эти реформы можно, лишь учитывая аграрные отношения в Лации.

В книгах Нумы, по мнению Перуцци, были зафиксированы его, царские законы. В частности, при сопоставлении данных Дионисия, Феста и Плутарха, касающихся установления священнодействий Термину, выясняется, как говорит Перуцци, введение земельного кадастра, что преследовало фискальные цели. Этот вывод, исходя из наших представлений об аграрных отношениях того времени, кажется нам модернизирующим эпоху Нумы. Но то, что в его книгах нашло отражение урегулирование землевладельческих порядков, вряд ли может быть оспорено. Значит, письмена второго царя включали в себя не только сакральные установления, но и постановления светского характера. В связи с рассматриваемым здесь вопросом важно отметить замечание Перуцци о том, что записи Нумы составили ядро понтификальных книг. И поскольку Нума поручил понтификам хранить данные им предписания разнообразного содержания, можно, действительно, считать организацию понтификов не обычной жреческой коллегией, а полусакральным, полусветским органом при царе, отражающим потребности образующейся Римской гражданской общины.

Что касается 12 салиев (*Liv.*, I, 20, 4; *Dionys.*, II, 70), то эта коллегия первоначально должна была состоять из жителей *montes*, поскольку позднее при Тулле Гостилии она была увеличена еще на 12 человек за счет поселенцев холмов — *colles* (*Dionys.*, II, 70; *Liv.*, I, 27, 7). И действительно, на протяжении римской истории существовали *Salii Palatini* и *Salii Collini* (*Serv.*, *Aen.*, 8, 285). Римские салии не были единственными в Италии (*Isid.*, 18, 50). Они существовали в Этрурии, в латинских городах Тибуре, Тускуле и Лавинии, причем в этих последних, согласно комментатору Вергилия — Сервию, еще до того, как эта коллегия появилась в Риме (*Serv.*, *Aen.*, 8, 285; *Fest.*, *Salios*).

О глубокой древности бытования салиев в Италии можно судить и опираясь на лингвистический анализ их ритуальных стихов, незначительные фрагменты которых сохранились. В этой связи упомянем о труде Перуцци, посвященном культурным аспектам древнейшего Лация¹⁸. Э. Перуцци обращает внимание на то, что у Феста содержится объяснение выражения, встречающегося в песнях римских салиев, — *pilum* *poploe*: так называли римлян либо оттого, что они обычно пользовались дротиками (*pilis*), либо потому, что они преимущественно гонят, отбивают (*pellunt*) своих врагов. Однако на основании формы, по его мнению, это выражение должно относиться не к архаическому латинскому, а к сабинскому языку, в латинском варианте ему должна соответствовать формула *pilleato populo*. В книге доказана принадлежность «*pilum* *poploe*» очень древнему слою языка римлян, включавших и латинян, и сабинов. Это слово в именительном падеже — *pilumnus* — входит в группу немногих слов на *-umno-*. Э. Перуцци указывает на археологический материал, подтверждающий знакомство древнейшего Лация, т. е. I фазы лациальной культуры, с такой архитектурной деталью, как колонна (*columna*), а именно на урну-хижину из Кампофатторе из района Альбанских гор. Урна, как известно, имитировала жилые дома. По маленькой модели можно представить себе дома или хижины с портиком из четырех грубых веретенообразных колонн, как бы обвитых лентой. Наличие этих колонн подводит базу под древность слова *columna*, подкрепляет вывод о древности слов на *-umno-* в языке римлян начала царского времени, в том числе и слова *pilum* *poploe*. При этом, замечает ученый, некоторые слова с «*oe*» пришли в латинский из сабинского языка.

Принимая эти соображения Перуцци, добавим еще, что и второе слово рассматриваемого выражения из песни салиев (*pilum* *poploe*) относится к древнейшему слою латинского языка. Это было отмечено П. Каталано¹⁹, который исследовал термины, обозначающие римский народ в разных аспектах этого исторического явления в различные исторические эпохи. На основе эпиграфических данных он убедительно показал, что форма *populus* утвердилась лишь в середине II в. до н. э., пройдя длительный путь развития от *poplos*: *poplos* > *popolos* > *populus*. Таким образом, можно констатировать глубокую древность как песен салиев, так и самой их коллегии в Риме.

Другой пассаж Феста также показывает, что в Риме имели хождение сабинские слова. В его словаре термин «*vegnae*» определяется как сабинский помпильевой эпохи. По свидетельству Плутарха (N., XVII), в эпоху Нумы различие между альбанскими уроженцами и сабинами в Риме еще отчетливо ощущалось, так что царь даже создание ремесленных коллегий подчинил задаче смешения людей, чувствовавших себя одни — римлянами, а другие — сабинами. Античные авторы показывают, что Нума стремился преодолеть имеющиеся различия. Его деятельность в этом направлении привела к тому, что все

¹⁸ Peruzzi E. *Aspetti culturali del Lazio primitivo*. Firenze, 1978.

¹⁹ Catalano P. *Populus Romanus Quirites*. Torino, 1974, p. 97.

жители Рима, по крайней мере официально, стали называться римлянами. Во всяком случае, в надписи на саркофаге, согласно традиции, Нума назван *rex Romanorum*. Перечисленные данные дают Перуцци право заключить, что в песне салиев в словах «*primum populo*» выражалась совокупность всех римлян, а не одна из этнических групп, входивших в их состав.

Принимая во внимание интересные наблюдения Перуцци, следует признать, что и учреждение коллегии салиев, несмотря на ее архаический характер, стоит в ряду мероприятий Нумы, с одной стороны, ориентированных на создание единой общины, а с другой, — отражающих этот процесс.

Прежде всего надо со всей определенностью сказать, что имеющиеся в нашем распоряжении источники в целом дают возможность считать начало царской эпохи вполне историческим временем и позволяют исследовать ряд важных для истории раннего Рима вопросов. Благодаря появлению новых археологических материалов и достижениям лингвистической науки античная традиция предстала перед исследователями в новом свете. Можно считать, что в основных чертах она верно освещает историю ранней Италии. Многие, что расценивались раньше как выдумки более поздних римских и греческих авторов, следует рассматривать как воспоминание о реально существовавших людях и событиях, запечатленных памятью многих поколений римлян.

Мы не ставили своей целью написать всю историю царского Рима или даже историю его начала. Нашей задачей было выявить те нити, которые связывали небольшое объединение общин начала железного века со всемирно значимым явлением — римской *civitas*, т. е. римским полисом. Поэтому в центре нашего внимания были те элементы социальной структуры, которые составили ее базис, а затем, постепенно трансформируясь, вошли в ранний римский полис и в измененном состоянии продолжали существовать на протяжении по меньшей мере всей эпохи Республики и начала Империи, оказывая известное влияние на римское общество и его культуру.

В результате проведенного исследования можно сказать, что Ромулов Рим, действительно, развивался на гентильной основе. Род был основной структурной единицей, живым и действующим организмом. Этнический состав римских *gentes* не был однородным. И это отразило предшествующую историю притибрской зоны Лация, населенного издревле лигуро-сикулами. Эта зона испытала множество миграций — италиков, ахейских греков, пеласгов, фрако-иллирийцев. Все это пестрое население

внесло свой вклад в последующую историю и культуру раннего Лация. Однако эти миграции не были по большей части «великими переселениями народов», а представляли собой, вероятно, одновременные вкрапления в местную лигуро-сикульскую среду небольших групп. Но если движение этих племен и народностей проходило и значительными массами, то сколько-нибудь обширных и постоянных поселений на территории будущего Рима они не основывали, во всяком случае прочно там не закреплялись. По своему социально-экономическому и культурному уровню они были различны, что тоже отразилось на степени их влияния на дальнейшее развитие событий. Исключение составляют племена латинов и сабинов. Они оказались компактным, преобладающим численно элементом. Ромулов Рим был латино-сабинским поселением с известной долей автохтонного лигуро-сикульского населения, впитавшим в себя перечисленные выше пришлые этнические компоненты. Из них следует выделить греков. Их роль вряд ли можно признать значительной в римском этногенезе, но в культурном влиянии на Рим им должно быть отведено первое место. Свидетельством этого является в первую голову латинский язык, обогащенный многими терминами культурного обихода и сельскохозяйственного производства, которые имеют греческое микенской эпохи происхождение. Этрусков в Ромуловом Риме еще не было, и весь этрусский антураж правления первого царя приходится отнести за счет римской историографии, находившейся под гипнозом того мощного культурного воздействия, которое оказали этруски на Рим в более поздний период царского времени, особенно в период этрусской династии.

Римский род был патриархальным, состоящим из больших отцовских семей. Полного имущественного равенства среди них уже не существовало. Об этом свидетельствует наличие клиентелы. На процесс имущественной дифференциации влияло распространявшееся патриархальное рабство. Но этот институт не получил еще большого развития, о чем свидетельствует, в частности, постоянное увеличение количества родов в продолжение всей царской эпохи, которые довольствовались в производственной сфере услугами клиентов. Поскольку род был общиной, т. е. социально-экономическим организмом, разрастание его в условиях ограниченных земельных площадей не могло быть беспредельным. Граница рода обуславливалась его экзогамным характером и первоначально, вероятно, определялась 7-й степенью родства. Число римских *gentes* росло разным образом. Преимущественно за счет добровольных или насильственных инкорпораций в римскую среду соседних латинов и сабинов. Но оно возрастало и естественным, так сказать, путем, т. е. в результате отпочкования больших патриархальных семей.

Этот процесс, как показывает появление новых *potina*, образованных от *graeopotina*, был регулярным и подверженным определенным закономерностям. Единый *poten* носили все потомки *pater familias*, пока он был жив, а его семья обеспечивалась родовой землей. Родившиеся же после его смерти его внуки и правнуки, образовавшие семьи, ставшие «лишними», уже получали в качестве *poten* имя своего

отца. Разрастаясь, эти большие отцовские семьи, представлявшие собой домовую общину, могли давать начало новому роду.

Переселение в Рим осуществлялось целыми родами. Но были случаи единичных или семейных переселений. Однако в Риме эти фрагменты чужих gentes первоначально воспринимались как новый род, если не включались в число клиентов различных родов, чего полностью исключить нельзя, но что в той ситуации не могло быть частым. И это тоже является показателем жизненности гентильной организации на заре римской истории. В начале царской эпохи включение новых родов отвечало требованиям укрепления Римской общины. Враги становились друзьями, их земли входили в фонд римских земель, отодвигали римские границы от неприятелей и создавали вместе с тем плацдарм для дальнейших продвижений римлян.

Однако такое положение дел не могло быть вечным. На тогдашнем уровне развития производительных сил требовалось ограничение народонаселения, пользовавшегося всеми благами, предоставляемыми ему общиной. Был поставлен предел увеличению численности gentes. Количество их было доведено до 300. Но это произошло уже за пределами рассматриваемого времени, вероятно при этрусских царях, если в начале Республики после потерь и потрясений в распрях и войнах в связи с изгнанием Тарквиниев пришлось, согласно традиции, дополнить до этого числа поредевшие ряды gentes. Можно думать, что число 300 не случайно. Оно было согласовано с уже существовавшей троичной схемой трех триб и тридцати курий. Мы не знаем, как распределялись роды по куриям в начале царского времени. Точного и равномерного распределения не могло быть хотя бы потому, что достигнутое еще в пределах первого правления число 200 родов не могло равными долями входить в 30 курий и 3 трибы.

Римское общество при Ромуле и Нуме состояло из гентильных триб и курий, под которыми в соответствии с установленной Кречмером этимологией следует понимать мужские союзы, или союзы мужчин, организованных, вероятно, по возрастному признаку. Число курий росло постепенно и достигло числа 30 уже ко времени Ромула. Поскольку курии были организацией воинов, т. е. действующей армии, или боеспособного воинства и «отставников» в силу возраста или полученных на войне увечий и одновременно голосующими единицами в народном собрании, в куриатных комициях, их значение в решении жизненно важных для Рима вопросов было немаловажным. Число таких решающих дела единиц в их же интересах, т. е. в целях сохранения за ними их особой роли, пришлось ограничить. Однако фиксация этого числа означала вместе с тем и развившуюся дифференциацию в обществе, и наличие более сильной в имущественном отношении его части. Вероятно, именно эти более могущественные gentes и были заинтересованы в ограничении количества курий. Что же касается числа именно 30 курий, то оно, по-видимому, диктовалось военными потребностями. Можно согласиться здесь с мнением Н. Ламберта, полагавшего, что кратность трем сообразуется либо со структурой римского войска, для которой характерно построение по трем возрастным группам (гаста-

ты, принципы, триари), либо с воинским строем — центр и два фланга. Но нельзя исключить и того, что в основе фиксированного количества социальных единиц Ромулова Рима лежали реально существовавшие 3 трибы, подобно тому, как это имело место в дорийской Спарте. И уже в отношении с ними было поставлено число куриЙ, опять-таки в силу военной необходимости. Ведь вооруженные силы Рима включали в себя как пехоту, так и кавалерию. Соотношение этих родов войск в Риме всегда было определенным, т. е. 10:1. Возможно, это обстоятельство и продиктовало необходимость поставить предел расширению числа куриЙ именно тридцатью.

Важен, однако, сам факт числовой фиксации триб и куриЙ, показывающий тенденцию к ограничению пока еще количества социальных единиц, составляющих римское общество, и вместе с тем тенденцию к осознанию себя как некоего единства, как римлян.

Поскольку численное соотношение между количеством родов и куриЙ установлено не было, а укрепление Рима требовало еще пополнения населения, число родов продолжало увеличиваться. Но включались они в уже имеющиеся куриИ. Можно предполагать, что при этом учитывались родственные связи. Ведь пополнение римского населения в то время шло за счет латинян и сабинян, и могла складываться ситуация, подобная той, что сложилась, по сообщениям античных авторов, несколько позднее, при Тулле Гостилии. После разрушения Альбы, согласно преданию, в Рим переселились среди прочих — Юлии, часть которых уже давно жила в Риме, состояли в родстве между собой Горации и Куриации. Наконец, при пополнении куриЙ могла учитываться и численность самого рода, его мужского боеспособного населения. В силу того что комплектование войска шло от куриИ, было не так важно то, сколько в нее входит родов, как то, сколько в совокупности этих родов насчитывается мужчин. И только тогда, когда войско перестало строиться на гентильной базе, стало возможным не заботиться о пополнении куриЙ новыми боеспособными членами. В основе этого лежали глубокие социально-экономические процессы превращения римского общества в классовое и образования государства, т. е. формирования автаркичного полиса с присущей ему замкнутостью гражданства. Вот тогда-то и должно было произойти ограничение числа родов, ставших привилегированной частью римлян, т. е. римским гражданством. Оформление этих процессов совпало с глубокой перестройкой римской жизни уже при этрусских царях.

Более ясное представление о характере Рима эпохи Ромула и Нумы дает исследование аграрных отношений, которое показывает господство коллективных форм собственности на землю. Состав коллективной земельной собственности был уже достаточно сложным, включая общую землю как гентильных, так и территориальных общин, а также и всей римской общины, в которой можно видеть истоки *ager publicus*. Надельная земля родичей и общинников-соседей становится их частным владением, но не собственностью, хотя бы и в римском ее варианте. По аналогии с положением, отраженным надписями Поздней республики и Ранней империи, можно представить, что сопредель-

ные коллективные земли разных общин использовались ими совместно, как бы сливаясь в единое коллективное угодье. Царские наделы тоже рассматривались как часть всеримской земли, но ее практическое использование царями имело тенденцию к отрыву ее от коллективной.

В области управления общиной в начале царской эпохи налицо все элементы военной демократии. Однако баланс их значимости уже несколько нарушен в пользу царя. Царь в первую очередь — военачальник и судья, выполняет он и жреческие функции, но это не придает ему теократического облика. Для Ромула и Нумы характерна деятельность, централизующая их власть. Они создают себе материальную опору, независимую от гентильной. Это проявляется и в свободном распоряжении своей землей и общей завоеванной землей, т. е. *ager publicus*, и в создании общего не зависящего от родов имущества общины, которым они вольно распоряжаются, и в таком нововведении, как целеры, царская лейб-гвардия.

Можно даже заметить нарастание тенденции, действовавшей в направлении усиления царской власти от Ромула до Нумы, хотя второй царь, казалось бы, отступил перед требованиями родовладык, распустив отряд целеров и прекратив военные действия, явно способствовавшие укреплению царского престижа. Но его мирная деятельность объективно означала продолжение дела упорочения царской власти. Это сказывалось в создании религиозных коллегий, не связанных непосредственно с гентильными объединениями, во всяком случае не подвластных их контролю, а в то же время как бы подчиненных именно царю, и в упорядочении им земельных владений. Учитывая известия античных авторов, а также современные лингвистические исследования, можно сказать, что Нума содействовал преодолению различий между римлянами и сабинянами, продолжая сплочение их в единый римский народ.

Социально-экономическое развитие Рима нашло выражение в упомянутых древними важных фактах. Нуме приписывается создание ремесленных коллегий, которые свидетельствуют о значительной эволюции в области разделения труда, а стало быть, и развития производительных сил. Это означает также, что в Риме не только существовало, но и было осознано разделение людей по профессиональному признаку.

Наука не располагает прямыми и безусловными доказательствами наличия в Риме того времени письменности. Наиболее ранняя латинская надпись датируется не ранее VII в. до н. э. Однако нельзя отбросить тех серьезных соображений, которые привел Э. Перуцци в пользу употребления римлянами греческого алфавита уже при Нуме, т. е. в конце VIII или первой трети VII в. до н. э. Если не отметить «с порога» такую возможность, а это было бы неправомерным, то она лишь подтвердит наши выводы.

Конец правления Ромула, согласно традиции, был ознаменован большим недовольством царем со стороны родовой знати, что привело его к гибели. Эти события нельзя рассматривать как личную неприязнь кого-то из родовладык к Ромулу. Все версии традиции рисуют

картину общего недовольства родовой верхушки римским правителем, защищавшим интересы другой части римлян. Иначе говоря, в Риме уже при Ромуле обозначились достаточно резкие социальные противоречия, заставившие Нуму маневрировать. А внутренние социальные противоречия и тем более столкновения несовместимы с родовым строем.

Исследование источников, таким образом, позволяет сказать, что Рим начала царской эпохи был обществом, не порвавшим еще с родовым строем, но уже сделавшим первый шаг в сторону от него, причем это движение нарастало от периода Ромула через правление Нумы к следующим за ними царям. Рим у истоков царского периода уже знал не только клиентскую зависимость, патриархальное рабство, выделение знати и социальные раздоры, но и усиление царской власти за счет принижения роли народного собрания и особенно сената. Знаменательной приметой времени было появление частных земельных владений. Однако преувеличивать значение указанных явлений не приходится. Римское общество было еще очень архаичным, покоившимся на принципах коллективных форм собственности на основное средство производства — землю. Рим еще не был ни полисом, ни «монархией». Нет никаких оснований для противопоставления *regnum* и *civitas* применительно к Риму рассматриваемой здесь эпохи. Но можно уже разглядеть в потемках этого далекого времени те нити, которые тянутся к классовому обществу и к *civitas*. Образование римского полиса проходило не непосредственно из разложения родовых отношений и «перелива» их в полисную форму, а через стадию соседской общины.

Список
сокращений

- AcI — *Archeologia classica*
ANRW — *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, Bd I, T. I; T. II, Berlin — N. Y., 1972
BPI — *Bulletino di Paletnologia Italiana*
CAR — *Corpus Agrimensorum Romanorum*. Ed. Thulin. Lpz., 1913
FIRA — *Fontes Iuris Romani Antiqui*. Ed. Bruns.
HRF — *Historicorum Romanorum Fragmenta*
JRS — *The Journal of Roman Studies*
NSc — *Notizie degli scavi*
OR — *Origini di Roma*
PP — *La parola del passato*
RE — *Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, hrsg. von Pauly, Wissowa, Kroll. Stuttgart.
REL — *Revue des Etudes latines*
RhM — *Rheinisches Museum für Philologie*
RSI — *Rivista storica italiana*
SE — *Studi Etruschi*
SR — *Studi Romani*
St—R — *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht*, Bd I, II, Lpz., 1887; Bd III, Lpz., 1888

Указатель предметов и этнических названий

- Аборигины 46, 49, 54—63, 68—72, 74, 76, 83—86, 107—109, 182, 240
Авгуры 93, 95, 246, 247
Авзоны 51, 65, 87
Аврunki 63, 65
Автохтонизм 9, 49
Агнаты 39, 52, 122, 123, 125, 128, 147—149, 170, 179, 180
Агоналии 185
Азиль 58, 74, 134, 137, 213
Айнеады 88
Альбанцы 15, 46, 52, 54, 57, 101, 109, 131, 171, 177, 181, 202, 212, 247
Амбарвалии 206, 207
Антематы 115, 123, 138, 211, 212, 215
Античная форма собственности 28, 29, 192, 194, 219
Анциаты 62
Апеннинская культура 10, 76, 80, 81, 84
Арвальские братья 38, 184, 207, 251
Аргеи 54, 72, 82, 95, 100, 102, 103, 164—166, 204, 207
Аргивяне 53—55, 64, 65, 73, 82, 164
Аркадяне 51, 53—59, 62, 63, 65, 72, 73, 82, 83, 85
Ауспиции 206, 243

Бронзовый век 10, 13—16, 18, 19, 22, 32, 48, 76—78, 80, 84, 86, 87, 114, 183, 184

Венеты 75, 76, 87, 138
Верны 163
Весталии 184
Весталки 140, 184, 246, 247
Весты культ 8, 36, 37, 52, 62, 104, 110, 123, 184
Весь славянская 211
Виллановы культура 4, 9, 10, 16, 19, 39, 48, 75, 76
Виналии 184
Военная демократия 19, 20, 113, 189, 249, 259
Вольноотпущенники 157
Восточная форма собственности 28
Всадники 242

Гальштадтская культура 15, 187
Гастаты 131
Генс — см. Род
Гентилиций 142
Гетайры 123, 124, 154, 159, 160
Гиперкритицизм 7, 9, 12, 19, 40, 173
Гоплиты 118
Город 22—25, 27, 30, 97, 197, 201—203, 206, 207
Город-государство 24, 27—29, 91
Гражданство 25, 26, 28, 29, 132, 157, 191, 193, 197, 214, 216, 258
Греки 11, 14, 21, 25, 30, 41, 47, 51, 53, 57, 60—69, 72—74, 85, 89, 106, 108, 117—

- 119, 135, 153, 155, 166, 181, 198, 210,
217, 251, 255, 256
Гримальдийцы 72
- Дарданцы 58, 88
Двухьюгеровый надел 23, 188, 191, 194,
197, 198, 199, 214—216
Дектунины 225, 227
Демотики 154, 159
Догородская эпоха 13, 14, 16, 96, 115, 241
Доминий 219
Дорийцы 94, 98
- Железный век 4, 7, 8, 10, 13—15, 18, 19,
21, 32, 48, 75, 76, 80, 81, 87, 108, 111,
183, 184
- Землевладение коллективное 202, 214, 216,
232, 258—260
— куриальное 125, 201, 202, 222
— общинное 26, 27, 125, 127, 128, 187,
188, 257
— родовое 121, 193, 195, 197, 201, 202,
215, 221, 222, 256
— частное 27, 187, 193, 194, 196, 202,
216, 220, 260
- Иллирийцы 75, 76, 85—89, 110, 111, 138,
181
Илоты 20
Ингумация 10, 33—35, 108, 186
Индогерманцы 9, 47, 52, 110
Индоевропейцы 49—52, 86, 87
Интеррекс 137
Ионийцы 98
Ирландцы 93, 94, 113, 149, 158, 171, 174
Италийцы 17, 41
Италики 6, 11, 12, 18, 47—51, 63, 65, 71,
72, 84, 166, 190, 255
- Каватурины 225, 226
Каменный век 48
Камерийцы 130
Карменталии 62
Карналии 184, 185
Каски 71, 72
Кастелы 21, 226
Кверкветулары 202
Квириты 95, 237
Кельты 209
Клерухи 212
Клеры 94, 103, 199, 202, 212, 215, 230, 231,
244
Клиентела, клиенты 20, 22, 110, 152—161,
187, 190—192, 195, 201, 214, 231, 256,
257, 260
Когнаты 39, 143, 144, 146, 149, 150, 157,
170
Когломен 109, 135—137, 140, 149, 171
- Комиции 233, 239, 240, 251, 260
— калатные 101, 234
— куриатные 94, 101, 122, 233, 237, 240,
245, 257
— центуриатные 94
Компнталии 165, 220
Консорций 92, 148, 170, 179, 192
Консуалии 115
Кремации 10, 33—35, 75, 108, 186, 204
Кровная месть 124, 179
Кроманьонцы 72
Курноны 99, 101, 103, 104, 114, 235, 243,
246
Курия 17, 44, 90, 92—97, 99—106, 113,
114, 119, 123, 124, 129, 135, 151, 152,
154, 157, 165, 168, 169, 186, 188, 195, 201,
202, 207, 210, 211, 222, 229—231, 234—
237, 241, 243, 244, 246, 247, 257, 258
- Лангены-Витурии 139, 225—227
Ларенталии 164
Латинская лига 93, 108
Латины 6, 11, 13, 22, 35, 46—49, 51, 53,
54, 56—58, 61—63, 65—69, 71, 72, 75, 76,
84, 86, 87, 107, 109, 131, 132, 171, 181,
182, 253, 256, 258
Легион 131, 155
Лелеги 71
Лемурии 184
Либералии 184
Либерты — см. Вольноотпущенники
Лигии 49, 56, 57, 69—71, 73, 74
Лигуры 18, 49, 50, 65, 69, 70, 72, 84, 107,
108, 110, 112, 139, 140, 181, 209, 227,
255, 256
Ликторы 236, 245
Лимитация 194, 218, 221, 223, 228
Литюон 243
Лох 99, 113
Лохар 101
Луперкалии 62, 73, 136
- Манципация 208
Матралии 178
Матриархат 18, 19, 167
Ментовины 225—226
Микенская цивилизация, микенцы 45, 51,
78—83, 85, 86
Моргеты 51
- Народные собрания — см. Комиции
Неолит, культура, эпоха 19, 49, 75, 80, 84,
127, 183
Номен 141, 142, 149—151
Ноны 100
Нундины 187, 205, 213
- Община 11, 12, 19, 23, 30, 94, 118, 125—
129, 149, 151, 157, 168, 169, 75, 180, 181,
212, 215, 216, 220—226, 231—233, 240,

- 246, 254, 256
 — городская 25, 28
 — домовая 21, 125, 127, 128, 149, 170, 257—259
 — гражданская 12, 212, 219, 227, 228, 252
 — древневосточная 25, 28
 — кровнородственная 26, 30, 126, 128
 — патриархальная 158
 — родовая (гентильная) 19, 20, 25, 29, 30, 31, 126, 127, 175, 210, 213—215, 221, 229, 258
 — сельская (соседская) 23, 25—27, 125, 127, 129, 175, 207—210, 213—215, 220, 221, 229, 230, 260
 — семейная 21
 — территориальная 20, 23, 25—30, 207, 208, 210, 213, 258
- Одиаты 225, 226
 Октябрьского коня праздник 115, 116, 185
 Омбрики — см. Умбры
 Оски 21, 87, 108
- Паг 8, 30, 91, 103, 123, 124, 191, 204—206, 210, 211, 213, 227
 Паганали 204
 Палеолит, культура, эпоха 19, 127
 Паренталии 170
 Парилии 184, 185
 Патриархальная теория 11, 90, 120, 190, 209
 Патриции 6, 18, 20, 21, 47, 48, 102, 110, 130, 140, 142, 149—155, 159—161, 187—189, 192, 193, 195, 214, 216
 Патронат 110, 123, 152, 154—158, 160, 161, 190
 Патронимия 122, 147—149, 180
 Певкеты 57
 Пеласги 6, 46, 47, 52, 54, 56, 62, 63, 65, 67—70, 72—74, 82, 86, 107, 108, 111, 112, 255
 Пелаты 123, 154—157, 159, 160
 Пелигны 75
 Пелопоннесцы 56, 57
 Пенатов культ 22, 52, 77
 Пенесгия 155
 Первоначальнообщинный строй 19, 23, 28, 30, 238
 Пернойки 213
 Пертика 227, 228
 Плебеи, плебс 20, 47, 48, 110, 140, 149—159, 161, 187, 189—195, 198, 223, 234
 Племя 93, 94, 96, 98, 113, 122, 162, 193
 Полис 8, 11, 12, 14, 21, 23, 24, 26—31, 56, 101, 113, 128, 129, 210, 212, 227, 243, 255, 258, 260
 Померий 7, 206, 207
 Понтифики 60, 100, 139, 186, 216, 234, 246, 247, 249—251
 Посессий 219, 224
- Преномен 111, 137, 171
 Принципы 131, 268
 Простаты 153, 157
 Протовилланова 10, 15
 Протовететы 76
 Протоиталики 99
 Протолатины 76, 84, 98
 Протосабинны 93
- Рабовладение 18, 22
 Рабство 20, 22, 153, 162—164, 166, 176, 256, 260
 Рабы 20, 81, 152, 158, 162—167, 169
 Робигалии 184, 207
 Род 6, 19—21, 90, 94, 96, 99, 105, 113, 120—126, 128—130, 135—144, 148—151, 157, 162, 169, 171, 172, 175, 178, 180, 181, 188, 192, 194, 195, 201, 207, 211—213, 222, 229—231, 233—236, 238, 255, 257, 259
 Родовая аристократия, знать 20—22, 201, 259
 Родоплеменной строй 19—22, 28, 29, 97, 149, 202, 207, 208, 213, 249, 260
 Родовые поселки 207, 209, 211
 Рутулы 61, 63, 65, 70, 107, 108
- Сабеллы 22
 Сабинны 6, 10, 13, 17, 35, 41, 46—48, 53, 54, 71, 72, 82, 84, 101, 103, 112—115, 117, 123, 124, 130—132, 137—139, 153, 156, 159, 161, 171, 177, 181, 185, 194, 203, 208, 238, 249, 256, 258, 259
 Салли 88, 115, 116, 186, 242, 246, 247, 251—254, 256
 Самниты 49, 111, 158
 Сатурналии 21, 54, 163
 Семенины 184
 Семья 90, 91, 120, 123, 126, 128, 146—151, 157, 166—169, 171, 172, 175, 177—179, 182, 222, 234
 — большая, патриархальная 122, 128, 142, 148, 169—172, 175, 176, 178—180, 182, 190, 191, 211, 222, 238, 256
 — малая, индивидуальная 20, 48, 168—170, 172, 175, 180, 190, 191, 211, 238
 — отцовская 179, 180, 222, 256, 257
 Сенат 21, 130, 177, 214, 233, 237, 239, 240, 245, 246, 251, 260
 Сенаторы 93, 130, 156, 177, 237—239, 240, 246
 Сиканы 64, 65, 70, 84
 Сикелы 53, 56, 57, 64, 68, 70, 74, 84
 Сиккулы 18, 21, 46, 47, 49—51, 54, 63, 65, 68—70, 72, 74, 76, 78, 84, 107, 108, 111, 112, 181, 255, 256
 Синоикизм 8, 11, 13, 23, 27, 31, 44, 47, 92, 101, 104, 113, 116, 130, 135, 181, 193, 205, 206, 209, 218, 227, 231, 234, 237, 241, 249

Собственность частная 22, 196, 197, 200,
202—215, 218—221, 229, 258
Средиземноморцы 43, 52, 72, 91, 110
Терминалии 110, 184, 185, 190, 207, 217,
219
Террамары 10, 21, 48, 79
Тирания 40
Тиррены 6, 46, 47, 76, 86, 93
Тиуны 160
Триарии 131, 258
Трибуны 98
Трибы 20, 47, 90, 92, 98, 100—103, 105—
109, 113, 114, 118, 119, 124, 125, 129—
131, 134, 135, 151, 152, 154, 156, 169,
188, 195, 200, 202, 203, 215, 242, 243,
248, 257, 258
Троянцы 46, 54, 56—65, 68, 69, 74, 89, 240
Туарегн 153
Турма 94
Умбры 11, 14, 16
Фалиски 21, 51, 63
Фамилия 111, 123, 127, 128, 146, 167, 169—
172, 179, 192, 196, 212, 220, 238
Фасты 151, 174
Февруи 184
Фенеаты 56
Фералии 184
Феты 155
Фециалы 246—248
Фила 101, 103, 131, 201
Фламинны 114, 184, 246—249

Фордицидии 96, 101, 104, 185
Форнакалии 96, 101, 184
Фраккийцы 87, 88, 111
Фрако-иллирийцы 111, 255
Фратриархат 170, 172
Фратрия 94, 95, 99, 101, 103, 104, 199, 200,
204, 212, 215, 229, 233, 243
Фригийцы 58, 74, 111
Халколит, культура 19, 77
Харистии 170
Хоны 151
Царская власть 6, 40, 197—240, 241, 245,
246, 259
Царская земля 188, 243, 244, 246, 259, 260
Целеры 92, 114, 118, 160, 241, 242, 244—
246, 259
Центурия 17, 92, 97, 114, 242
Цереалии 185
Эквикулы 247
Эквирии 115, 116, 185
Эллины 6, 14, 56, 57, 64
Энеолит — см. Бронзовый век
Энотры 51, 85
Эпей 56, 82
Этруски 11, 12, 14, 18, 20—22, 46, 49, 52,
58, 62, 63, 76, 88, 89, 97, 105—113, 115,
117, 118, 127, 135, 137, 140, 153, 154,
181, 245, 252, 256
Япиги 87
Яподы 75, 87

**Указатель
латинских терминов**

- Actio familiae erciscundae 148, 169
Adfines, affines 213, 221
Affinitas 143, 221
Ager eifatus 206
— publicus 28, 29, 189, 190, 192, 213,
222—229, 231, 244, 258, 259
— Romanus 103, 133, 134, 151, 197, 199,
202, 211, 213, 215
— scriptuarius 191, 192, 224
Agnati 149
Agnatus proximus 147
Ancilla 163
Arma 118
Asylum 208, 209
Auguracula 207
Avunculus 146
- Bina ingera** 214, 215
Bustum 35
- Castellum** 21, 209
Civitas 11, 12, 21, 25, 56, 92, 102, 121, 122,
129, 155, 191, 197, 213, 221, 230, 240, 255,
260
Clipeus 117
Cognati 129, 180, 181
Cognatio 143, 144
Communalia 228
Compascua 224
Concilium 233
Confarreatio 175
Confines 213
Contio 233, 239
Consaguinei 146, 148
Consobrini 146
- Depontani** 165
Detestatio sacrorum 128, 236
Dominicia potestas 167
Dominium 197, 218, 223
Domus 168, 190, 211
- Equites** 242
Ercio non cito 148, 168, 169
- Familia** 21, 39, 90—92, 128, 129, 141, 147,
148, 150, 166, 167, 169—173, 176, 185, 191,
192, 200, 211
— communi iure 146, 147
Fratres patruales 146
- Genitor** 172, 238
Gens 11, 12, 19, 39, 55, 91, 92, 96, 105, 113,
120—123, 125, 127, 129, 130, 135, 140, 142,
144, 149, 150, 152, 157, 168, 169, 171, 172,
178—182, 190, 191, 207, 209, 234, 255—
257
Gentiles 121, 144, 146, 148—150, 180, 181,
191
Gentilitas 121, 144, 221

- Gentis enuptio 127, 235
Germani 146
- Heredium 168, 191, 192, 199, 214
Hortus 214
- Interregnum 238, 239
Interex 239
- Lex 235, 236; curiata de imperio 236, 245
Liberti 157, 162
- Mancipatio, mancipium 39
Mater familias 172
Montani 204
- Nexum 162
Nurus 173
- October equus 116
Oppidum 8, 11, 19, 21, 204, 207
- Pagani 204, 205
Pragus 11, 12, 190, 191, 204, 207, 210, 211
Parens 238
Pascuâ publica 223, 228
Pater familias 91, 141, 142, 146—148, 150, 151, 167—169, 171, 172, 176, 180, 192, 197, 222, 238, 256
Patratus 248
Patres 21, 155, 156, 159—161, 222, 237, 240
— auctores 238
Patria potestas 167, 175
Patruus 146
Pecunia 168, 185, 200; publica 244
Pelicis 176
- Pilumnoe poploe 253, 254
Pontifex maximus 250
Populus 18, 19, 155, 159, 160, 163, 188, 189, 204, 212, 214, 215, 223, 230, 233, 234, 240, 253
Prisci Latini 55
Propinqui 123, 124
- Regnum 92, 260
Rex 240, 241, 254
- Sacra 77, 249
Sacriavenses 116
Salii Collini 252
— Palatini 252
Senacula 237
Senatores 237, 238
Senatus 240
Servus 162
Sexagenarii 165
Sobrini 170
Suburanenses 116
Suus heres 147, 148, 168, 169
Suffragium 236
- Trinepos 143
Tritavus 143
Tela 118
- Urbs 11, 19, 21, 57, 92, 102, 109, 141, 207
Uterini 146
- Ver sacrum 55, 71, 82, 166, 208
Vernae 163, 253
Vicus 190, 191, 203, 206, 211
Viritim 216, 222, 236

Указатель
греческих терминов

ἀνδράποδον, τό 163
βουλευτής, ὁ 239
γεροῦδια, ἡ 237
γῆ, ἡ; κοινή, 229
δημοδία, τὰ 243
δημοτικός, ὁ 158
δούλος, ὁ 163
ἐταιρεία, ἡ, εταῖρος, ὁ, 154, 159, 160
κλήρος, ὁ 230, 244
νλίεντος, ὁ 156
κοινωνία, ἡ 176
κτῆδις, ἡ 217
—δημοδία, 229, 230
—ἰδία 217
—κοινή, 217
μοῖρα, ἡ 201
νόμος, ὁ 235
νομός, ὁ 210
οἰκείος, 124, 154
οἶκος 122
πάτρων, ο, πατρoneia, ἡ 156
πελάται 154
προδταδία, ἡ 156
προδτάτος, ο 156
δyγγενής, 123, 124
τοπαρχία, ἡ 210
ψίλοι, οἱ 154, 159
ψρατρία, ἡ 104
ψυλή, ἡ 201
χῶρα, ἡ 229; δημοδία 229

Оглавление	Предисловие	3
	Глава I	
	ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	5
	§ 1. Состояние изученности проблемы	5
	§ 2. Источники	31
	Глава II	
	ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО РИ- МА	46
	Глава III	
	ТРИБЫ И КУРИИ	90
	Глава IV	
	РОД И СЕМЬЯ	120
	§ 1. Род (gens)	120
	§ 2. Семья (familia)	166
	Глава V	
	РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА И АГРАРНЫЕ ОТ- НОШЕНИЯ	183
	Глава VI	
	УПРАВЛЕНИЕ РИМСКОЙ ОБЩИНОЙ	233
	Заключение	255
	Список сокращений	261
	Указатель предметов и этнических назва- ний	262
	Указатель латинских терминов	266
	Указатель греческих терминов	268

Ия
Леонидовна
Маяк

РИМ
ПЕРВЫХ
ЦАРЕЙ

(ГЕНЕЗИС
РИМСКОГО
ПОЛИСА)

Заведующая редакцией

Н. М. СИДОРОВА

Редактор

С. П. КОСТРИКОВ

Художник

Б. А. ВАЛИТ

Художественный редактор

Б. С. ВЕХТЕР

Технический редактор

З. С. КОНДРАШОВА

Корректоры

В. П. КАДАДИНСКАЯ
Т. С. МИЛЯКОВА

Темплан 1983 № 28
ИБ № 1529

Сдано в набор 15.07.82. Подпи-
сано к печати 25.01.83. Л1-95134.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага тни.
№ 1. Высокая печать. Гарнитура
литературная. Усл. печ. л. 19,89
Уч.-изд. л. 20,8. Зак. 473. Ти-
раж 28 000 экз. Цена 1 р. 70 к
Изд. № 2063.

Ордена «Знак Почета»
издательство
Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография
ордена «Знак Почета»
издательства МГУ.
Москва, Ленинские горы

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

в 1983 году

выпустит в свет книгу

Брагина Л. М.

**СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ИТАЛЬЯНСКИХ ГУМАНИСТОВ
(вторая половина XV в.)**

Объем 20 л., цена 1 р. 75 к.

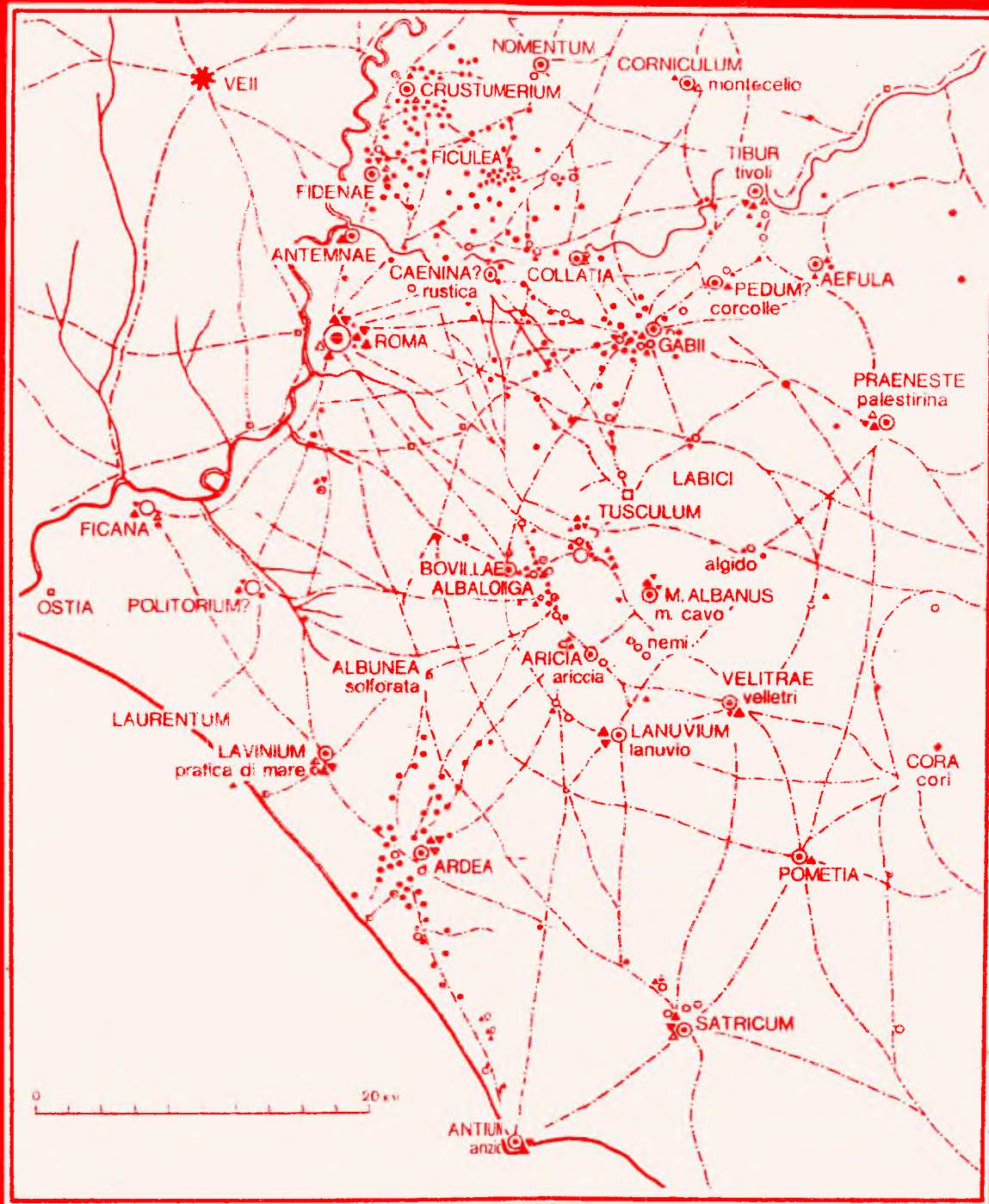
В монографии освещается этап расцвета гуманистической мысли ренессансной Италии, своеобразие сложившихся идейных течений, представленное творчеством крупнейших гуманистов—Альберти, Ландино, Пико делла Мирандола и др. Автор раскрывает их понимание проблем достоинства человека, его гражданского долга, роли труда, творческой активности и доблестных деяний в достижении земного счастья.

Многие сочинения гуманистов (философские трактаты, письма, речи) впервые изучены автором по рукописям и публикациям.

Для историков, литературоведов, философов, искусствоведов, а также читателей, интересующихся культурой Возрождения. Может быть полезна аспирантам и студентам старших курсов.

РИМ
ПЕРВЫХ
ЦАРЕЙ

КАРТА ЛАЦИЯ
VIII-VII ВВ. ДО Н. Э.

ВНЕШНИЙ ВИД ДРЕВНЕЙШИХ ЖИЛИЩ
НА ТЕРРИТОРИИ РИМА

Реконструкция Палатинской хижины

Погребальные урны в виде хижин

